Материалы международной научной конференции

Психология субкультуры: феноменология и современные тенденции развития.

г. Москва 2019

Конференция проводится при поддержке гранта РФФИ
№ 19-013-20140\19

ПСИХОЛОГИЯ СУБКУЛЬТУРЫ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.

Материалы международной научной конференции

МОСКВА, 2019

конференция проводится при поддержке гранта РФФИ № 19-013-20140\19

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ И СУБКУЛЬТУРЫ 7

Гришина Н.В. **ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА** 7

Сергиенко Е.А. **РОЛЬ МОДЕЛИ ПСИХИЧЕСКОГО В СОЦИАЛИЗАЦИИ** 13

Гусельцева М.С. **ИЗУЧЕНИЕ СУБКУЛЬТУРЫ И ИДЕНТИЧНОСТИ В СВЕТЕ МЕТОДОЛОГИИ ЛАТЕНТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ** 18

Белинская Е.П., Дубовская Е.М. **СЕТЕВАЯ СУБКУЛЬТУРА: НОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ И КОПИНГ-СТРАТЕГИИ** 24

Полева Н.С. **«ЗАКАТ» МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР** 30

Сапогова Е.Е. **АВТОБИОГРАФИЯ КАК СУБКУЛЬТУРНЫЙ, НАРРАТИВНЫЙ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН** 36

Фоломеева Т.В., Винокуров Ф.Н., Нагорнова В.В. **ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ИНДИКАТОР ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К СУБКУЛЬТУРЕ** 43

Хорошилов Д.А., Ильжер Е.А. **ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫМ МАРКЕРОМ ПРОТЕСТНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ?** 51

Прохоров А.О. **СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕНТАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ: КУЛЬТУРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ** 56

Петрушихина Е.Б. **ДУХОВНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ЛИДЕРСТВА** 61

ЧАСТЬ 2. ИДЕНТИЧНОСТЬ И СУБКУЛЬТУРА – ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ 67

Костромина С.Н., Гришина Н.В., Москвичева Н.Л., Зиновьева Е.В **ИДЕНТИФИКАЦИЯ С СУБКУЛЬТУРОЙ СВОЕГО ПОКОЛЕНИЯ И ПОКОЛЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР ВЫСТРАИВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО СЦЕНАРИЯ МОЛОДЫМИ ЛЮДЬМИ** 67

Крюкова Т.Л., Осьминина А.А. **ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСОБОЙ СУБКУЛЬТУРЫ ЖЕНЩИН СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА, ПОСТОЯННО ПРЕОБРАЗУЮЩИХ СВОЙ ВНЕШНИЙ ОБЛИК** 73

Сапоровская М.В. **«ПЕРЕСЕКАЮЩАЯСЯ» ПОКОЛЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СЕМЬЕ КАК СУБКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН** 81

Шнейдер Л.Б. **ГОРОДСКАЯ СУБКУЛЬТУРА, УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ФАМИЛИЗМ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЬИ** 86

Фоломеева Т.В., Федотова С.В. **СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ СУБКУЛЬТУРЕ В СТРУКТУРЕ ОБРАЗА НЕЗНАКОМОГО ЧЕЛОВЕКА** 96

Кобзева О.В. **СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОДРОСТКОВ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА** 103

Иванова И.В. **СУБКУЛЬТУРА КАК ФОРМА ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА** 107

Фоломеева Т.В., Климочкина Е.Н. **ОСОБЕННОСТИ МЕТАКОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ И ВОСПРИЯТИЕ МОДНЫХ ТРЕНДОВ У МОЛОДЕЖИ** 114

О. Митина, М. Мирсаидов **ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА ТАНЦОВЩИКА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ТАНЦЕВАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ (*нет еще одной буквы в инициалах*)** 122

Аянян А.Н. **ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ И ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ И СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ** 129

Горлова Е.Л. **КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ** 134

Орестова В.Р., Ткаченко Д.П., Карпук В.А. **ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННЫХ СУБКУЛЬТУР** 141

Юрченко Н.И. **ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ТИНЕЙДЖЕРОВ В СОВРЕМЕННОЙ СЕТИ INSTAGRAM** 148

ЧАСТЬ 3. ДЕТСКИЕ И ПОДРОСТКОВЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ 154

Головей Л.А., Данилова М.В., Ануфриюк К.Ю. **НАПРАВЛЕННОСТЬ НА САМОРАЗВИТИЕ В СВЯЗИ С ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫМ БЛАГОПОЛУЧИЕМ В ПОДРОСТКОВО-ЮНОШЕСКОМ ОБРАЗЕ** 154

Посохова С.Т., Изотова М.Х. **ПОДРОСТКИ В ПОИСКАХ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОМФОРТА** 161

Малышева Н.Г., Шаехов З.Д., Тихомандрицкая О.А. **ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ЦЕННОСТЕЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ СУБКУЛЬТУРАХ** 166

Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н., Кирсанов К.А. **ОСОБЕННОСТИ МОРАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПОДРОСТКОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ КОГНИТИВНОЙ ПЕРЕРАБОТКИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ** 173

Акимова М.К., Персиянцева С.В. **ВЛИЯНИЕ ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СПЕЦИФИКУ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ ДВУХ СУБКУЛЬТУР, РАЗЛИЧАЮЩИХСЯ РЕГИОНОМ ПРОЖИВАНИЯ** 179

Гавриченко О.В. **СЮЖЕТНО-РОЛЕВАЯ ИГРА В СУБКУЛЬТУРЕ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА** 185

Хузеева Г.Р. **ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ ИЗ РАЗНЫХ МЕСТ ПРОЖИВАНИЯ** 190

Гребенникова О.В. **ПОДРОСТКОВАЯ СУБКУЛЬТУРА: ГЕЙМЕРЫ И ПРОБЛЕМА ИХ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ** 195

Екимчик О.А. **«ФАББИНГ» В СУБКУЛЬТУРЕ ПОДРОСТКОВ** 200

Скрипкина Т.П. **ОСОБЕННОСТИ ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЮНОШЕСКОЙ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ** 206

Голубева Н.А. **ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ** 212

Мотков О.И. **ИЗУЧЕНИЕ ГАРМОНИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ МОЛОДЫХ ТУРИСТОВ-КРАЕВЕДОВ** 218

Воробьева К.А. **СЦЕНЫ НАСИЛИЯ В СМИ И ПОДРОСТКОВАЯ СУБКУЛЬТУРА** 225

Ховрина Г.Б. **ИНТЕРЕСЫ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ** 230

Разина Н.В., Даньшина Д.С. **ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ИНТЕРЕСОВ СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКА (НА ПРИМЕРЕ ПОДРОСТКОВ-СПОРТСМЕНОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ РАЗНЫМИ ВИДАМИ СПОРТА)** 234

ЧАСТЬ 4. КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ СУБКУЛЬТУРЫ **240**

Емелин В.А., Тхостов А.Ш. **СУБКУЛЬТУРНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ДЕСТРУКЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ** 240

Балашова Е.Ю. **ПРОБЛЕМА ПСИХИЧЕСКОЙ НОРМЫ И ПАТОЛОГИИ В КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: НЕКОТОРЫЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ** 246

Жуйкова Е.Б., Печникова Л.С., Рыжов А.Л. **СИСТЕМНЫЕ (СОЦИАЛЬНЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ) ФАКТОРЫ В ПСИХОТЕРАПИИ ДЕВОЧЕК-ПОДРОСТКОВ, СТРАДАЮЩИХ НЕРВНОЙ АНОРЕКСИЕЙ** 252

Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. **СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ДЕТСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ** 259

Олешкевич В.И. **ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД В ПРИКЛАДНОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ** 266

Каган А.С. **САМОУБИЙСТВО – БИЧ СОВРЕМЕННОЙ СУБКУЛЬТУРЫ** 271

Мазурова Н.В. **ОСОБЕННОСТИ РЕАКЦИЙ РОДИТЕЛЕЙ НА ЗАБОЛЕВАНИЕ РЕБЕНКА** 276

Шевеленкова Т.Д. **БОЛЬНИЧНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ ПАЦИЕНТОВ, СТРАДАЮЩИХ ПАРАНОИДНОЙ ШИЗОФРЕНИЕЙ** 280

Максименко М.Ю., Шаль Л.Г. **ФОРМИРОВАНИЕ КАРТИНЫ МИРА У ШКОЛЬНИКОВ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА** 287

Нестерова А.В. **КУЛЬТУРА СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ЛЮДЕЙ С ТЯЖЕЛЫМИ СОМАТИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ** 293

Борзова М. В. **СУБКУЛЬТУРА И/ИЛИ ПЕРВЕРСИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ КАБИНЕТА ПСИХОАНАЛИТИКА**.....297

Коновалова А.В. **РАЗЛИЧИЯ АГРЕССИВНОСТИ, РЕФЛЕКСИИ И РАННИХ ДЕЗАДАПТИВНЫХ КОГНИТИВНЫХ СХЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ ДВИЖЕНИЯ РАДИКАЛЬНЫХ И НЕРАДИКАЛЬНЫХ ФЕМИНИСТОК**.....303

Зуфман А.И. **ПАЦИЕНТСКИЕ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА КАК ОСОБАЯ ФОРМА СУБКУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ**.....309

Лемешко К.А. **СУБКУЛЬТУРА ГИПЕРОПЕКИ И ЕЁ ПОТОМСТВО**.....314

Михайлова Н.Ф., Фаттахова М.Э., Миронова М.А., Вячеславова Е.В **ВЛИЯНИЕ АККУЛЬТУРАЦИИ НА ПСИХИЧЕСКУЮ АДАПТАЦИЮ ГЛУХИХ И СЛАБОСЛЫШАЩИХ СТУДЕНТОВ**.....321

Гизатулина Г.М., Мурзина Ю.С. **ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО ВРАЧА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПАЦИЕНТОВ: ЭМПИРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ПАЦИЕНТОВ**.....329

ЧАСТЬ 5. ИЗМЕНЕНИЕ КОНТЕКСТА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....337

Улановская И.М. РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ.....337

Высоцкая Е.В., Янишевская М.А., Лобанова А.Д., Хребтова С.Б., Рехтман И.В. **ДРЕВНИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОПЕДЕВТИКЕ ШКОЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ЦИКЛА**.....342

Кузьмичева Т.В. **ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАКТИКИ СОВМЕСТНОГО ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ И ПСИХОЛОГОВ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**.....348

Толмачева В.В. **ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ И САМОРАЗВИТИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ В МАГИСТРАТУРЕ**.....353

Зак А.З. **ФОРМИРОВАНИЕ РЕФЛЕКСИИ И РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ**.....363

Петухова И.А. **ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБКУЛЬТУР**.....369

Тихомирова И.В. **ОЦЕНОЧНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ И БАЗОВЫЕ УСТАНОВКИ ЛИЧНОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ**.....375

Соболева М.О. **СУБКУЛЬТУРА И КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**.....378

Шабельников В.К., Резванцева М.О., Токарева И.Н., Григорьева С.И., Баурина А.Б. **СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОЦЕНИВАНИЯ, СУБЪЕКТНОСТИ И МОТИВАЦИИ УЧЕНИЯ У СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ**.....384

Кригер Е.Э. **СИСТЕМНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГИБКИХ НАВЫКОВ**.....393

Мишина М.М. **ПЕРСПЕКТИВЫ ПОДГОТОВКИ И ПЕРЕПОДГОТОВКИ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**.....399

Булгаков А.В. **БАЛАНС ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СУБКУЛЬТУР КАК ФАКТОР ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ** 406

Резванцева М.О. **ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОЦЕНИВАНИЕ СВЕРСТНИКОВ И КАРТИН ПОДРОСТКАМИ АЛМА-АТЫ И МОСКВЫ** 413

Бахадова Е.В. **ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ С КЛИПОВЫМ МЫШЛЕНИЕМ** 419

Арсеев И.И. **ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА** 427

ЧАСТЬ 6. НАУЧНОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО **432**

Колда А.А. **СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ И АКТЕРОВ** 432

Антонов Д.Д., Кузьмина К.А. **ОСОБЕННОСТИ ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СООБЩЕСТВА НАСТОЛЬНЫХ ВАРГЕЙМОВ** 438

Преображенская С.В. **СПЕЦИФИКА КОГНИТИВНОГО РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ** 443

Колпакова А.Е. **ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СЕМЕЙНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОДРОСТОК** 448

Иванов М.А., Ткаченко Д.П. **ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ, ПРЕДПОЧИТАЮЩИХ АВТОМОБИЛИ НЕМЕЦКОГО СЕГМЕНТА** 454

Аристангалиева М.С., Кольца В.В., Ткаченко Д.П. **ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА ДОШКОЛЬНИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ** 459

ЧАСТЬ 1. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ И СУБКУЛЬТУРЫ

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА[1]

Гришина Н.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Ключевые слова: транзитивное общество, экзистенциальный подход, установка на изменения/неизменность, упрощение реальности, стереотипы обыденного сознания

Аннотация: Изменчивость окружающего мира как основная характеристика транзитивности – это вызов способности человека воспринимать подобные вызовы как необходимость собственных изменений. В современной литературе изменчивость рассматривается в качестве условия сохранения устойчивости личности. Установка человека на изменения или сохранение неизменности связана с его установкой на принятие сложности мира или на построение его упрощенной картины. Индикатором склонности человека к упрощению реальности мы рассматривали его приверженность стереотипам обыденного сознания. Результаты проведенного исследования показали, что приверженность стереотипам, отражающим стремление человека к неизменности и поиску стабильности, выше, чем выраженность традиционных представлений в общих вопросах человеческих отношений и жизни. Именно в области необходимости изменений собственной жизни и себя обнаруживается наименьшая гибкость установок. Выявлены гендерные различия в содержании принимаемых стереотипов, влияние возрастного фактора, а также заметное воздействие на приверженность стереотипам, которое оказывают особенности культуры города.

Описание вызовов окружающего мира является самой обсуждаемой темой в современной гуманитарной литературе. В психологии эти вызовы трактуются как необходимость человека справляться с неопределенностью и нарастающей сложностью

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта № 18-013-00703 («Потенциал самоизменений как фактор существования человека в изменяющемся мире»).

окружающего мира, с неизбежностью изменений и одновременным сохранением собственной идентичности, что , в свою очередь, интегрируется в понятии транзитивности как основной проблемы современного общества, его основного вызова (Марцинковская, 2015). Анализ предлагаемых в психологической литературе описаний вызовов изменяющейся реальности обнаруживает их сходство с представлениями экзистенциальной психологии о конфронтации человека с данностями бытия.

В фокусе экзистенциально-психологического подхода – конфронтация человека с данностями бытия, лежащая в основе динамик взаимодействия человека с окружающим миром. Под конфронтацией понимается «то неизбежное обстоятельство», которое приносит с собой каждая из данностей бытия и с которыми «каждый из нас должен что-то делать». Так, одной из данностей бытия является укорененность человека в мире, и, поскольку мир находится в постоянном изменении, это становится вызовом к необходимости наших собственных изменений; конечность жизни человека становится для него вызовом неопределенности и т.д. (Бьюдженталь, 2001). Экзистенциальный подход предполагает описание поведения человека в контексте вызовов изменений, неопределенности, свободы выбора, ответственности, меры включенности в мир отношений людей (Гришина, 2018). Это те самые вызовы, в которых описываются особенности современной реальности, что позволяет утверждать, что экзистенциальное видение мира наиболее релевантно, созвучно современности..

Основными характеристиками транзитивности являются постоянная изменчивость окружающего мира и его неопределенность, а также множественность контекстов (Асмолов, 2015).

В развиваемых нами представлениях о процессуальной, динамичной природе личности принцип контекста занимает важное место: человек всегда существует в мире («бытие-в-мире»), и его активность есть результат его взаимодействия с миром. В изучении контекстов соединяются интересы разных дисциплин психологии, объединяющей позицией для которых является признание многомерности современной реальности, допускающей разнообразие форм взаимодействия человека с окружающим миром. Это создает необходимость для психологии поиска языков описания разных типов реальностей; так, В.В. Знаков отмечает, что каждый из видов реальности описывается через свои способы, формы и типы понимания, что предполагает развитие разных исследовательских подходов (Знаков, 2016).

В рамках развиваемого нами подхода к психологии личности мы различаем ситуационный контекст – уровень непосредственной среды существования, актуальной ситуации, существования личности «здесь-и-сейчас»; уровень жизненного контекста –

мир повседневной жизни человека; бытийный уровень, отражающий существование человека в экзистенциальных данностях.

Изменения современной реальности наиболее явным образом обнаруживают себя в мире повседневности. На ситуационном уровне поведение человека в наибольшей степени определяется устойчивыми характеристиками и чертами личности, сложившимися паттернами поведения, устоявшимися формами реагирования на привычные обстоятельства. Бытийный уровень связан с экзистенциальными универсалиями существования человека, которые не могут считаться абсолютно свободными от повседневных реалий, но лишь опосредовано подвержены их влиянию – через возникающие пограничные ситуации, создающие возможность «пробуждения к экзистенции» (Ясперс), и жизненный стиль человека, являющийся одним из базовых оснований, на котором складывается экзистенциальная матрица взаимодействия человека с реальностью.

Мир повседневности – это именно то пространство, в котором ощущается наибольший динамизм современной жизни и где формируется жизненный стиль человека. Жизненный стиль человека интегрирует способность человека к изменениям и к сохранению устойчивости. Изменчивость и стабильность, рассматриваемые классической психологией скорее как оппозиционные, в современном понимании выступают как взаимосвязанные, а сами перемены становятся условием сохранения устойчивости (Талеб, 2014).

Изменения и самоизменения человека имеют процессуальный характер – от осознания и принятия вызовов изменений окружающего мира, от осознания необходимости собственных изменений и принятия этой необходимости до готовности изменяться.

В свое время внимание ученых привлекла работа Лиотара о нарастающих между людьми различиях по отношению к вызовам сложности окружающего мира: одни люди готовы принимать сложности этого мира, другие склонны к упрощению реальности.

Установка человека на принятие сложности мира или на построение его упрощенной картины – это или установка на изменения, связанные с усложняющейся реальностью, или на сохранение неизменности.

В своих исследованиях в качестве индикатора склонности человека к построению упрощенной картины мира мы рассматривали его приверженность стереотипам обыденного сознания. Предложенный нами опросник состоял из 22 суждений, половина из них отражала склонность человека к поиску стабильности, опор, устойчивости, а вторая половина относилась к традиционным представлениям в области человеческих

отношений и жизни людей. В исследовании принимали участие жители мегаполисов (Москвы и Петербурга), крупных городов (Сыктывкар, Пермь) и города, более отдаленного от центра (Йошкар-Ола) (всего 488 человек).

По всем этим трем группам (а также отдельно по группам мужчин и женщин и возрастным группам) получены данные, свидетельствующие о том, что приверженность стереотипам, отражающим стремление человека к неизменности, постоянству и поиску стабильности, выше, чем выраженность традиционных представлений в общих вопросах человеческих отношений и жизни. При этом стремление к поиску стабильности и постоянства больше всего связывается респондентами с областью семейных и дружеских отношений. Именно в сфере представлений о необходимости стабильности обнаруживается наименьшая когнитивная гибкость.

В проведенном исследовании также изучалось влияние на степень приверженности людей традиционным представлениям и стереотипам следующих факторов:

(1) Место жительство (размеры города и близость к центру). Наименьшие показатели приверженности стереотипам демонстрируют жители мегаполисов, далее наблюдается устойчивая тенденция к росту этих показателей у жителей крупных городов регионального значения и еще более - у жителей города, наиболее удаленного от центра.

(2) Гендерный фактор. Различий между мужчинами и женщинами в степени приверженности стереотипам не обнаружено. Однако выявлены различия в том, какие именно стереотипы присущи мужчинам и женщинам. Так, мужчины в большей степени, чем женщины, склонны придерживаться традиционных стереотипов, касающихся распределения ролей в семье (женщина по возможности должна быть готова посвятить себя семье и детям, а мужчина должен быть главой семьи, приносящим доход) и стабильности в дружеских отношениях. Женщины склонны в большей степени опираться на стереотипы, связанные с поиском опоры в надежных близких отношениях (дом человека – это его крепость, а счастье – это когда человека понимают). Эти различия не присутствуют у респондентов мегаполисов, культура которых стирает традиционные гендерные различия.

(3) Возрастной фактор. По ряду стереотипов степень их принятия существенно выше у лиц старшего возраста, однако содержание этих стереотипов различается у жителей разных городов. У жителей мегаполисов более выражена приверженность стереотипам, связанным с разделением ролей мужчины и женщины в браке, и со стабильностью в сфере дружеского общения. Лишь один стереотип («Профессия выбирается раз и навсегда») относится к профессиональной сфере. В группе жителей других городов на уровне суждений с возрастом отчетливо проявляется тенденция к

поиску стабильности и постоянства в профессиональной деятельности – работать на одном месте, иметь постоянную работу и профессию. По результатам нашего исследования, чем моложе человек, тем чаще он испытывает чувство, что надо что-то менять в своей жизни, в себе и своих привычках, и тем больше позитивных чувств и уверенности он проявляет в начале процесса изменений. С возрастом снижается мотивация на изменения в собственной жизни и себе, увеличивается число высказываний, указывающих на обстоятельства, препятствующие изменениям, и принятие невозможности собственных изменений, а также ослабление связанных с этим негативных переживаний.

Безусловно, общие тенденции, выявленные нами в исследовании на основании социально-демографических факторов, не исключают индивидуальных вариаций.

Один из фрагментов нашего исследования был посвящен изучению прототипа изменяющейся личности. Какой он – человек, готовый к изменениям, - в обыденных представлениях? Первые же результаты показали, что на уровне обыденного сознания изменения не дифференцируются от активности: изменяющаяся личность описывалась в характеристиках активности. Личностные характеристики, использованные в описании изменяющейся личности, позволяют рассматривать ее как зрелую, социально компетентную, независимую и эмоционально стабильную личность. Полученные данные дают основания предположить, что принципиальное значение в характеристиках изменяющейся личности имеет открытость опыту.

Это совпадает с результатами широкомасштабного социологического исследования, в котором изучались возможности перехода людей от традиционного типа культур к современному типу личности. Современный тип личности – это не отдельная черта, но синдром или комплекс качеств. При их перечислении на первое место авторы ставят именно открытость новому опыту (наряду с готовностью к социальным изменениям, новым идеям, проявлением активности в поиске информации и др.). Результаты приведенного исследования позволили его авторам утверждать, что на любой стадии жизни, особенно в периоды ранней и средней взрослости, возможны личностные изменения, даже в фундаментальных ценностях, и эти изменения настолько глубоки, что они могут рассматриваться как трансформации личности. Люди становятся современными, отмечают авторы, через переживаемый ими новый опыт (Inkeles, Smith, 1974).

Интегрируя новый опыт в свой жизненный опыт, человек изменяет собственные способы взаимодействия с окружающим миром. Время всегда ставило человека перед необходимостью соотнесения себя с новыми реалиями. Наши предшественники

рассматривали это как задачу адаптации, Фромм в свое время писал об ощущении человеком бытия как проблемы, требующей решения, и называл это онтологическим вызовом. Вызовы транзитивного общества – это не просто вызовы к нашей способности быть, но быть в современном мире в созвучии с ним. Это задача с экзистенциальными вызовами, на принятие экзистенциального миропонимания.

Литература

Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. 8(40). 1.

Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. СПб.: Питер, 2001.

Гришина Н.В. Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 10- 20.

Знаков В.В. Психология понимания мира человека. М.: Институт психологии РАН, 2016.

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. 8(42). 1.

Талеб Н. Антихрупкость: как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2014.

Inkeles A., Smith D. Becoming Modern. Individual Change in Six Developing Countries. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. 1974.

EXISTENTIAL CHALLENGES OF TRANSITIVE SOCIETY

Grishina N.V.

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Keywords: transitive society, the existential approach, the attitude of the variability/immutability, simplifying reality, stereotypes of ordinary consciousness

Abstract: A variability of the surrounding world as the main characteristic of transitivity is a call to an ability of a person to accept these challenges as the need for own changes. In modern literature the variability is considered as a condition for maintaining a stability of a person. The person's intent to change or to preserve a consistency is connected with a person's attitude to accept the world's difficulty or to construct its simplified picture. As an indicator of a human tendency to simplify reality we consider his/her commitment to stereotypes of everyday consciousness. The results of the study show that commitment to stereotypes reflecting a human desire for consistency and for a search for stability is higher than an expression of traditional ideas concerning general issues of human relations and life. It is in the area of the need to change

themselves and their own lives that the least flexibility attitudes is found. Gender differences and an influence of an age were found in the content of accepted stereotypes, as well as the cultural features of the city have a significant impact on the adherence to stereotypes.

РОЛЬ МОДЕЛИ ПСИХИЧЕСКОГО В СОЦИАЛИЗАЦИИ[2]

Сергиенко Е.А.

ФГБУН Институт психологии РАН, Москва

Ключевые слова: социализация, дошкольники, субъектная социализации, модель психического

Аннотация: Обсуждаются различные подходы к процессу социализации: субъект-объектные и субъект – субъектные. Показано, что когнитивный подход, предполагая существование внутренних когнитивных структур, субъективирует процесс социализации. Модель психического как способность понимать психические состояния свои и других людей расссматривается как когнитивный механизм социализации. На примере понимания детьми-дошкольниками 3-4 и 5-6 лет социальных воздействий (понимания детьми рекламы: коммерческой и социальной) и понимания социальных взаимодействий (с близким, чужим и сверстником на примере нарративов) показана роль уровневого развития модели психического (уровня агента и наивного субъекта) для возможности понимания социальных воздействий. Обнаружено опережение в развитие понимания социальных взаимодействий по сравнению с социальными воздействиями. Отмечается значительное расширение возможностей понимания коммерческой и социальной рекламы у детей 5-6 лет на уровне наивного субъекта. Следовательно, социальные воздействия необходимые при процессе социализации преломляются индивидуально-психологическими внутренними возможностями детей.

Понятие социализации широко используется в разных науках о человеке при отличных акцентах в изучении данного процесса. Психология развития фокусируется на генезисе процесса социализации, его механизмах в разные возрастные периоды, на взаимодействии биологических и социальных факторов и их роли в становлении социальной личности и ее изменениях. Этнология концентрируется на сравнительном анализе процессов социализации в разных обществах и культурах, выделяя

[2] Работа поддержана РФФИ, грант № 17-06-00069

универсальные и вариативные, культурозависимые переменные социализации человека. Проблема социализации носит очевидный междисциплинарный характер, который необходимо учитывать при любом ее изучении. Здесь уместно привести, вслед за А.В. Мудриком, высказывание В.И. Вернадского: «Мы все больше специализируемся не по наукам, а по проблемам. Это позволяет, с одной стороны, чрезвычайно углубляться в изучаемое явление, с другой – расширить охват его со всех точек зрения» (Мудрик, 2010, с.12). Данное высказывание остается остро современным и отвечает задачам наук о человеке.

Под процессом социализации понимается подготовка человека к социальной жизни, «врастание» в социальную жизнь, социальное пространство, культуру. А.В. Мудрик дает следующее определение: «Процесс развития человека во взаимодействии с окружающим его миром, процесс вхождения индивида в общество получил название «социализация» (Мудрик, 2010, с.10).

Многочисленные концепции социализации можно разделить по соотношению роли социума и человека в нем. При условности и огрубленности такого деления А.В. Мудрик (там же) вычленяет два основных подхода: субъектно-объектный (общество - субъект воздействия, а человек – объект) и субъектно-субъектный подход (общество и человек – субъекты взаимодействия). Так к с*убъект-объектному подходу* можно отнести значительное число научных школ и концепций (психоанализ, бихевиоризм, французская социологическая школа, культурно-историческая теория развития психики). С субъектно-субъектном подходом соотносятся теория интеракционизма (Ч.Кули и Дж.Мида), когнитивные теории Ж.Пиаже, Л. Колберга, У. Найссера.,отечественные авторы разных направлений: В.М. Бехтерев, В.В. Зеньковской, Б.Д. Парыгин, А.В. Петровский, Г.М. Андреева, А.В. Мудрик, Т.Д. Марцинковская и др.

В когнитивных концепциях понимание социальных норм и отношений опосредуется когнитивным развитием, т.е. внутренними структурами. Моральное развитие в концепциях Ж.Пиаже и Л. Колберга развивается на основе перехода от дологического детского мышления к рациональному логическому мышлению: от простейших понятий о правилах, справедливости к правилам общности правил и ответственности для всех. У.Найссер указывает на существование базовых врожденных видов Я - конструктов, которые изначально субъективизируют процесс социализации (социального взаимодействия) (Neisser, 1988). Преломление через развивающие конструкты Я позволяет представить процесс социализации не как противостояние индивидуализации, а как непрерывное соотношение внутренних «фильтров» и внешних социальных воздействий.

В работах Т.Д. Марцинковской и ее сотрудников в рамках историко-генетического подхода развивается подход о динамическом соотношении процессов социализации и индивидуации. При этом подчеркивается необходимость динамического равновесия между процессами социализации и индивидуации, раскрываемое «как равновесие между индивидуально-психологическими (внутренними) и социально-психологическими (внешними) границами» (Марцинковская, 2010, с.271). Приведенное представление о социализации, связанное с индивидуальностью человека и ею обусловленное, тесно переплетается с нашими представлениями о субъектном развитии ребенка, при котором социальные воздействия, влияния опосредованы уровнем его внутреннего развития как субъекта социального взаимодействия. Кроме того, принцип С.Л. Рубинштейна «внешнее через внутреннее» применим как раз к такому решению проблемы социализации – индивидуации.

Мы полагаем, что именно *модель психического является психологическим механизмом социализации ребенка и отражает его переход от базовых уровней развития индивидуальности к уровню агента социальных взаимодействий и, наконец, субъекта социальной жизни.* Внутренней ментальной структурой, интенсивно развивающейся в дошкольном возрасте и определяющей процесс социализации, является модель психического: понимание собственных психических состояний и Другого. Процесс этот начинается с самого рождения, с выделения человека как центральной фигуры окружающего мира, адресации именно человеку своих потребностей, обмен с ним первичными коммуникациями (псевдодиалоги). Далее происходит обмен общими психическими состояниями, вниманием, эмоциями, затем действия ребенка становятся организованными как действия агента, носителя психического, коммуницирующего с такими же агентами, усваиваются простейшие правила социального взаимодействия и роли и, наконец, происходит становление способности сопоставлять свой внутренний мир и мир других людей, что создает не только возможность понимания Других и Себя, но и иной уровень организации поведения, действий, ожиданий и прогнозирования их последствий (Сергиенко и др., 2009).

Что дают нам исследования в парадигме «Модель психического» для понимания процесса становления субъекта в его овладении социальным миром?

Изучение становления понимания своего психического и психического других людей позволяет вскрыть внутренние основания социальных взаимодействий, не ограничиваясь общими представлениями о возможностях социализации детей.

Так, маленькие дети 3 лет не разделяют свое психическое и психическое других людей при обмане и не используют средства для обмана. В этом случае при

взаимодействии с Другими они скорее выступают не как социальные субъекты, а как агенты, что ограничивает возможности передачи социальных норм и правил детям данного возраста. Существенные изменения в уровне развития модели психического происходят в 5-, особенно, 6-летнем возрасте. Появляется способность распознавать обман в разных его формах и самим обманывать Других, что позволяет детям на новом уровне анализировать человеческие контакты и их значение (Сергиенко и др., 2009). Только после этого дети могут понять запрет на обман, моральную сторону собственного обмана и обмана со стороны других людей, возможность манипуляций их мнениями, убеждениями, желаниями. Как когнитивный феномен появление способности к обману указывает, прежде всего, на внутренний рост ребенка, его способность понимать социальное окружение.

В нашем исследовании изучалось воздействие телевизионной рекламы на детей 4-6 лет и понимание ими социальных взаимодействий при анализе развития модели психического. Результаты продемонстрировали принципиальные различия в понимании социальных воздействий (телевизионной рекламы) у детей 3-4 и 5-6 лет, которые характеризовались и разным уровнем развития модели психического (Сергиенко и др., 2013).

Маленькие дети ограничены в понимании рекламы, что связано не с пониманием специфики рекламных сообщений, а с когнитивными ограничениями понимания разных аспектов манипуляции мнением. Таким образом, причиной принципиальных различий в понимании рекламы детьми в возрасте 3-4 и 5-6 лет являются уровни развития модели психического. Понимание рекламы у детей 3–4-летнего возраста ограничивается недифференцированным, ситуативно-зависимым пониманием сюжета, чувств и желаний персонажей, недифференцированной оценкой их поведения – на уровне агента. В 5–6-летнем возрасте возможности детей в понимании рекламы существенно возрастают, как возрастает и их способность понимать и сравнивать модели психического собственные и Другого - на уровне наивного субъекта. Понимание рекламы является более трудным процессом, чем понимание психического Другого, так как требует следующего шага в сознании, а именно, что реклама представляет собой продукт психической деятельности, сознания. Сюжеты социальной рекламы становятся понятными детям только в возрасте 5-6 лет, поскольку предполагают возможность сравнения различных ментальных моделей, ситуативно не представленных в воспринимаемом сюжете. Понимание коммерческой рекламы в данном возрасте также существенно отличается от младших детей, является более полным и верным.

Важным является опережающее понимание социальных взаимодействий (на

примере нарративов, которые отражали различные социальные взаимодействия детей (взаимодействие ребенка с ребенком, ребенка с родителем и ребенка с чужим взрослым), нежели воздействий (рекламы). Эти данные мы расцениваем как серьезный аргумент, в пользу предположения о том, что модель психического является внутренним ментальным механизмом социальных взаимодействий и воздействий.

Литература

Марцинковская Т.Д. Теоретико-эмпирические исследования соотношения процессов социализации и индивидуализации // Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии. М.; Обнинск: ИГ - СЩЦИН 2010. С. 264-280.

Мудрик А.В. Социализация человека: учеб. Пособие /А.В.Мудрик, 3-е изд., испр. и доп. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010.

Пиаже Ж. Теория Пиаже. История зарубежной психологии. Тексты. М.: 1986.

Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Сергиенко Е.А., Таланова Н.Н., Лебедева Е.И. Телевизионная реклама и дети. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Neisser U. Five kind of self-knowledge // Philosophical Psychology. 1988. V.1. № 1. P. 35-59.

THE ROLE OF THEORY OF MIND IN SOCIALIZATION

Sergienko E.A.

Keywords: socialization, preschool children, subjective socialization, Theory of Mind

Absract: Various approaches to the process of socialization are discussed: subject-object and subject-subject. It is shown that the cognitive approach, assuming the existence of internal cognitive structures, subjectivizes the process of socialization. Theory of Mind as the ability to understand one’s mental states and other people is considered as a cognitive mechanism of socialization. Using the example of understanding of social impacts by children of preschool children of 3-4 and 5-6 years old (children's understanding of advertising: commercial and social) and understanding of social interactions (with mother, a stranger and a peer by the example of narratives), are demonstrated the role of Theory of Mind (agent and naive subject levels) for the possibility of social influences. An advance in the development of an understanding of social interactions compared to social impacts has been found. There has been a significant expansion in the understanding of commercial and social advertising in children 5-6 years old at the level of a naive subject. Consequently, social impacts necessary during the

process of socialization are refracted by the individual psychological inner possibilities of children.

ИЗУЧЕНИЕ СУБКУЛЬТУРЫ И ИДЕНТИЧНОСТИ В СВЕТЕ МЕТОДОЛОГИИ ЛАТЕНТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Гусельцева М.С.

ФГБНУ «Психологический институт РАО», Москва

Ключевые слова: методология, идентичность, культура, субкультура, латентные изменения, трансдисциплинарность

Аннотация: Понятие субкультуры изначально было связано с представлениями об имплицитной дифференциации культуры и неоднородности общества и тем самым отражало тенденции усложнения, индивидуализации, разнообразия образов жизни человека. На протяжении XX в. фокус анализа смещался от теорий культуры к субкультурам; от феноменологии субкультур к изучению неформальных движений, «городских племен», малых культуральных традиций, трансформации ценностей, что вывело на передний план анализа изучение мобильной и множественной идентичности с учетом текучести и транзитивности социокультурной среды. В наши дни «субкультура» критикуется как аналитический конструкт и как исчезающая реальность в связи с распространением глобализации, смешением традиций, ценностей и разных стилей жизни, а изучение идентичности все чаще происходит в рамках трансдисциплинарных и полипарадигмальных подходов. Новый взгляд на культурно-психологические трансформации современности развивает методология латентных изменений, фокусирующаяся на лабильности, антиномичности и неоднозначности феноменов субкультуры и идентичности.

Культура и субкультура

Представление о субкультуре сформировалось к середине XX в. в результате осознания неоднородности культуры, ее имплицитного разнообразия. В это же время происходила дифференциация «культурного» и «социального» в изучении человеческого бытия. К началу XXI в. культура выступила значимым фактором в психологических, экономических, политологических исследованиях; интенсивно развивались направления культурной психологии и антропологии, cultural studies; выходили сборники и

монографии, посвященные анализу культуральных воздействий на разные сферы жизни человека (Культура имеет значение, 2002; Теория культуры, 2012). Термин «субкультура» в науку ввел Д. Рисмен, предположивший, что общество структурно разделено на подгруппы (social societies), а культура – на подкультуры. Субкультура в его трактовке предстала как сообщество, объединенное изнутри своими нормами и ценностями, но и обособленное посредством этого от общества в целом (Riesman et all, 2001). Субкультуры – подсистемы культуры, сферы ее латентного разнообразия, зачастую – варианты альтернативного и потенциального развития. Меньшинства как представители субкультур, начиная с работ А. Тойнби и П.Л. Лаврова, рассматривались в качестве инициаторов социальных и культуральных изменений. В динамической характеристике субкультуры представляли социокультурные движения, которые могли развиваться против магистрального течения жизни общества, вопреки логике общего потока культуры, прокладывали побочные и разветвленные пути цивилизационного развития.

Таким образом, субкультуры – это подкультуры, обособленные мини-культуры в системе макро-культуры. Они предполагают особые жизненный стиль и ценности, разделяемые разного рода меньшинствами. Теоретический анализ субкультур, начатый Д. Рисменом и Д. Хэбдиджом, продолженный использовавшим концепцию трайбализма в анализе «городских племен» М. Маффесоли, на рубеже XX-XXI вв. был потеснен изучением ценностей, идентичности, скрытых социокультурных движений и горизонтальных сообществ, а также эволюцией элит (Бухарин, Малков, 2014). При этом не все исследователи, изучающие феноменологию малых и маргинальных сообществ, пользовались термином «субкультура». Нередко наблюдение за их динамикой происходило в понятиях социокультурных движений, ценностных трансформаций и сопоставления культуральных традиций. На наш взгляд, в ситуации транзитивного общества продуктивным является изучение субкультур и идентичности современного человека посредством методологии латентных изменений.

Методология латентных изменений: новый подход

Методология латентных изменений является трансдисциплинарной исследовательской стратегией, которая нацелена на выявление ценностных трансформаций, мотивационных сдвигов, скрытых течений и малозаметных движений культуры, нередко выступающих предвестниками приближающихся перемен. Она охватывает процессы, как сосредоточенные в глубинах культуры, так и рассеянные в локальном разнообразии последней; прослеживает расхождение деклараций и повседневных культуральных практик; выявляет пунктирные линии социальных конфликтов, табуированные области и лакуны; анализирует когнитивные искажения и

предпосылки самих исследователей. Наряду с тем, что поиск новых методологических стратегий ведется в сфере трансдисциплинарных и полипарадигмальных подходов, эффективным инструментом анализа культурно-психологических трансформаций современности выступает также этнографический метод.

Кредо методологии латентных изменений можно сформулировать языком житейского опыта: *всё не то, чем кажется*, а неочевидное нередко является более значимым и действенным, нежели то, что оказывается в фокусе внимания (Бхаргава, 2016). Ведущий принцип методологии латентности: *всё поменяется*. Так, маргинальные движения в исторической перспективе имеют высокие шансы сделаться магистральными, а магистральные в конце концов рассеиваются и уходят в небытие. Другой принцип касается антиномичности как имплицитной основы бытия и смешанности разных традиций в эволюции культуры. При изучении идентичности в современном мире важно учитывать сложную динамику и разнообразие меняющихся социокультурных контекстов, что, в свою очередь, делает представление о субкультуре менее точным аналитическим инструментом. Ситуативное смещение, лабильность, антиномичность и принципиальное смешивание разных тенденций становятся факторами, затрудняющими изучение современности. Ценностная неоднородность общества способствует тому, что консервативные и прогрессивные тренды, магистральные и маргинальные течения культуры лишь избирательно попадают в аналитическое поле. Также следует учитывать, что более выраженные социокультурные тенденции, популярные и доминирующие дискурсы способны затмить в глазах наблюдателя латентные и неочевидные движения.

Методология латентных изменений ориентируется на новые подходы, связанные прежде всего с критикой универсализма. Так, если в XX в. изучали «общество», «культуру», «личность», то в XXI в. оказалось, что понятия должны быть проблематизированы: *нет общества как такового, а есть разные сообщества*. В наиболее выраженной форме эти идеи оформились в социологии (Вахштайн, 2012). В психологии новые взгляды отражены в понимании, что ценностные установки людей более противоречивы и изменчивы, нежели это представлялось ранее. С методологических позиций новую исследовательскую парадигму можно определить как *движение от модели стабильного общества к транзитивному*; от относительно гомогенной среды (где действует представление о норме) к культуральному разнообразию (стилей жизни и меняющихся возрастных норм); *от универсальных схем и периодизаций к открытости опыта и наблюдению изменений*.

Новая исследовательская оптика позволяет обнаружить, что, например, между учеными из разных регионов мира больше общего, нежели жителями одного мегаполиса,

а образованные москвичи и парижане ближе в стилистике жизни, чем жители мегаполисов и традиционных поселений в пределах одной страны (Там же). Дальнейших изысканий требует вопрос: дело ли в глобализации, стирающей различия между наиболее мобильными и продвинутыми сообществами, или же прежняя исследовательская оптика не фиксировала текущие процессы; выделяла преимущественно макроаналитические, а не микроаналитические события; выявляла культурное сходство, но не различия территориальной идентичности жителей одного региона.

Таким образом, на рубеже XX-XXI вв. возникла критика представлений о культуре как универсалии. В качестве аналитического инструмента «культура» – слишком широкое понятие, упускающее из виду региональное разнообразие и тонкие культуральные различия в пределах одного социума. Однако пришедшие на смену модели единства культуры, текучие и рассеянные трансформации современности также ускользают от взгляда. Современники с трудом фиксируют перемены, свидетелями и очевидцами которых являются. Методология латентных изменений помогает настроить исследовательскую оптику таким образом, чтобы наблюдать скрытые и малозаметные изменения.

Шансы их обнаружить повышаются в ситуации смены и наложения разных перспектив, а также при осознанной ревизии того, что считается очевидным или привычным, ибо *привычное становится незаметным, а очевидное скрывает невероятное*. «Я много раз убеждался, что в любую самую изученную область, где, казалось бы, не протолкнешься, достаточно просунуть руку, чтобы поднять с полу что-нибудь никем не замеченное, хотя и лежащее на виду» (Жолковский, 2000, с. 19). Таким образом, умение наблюдать – ведущая практика методологии латентных изменений.

Обратимся к конкретным примерам, позволяющим отслеживать неочевидные трансформации идентичности и субкультуры в современной реальности.

Латенции: постсоветские, постколониальные, феминистские…

Анализ эволюции современной российской литературы обнаруживает зарождение постколониальной проблематики, а также смещение фокуса производства смыслов *от центра к периферии.* Согласно И.Д. Прохоровой, целый ряд появившихся новых книг обозначил *проблему постсоветского и постколониального существования* человека (Прохорова, 2018). Выявить же тренд позволило вдумчивое изучение шорт-листа литературного конкурса.

Изучение феминистских движений в России обнаруживает следующий парадокс: при отторжении феминизма как такового значимой частью общества, латентные феминистские ценности разделяет гораздо большее число людей, чем могло бы

показаться. И снова увидеть латентные трансформации ценностей позволил анализ рынка литературы. Так, В. Ермакова, обсуждая феномен тиражей А. Марининой и Д. Донцовой, пришла к выводу, что в основе успеха лежит востребованность феминистских ценностей – *нового образа женственности, который соответствует современному постиндустриальному обществу*. «...Каменскую практически сразу окрестили "главной феминисткой российской литературы"…, хотя сама сыщица ни разу слово на букву "ф" не произносит и за права женщин не борется. …В феминистки [она] попала из-за представляемой ею ролевой модели, которая коренным образом отличается от всех, ранее встречавшихся в русской литературе» (Ермакова, 2019).

* * *

В текущих трансформациях современности групповые идентичности в качестве конструктов не вмещают индивидуальное творчество стилей жизни, а субкультуры не только смешиваются, но и превращаются в зыбкие и неустойчивые социокультурные течения. Изучение этих процессов требует изменений способов видения и дискурсов, методологии и терминологии.

Литература

Бухарин С.Н., Малков С.Ю. Эволюция элиты (материалы и исследования). М.: Академический проект, 2014.

Бхаргава Р. Не очевидно: Как выявлять тренды раньше других. М: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

Вахштайн В.С. Пять книг о посткритической социологии // Социология власти. 2012. № 6-7. С. 275-281.

Ермакова В. Как Маринина и Донцова начали в России феминизм // Домашний очаг. 2019. URL: https://www.goodhouse.ru/obshchestvo/mnenie/v-zashchitu-marininoy-i-doncovoy-ili-zachem-nam-chitat-damskie-detektivy/#part0

Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002.

Прохорова И.Д. «Мы концептуализируем время». О Владимире Сорокине и литературной премии «НОС» // Настоящее время. 2018. №3. URL: https://www.currenttime.tv/a/29035614.html

Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции / под ред. Ю.М. Резника. М.: Научно-политическая книга, 2012.

Riesman D., Glazer N., Denney R. The lonely crowd: a study of the changing American character. L.: Yale University Press, 2001.

Сведения об авторе

Гусельцева Марина Сергеевна, доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Психологический институт РАО, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия. E-mail: mguseltseva@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-0545-0612

IDENTITY AND SUBCULTURES IN THE LIGHT OF THE METHODOLOGY OF LATENT CHANGES

Guseltseva M.S.

Psychological Institute, Moscow

Keywords: methodology, identity, culture, subculture, latent changes, transdisciplinarity

Absract: The concept of subculture was originally associated with ideas about the implicit differentiation of culture and the heterogeneity of society and thus reflected the tendency of complexity, individualization, diversity of human lifestyles. During the 20th century the focus of analysis shifted from cultural theories to subcultures; from the phenomenology of subcultures to the study of informal movements, “urban tribes”, small cultural traditions, transformation of values which brought to the forefront of analysis of mobile and multiple identities emphasizing the fluidity and transitivity of the environment. Nowadays the “subculture” is criticized as an analytical construct and as a fading reality due to the spread of globalization, mixing of traditions, values and lifestyles and the study of identity is increasingly taking place within the framework of transdisciplinary approaches. A new look at the cultural and psychological transformations of modernity is developed by the methodology of latent changes focusing on the lability, antinomic and ambiguousness of the phenomena of subculture and identity.

СЕТЕВАЯ СУБКУЛЬТУРА: НОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ И КОПИНГ-СТРАТЕГИИ[3]

Белинская Е.П., Дубовская Е.М.

Факультет психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва

Ключевые слова: цифровое общество, сетевая субкультура, социальные нормы сетевой коммуникации, стратегии совладания с трудностями (копинг-стратегии)

Аннотация: Изучение нормативных особенностей сетевой коммуникации служит популярным сюжетом исследований, но имеющиеся эмпирические данные отличает достаточная противоречивость. Целью данного исследования является определение предпочтений активных пользователей в выборе копинг-стратегий при столкновении с трудными ситуациями в сетевой коммуникации. Полученные данные оказались весьма противоречивыми и требующими в дальнейшем более тщательного изучения. Так, активные приверженцы сетевой субкультуры значимо чаще выбирали конструктивные стратегии совладания. Более того – в случае совладания с трудностями сетевой коммуникации у этой подгруппы респондентов показатели таких дезадаптивных стратегий совладания, как «конфронтативный копинг» и «дистанцирование» не только не увеличивались, но и практически не имели различий с аналогичными показателями в подгруппе не-активных респондентов.

Введение

Сегодня новые информационные технологии настолько трансформируют социальное пространство, что характеристика современного общества как цифрового уже становится привычной. Однако объективное «взаимопроникновение» реального и виртуального пространств социальной коммуникации и их взаимодействия сами по себе не отвечают на вопрос о том, в какой степени психологические характеристики функционирования человека в цифровой среде определяются ее технологическими особенностями. В настоящее время накоплен определенный массив эмпирических данных, свидетельствующих о том, что коммуникация и взаимодействие в цифровом обществе сочетают традиционность и инновационность своих социально-психологических характеристик, что задает их внутренне противоречивый характер (см., например: Марцинковская, 2012; Войскунский, 2010). Одним из способов разрешения данной противоречивости становится намечающийся переход от рассмотрения цифрового

[3] Статья написана в рамках гранта РФФИ № 19-013-00612 «Кросс-культурный анализ личностных и ситуационных детерминант совладания с трудными жизненными ситуациями»

общества в целом к выделению его разнообразных структур и, соответственно, содержательных областей психологического освоения этой проблематики. Анализ сетевой субкультуры является одной из таких самостоятельных областей. Представляется, что ее социально-психологические особенности могут быть достаточно полно определены через, во-первых, специфику норм сетевой коммуникации, а во-вторых, - через особенности предпочитаемых стратегий поведения при столкновении с теми или иными трудностями в сетевом взаимодействии. Понимание социальных норм как определяющих субкультурную специфику достаточно традиционно (Жукова, Айсмонтас, 2017). Трактовка копинг-стратегий в качестве одного из ведущих субкультурных параметров взаимодействия опирается на имеющиеся данные о том, что выбор человеком способов преодоления трудных ситуаций в значительной степени задан особенностями их когнитивной оценки и, соответственно, спецификой социальной категоризации, которая, в свою очередь, неразрывно связана с содержанием доминирующих социальных норм (Carver, Connor-Smith, 2010).

Постановка проблемы

Как уже упоминалось, изучение нормативных особенностей сетевой коммуникации является популярным сюжетом исследований, но полученные эмпирические данные. разноречивы. Согласно одной из точек зрения, в сетевой коммуникации люди обращают меньшее внимание на соблюдение общепринятых коммуникативных норм, что делает такое общение менее формальным, более доверительным (Boyd, Ellison, 2007; Сулер, 2012), ведет к формированию специфических языковых форм, задает «равностатусность» пользователей и в конечном счете меняет сами принципы построения сетевых сообществ (Voiskounski, 2016). В соответствии с другой позицией, стремясь уменьшить исходную нормативную неопределенность сетевой коммуникации, пользователи активно выступают за соблюдение традиционных социальных норм и не только строят свою коммуникацию более нормативно, но и опираются при этом преимущественно на свою реальную социальную идентичность (Postmes, 2001; Файола, Войскунский, Богачева, 2016). Аналогичная противоречивость наблюдается и в эмпирических результатах, касающихся содержательной стороны норм сетевой коммуникации. Так, нередко отмечающаяся норма взаимопомощи и взаимной эмоциональной поддержки (преобладание кооперации, демонстрация согласия и дружелюбия путем «лайков») сочетается с констатацией фактов агрессии в сетевой коммуникации, радикализации конфликтного взаимодействия, нередкими случаями специфического преследования партнеров по коммуникации - кибербулинга (Волохонский и др., 2006; Солдатова, Зотова, 2011; Kowalski et al., 2011; Белинская, Илюхина, 2018).

Отметим, что, с нашей точки зрения, подобная противоречивость эмпирических данных относительно нормативной регуляции сетевой коммуникации есть отражение определенной психологической реальности, а именно - неопределенности границ «Я» любого активного пользователя: неизбежные трудности самокатегоризации в постоянно изменяющейся сетевой реальности взаимодействия порождают не только «безграничную» социальную идентичность субъектов виртуальной коммуникации, но и затрудняют выбор ими тех или иных норм коммуникации и взаимодействия.

Менее расхожим сюжетом сетевой коммуникации является изучение процессов совладания пользователей с трудными ситуациями. С точки зрения особенностей сетевой субкультуры, представляется возможным выделить как минимум два вектора потенциальных изменений копинг-процессов.

Во-первых, влияние сетевой субкультуры на процессы совладания возможно через изменения восприятия человеком самой трудной ситуации, требующей копинга. Известно, что к числу наиболее часто отмечающихся в исследованиях характеристик таких ситуаций относят их длительность и степень контролируемости: люди чаще относят к «трудной» ситуацию, продолжительность которой им неизвестна и которая представляется неподконтрольной (Рассказова, Гордеева, 2011; Битюцкая, 2018). Исходя из этого, можно предположить, что развернутый опыт сетевой коммуникации и взаимодействия будет иметь неоднозначное влияние на параметры категоризации трудных ситуаций: их длительность может недооцениваться (в силу известных фактов нарушений субъективного переживания времени в условиях виртуального взаимодействия – см., например, Войскунский, 2010), а степень контролируемости со стороны субъекта переоцениваться (по причине более очевидной, нежели в реальности, возможности одностороннего отказа от коммуникации в любой момент). В совокупности это потенциально приводит к снижению эффективности совладания: известно, что возможности конструктивного копинга снижаются, если когнитивная оценка ситуации неадекватна (Lazarus, 1993).

Во-вторых, сетевая субкультура потенциально ведет к изменениям основных четырех стратегий совладания (поиск социальной поддержки, проблемно-ориентированные копинги, эмоционально-ориентированные копинги, избегание). Так, прежде всего, неминуемое увеличение партнеров по коммуникации заставляет предположить расширение возможностей социальной поддержки при переживании трудностей. Однако немногочисленные исследования данной стратегии совладания в сетевой коммуникации демонстрируют неоднозначность полученных результатов. Так, хотя поиск социальной поддержки в случае тех или иных стрессовых событий жизни

через общение в социальных сетях становится все более и более распространенным, он далеко не всегда приводит к эффективному совладанию (Leung, 2007; Белинская, 2013; Przybylski, Weinstein, 2017). При выраженности проблемно-ориентированных стратегий совладания опыт активной сетевой коммуникации возможно усилит эту направленность – в силу сформировавшейся переоценки степени контролируемости жизненных ситуаций. В случае преобладания у человека эмоционально-ориентированных копинг-стратегий тот же опыт активного пользования может уменьшать их использование – в силу отмечавшегося в исследованиях интернет-пользователей факта снижения у них уровня эмоционального интеллекта (Gavin, 2007; Войскунский, 2010).

Что же касается стратегии избегания, то можно предположить, что активное включение в сетевую коммуникацию предоставляет максимальные возможности для ее усиления, вплоть до формирования зависимого поведения.

Вопросы исследования

Мы исходили из теоретического предположения о том, что активное включение в коммуникацию невозможно без учета социальных норм, ее регулирующих. Соответственно, активные участники сетевых сообществ будут выступать – с той или иной степенью осознанности - носителями этих норм, будучи подлинными приверженцами сетевой субкультуры. Отмечающаяся в исследованиях противоречивость нормативной регуляции социального поведения в сетевых сообществах будет определять и специфику их выбора способа преодоления сложностей сетевого взаимодействия: при столкновении с трудными ситуациями в сетевой коммуникации они в большей степени, нежели не-активные пользователи будут тяготеть к выбору неадаптивных копинг-стратегий. Тем самым основным вопросом исследования выступило определение различий в стратегиях совладания с трудными ситуациями в реальной и сетевой коммуникации у пользователей социальных сетей с разным уровнем активности.

Выборку исследования составили 245 пользователей социальных сетей ВКонтакте и Facebook в возрасте от 16 до 20 лет (медиана возраста – 18,5 лет).

Цель исследования

Определение предпочтений активных пользователей в выборе копинг-стратегий при столкновении с трудными ситуациями в сетевой коммуникации.

Методы исследования

Для изучения стратегий совладания использовался адаптированный на русскоязычной выборке опросник способов совладания Р.Лазаруса и С.Фолкман с двумя вариантами инструкций: фиксирующими внимание респондентов на трудностях

реального и сетевого взаимодействий. Для определения степени активного включения в сетевую коммуникацию использовался опросник интернет-зависимости К.Янг.

Результаты

Сравнительный анализ стратегий копинга в подгруппах активных и не-активных пользователей социальных сетей показал следующие статистически значимые различия по критерию Манна-Уитни.

Подгруппа не-активных пользователей демонстрировала практически одинаковые предпочтения в стратегиях совладания при трудностях коммуникации в реальном и сетевом взаимодействии, что отражает факт отсутствия влияния на них норм сетевой субкультуры. В то же время в подгруппе активных пользователей (то есть подлинных приверженцев сетевой субкультуры) имелись значимые различия в предпочтениях тех или иных стратегий копинга в зависимости от того, что именно составляло трудность, требующую совладания – сфера реальных взаимоотношений или же сфера сетевых коммуникаций. Совладая с трудностями в реальной коммуникации, активные участники сетевой субкультуры были в меньшей степени склонны к выбору таких стратегий копинга, как «принятие ответственности» и «самоконтроль», показатели предпочтения которых увеличивались при совладании с трудностями сетевого взаимодействия. Иными словами, вопреки нашему исходному предположению, в последнем случае активные приверженцы сетевой субкультуры значимо чаще выбирали конструктивные стратегии совладания. Более того – в случае совладания с трудностями сетевой коммуникации у этой подгруппы респондентов показатели таких дезадаптивных стратегий совладания, как «конфронтативный копинг» и «дистанцирование» не только не увеличивались, но и практически не имели различий с аналогичными показателями в подгруппе не-активных респондентов. Различия между двумя подгруппами по выраженности стратегии «избегание» проявились лишь на уровне тенденции: у активных пользователей данная стратегия была выражена несколько в большей степени, но только при условии возникновения трудностей в реальном взаимодействии. По остальным - и, заметим, квалифицируемым как адаптивные, - копинг-стратегиям в случае совладания с трудностями сетевого взаимодействия («планирование решения проблем, «поиск социальной поддержки», «положительная переоценка») отмечалось отсутствие значимых различий между двумя подгруппами.

Выводы

Анализ полученных результатов позволяет сказать, что поиск принципиальных психологических особенностей сетевой коммуникации от общения of-line является слишком грубым подходом к интернет-коммуникации. Специфические особенности,

несомненно, есть, но они имеют более глубокий и тонкий характер и сочетаются с традиционными параметрами общения между людьми. Так, например, очевидно, что любая активная приверженность человека тому или иному сообществу или же субкультуре связана со снижением у человека самоконтроля и принятия на себя ответственности. В то же время конструктивные стратегии в сетевой коммуникации проявляются достаточно хорошо. Иными словами, следует искать те промежуточные переменные, которые опосредуют и приверженность нормам сетевой коммуникации, и способы ее реализации. Таким опосредующим звеном могут стать социальные нормы человека, регулирующие его поведение как в реальных ситуациях, так и в сети. Однако речь должна идти не просто о различиях этих норм (что в определенной степени очевидно), а о том, каким образом они соотносятся и взаимодействуют между собой.

Литература

Белинская Е.П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие. //Психологические исследования. Электронный журнал. 2013. № 6 (30). http://psystudy.ru

Белинская Е.П. Совладание с трудностями в эпоху новых информационных технологий: возможности и ограничения // Психологические исследования: электронный журнал. 2014, № 7(38) http://psystudy.ru

Белинская Е.П., Илюхина С.Н. Особенности протекания конфликта в виртуальной коммуникации // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогника. Образование. 2018. Том 8. № 1. С. 17 - 29

Битюцкая Е.В. Типы ориентаций в трудных ситуациях // Вопросы психологии. 2018. №5. С. 41 - 53

Войскунский А.Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010

Волохонский В.Л., Зайцева Ю.Е., Соколова М.М. (Ред.). Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. Блоги: новая реальность: Сборник статей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006

Жукова Н.В., Айсмонтас Б.Б. Сетевое интернет-общение, как новая форма организации коммуникативного процесса в современном обществе. // Современная зарубежная психология. 2017. Том. 6, № 4. С. 56–65

Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 26. С. 7. URL: http://psystudy.ru

Рассказова Е.И., Гордеева Т.О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы. Психологические исследования, 2011, 3(17). http://psystudy.ru

Солдатова Г.В. Зотова Е.Ю. Зона риска: российские и европейские школьники – проблемы онлайн-социализации // Дети в информационном обществе. 2011. №7. С. 46 – 55

Сулер Дж. Эффект растормаживания в Сети // Киберпсихология, 2012. http://ru-cyberpsy.blogspot.ru/2012/08/blog-post.html

Файола Э., Войскунский А.Е., Богачева Н.В. Человек дополненный: становление киберсознания // Человек дополненный: становление киберсознания // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 147-162

Сведения об авторах

Белинская Е.П., доктор психологических наук, профессор, факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Дубовская Е.М.,кандидат психологических наук, доцент факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова; доцент Института психологии РГГУ, Москва, Россия

Keywords: digital society, network subculture, social norms of network communication, coping strategies with difficulties (coping strategies)

Abstract. The study of the normative features of network communication is a popular subject of research, but the obtained empirical data are quite contradictory. The purpose of this study is to determine the preferences of active users in choosing coping strategies, when confronted with difficult situations in network communication. The obtained data turned out to be very contradictory and require further more thorough study. Thus, active adherents of the network subcultures significantly more often chose constructive coping strategies. Moreover, in the case of coping with the difficulties of network communication in this subgroup of respondents, indicators of such non-adaptive coping strategies as “confrontational coping” and “distancing” did not increase, but practically did not have differences with the same indicators in the subgroup of non-active respondents.

«ЗАКАТ» МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР

Полева Н.С.

ФГБНУ «Психологический институт» РАО, г. Москва

Ключевые слова: субкультура, идентичность, солидарности, сцены, жизненный стиль

Аннотация: Молодежная субкультура как феномен постепенно удаляется в небытие. На смену субкультурам приходят ростки новой молодежной социальности. Появление этих новых сообществ связано с развитием и распространением мобильного интернета, формированием смешанной реальности, возникновением новых подростковых и молодежных культурных практик и т.д. Главным вектором разделения новых молодежных сообществ становятся смена ценностных ориентиров молодежи и возможность индивидуализации. Горизонтальная мобильность и вариативность онлайн пространства делает принадлежность к какой-то одной субкультуре недостаточным маркером самоидентификации молодежи. Одновременное вхождение в несколько сообществ с их текучими и гибкими границами сохраняет фрагментарность мозаичной идентичности и позволяет находить варианты социальных идентичностей в соответствии с запросами индивидуализации. Выбор временного или постоянного стиля жизни, особенностей потребления находит свое отражения в повседневных культурных практиках молодежи.

Сегодня на улицах современного города редко можно встретить металлистов в косухах, панков с ирокезами, ярких эмо, сумрачных готов и т.д. Они еще есть, но с каждым годом их становится все меньше. Среди последних упоминаний в СМИ о подростковых и молодежных субкультурах фигурируют «ванильки», «винишко-тян» и «АУЕ». «Ванильки» появились в начале 2010-х как ответ на вульгарность современных девушек, пропагандируя женственность во всех ее смыслах. Это некое воплощение тургеневских барышень, мечтающих о романтике за чашечкой кофе и олицетворяющих в своем образе наивную чувственность и переживания. «Винишко-Тян» - самая молодая субкультура, сформировавшаяся в 2017-2018 годах. Их стиль – короткие стрижки, очки без линз, задумчивый взгляд и умные разговоры. Это «движение умных и никем не понятых» образовалось после системы анонимных форумов «Двач», в которых ведут светские разговоры о Фрейде и Шопенгауэре. «Арестанский уклад един» («АУЕ») предположительно возникло еще в 2011 году, но известность получило благодаря многочисленным упоминаниям в СМИ последние два года. Банды, состоящие в основном из несовершеннолетних, пропагандируют тюремные понятия, романтизируют тюремную субкультуру и требуют соблюдения воровского кодекса (Субкультуры 21 века, 2018).

Молодежная субкультура как феномен постепенно уходит в небытие. Согласно данным Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ классические готы и панки, маргинализируясь, постепенно исчезают. К готам и эмо причисляют себя только около 1% опрошенных. В Санкт-Петербурге их набралось около 5%, при этом обнаружились новые

формы - пост-готика, уже очень отдаленно напоминающие классический вариант. На смену готам и эмо, согласно результатам Центра молодежных исследований, который изучал молодежные культуры в четырех российских городах (Санкт-Питербург, Махачкала, Ульяновск и Казань), приходят спорт, рэп геймерство и волонтерство. Спортивные практики являются одним из доминирующих направлений, объединяющих молодежь. В Санкт-Петербурге – это велодвижение, в Махачкале - это уличный workout. 20% причисляют себя к футбольным фанатам. Популярность среди молодежи набирает и волонтерское движение. В Казани оно на втором месте после спорта, а в Махачкале — на первом.

Можно ли назвать эти новые сообщества субкультурой? Скорее это какие-то ростки новой социальности, которые еще сохраняют отдельные элементы субкультуры. Главный вектор, по которому происходит разделение, – это ценности или ценностные предпочтения, которые исследователи Центра называют солидарностями (Омельченко, 2014; Омельченко, Сабирова, 2017). Центром выделены ключевые ценностные векторы, по которым происходит разделение – это гендер, ксенофобия, патриотизм и здоровый образ жизни, становящийся доминирующим в последнее время (Центр молодежных исследований, 2017). Яркие имиджевые проявления у молодежи сегодня отходят на второй план. Важно отметить, что с конца 80-х годов появляются различные теории «постсубкультурной парадигмы», которые предпринимают попытки найти новые дискурсы и оптики, заменяющие или уточняющие понятие «субкультура» применительно к молодежным сообществам. Представители этих направлений считают, что прежнее использование понятия «субкультура» не в состоянии адекватно отражать современную культурную ситуацию. Понятие субкультуры пытаются заменить такими, как «неоплемена», «жизненный стиль», «сцены» и т.д. (Писаревская, 2014; Кудряшов, 2014).

Таким образом, можно высказать предположение, что подростковая и молодежная субкультура как понятие постепенно уходит в прошлое. Причин этого феномена может быть несколько.

Прежде всего, это конечно, развитие мобильного интернета и широкое распространение социальных сетей. Одна из главных ценностей и потребностей молодежи в коммуникации, в общении обретает возможность реализации не только офлайн, но в онлайн пространстве, которое открывает перед молодым человеком безграничные возможности, позволяющие не ограничивать себя рамками какой-то одной субкультуры. Онлайн пространства предоставляют молодому человеку шанс в любой момент расширить привычный круг друзей общением в социальных сетях, открывая для себя новые предпочтения и горизонты – интеллектуальные, эстетические, идеологические и

т.д., к тому же предлагающие включение в разнообразные формы социального активизма. В этом контексте можно сказать, что общение доминирует у современной молодежи, занимая лидирующие позиции в коммуникации в смешанной реальности, что трансформирует сам процесс общения.

Субкультура перестает быть необходимым и достаточным маркером для самоидентификации подростков и молодежи. При этом важно отметить, что и само понятие «субкультура» является существенно размытым. Как подчеркивает Марцинковская Т.Д., субкультура не обязательно принимает ярко выраженные внешние формы: в любой формальной группе, семье, учебной организации и т.д. наличествуют элементы собственной субкультуры, связанные с ценностными ориентациями и социальными представлениями, личностными ценностями и интересами. Отсутствие четко определенного внешнего характера таких субкультур не делает их менее привлекательными и важными факторами влияния на личностную идентичность и самоопределение (Марцинковская, 2014).

Сложно выделить и какой-либо структурированный мейнстрим, способный противостоять субкультурам и содействовать их развитию и появлению новых направлений. Субкультура и протест в последнее время перестали быть синонимами. Аналогичный процесс можно наблюдать и в современном искусстве. Кроме этого, условием развития субкультур является плюрализм, который не наблюдается в современной российской действительности. Молодые люди объединяются уже не против кого-то, а для общения друг с другом, группируясь по интересам и разделяемым ценностям. Важным фактором, объединяющим подростков и молодежь в сообщества, является выбираемый стиль жизни или его элементов, а также особенности потребления (выбор музыкальных предпочтений, еды, одежды и т.д.), которые могут носить временный или постоянный характер, отвечая запросам индивидуализации. Это находит свое воплощение в повседневных культурных практиках молодежи.

Новые культурные практики смешанной реальности, составляющие повседневную жизнь молодежи в последнее время, позволяют подрастающему поколению найти свою идентичность в многочисленных вариантах офлайн и онлайн сообществах и их соединениях. Это различные открытые лектории и онлайн-курсы, музыкальные клубы, библиотеки, музеи и кафе, где собирается молодежь по интересам и предпочтениям, различные движения, привлекающие молодежь своей ценностной направленностью, которая тем или иным образом трансформируется в групповых идентичностях многочисленных сообществ (волонтнерство, ЗОЖ, геймерство и игры, экологические движения и т.д.). Три самых массовых движения современной России, согласно

результатам Центра молодежный исследований НИУ ВШЭ, - это геймеры – у них абсолютное лидерство в исследованных городах, велолюбители – на второй позиции, бронза – у поклонников настольных игр.

Таким образом, на смену субкультурам приходят новые ростки подростковых и молодежных сообществ смешанной реальности, которые, сохраняя некоторые характеристики субкультур (прежде всего ценностные представления), отличаются большей вариативностью, мобильностью и широтой горизонтальных связей. Это позволяет сообществам образовывать новые временные или постоянные объединения, изменяющие свои границы. Причем границы новых сообществ более открыты и проницаемы для взаимодействий и пересечений между собой. Растущая сложность и разнообразие смешанной реальности требует от молодежи большей открытости новому, мобильности (вертикальной и особенно горизонтальной), коммуникативности, изменчивости и проявления социального активизма в его различных видах.

Возможно предположить, что одной из причин появления новых молодежных сообществ являются зафиксированные исследователями изменения в ценностных ориентациях молодежи и усиление персонального личностного начала идентичности. Субкультуры перестают быть единственным фактором самоидентификации и самокатегоризации. Интернет вытесняет молодежные субкультуры в их привычном понимании из социального и информационного пространства, внося свои коррективы в информационную социализацию подростков и молодежи, предоставляя большую вариативность, мобильность и свободу в конструировании социокультурной и персональной идентичности, возможность реализации своей индивидуализации в гибких и текучих рамках новых социальных сообществ.

Литература

Марцинковская Т.Д. Психология субкультуры // Вестник РГНФ. 2014. №4. С.116 – 126.

«Субкультуры 21 века». Что делать, если ребенок в одной из них? // 7 sisters. 2018. URL: http://7sisters.ru/children/74528-subkulturyi-21-veka-chto-delat-esli-rebenok-v-odnoy-iz-nih.html (дата обращения 28.02.2019).

Омельченко Е.Л., Сабирова Г.А. К вопросу о молодежных культурах в современной России // В кн.: XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / Отв. ред.: Е. Г. Ясин. Кн. 4. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 183-191.

Омельченко Е.Л. От субкультур – к солидарностям и назад к субкультурам? Споры о терминах и этнографии молодежной социальности // Этнографическое обозрение. 2014. №1. С.3 – 8.

Писаревская Д.Б. Что такое постсубкультурные исследования? (обзор) // Этнографическое обозрение. 2014. №1. С.8 – 23.

Кудряшов М.А. Субкультура и после нее: история фундаментального понятия молодежных исследований // Этнографическое обозрение. 2014. №1. С. 23 -32.

Центр молодежных исследований. Не гот, не панк, не рейвер (экспертиза Е. Омельченко) // «Русский репортер». 2017. №2 (419). URL: http://expert.ru/russian_reporter/2017/02/ne-got-ne-pank-ne-rejver/

Сведения об авторе

Полева Наталья Сергеевна, кандидат психологических наук, г. Москва, ФГБНУ «Психологический институт» РАО, старший научный сотрудник лаборатории психологии подростка, npoleva@mail.ru

"SUNSET" YOUTH SUBCULTURES

Poleva N.S.

FGBNU "Psychological Institute of Russian Academy of Education", Moscow

Keywords: subculture, identity, solidarity, scenes, life style

Abstract: The youth subculture as a phenomenon gradually goes into oblivion. The subcultures are replaced by the sprouts of a new youth sociality. The emergence of these new communities is associated with the development and spread of the mobile Internet, the formation of a mixed reality, the emergence of new adolescent and youth cultural practices, etc. The main vector of the division of new youth communities is the change of value orientations of young people and the possibility of individualization. Horizontal mobility and variability of online space makes belonging to any one subculture an insufficient marker of self-identification of young people. Belonging simultaneously to several communities with fluid and flexible boundaries preserves the fragmentariness of the mosaic identity and allows finding variants of social identities in accordance with the requirements of individualization. The choice of a temporary or permanent lifestyle, characteristics of consumption is reflected in the everyday cultural practices of young people.

About author: *Poleva Natalia S.* Ph.D., Senior Research Associate, FGBNU "Psychological Institute of Russian Academy of Education", ul. Mokhovaya, 9–4, 125009 Moscow, Russia. E-mail: npoleva@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-2209-1217

АВТОБИОГРАФИЯ КАК СУБКУЛЬТУРНЫЙ, НАРРАТИВНЫЙ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Сапогова Е.Е.

ФГБОУ ВО «МПГУ», Москва

Ключевые слова: культура, личностная субкультура, смысл, текст, нарратив, автобиография

Аннотация. В рамках разрабатываемого автором экзистенциально-нарративного подхода феномен автобиографии рассмотрен в семантическом ряду «культура – субкультура – личностная субкультура», для чего введено понятие личностной субкультуры и теоретически смоделировано его психологическое содержание. Аргументирован тезис, что автобиография есть текстовая идентификация жизни личности, в которой текущий жизненный опыт трансформирован в экзистенциальный опыт и нарратизирован. Обоснована авторская идея, что автобиографический текст является одновременно культурным, текстовым и экзистенциальным феноменом. Его нарративное конструирование описано как своеобразная метадеятельность в отношении собственного сознания, как особый (герменевтический) режим работы сознания, связанный с осмыслением, интерпретацией и смысловой амплификацией событий индивидуальной жизни на основе усвоенных в социализации культурных прецедентов. В статье представлены функции автобиографирования (верификации, потенциирования, самоудостоверения и др.) и структурные элементы смыслового тезауруса личности (биографемы, автографемы, мифологемы), отражающие ее самобытность.

Будучи текстовой идентификацией жизни, носящей глубоко персональный характер, автобиография одновременно является и культурным артефактом, вписываясь в систему «культура – субкультура (подкультура) – субъективная культура».

Культура, фактически, есть все, что не природа (Herskovits, 1973), что создано человечеством как объективация и операционализация его развивающихся потребностей и воплощено в артефактах. На психологическом уровне она выступает как совокупность

привычно используемых, хотя и не всегда полностью осознаваемых, установок и когнитивных конструкций, способов поведения и т.д. Тезис, что человек живет и формируется как самобытная личность в социальных практиках современной ему культуры, давно принят в гуманитарных науках, а идея множественности культур дала начало разнообразным исследованиям, осуществленным в рамках многих научных направлений (Костяев, 2014; Лагутина, 2013; Отставнова, 2006; Ромах, 2013).

Субкультуры (подкультуры) как составные элементы большой культуры объединяют содержание, формы и группы носителей частных систем поведения, ценностей, языка, установок и пр. Положение, что человек не только развивается в культуре, но и сам *созидает* ее, находит отражение в анализе возрастных (а внутри них – музыкальных, спортивных, индустриальных, ролевых, интернетных и т.д.), гендерных, этнических, профессиональных и иных субкультур (Лагутина, 2013; Щепанская, 2004; Risman, Glaser, Danney, 2001), в изучении мильё (Фестер, 2008) и габитуса (Бурдье, 2001; Ковалева, Богданова, 2012).

Совокупность способов и содержания социализации, форм отражения элементов большой культуры в индивидуальном сознании выстраивает *субъективную (индивидуальную, личностную) субкультуру* отдельного человека. Развиваясь в этих практиках и процессах самоосознания и рефлексии, она становится призмой, сквозь которую человек познает реальность и конструирует образы себя и современного ему мира.

Личностная субкультура предполагает становление комплекса элементов: 1) собственной квазиязыковой системы, удерживающей в поле коммуникации индивидуальные смысловые конструкции; 2) системы микрокультурных предпочтений (этических, эстетических, интеллектуальных и т.д.); 3) пристрастно отобранного набора стратегем, моделей поведения и жизненных логик, отвечающих самобытному экзистенциальтному опыту; 4) персональной стилистики взаимодействия с другими и самим собой («жизненный стиль», габитус, дискурсивные стратегии и пр.); 5) совокупности представлений и фантазий о мироустройстве и своем месте в мире; 6) предпочитаемых социальных практик; 7) жизненной философии, комплекса лично принятых принципов, охватывающих индивидуально сформированную область морали, нравственности, правового и гражданского самоосознания; 8) символа веры, ожиданий от себя и реальности, индивидуальных нарративных схем; 9) индивидуального набора жизненных компетенций и т.д.

В последние десятилетия психология ассимилирует тезисы нарративного подхода о текстовой природе культурных артефактов: 1) культурные артефакты рассматриваются

как повествовательные структуры (тексты); 2) признается, что внутренний мир, жизненные стратегии и отношения людей во многом формируются культурно закрепленными историями разного типа, усвоенными интериоризацией концептов *прецедентных текстов* большой культуры и возрастных субкультур; 3) считается, что базовые концепты, персонажи и сюжеты этих историй используются в качестве инструмента для осмысления, структурирования и закрепления опыта.

Прецедентные тексты являются неисчерпаемым *семиотическим ресурсом* для идентификации, самоосмысления и самопрезентации. В первую очередь, его образуют «классические» литературные тексты, получившие максимально широкое распространение в культуре (сказки и этнический фольклор, наставления и религиозные тексты и т.п.). Для возрастных, профессиональных, гендерных субкультур большое значение имеют тексты, отобранные их носителями из большой культуры или специально созданные в ее рамках. Для психолога наибольший интерес представляют тексты, персонально отобранные человеком (обычно во вторичной социализации) для самого себя на том основании, что они *объективируют именно его собственные смыслы и переживания.*

Взрослея, человек и сам становится составителем и рассказчиком историй, и его жизненный путь может быть представлен как осмысленное целое, существующее для него и других в форме завершенной личной истории – автобиографического нарратива. Будучи рассказанной/записанной, автобиография может быть рассмотрена как *культурный артефакт,* как результат упорядочивания, интерпретации и трансляции индивидуального опыта, смыслов и ценностей в большую культуру и приращивания ее, если все это окажется необходимым и значимым для других. И тогда автобиографический текст становится одновременно и культурным, и текстовым, и экзистенциальным феноменом.

Выстраивая автобиографический нарратив вокруг определенных событий, действий и переживаний, человек создает «насыщенные описания», состоящие из дополнительных или альтернативных смыслов, которых до этого они сами по себе не содержали. Будучи построенной, автобиография превращается в устраивающую самого субъекта текстовую идентификацию жизни как цепочку значимых событий. Повседневные дискурсы полны разнообразных личных историй, рассказываемых людьми друг другу, и автобиографирование является одной из весьма распространенных коммуникативных практик, поскольку опирается на *своеобразную внутреннюю потребность,* которую М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский назвали *ментальной необходимостью самовыговаривания.* Она исходит из социокультурной природы человека, в том числе желания *сделать личный опыт востребованным другими.*

Конструирование автобиографического нарратива может начинаться с первых вспышек самооосознания, но из множества реально совершаемых и претерпеваемых действий и случаев лишь некоторые фиксируются в автобиографии. Они и становятся стартовыми точками для понимания того, как человек *самоопределяется собственными смыслами*.

Как элемент личной субкультуры автобиографирование может быть рассмотрено в нескольких ракурсах: 1) как *метадеятельность* по отношению к собственному сознанию, как особый – *герменевтический – режим работы сознания*, связанный с осмыслением, интерпретацией и смысловой амплификацией событий и происшествий индивидуальной жизни; 2) как результат фиксации итогов *постоянно текущей* во внутреннем плане сознания *индивидуации* – построения собственного самобытного «Я»; 3) как процесс создания *новых субъективных семантических единств* и *новых смысловых синтагм,* отражающих пристрастное отношение человека к собственной жизни и жизни вообще – отношение «Я как субъект собственной жизни»; 4) как форма «заботы о себе» – своеобразной «техники самого себя», *направленной на самотрансформацию*, технологии «производства субъективности» (М.Фуко).

Автонаррация выполняет для личности ряд функций: 1) *функция потенциирования,* облегчающая нахождение и актуализацию внутреннего содержания для дальнейшего развития личности; 2) *верифицирующая функция,* создающая в отношении определенных фрагментов опыта субъективное ощущение «верного пути»; 3) *функция самоудостоверения,* помогающая стабилизации выстроенного образа «Я», самообозначению и принятию личностью себя «как есть»; 4) *позитивирующая функция,* позволяющая конструктивно включать в опыт даже те эпизоды индивидуальной жизни, которых человек стеснялся, смыслы которых отрицал или стремился вытеснить с целью проработки своей *нетождественности самому себе*, открытию в себе неповторимости, уникальности и одновременно – признанию своего несовершенства, необходимости самоизменения и т.д.; 5) *эмоционально–идентифицирующая функция*, помогающая личности многократно переживать и удерживать в автобиографической памяти именно то, что она отождествляет с самой собой, что она считает собой, опираясь на внешние объективные корреляты (фотографии, предметы семейного реликвария и пр.).

При построении автобиографии фактология и конкретика реального *жизненного происшествия* («Кто? – Что? – Где? – Когда?») трансформируется в *событие сознания* («Что это означает для меня...?»), а позже, если это будет нужно, в *событие текста* («Может ли это что–то значить для кого–то, кроме меня...? »). Наррация *легитимизирует* некие события и даже придает выдуманным (а, стало быть, *значимым для данной личности*) событиям если не онтологический, то хотя бы ментальный и нарративный статус.

Рефлексивная трансформация значимого жизненного происшествия в событие текста соединяет в себе три герменевтических процесса – *объяснение, понимание и истолкование*, позволяющих через анализ автобиографического текста приблизиться к *жизненно-смысловой реальности личности* и ее смысловому тезаурусу. Последний мы понимаем как своеобразный «экзистенциальный словарь», персональный каталог смысловыражающих единиц конкретной личности. Психосемантические единицы (знаки, семантемы, смысловые синтагмы) тезауруса, отраженного в автобиографии, образуют ряд «*биографемы – автографемы – мифологемы»,* соответствущий ряду «значение – смысл - символ».

Биографемы выступают как образно-семантические конструкции сознания, фиксирующие непосредственный жизненный опыт субъекта, отражающий его взаимодействие с определённым рядом случаев, происшествий. Фактически, это пережитые и семантизированные случаи, участником или свидетелем которых был человек. Содержательно биографемы «адаптируют» выработанные в обществе значения

жизненных концептов в приемлемую и понятную личности форму, смешивая некое усвоенное в социализации значение с «Я-концепцией», с накопленным личностью опытом (не просто «дружба», а «дружба, *как я ее себе представляю*»).

Если биографемы ориентированы на *социально заданное значение,* приписываемое социумом определенным фрагментам жизненного пути, то *автографемы* соотнесены с *личным смыслом, с человеческой пристрастностью.* Они возникают в сознании как результат первичной герменевтической обработки биографемного материала (не просто «дружба, как я ее себе представляю», а «*что значила/значит для меня* [многолетняя, утраченная] дружба *с…*») и описывают экзистенциальный опыт субъекта, то есть те «события жизни», которые конкретная личность превратила в «события сознания». Нами были описаны доминирующие, уникальные, прецедентные и альтернативные автографемы.

Так, *доминирующие автографемы* очерчивают субъекту актуальный для современного ему культурного хронотопа круг «должного-значимого» («моя любовь к…», «моя работа в…», «моя семья» и пр.). *Прецедентные автографемы* усваиваются через знакомство с семиотическими ресурсами культуры и очерчивают для человека круг «избирательно-значимого». Речь идет о фольклорных и литературных сюжетах, персонажах, архетипах, которые выстраивают в индивидуальном сознании *типичные стратегии поведения и самоосмысления* (например, геройства, спасения, жертвенности и т.п.).

Уникальные автографемы фиксируют наиболее «сильные» точки индивидуального опыта («ранняя утрата», «духовное откровение» и т.п.), делая их ключевыми эпизодами самостановления. Они очерчивают в сознании круг «персонально-значимого». *Альтернативные автографемы* – это нарратизированные события, которые могли бы потенциально произойти в жизни личности. Это заимствованные из книг и чужих жизнеописаний и придуманные вставки, мечты, фантазийные эпизоды и детали (круг «вероятностно (возможностно)-значимого»).

Личностные мифологемы закрепляют единицы экзистенциального опыта в персональных символических конструкциях/*самоконцепциях*. Такие единицы образуются посредством вторичной амплифицирующей герменевтической работы над автографемами с целью придания сверхзначимости отдельным жизненным эпизодам, сделав их «воплощением» не просто некоторых существенных для человека событий, *но и всей жизни, всей личности в целом* («я – настоящий верный друг», «дружба – то, ради чего стоит жить»). Это чрезвычайно плотная, сжатая, интегральная форма фиксации опыта,

которая может быть в каждый момент развернута на любую семантическую длину вплоть до единичного фрагмента его картины мира или частного эпизода ментальности.

Литература

Бурдье П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 562

Ковалева А.И., Богданова В.В. Траектория социализации. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2012. С. 184

Костяев А.И. Смысловое пространство культуры. Теория, методология, практика исследования. М.: URSS, 2014. С. 240

Лагутина А.В. Молодежная субкультура как игровая мифоритуальная система. Дисс. …к.филос.н. Тюмень: 2013. С. 151

Отставнова И.В. Пространство российской провинции: «жизнесмыслы». Дисс. …к.культурол.н. Саранск: 2006. С. 150

Ромах О.В. Множественность трактований понятия «культура» // Аналитика культурологии. – 2013. - № 26. – С. 40-44 // URL: https://cyberleninka.ru/article/v/mnozhestvennost-traktovaniy-ponyatiya-kultura

Фестер М. Социальные милье, классы и стили жизни в Западной Германии // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива / под ред. В. Воронкова, М. Соколова. – СПб.: СПбГУ, 2008. - С. 25-43. URL: https://docplayer.ru/37051905-Socialnye-milyo-klassy-i-stili-zhizni-v-zapadnoy-germanii-milyo-i-klassy-v-issledovanii.html

Щепанская Т.Б. Система. Тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004. С. 288.

Risman D., Glaser N., Danney R. Lonely Crowd. The study of Changing American Character (Revised edition). New Haven: Yale University Press, 2001. P. 315.

Herskovits M. J. Cultural Relativism: Perspectives in Cultural Pluralism / ed. F.Herskovits. New York: Vintage, 1973. P. 293

AUTOBIOGRAPHY AS SUBCULTURAL, NARRATIVE AND EXISTENTIAL PHENOMENON

Sapogova E.E.

Moscow State Pedagogical University, Moscow

Keywords: culture, personal subculture, sense, text, narrative, autobiography

Abstract. Within the framework of the existential-narrative approach developed by the author, the phenomenon of autobiography is considered in the semantic sequence “culture -

subculture - personal subculture", for which the concept of personal subculture is introduced and its psychological content is theoretically described. The thesis is argued that autobiography is a textual identification of the personal life, in which the current life experience is transformed into an existential experience and narrated. The author's idea is substantiated that the autobiographical text is simultaneously a cultural, textual and existential phenomenon. Its narrative designing is presented as a kind of self-directed meta-activity, as a special (hermeneutic) mode of consciousness functioning connected with the understanding, interpretation and semantic amplification of life events based on cultural precedents assimilated from socialization. This paper presents the functions of autobiography (verification, potentiation, self-verification, etc.) and some structural elements of the person's semantic thesaurus (biographems, autographems, mythologems), reflecting its originality.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ИНДИКАТОР ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К СУБКУЛЬТУРЕ[4]

Фоломеева Т.В., Винокуров Ф.Н., Нагорнова В.В.

Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова, Москва

Ключевые слова: потребительское поведение, идентичность, субкультуры, транзитивное общество, социальные сети

Аннотация. Исследование посвящено проблеме поиска наиболее содержательных характеристик, описывающих личность, а в частности, через совершаемые нами выборы в контексте потребления. С конца XX века оформился подход, который рассматривает потребление как одну из важных детерминант формирования собственной идентичности и причастности к определенной субкультуре. Целью данного исследования было проверить гипотезу о возможности реконструкции стиля и образа жизни, предпочтениях и принадлежности к различным субкультурам на основе нашего потребления. Полученные нами данные были взяты из социальной сети "ВКонтакте" и включали в себя как социально демографические показатели пользователей, так и их индивидуальные предпочтения, операционализированные нами через их подписки. Результаты проведенного анализа показали, что действительно значимые различия присутствуют

[4] Данная работа выполнена при поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ) №17-06-00980 "Исторические и политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности русского общества"

между разными гендерными группами и группами с разным материальным достатком. У каждой из выделенных групп существует своя ведущая деятельность, обусловленная потреблением и связанная с целой сферой иных предпочтений, характерных для всех членов этой номинальной субкультурной группы. Возрастных и поколенческих различий не было обнаружено. В дальнейшем планируется кросс-культурное сравнение для дифференциации культурных детерминант и личностных или свойственных этому историческому контексту.

Основа изучения роли потребления в субкультурах была заложена Шаутеном и МакАлександром еще в 1995 году. Исходя из прикладных задач маркетинга, авторы задались вопросом о соотношении социологических и культурных детерминант, объясняющих нашу индивидуальность. Действительно, что в большей степени отражает нашу идентичность: пол и возраст или же выбранная нами деятельность, объекты и установленные отношения (Scouten, McAlexander, 1995)? Вопрос можно считать дискуссионным, но исследования показывают, что совершенные человеком выборы и реализация потребительских установок придают его жизни смысл, а мы, как исследователи, на основе этого можем делать выводы о ценностях и интересах, лежащих в основе этого (Ариф, 2019).

Исследования субкультур и потребления имеют свою длинную историю в науке и изучались независимо, только в XXI веке став двумя тесно связанными феноменами. Потребители категорий продуктов представляют собой субкультуру, избранные ими товары – хранилище смыслов внутри группы, отношения и взаимосвязи в группе поддерживаются с помощью ритуалов потребления (Scouten, McAlexander, 1995).

Взаимоотношения двух этих феноменов можно представить в виде континуума, где на одном из полюсов находится торжество консьюмеризма и демонстративного поведения, а на другом – полная изолированность и закрытость субкультуры от стороннего наблюдателя. Значимой составляющей для каждой из субкультур, располагающейся на этой прямой, является эмоция, на основе которой можно проранжировать участников группы от нейтральных потребителей (группа членства на периферии), заканчивая чуть ли не религиозным помешательством - для представителей ядра (Koch, Sauerbronn, 2019).

Одной из форм поддержания идентичности, которая остается скрытой от обнаружения и копирования большими социальными группами, является пищевое поведение. Неприметный характер повседневных процедур выступает сопротивлением мейнстриму и защитой внутригрупповой идентичности от господствующей культуры

(Cronin, McCarthy, Collins, 2014). Не менее важно и то, что повседневность дает возможность восстановить целостность жизненного пути и отгородиться барьером от общего хаоса окружающего (Марцинковская, 2017).

В эпоху глобализации исследователи отмечают интенсивный процесс изменения ценностных ориентаций, информационного и субкультурного пространства, трансформации смыслов, эталонов и норм поведения, а как следствие и размывание идентичности (Марцинковская, 2013). С другой стороны, следствием особенностей постмодерновой культуры сейчас является возможность выбора изощренных и неординарных стилей жизни и конструирования соответствующих идентичностей (Wheaton, 2000). Потребление удовлетворяет современный голод по концептуальному пространству, в котором можно сконструировать образ себя и жизненных смыслов. Так, например, владение автомобилем и вождение может стать полноценной реализацией собственной аутентичности и, как следствие, средством конструирования идентичности (Force, 2009).

Транзитивность современного общества и скорость социальных изменений не всегда позволяет зафиксировать и описать какой-то социально-психологический феномен. Еще 10 лет назад можно было выделить общеизвестные субкультуры, признаки идентификации их приверженцев и паттерны их поведения. Среди молодежи такие субкультуры часто становились самым доступным способом самовыражения, из-за чего они ревностно относились к общедоступности их идентичности. Для кого-то атрибуты субкультуры были не средством выражения идентичности, но способом поиска себя и возможностью ощутить причастность к какой-то социальной группе.

Сейчас с развитием и ростом проникновения в жизнь интернета любая информация может стать публичной в экстремально короткие сроки, а обилие ее копий не позволяет найти первоначальный источник, истинного коммуникатора. Интернет размывает границы субкультур, порождая многочисленные варианты объединений по интересам, которые уже не поддаются анализу как отдельные кейсы. Часть этих групп еще не оформились и существуют лишь номинально. Другие быстро развиваются и объединяют большие группы людей со схожими ценностями, предпочтениями и, вероятно, образом Я.

Проблемой нашего исследования стал поиск субкультур в социальных сетях на основе потребительского поведения. Наши предыдущие исследования показали, что сообщества потребителей в интернете представляют собой достаточно стабильные социальные группы, которые объединяются вокруг единых потребительских предпочтений в отношении определенных товаров, услуг или брендов (Винокуров, 2012). При этом многообразие выбора для удовлетворения потребности сохраняет за человеком

возможность выражать себя через обыденные практики потребления (Folomeeva, 2012). Совокупность сообществ потребителей в социальной сети, добровольным участником которых он является, по нашему мнению может отражать стиль жизни этого человека, набор ценностей и принадлежность к определенной субкультуре, которая не всегда становится предметом для рефлексии. Таким образом, потребительское поведение, на наш взгляд, - один из наиболее стабильных индикаторов принадлежности к современным субкультурам.

Основной гипотезой нашего исследования стало предположение о том, что членство в сообществе потребителей определенных товаров, услуг или брендов является одним из ключевых индикаторов принадлежности к субкультуре.

Операционализация этой гипотезы заключалась в анализе подписок на сообщества (“группы”, “страницы” брендов) у большого числа пользователей социальных сетей. Мы предположили, что подписки на отдельные фрагменты будут образовывать устойчивые сочетания, на основе которых можно практически в реальном времени выделить существующие субкультуры и оценить степень их близости друг к другу, исходя из одновременного присутствия этих сочетаний в репертуаре подписок пользователей социальных сетей.

Исходя из основной гипотезы, на первом этапе нами были отобраны наиболее крупные по количеству участников группы в социальной сети VK, которые нацелены на потребление следующих категорий продуктовой корзины: питание, одежда, досуг, медицина. Для повышения репрезентативности данных по каждой категории были выбраны 22 контрастные группы: правильное питание и фастфуд, одежда “массмаркет” и “дизайнерские вещи”, компьютерные игры и театр в качестве досуга, группы сторонников и противников прививок. Из каждой группы было отобрано случайным образом не более 3 000 участников (простая случайная выборка). Отбор осуществлялся только из совокупности общедоступных профилей участников групп с публичной информацией о подписках, поле и возрасте (год рождения), которые пользовались социальной сетью на момент выгрузки данных (март 2019 года). Всего было получено 54 984 профиля. Сбор данных осуществлялся через общедоступный API (интерфейс доступа для приложений) социальной сети и был автоматизирован с помощью программы на языке Python и библиотеки vk_api.

Сочетания подписок пользователей (несколько групп, подписки на которые часто встречаются вместе у разных людей) были выявлены с помощью тематического моделирования методом латентного размещения Дирехле (LDA). Оптимальное качество модели, исходя из меры связности тем, было получено при 20 темах. Для анализа данных

использовались библиотеки pandas, gensim, pyLDAvis. Для снижения эффекта популярных подписок при интерпретации выделенных 20 тем использовался параметр $\lambda = 0,7$.

Анализ демографии пользователей показал, что наша выборка покрывает достаточно обширный возрастной пласт от 14 лет (минимально допустимый возраст для регистрации в социальной сети VK) до людей старше 75 лет. Ядро большинства (17 из 22) групп смещено к возрасту экономически наиболее активного населения (25-35 лет). Тем не менее, за счет отбора групп, характеризующихся разными категориями повседневного потребления и контрастными предпочтениями, нам удалось включить в анализ и молодежь, и зрелых потребителей.

В последующем анализе мы специально не делали акцент на демографии, т.к. первичным признаком выделения субкультур для нас являются потребительские предпочтения, интересы, увлечения и ценности, транслируемые через подписки в социальной сети. В данном случае пол и возраст - лишь дополнительные факторы, которые безусловно связаны с этими интересами, но характер этой связи не является ключевым вопросом нашего исследования.

Полезная для исследователя особенность групп в социальной сети VK состоит в том, что они обладают емкими и содержательными названиями, которые, как правило, хорошо отражают их тематику. Далее мы будем оперировать названиями групп, на чьи обновления подписались изучаемые нами пользователи социальной сети.

В нашем тематическом пространстве были получены четыре групповые темы, которые, с одной стороны, содержали в себе потребительские индикаторы, а с другой стороны, давали нам индивидуально-психологическое наполнение. К ним можно отнести потребление прививок, одежду из масс-маркета, авторские мужские изделия ручной работы и досуговая сфера, связанная с интеллектуальным потреблением.

По потреблению прививок и проявлению интереса к ним мы с высокой точностью можем предположить увлечение йогой и предпочтение золотых украшений, но специфичными для данной группы будут установка на правильное питание и приготовление в мультиварке, интерес к культуре Востока и натуральным китайским чаям, перевес work&life balance в сторону трудоголизма, обращение к советам юристов. Большая доля предпочтений отведена спортивной аналитике, ставкам и инвестициям в данной области и имеет выраженную гендерную окраску (преимущественно мужчины). Для этой группы даже есть свой характерный музыкант (Лисицын), исполняющий музыку в жанре поп. Географически специфичными для данной группы стали Ижевск и Москва.

Группа, потребляющая одежду из масс-маркета (Zara, H&M), характеризуется набором групп с широкой аудиторией, поэтому специфика этой группы в причастности к

большим, деиндивидуализированным сообществам. Яркий представитель транзитивного общества XXI века, отражающий свою индивидуальность через массовость. Данную группу составляют преимущественно девушки, заинтересованные в получении товаров в дар или бесплатно. Круг интересов очерчивается золотыми украшениями, средствами для ухода за волосами, вещами, возможными перелетами, товарами для детей, а также зоопарка. В том числе присутствует и ряд более мужских увлечений, касающихся строительства, техники, спортивных прогнозов. Но общее для них - жажда получения товаров бесплатно.

Близко к этой в тематическом пространстве располагается полностью мужская группа. Отличаются они активным потреблением вещей на заказ, товаров ручной работы, изделий из кожи, брендовых вещей и лояльностью Райффайзенбанку. Но для группы с таким достаточно специфичным потреблением характерны также и достаточно массовые увлечения: строительство, интерьеры квартиры/дачи, блоги успешных предпринимателей. В качестве досуга можно выделить кинофильмы и просмотр интересных мест в городе. Географически характерными городами стали крупнейшие города России - Москва и Санкт-Петербург. Так же в этой группе выделились специфичные профессиональные сообщества фотографов по поиску моделей для съемки, но это лишь подчеркивает гендерную составляющую данной группы и, предположительно, отражает объективирующее отношение к женщинам.

Последняя выделенная нами группа затронула иной пласт людей, которых можно было отнести к Современной аристократии, сосредоточенной в досуговой сфере. С одной стороны, вкусам данной группы соответствует ряд театров и музеев (Большой театр, Пушкинский музей, Эрмитаж, Театр балета Бориса Эйфмана), новостных интернет-изданий (ТАСС, Лента.ру, ведомости, РИА новости, Russia Today, РБК), но также и телевизионных каналов, радио и шоу (СМС, Радио Энерджи, Европа Плюс, Вечерний Ургант) и интернет порталов глянцевых изданий (woman.ru, cosmopolitan, чемпионат.com).

Также нами были получены тематические группы, потребительские индикаторы для которых были продиктованы самими предпочтениями группы – такие, как геймеры и представители культуры гиков (от англ. “geek”).

Третий тип полученных групп характеризуется гомогенностью интересов, направленных ведущей деятельностью. Например, мужчины-автолюбители; молодые мамочки (“яжемать”), рукодельницы. Торжеством потребительских субкультур стали девушки, которые обладают набором типичных женских предпочтений, но ядром стало потребление товаров с широкой китайской онлайн платформы Aliexpress.

Стоит отметить, что мемы и юмор - самый распространенный способ коммуникации, и так или иначе мы столкнулись с ним в каждой из групп, но что характерно, каждая группа выбирает свои источники юмора, обладающие спецификой не только по гендерной принадлежности и материальному благосостоянию, но и по ряду увлечений и хобби.

В условиях транзитивного общества такой пластичный и изменчивый конструкт, как “субкультура” практически неуловим. Есть опасность изучать либо уже “мертвые сообщества”, либо не увидеть за номинальной группой зарождающееся субкультурное сообщество. Поэтому изучение реального поведения таких динамичных сообществ в социальных сетях один из продуктивнейших инструментов.

Вопреки уже устаревшим представлениям, субкультуры не являются атрибутом только молодежных групп. Размывание границ как самих субкультурных сообществ и их функций для общества, так и характера идентичности в современных условиях, привело к повышению среднего возраста участников субкультуры.

Полученные результаты подтвердили, что предметы нашего потребления становятся для нас некой ведущей деятельностью тем самым делая нас причастными к различным субкультурным группам.

Литература

Ариф Э.М. Потребление в среде молодых активистов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 66-83.

Винокуров Ф.Н. Стабильность потребительского поведения и лояльность бренду // Российский научный журнал. 2012. Т. 5, № 30. С. 195-203.

Гришина Н.В., Костромина С.Н. Психология личности: переосмысление традиционных подходов в контексте вызовов современности // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 52. С. 1.

Марцинковская Т.Д. Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 1

Марцинковская Т.Д. Субкультура в транзитивном обществе // Вопросы психологии. 2013. № 4, С. 57–69.

Cronin, J. M., McCarthy, M. B., & Collins, A. M. Covert distinction: how hipsters practice food-based resistance strategies in the production of identity // Consumption, Markets & Culture. 2014. Vol 17, №1. P. 2-28.

Folomeeva T. Consumer loyalty as a factor in consumer choice // International Journal of Psychology, Psychology Press (United Kingdom) 2012. № 47. P. 178-178.

Koch, E. S., & Sauerbronn, J. F. R. To love beer above all things: An analysis of Brazilian craft beer subculture of consumption // Journal of Food Products Marketing. 2019. Vol 25, №1. P. 1-25.

Ryan Force, W. Consumption styles and the fluid complexity of punk authenticity // Symbolic Interaction. 2009. Vol 32, №4. P. 289–309.

Shouten J. W., McAlexander J.H. Subcultures of Consumption: An Ethnography of the New Bikers // Journal of Consumer Research. 1995. Vol. 22, № 1. P. 43-61.

Wheaton, B. Just Do It: Consumption, Commitment, and Identity in the Windsurfing Subculture // Sociology of Sport Journal. 2000. Vol 17, №3. P. 254–274.

CONSUMER BEHAVIOUR AS AN INDICATOR OF BELONGING TO A SUBCULTURE[5]

Folomeeva T.V., Vinokurov F.N., Nagornova V.V.

Lomonosov Moscow State University, Moscow

Keywords: consumer behaviour, identity, subculture, transitive society, social network

Abstract. The study is devoted to the problem of finding the most meaningful characteristics that describe a person, and in particular, our personal features through our choices in the context of consumption. Since the end of the 20th century, appeared an approach that considers consumption as one of the important determinants of our identity and subculture involvement. The purpose of this study was reconstruction of lifestyle, preferences and belonging to various subcultures based on our consumption. The data we obtained were collected from the social network “Vkontakte” and included both social demographic indicators of users and their individual preferences, which we operationalized through their subscriptions. The results of the analysis showed that significant differences between different gender groups and groups with different material wealth. For each of the selected groups there is its own leading activity connected with a consumption, and associated with the whole sphere of other preferences of nominal subculture members. Significant age and generation differences were not found. We planned continue this issue in cross-cultural design to differentiate personal determinants from historical context and cultural features.

[5] This issue is prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research (RFBR) №17-06-00980 “The historical and political factors of collective memory and identity of Russian society transformation”.

ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫМ МАРКЕРОМ ПРОТЕСТНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ?

Хорошилов Д.А., Ильжер Е.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Ключевые слова: прекарность, коллективные действия, протестная субкультура, социальная идентичность, коллективные переживания

Аннотация. Психологические и социологические теории, рассматривающие социальные и гражданские движения как формы коллективного действия (поведения), не смогли предсказать всплеск уличных собраний по всему миру (последний пример – это «Желтые жилеты» во Франции). Участники демонстраций слишком различны по своим характеристикам и не выдвигают однозначных политических требований, что заставляет усомниться в наличии у них общей идентичности (Дж. Батлер). Может быть, существует латентный критерий идентификации с субкультурой протеста как неким «воображаемым сообществом» (Б. Андерсон), которое локализуется в социальном пространстве в решающий момент выхода людей на улицы? На материале интерпретативного феноменологического анализа (версия Дж. Смита) интервью с непосредственными участниками митингов в России 2010-х гг. формулируется гипотеза: коллективное переживание прекарности (экзистенциально-политической уязвимости и незащищенности) является идентификационным маркером протестного сообщества.

Социальные движения – это основной способ пересборки современных обществ, который направлен на осуществление институциональных преобразований. Тема протестов и выступлений стала актуальной во всем мире благодаря усилению глобальных связей, позволяющих сопротивляться неравенству в правах на достойную жизнь (*livable live*), политическому насилию и экономическим лишениям (Батлер, 2018). Начиная от Г. Лебона и заканчивая более актуальными подходами М. Ван Зомерена и Б. Кландерманса имеется солидная психологическая и социологическая традиция анализа социальных движений как формы коллективного действия (поведения). В отличие от стихийного поведения массы или толпы, социальные движения представляют собой организованные выступления людей, ставящих перед собой цель выразить отношение к изменениям в обществе, препятствовать или способствовать им (Андреева, 2009).

Однако ни одна из теорий социальных движений не смогла предсказать внезапные и географически разбросанные мобилизации людей: Occupy Wall Street в США, митинги в России, недавние демонстрации «Желтых жилетов» во Франции. Структура этих новых

социальных и гражданских движений (в настоящих тезисах между ними ставится условный знак равенства) отличается от привычных массовых выступлений по следующим четырем признакам (Neveu, 2015): 1) относительная автономия элементов, 2) абстрактный характер требований, 3) отсутствие связи с политическими организациями; 4) объединение собрания чаще основывается на культурных, а не на экономических характеристиках. Исследователи из различных дисциплин сходятся во мнении, что основным фактором коллективных действий является идентичность (Klandermans, 2014) (в социологии – коллективная, в психологии – социальная; на наш взгляд, эти понятия эквивалентны). Но такое объяснение сталкивается с трудностями при изучении названного феномена *новых* гражданских движений.

Очевидно, в современных обществах формируется латентная субкультура протеста, не локализуемая в социальном пространстве до самого момента выхода на улицы, который и становится точкой сборки гражданского движения. Батлер сомневается в существовании общей для него идентичности, уличное собрание – это ассамбляж людей, представляющих различные позиции и интересы, но объединенных борьбой за жизнь. Если все же сохранить концепт, то можно предположить, что идентичность социальных движений имеет сетевой и спонтанный характер. Здесь возникают известные методологические сложности анализа. Субкультура протеста – это «воображаемое сообщество» (по Б. Андерсону), чей критерий идентификации – не чисто социальный или политический, а скорее психологический, т.е. воображаемое состояние, интерсубъективно разделяемое в социальных практиках (уличной демонстрации для стороннего наблюдателя).

В российской психологии имеется оригинальный термин, трудно переводимый на английский язык, – *коллективное переживание*, который использовался еще Г. Шпетом в старинных работах по этнической психологии, а современные психологи (Марцинковская, 2014; Стефаненко, Липатов, 2015) проводят аналогии между коллективным переживанием, коллективными / межгрупповыми эмоциями и социальной идентичностью. Коллективное переживание – это 1) единица взаимной идентификации личности и группы, объединяющая когнитивный и аффективный компоненты (т.е. образ, представление о группе, и интенцию к действию); 2) как идентификационная структура коллективное переживание представляет собой эмоционально-типическое отношение людей к обществу и культуре; 3) сложный языковой знак, опосредующий социальное познание и поведение, поэтому его логично исследовать через понятия повседневного языка, что делает перспективным использование качественных методов (феноменологического, нарративного или дискурс-анализа).

Коллективным переживанием, становящимся идентификационным маркером новых социальных движений, является прекарность, которая может рассматриваться как критерий выделения отдельного сообщества и субкультуры прекариата, объединяющего различных людей по всему миру вне зависимости от классовой, гендерной и расовой принадлежности. Прекариат – это политическое положение, в котором одни группы больше других страдают от недостаточной поддержки социально-экономических сетей и подвергаются насилию, травмам и, как следствие, смерти (Батлер, 2018). Прекариат образует социальный класс для себя, не имеющий постоянной занятости и гарантий, связанных с работой и доходом, у него нет социальной защищенности, что оборачивается размыванием идентичности и сужением временной перспективы ситуации такого рода, для которой свойственны недовольство, аномия, беспокойство и отчуждение, и может попасть каждый из нас (Стэндинг, 2014).

Прекарность с точки зрения психологии – не критерий нового класса (идет ли речь о мигрантах, фрилансерах, хипстерах и т.д. (Тощенко, 2018), а комплексная экзистенциально-политическая характеристика всех современных обществ, где экономический и социальный капитал (включая *телесность*) фактически любого человека независимо от его ресурсов, шансов и возможностей может быть нивелирован стечением случайных и непредсказуемых событий. Однако прекарность не просто указывает на изначальную хрупкость и ранимость существования человека, это перформативная практика установления границ включения / исключения индивидов, дифференциации и оценочного сравнения сообществ и субкультур с точки зрения их телесной уязвимости и права на жизнь и смерть.

Прекарность определяется нами как типическое переживание (по Шпету), которое становится латентной сетевой структурой идентификации (географически разрозненных) индивидов как протестного сообщества. При этом введение объяснительного конструкта переживания следует рассматривать в перспективе «аффективного поворота» социальной психологии (от изучения когниций к интерсубъективно разделяемым и распределяемым эмоциям), что реализует теоретический тезис Ш. Муфф о возвращении измерения страсти в политический дискурс демократии.

В результате интерпретативного феноменологического анализа (Smith et al., 2009) серии полуструктурированных интервью с 7 участниками митингов в России 2010-х гг. были выделены ключевые темы, которые можно считать сложными языковыми знаками коллективного переживания прекарности, преломленного через призму персонального и автобиографического опыта: *личное участие в уличном собрании как идентификация со всей страной, переживание несправедливости как выход из личного комфорта, интенция*

к изменению социального порядка, совладание с переживанием страха наказания, итоговое разочарование и утрата надежды.

Важно подчеркнуть, что утрата иллюзий относительно социальных и политических достижений и целей гражданских движений не является свидетельством их поражения или завершения: они вновь переходят на латентный уровень, что подтверждается данными социологических исследований, согласно которым протестный потенциал в современной России «хотя и невелик, но реален» (Красин, Вебер, Галкин, 2017). Аналогично рассуждали и наши респонденты. С психологической точки зрения субкультура необязательно должна принимать ярко выраженную внешнюю форму, ибо во многих случаях достаточно наличия переживания как механизма формирования и поддержания приверженности тому или иному сообществу со специфическим стилем жизни и мышления (Марцинковская, 2014).

Впрочем, разочарование в социальных изменениях (*когнитивных альтернативах* развития общества – А. Тэшфел), очевидно, не менее значимая составляющая прекарности, чем переживание несправедливости, неравноправного распределения достойной жизни (livable life), а этот факт по-прежнему оставляет возможность для внезапной мобилизации новых гражданских движений, как случилось в 2010-х гг. Не менее важно, что прекарность становится фактором коллективного поведения только в том случае, когда она реально переживается сообществом / субкультурой, формальное приписывание к классу прекариата не является детерминирующим (именно по этой причине на площади и проспекты Москвы вышел «креативный класс», внешне защищенный, казалось бы, солидным социальным капиталом, но объединенный политическим аффектом, который предстоит исследовать).

Литература

Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2009.

Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

Красин Ю.А., Вебер А.Б., Галкин А.А. (Ред.). Разум на распутье: Общественное сознание между прошлым и будущим. М.: Аспект Пресс, 2017.

Марцинковская Т.Д. Психология субкультуры // Вестник РГНФ. 2014. №4. С. 116–126.

Стефаненко Т.Г., Липатов С.А. (Ред.). Коллективные переживания социальных проблем. М.: Смысл, 2015.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.

Klandermans, P. G. Identity Politics and Politicized Identities: Identity Processes and the

Dynamics of Protest // Political Psychology. 2014. Vol. 35. №1. P. 1–22.

Neveu E. Sociologie des Mouvements Sociaux. Paris: La Découverte, 2015.

Smith J.A., Flowers P., Larkin M. Interpretative Phenomenological Analysis Theory, Method and Research. Thousand Oaks, CA: Sage, 2009.

Сведения об авторах

Хорошилов Дмитрий Александрович, кандидат психологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет психологии, старший научный сотрудник, d.khoroshilov@gmail.com

Ильжер Екатерина Анатольевна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет психологии, аспирант, katiahilger@gmail.com

WHAT IS AN IDENTIFICATION CRITERION OF PROTEST SUBCULTURE?

Khoroshilov D.A., Hilger E.A.

Lomonosov Moscow State University, Moscow

Keywords: precarity, collective actions, protest subculture, social identity, collective experience

Abstract. The psychological and sociological models of social movements consider civil movements from the point of view of collective behaviour and have difficulty explaining a sudden upsurge of popular demonstrations (like “Yellow vests” in France). The contemporary social movements are characterized by the diversity of their participants and by lack of common political demands, what makes doubt the possibility to produce among them a common identity (J. Butler). It appears that there is a latent criterion which permits the identification with a protest subculture. This subculture which can be also presented as an imagined community (B. Anderson) becomes possible at the moment of popular demonstrations. This article is exploring the identification criterion by referring the concept of collective emotional experience, which was elaborated by G. Shpet. Our hypothesis suggests that the collective experience of precarity is an identification criterion of the protest subculture. The hypothesis is verified by using the interpretative phenomenological analysis of interviews with the participants of social movements in modern Russia.

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕНТАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ: КУЛЬТУРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ[6]

Прохоров А.О.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

Ключевые слова: психическое состояние, регуляция, сознание, опыт, рефлексия, смысл, переживание, репрезентация, структура, функция

Аннотация. Рассматривается модель структурно-функциональной организации ментальной регуляции психических состояний, основанием для построения которой являются многолетние исследования взаимоотношений между психическими состояниями и структурами сознания субъекта. Составляющими модели являются ментальный (субъективный) опыт, смысловые структуры, рефлексия, переживания, ментальные репрезентации, целевые характеристики. Структуры сознания, интегрированные в ментальный (субъективный) опыт, характеризуются спецификой влияния на психические состояния, а также особенными, специфическими отношениями между собой. Ментальная регуляция опосредуется ситуациями жизнедеятельности субъекта, образом жизни и пространством культуры. Иллюстративно показана специфика влияния этнокультуральных факторов на семантические пространства психических состояний лиц (близость и различия), проживающих на разных территориях (немцы, турки, французы, русские) и исторически длительное время, а также проживающих на одной территории (русские и татары).

При взаимодействии с окружающим миром человек непрерывно сталкивается с ситуацией выбора различных способов реализации своей активности в зависимости от социальных условий окружающей его действительности, поставленных целей, собственных индивидуальных особенностей и особенностей лиц, с которыми он общается. «Жизненный процесс» актуализирует психические состояния различной модальности, длительности, интенсивности и знака. Необходимость в регуляции собственных состояний (саморегуляции) возникает, как правило, у человека в случае неадекватности его состояния обстоятельствам и ситуациям жизнедеятельности.

Регуляторный процесс осуществляется в конкретной социальной среде на фоне культуральных, этнических, профессиональных и др. влияний, в определенной социальной ситуации жизнедеятельности: экономической, юридической, связанной с

[6] Исследование поддержано РФФИ, проект № 17-06-00057а

местом субъекта в малой группе: его социальными ролями, статусами и пр., спецификой субкультуры, которой он принадлежит, связан с характерным для него образом жизни. Образ жизни понимается как система деятельностей, характеризующая жизнь людей в определенных условиях. Связь образа жизни и ситуации осуществляется через пространственно-временные характеристики, в которых жизнедеятельность социальных субъектов существует как единство условий сознания и деятельности, а «ситуация» понимается как прошедшие сферу сознания и включенные в повседневную жизнедеятельность людей условия жизни. Поэтому понятие «ситуация» позволяет анализировать отношение субъекта деятельности к обстоятельствам жизни как целостному феномену, в котором реализуются цели и задачи деятельности (образ жизни субъекта). Другими словами, можно сказать, что «образ жизни» - это близкие или повторяющиеся ситуации. Образ жизни через совокупность соответствующих ситуаций отражается в регуляции психических состояний. В этом же контексте отметим, что ментальная регуляция опосредуется пространством культуры, носителем которой является субъект.

Основными формами культуры, посредством которых осуществляется влияние структур сознания, являются вещи (артефакты), знаковые системы (семиосфера) и модели поведения. Субъект как представитель культуры является «носителем» определенной картины мира, индивидуальных значений и смыслов.

Ситуации жизнедеятельности субъекта, образ жизни и пространство культуры, вкупе с временными факторами являются основными опосредующими условиями регуляторного процесса, к центральным механизмам которого, на наш взгляд, относятся структуры сознания.

Целостная модель ментальной регуляции состояний представляет собой структуру взаимоотношений между психическими состояниями, характеристиками сознания: рефлексией, ментальными репрезентациями, переживаниями, смысловыми структурами, ментальным (субъективным) опытом, целевыми характеристиками и внешними социальными факторами: ситуациями, пространством культуры, образом жизни, временными факторами вкупе с регуляторными действиями и обратной связью.

В совокупности весь регуляторный комплекс является составляющей частью субъективного (ментального) регуляторного опыта человека. Включенность опыта проявляется в актуализации психического состояния определенного качества, в использовании наиболее часто употребляемых способов и приемов регуляции состояний, «наработанных», или «выработанных», или стихийно сложившихся в ходе освоения деятельности и жизнедеятельности, в целом, а также в организации «упорядоченных»

структур сознания, образующих функциональный комплекс, «настроенных» на регуляцию состояний определенного качества, модальности и интенсивности.

Составной частью опыта являются смысловые структуры сознания. Именно смысловые структуры приводят в соответствие бытие и субъекта, наполняют бытие смыслом, обеспечивая смысловое принятие жизни. Состояния являются отражением этого процесса и свидетельствуют о качестве «внутренней» жизни субъекта в соотнесении с его бытием. Актуализация смысловых структур зависит от специфики ситуации как психологического образования.

Другая составляющая – рефлексия. Благодаря рефлексии происходит оценка, осознание и сличение актуального состояния с искомым, и далее, в случае необходимости, субъект вносит коррекцию в используемые способы и приемы регуляции. Вовлеченность рефлексивных механизмов определяется целью регуляции - потребностью в изменении психического состояния как несоответствующего ситуации, взаимодействию субъектов или деятельности.

Результатом рефлексии и «означивания» является не только придание психическому состоянию конкретного значения, но и появление его образа, репрезентируемого в сознании субъекта как представление самому себе переживаемого состояния. Содержание образа является результатом отражения накопленного опыта переживания данного состояния при различных обстоятельствах, ситуациях и событиях, в которых находился субъект.

Важным компонентом ментальной структуры регуляции является переживание. Включенность переживания в ментальную структуру регуляции обусловлено тем, что возникновение психического состояния субъекта связано с его бытием, отражением этого бытия, а также отражением его отношения к бытию. Презентация такого отражения в сознании человека осуществляется не в виде образов, а в виде переживаний: переживания репрезентируют человеку содержание его бытия и сознания. Именно в переживании субъекту дается реальность его психических состояний (Фахрутдинова,2009). Переживание, являясь внутренней деятельностью по производству смыслов, изменяет динамическую смысловую систему, формируя новые смыслы. Соответственно изменяется и психическое состояние.

Существенным звеном ментальной регуляции является воплощение смысла в значениях. «Окрашивание» смыслом значения приводит к своеобразному связыванию значения (объекта, предмета, ситуации и пр.) и психического состояния. Те или иные значения приобретают «пристрастность», которая впоследствии выражается в состоянии субъекта. Причем есть основания полагать, что за определенными значениями (объектами,

предметами) в повторяющихся ситуациях в ходе онтогенеза и накопления жизненного опыта закрепляются также типичные по знаку, модальности, интенсивности, длительности психические состояния.

Проведенные нами исследования значений - семантических пространств состояний лиц, проживающих на разных территориях (немцы, турки, французы, русские), и лиц, исторически длительное время проживающих на одной территории (русские и татары), позволили выявить ряд закономерностей. В частности, немцы во всех описаниях дают очень большое количество ситуативных высказываний и ассоциаций, подчеркивая либо причины возникновения состояния, либо конкретную ситуацию его переживания. У русских во многих семантических пространствах наблюдается большое количество физиологических проявлений, возникающих при переживании состояний, у французов – мотивационных и также физиологических. Выявлена идентичность в высказываниях испытуемых разных национальных групп, однако чаще высказывания совпадают между какими-либо двумя группами признаков, причём замечено, что совпадение характеристик турок и немцев меньше, чем турок и русских, русских и немцев. Наиболее часто совпадают семантические пространства состояний раздумья, утомления, ненависти и озарения (Прохоров, 2002).

Что касается семантических пространств психических состояний лиц, исторически длительное время проживающих на одной территории (русских и татар), то в исследованиях было установлено, что семантические пространства слов, обозначающих психические состояния человека (радость, страх, злость, заинтересованность, утомление и др.), у русских и татар во многом совпадают. В то же время, несмотря на совпадения в понимании значений психических состояний у русских и татар, присутствуют и различия. Так, при описании состояний татары в большей степени используют слова и выражения, обозначающие действия, поведенческие проявления, тогда как русские – переживания. То есть, вектор проявлений состояния у татар в большей степени «внешний» (различные формы поведенческой активности: акты, действия, поступки и пр.), тогда как у русских – «внутренний» («уход в себя, в переживания», во внутреннюю жизнь разной степени глубины и т.п.). Отметим и такой факт: семантические пространства состояний татар и русских ближе, чем русских и татар с представителями Европы и Азии - даже при близости и похожести языка татар и турок (тюркская группа) семантические пространства состояний различны. Национальная специфика переживания психических состояний проявляется в различном «весе» отдельных лексических составляющих семантических пространств состояний, их выраженности и интенциях.

Литература

Прохоров А.О. Семантические пространства психических состояний. Дубна: Феникс+, 2002.

Фахрутдинова Л.Р. Теория переживания. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009.

Сведения об авторе

Прохоров Александр Октябринович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Института психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: alprokhor1011@gmail.com

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL ORGANIZATION OF MENTAL STATES MENTAL REGULATION: CULTURAL ASPECT

Prokhorov A.O.

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

Keywords: mental state, regulation, consciousness, experience, reflection, meaning, experience, representation, structure, function

Abstract. A model of the structural-functional organization of mental states mental regulation is considered, the basis for the construction of which is a long-term study of the relationship between mental states and structures of subject consciousness. The components of the model are mental (subjective) experience, semantic structures, reflection, experiences, mental representations, target characteristics. The structures of consciousness integrated into the mental (subjective) experience which characterized by specific effects on mental states, as well as by special, specific relationships among themselves. The influence of mental regulation is mediated by the life situations of the subject, its lifestyle and cultural space. The ethno cultural factors influence specificity on the semantic spaces (closeness and differences) on mental states of persons living in different territories (Germans, Turks, French, Russians) and historically long time living in the same territory (Russians and Tatars) is shown.

About author: Prokhorov A.O., doctor of psychology, professor, head of General psychology department, Institute of psychology and education, Kazan (Volga region) federal university, e-mail: alprokhor1011@gmail.com

ДУХОВНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ЛИДЕРСТВА

Петрушихина Е.Б.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Ключевые слова: духовность, духовность на рабочем месте, духовная организационная культура, духовное лидерство, духовное благополучие

Аннотация. Статья посвящена проблеме духовности в организации. Обсуждается понятие духовности на рабочем месте. Как реализация концепции духовности на рабочем месте рассматривается формирование духовной организационной культуры. Обозначены признаки духовной организационной культуры – сильное чувство цели, концентрация на индивидуальном развитии, доверие и открытость, расширение полномочий сотрудников, толерантность к проявлению эмоций. Способом построения духовной организационной культуры выступает духовное лидерство. Проанализированы компоненты духовного лидерства в концепции Л. Фрая – видение, альтруистическая любовь, надежда и вера.

В современной литературе и управленческой практике организационная культура рассматривается как важнейший атрибут любой организации. Понимаемая как система ценностей, норм и правил организационная культура влияет на поведение и восприятие членов организации, эффективность индивидуальной и групповой деятельности, адаптацию организации к внешней среде (Занковский, 2000).

Весьма актуальным является вопрос о совершенствовании и развитии организационной культуры, и его обсуждение целесообразно начать с обозначения тезиса об очередной смене парадигм в менеджменте. Данная смена парадигм обусловлена разворачивающейся Четвертой промышленной революцией и вхождением в эру цифровой экономики 4.0. Вхождение в цифровую экономику существенным образом изменяет систему отношений внутри бизнеса, в частности, требует соблюдения морально-этических норм во всех сферах деятельности организаций (Виханский, Миракян, 2018).

Отражением происходящих трансформаций выступают определенные тенденции в формировании организационной культуры современных и будущих организаций – это создание этичной, новаторской культуры; построение культуры, основанной на чутком отношении к потребностям клиентов, и создание духовной организационной культуры (Роббинз, Коултер, 2007). В рамках настоящей работы представляют особый интерес особенности духовной организационной культуры.

Формирование духовной организационной культуры можно рассматривать как один из аспектов реализации управленческой концепции *духовности на рабочем месте* (Замулин, 2010). Обращение к понятию духовности в организационном контексте становится все более распространенным, в том числе и в отечественной литературе. Следует отметить, что использование данного конструкта затруднено вследствие его сложности и многогранности: в качестве основы для понимания духовности могут быть приняты разум, религия и вера, творчество, истина, смысл, этика (Романенко, 2017). Тем не менее исследователи и практики солидарны в признании особой значимости духовности в деятельности организаций ((Виханский, Миракян, 2018).

Концепция духовности на рабочем месте исходит из признания внутренней жизни людей и их стремления к более глубокому пониманию себя и своего предназначения на Земле (Роббинз, Коултер, 2007). Люди столько времени проводят на рабочем месте, что у них неизбежно нарастает желание воспринимать свою работу как значимую и что-то меняющую в мире. Сотрудники организаций испытывают потребность в свершениях на работе, они хотят чувствовать себя частью чего-то большего, сообщества, в котором они вместе борются за лучшую жизнь.

Остановимся более подробно на отличительных характеристиках духовной организационной культуры.

Во-первых, это сильное чувство цели. Духовная организационная культура базируется на социально значимых целях: например, это может быть качественное обслуживание клиентов, обеспечение максимально низких расценок на товары и услуги, защита окружающей среды.

Другая особенность духовной организационной культуры – концентрация на индивидуальном развитии сотрудников. Организации с подобной культурой стремятся создать все условия для личностного и профессионального совершенствования своих работников.

Кроме того, духовным организациям свойственны доверие и открытость. В отношениях с сотрудниками, потребителями и всеми стейкхолдерами менеджеры демонстрируют искренность, честность и откровенность, они не боятся признавать свои ошибки и готовы к обсуждению недостатков своей деятельности.

Еще одна особенность обсуждаемых организаций – наделение властью и расширение полномочий сотрудников. В организациях с духовной культурой поощряется самостоятельность в принятии решений относительно рабочего процесса, поскольку руководители доверяют своим подчиненным и ожидают от них обоснованных и этически верных поступков.

Весьма привлекательна такая характеристика духовной организационной культуры, как толерантность к проявлению сотрудниками эмоций. Компании признают, что люди могут испытывать разные чувства и их проявление не должно осуждаться и приводить к применению санкций (Роббинз, Коултер, 2007).

Каким образом может быть сформирована духовная организационная культура? Можно полагать, что для этого необходим особый тип лидерства, учитывая, что в литературе устоялся тезис о решающей роли высшего менеджмента в развитии и поддержании организационной культуры (Шейн, 2002). Представляется, что наиболее релевантной в данном контексте будет концепция духовного лидерства, предложенная Л. Фраем (Fry, 2003).

Л. Фрай рассматривает духовное лидерство как метод совершенствования культуры рабочей среды, позволяющий работникам находить высокие цели и ощущать социальную взаимосвязанность. Причины распространения духовного лидерства он усматривает в радикальных изменениях рабочей среды в конце XX - начале XX1 века. Если ранее она была вполне предсказуемой, и менеджмент действовал в рамках культуры страха, насилия и принуждения, то к настоящему времени организационная среда является непредсказуемой, вынуждающей фирмы быть гибкими, инновационными, адаптивными, чтобы сохранить конкурентоспособность на глобализованных рынках.

С точки зрения Л. Фрая, духовное лидерство проистекает из взаимодействия надежды и веры, видения и альтруистической любви, выступающих основными элементами его концепции.

Весьма важно, что автор разделяет личное и коллективное духовное лидерство. Личное лидерство основано на индивидуальных знаниях, навыках и способностях, связанных с формальной ролью руководителя, а также на одностороннем воздействии лидеров на последователей (Fry et al., 2011).

В коллективном лидерстве первоочередное внимание уделяется процессу коллективного социального влияния, в которое вовлекаются все члены организации. Коллективное духовное лидерство преодолевает традиционный лидеро-центричный подход и предполагает участие всех членов группы в удовлетворения духовных потребностей и повышении организационной приверженности и эффективности. Таким образом, каждый человек, оказывающий положительное влияние на развитие призвания, чувства принадлежности и эффективности группы, считается лидером.

Остановимся более подробно на содержании ключевых компонентов духовного лидерства Л. Фрая. Для осуществления индивидуального лидирования важны следующие качества лидера (Fry, 2003):

– *видение*, которое предполагает широкое обращение к основным стейкхолдерам, отражает высокие идеалы, устанавливает стандарты качества, определяет цели и способы их достижения, поощряет веру и надежду;

– *альтруистическая любовь*, означающая доверие и лояльность, честность, прощение, принятие и благодарность, честность, смелость, смирение, доброжелательность, терпимость, сострадание, скромность;

– *надежда и вера*, включающие стойкость, упорство, умение делать то, что нужно, расширение горизонта целей, ожидание награды/победы.

Коллективное лидерство, основанное на коллективном взаимодействии и социальном взаимовлиянии в организации, также включает надежду и веру, видение и альтруистическую любовь (Fry et al., 2011).

*Надежда и Вера***.** Надежда - это желание с ожиданием исполнения. Вера добавляет уверенности надежде. Взятые вместе Надежда и Вера - это твердая вера в то, для чего нет никаких доказательств. Они основаны на ценностях, отношениях и поведении, которые демонстрируют абсолютную уверенность и уверенность в том, что желаемое и ожидаемое сбудется. У людей с Надеждой и Верой есть видение того, куда они идут и как туда добраться. Они готовы противостоять оппозиции и терпеть лишения и страдания, чтобы достичь своих целей. Надежда и Вера также являются источником убеждения, что видение, как личное, так и организационное, будет реализовано.

Видение. Видение относится к картине будущего с некоторыми неявными или явными комментариями о том, почему люди должны стремиться создать это будущее. В мотивации изменений видение выполняет три важные функции, разъясняя общее направление изменений, упрощая сотни или тысячи более детальных решений и помогая быстро и эффективно координировать действия членов группы. Более того, убедительное видение заряжает энергией работников, придает смысл работе, а также устанавливает стандарт качества. Для мобилизации сотрудников видение должно иметь особую привлекательность, определять направление деятельности организации, отражать высокие идеалы, поощрять надежду и веру.

*Альтруистическая любовь***.** Для духовного лидерства альтруистическая любовь определяется как чувство целостности, гармонии и благополучия, возникающее благодаря заботе о себе и о других. В медицинских и психологических исследованиях подтверждается, что любовь способна преодолевать негативное влияние деструктивных эмоций таких, как обида, гнев, беспокойство и страх. Альтруистическая любовь определяет набор ключевых ценностей, предположений, понятий и способов мышления, которые считаются этически правильными, разделяются членами группы и транслируются

новым сотрудникам. Духовные лидеры воплощают и придерживаются ценностей альтруистической любви в своих поступках и повседневном поведении.

Как полагает Л. Фрай, духовное лидерство является условием *духовного благополучия* членов организации, состоящего в ощущении ими своего предназначения и принадлежности (Fry et al., 2011).

Предназначение понимается как переживание трансцендентности или как ощущение смысла и цели своей жизни через служение другим. Многие люди стремятся не только к совершенствованию компетенций и мастерству, чтобы полностью реализовать свой потенциал в работе, но и к ощущению, что работа имеет какой-то социальный смысл или ценность. Термин «предназначение» давно используется в качестве одной из определяющих характеристик профессионала. Профессионалы имеют опыт в специализированной области знаний, этику, обязательства поддерживать высокие стандарты качества, они привержены своей профессии и находят ее ценной и даже необходимой для общества.

Принадлежность означает чувство причастности к определенной социальной группе. Принадлежность основана на фундаментальных потребностях в принятии и оценке. На работе люди ценят свою взаимосвязанность, им важно чувствовать себя частью более широкого сообщества. Членство в социальных группах усиливает значимость нашей личности. Включаясь в систему социальных связей, мы расширяем личные границы и обогащаем свою историю, мы развиваемся, и наша жизнь становится более продолжительной (Fry et al., 2011).

Таким образом, реализация духовного лидерства ведет к построению культуры альтруистической любви, в которой члены организации смогут формировать чувство принадлежности, стремясь к реализации общего видения. Развитие альтруистической культуры будет повышать уровень доверия, поскольку все будут иметь веру и надежду на достижение успеха. В свою очередь общее видение будет способствовать осмыслению сотрудниками своей работы.

В заключение необходимо остановиться еще на одном важном вопросе: в какой мере совестимы понятия духовности и прибыли и каковы последствия формирования духовной культуры и духовного лидерства для организационной эффективности? Хотя некоторые скептики сомневаются в целесообразности духовности в бизнесе, все же имеющиеся исследования обнаруживают позитивное влияние духовности в организации на продуктивность, а также креативность и удовлетворенность сотрудников (Роббинз, Коултер, 2007). Л. Фрай настаивает на том, что духовное лидерство обусловливает

тройную выгоду для организаций – увеличение благосостояния сотрудников, усиление организационной приверженности и рост финансовых результатов (Fry et al., 2011).

Обращение к конструкту духовности при изучении и в практике управления организацией, безусловно, очень важный и даже революционный шаг. Однако представленные теории интуитивно привлекательны, но эмпирически недостаточно обоснованы. Дальнейшие исследования требуют более строгого определения используемых понятий и разработки корректных методик их измерения.

Литература

Виханский О.С., Миракян А.Г. Новое тысячелетие: управленческие аномалии и современные концепции лидерства // Российский журнал менеджмента. 2018. №16 (1). С. 131 – 154.

Замулин А.Л. Духовность в организационном лидерстве: анализ зарубежных исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. Вып. 2. С. 183 - 193.

Занковский А.Н. Организационная психология. М.: Флинта, 2000.

Роббинз С. П., Коултер М. Менеджмент. М.: Издательский дом «Вильямс», 2007.

Романенко Н.Г. Феномен духовности в организационном контексте // Изв. Сарат. ун-та. Нов. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17. Вып. 1. С. 85 – 88.

Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002.

Fry L. W. Toward a theory of spiritual Leadership // The Leadership Quarterly. 2003 (6). P. 693 – 727.

Fry L. W., Hannah S. T., Noel M., Walumbwa F. O. Impact of spiritual Leadership on unit Performance // The Leadership Quarterly. 2011 (22). P. 259 – 270.

Сведения об авторе

Петрушихина Елена Борисовна, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д.6

SPIRITUALITY AS A BASIS OF DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL CULTURE AND LEADERSHIP

Petrushikhina E.B.

Russian State University for the Humanities, Miusskaya pl., 6, GSP-3, Moscow, Russian Federation

Key words: spirituality, workplace spirituality, spiritual organizational culture, spiritual leadership, spiritual well-being.

Abstract. The article is devoted to the problem of spirituality in an organization. The concept of spiritualityin the workplace is discussed. As a realization of the concept of spirituality in the workplace, the formation of spiritual organizational culture is considered. Features of spiritual organizational culture are indicated – a strong sense of purpose, a concentration on individual development, trust and openness, empowerment of employees, and tolerance for the expression of emotions. Spiritual leadership is a way to build a spiritual organizational culture. The components of spiritual leadership in L. Fry's concept – vision, altruistic love, hope, and faith – are analyzed.

ЧАСТЬ 2. ИДЕНТИЧНОСТЬ И СУБКУЛЬТУРА – ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

ИДЕНТИФИКАЦИЯ С СУБКУЛЬТУРОЙ СВОЕГО ПОКОЛЕНИЯ И ПОКОЛЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР ВЫСТРАИВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО СЦЕНАРИЯ МОЛОДЫМИ ЛЮДЬМИ[7]

Костромина С.Н., Гришина Н.В., Москвичева Н.Л., Зиновьева Е.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Ключевые слова: жизненный сценарий, жизненная модель, субкультура, идентичность, ценности, идентификация с поколением

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы межпоколенной и внутрипоколенной трансмиссии ценностей и установок, их роль в выстраивании жизненного сценария

[7] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта No 18-013-00599 («Жизненные модели молодежи: межпоколенное и внутрипоколенное исследование»).

молодыми людьми. Отмечается, что современное понимание межпоколенной трансмиссии делает акцент на взаимодействии субкультур, которые становятся способом обретения поколенческой идентичности, а жизненный сценарий является отражением этих процессов. Целью исследования выступило описание жизненных моделей молодежи в контексте межпоколенных отношений. Жизненные модели - это фрагменты жизненного сценария, реализуемые человеком в конкретных сферах жизни. В исследовании приняли участие 100 студентов СПбГУ, средний возраст - 21,02±1,11, использовалось полуструктурированное интервью, исследующее активность человека в двух сферах – профессионального самоопределения и близких отношений. Результаты факторного и кластерного анализов показали, что, независимо от степени близости с родительской семьей, может иметь место как высокая, так и низкая идентификация с субкультурой своего поколения. Идентификация с поколением родителей в большей степени сказывается на модели близких отношений.

Введение

Основным вызовом современного общества является его транзитивность, означающая постоянную изменчивость окружающего мира и его неопределенность, а также множественность контекстов (Асмолов, 2015). Характеристика общества как поствоспроизводимого акцентирует внимание на слабой реплицируемости событий прошлого в настоящем. Отдельным феноменом выступает появление поколения, обладающего опытом, который отсутствует у их родителей. В сложившейся ситуации проблема межпоколенного взаимодействия часто рассматривается с точки зрения «разрыва поколений».

Между тем, глобальность происходящих трансформаций обращает нас скорее не к проблеме взаимодействия поколений, а к вопросу трансмиссии культурных ориентиров и социальных установок: если раньше эти процессы опирались на межпоколенные отношения, то сегодня трансляция жизненных моделей происходит как по вертикали, так и по горизонтали.

Современное понимание межпоколенной трансмиссии делает акцент не на передаче ценностей и социальных представлений, но на взаимодействии субкультур, которые становятся способом обретения поколенческой идентичности (Марцинковская, Чумичева, 2015). Согласно Т.Д.Марцинковской приобщение к субкультурам связано с поиском своего места в жизни (Марцинковская, 2013). Выстраивание собственного жизненного сценария является одним из проявлений этого поиска. Опора на принятые в культуре идеалы и ценности ориентирует молодого человека на воспроизведение опыта

прошлых поколений, как следствие, на нормативный жизненный сценарий. Идентификация со своим поколением создает условия для включения в жизненный сценарий альтернативных форм активности, усиливая его вариативность.

В качестве концепта, расширяющего возможности эмпирического исследования жизненных сценариев молодежи, мы используем понятие жизненной модели. Жизненные модели — это фрагменты жизненного сценария, реализуемые человеком в конкретных сферах жизни; совокупность, содержание и логика жизненных событий, относящихся к одной из основных сфер жизнедеятельности человека (Костромина и др., 2018).

Исследование жизненных моделей молодежи в контексте межпоколенных отношений

Целью исследования выступило описание жизненных моделей молодежи в контексте межпоколенных отношений.

Эмпирическими референтами жизненного сценария выступили жизненные модели. Использовалось разработанное нами полуструктурированное интервью, исследующее активность человека в двух основных сферах жизнедеятельности: сфере профессионального самоопределения – учеба и работа, и сфере близких отношений.

Анализ литературы и результаты эмпирических исследований позволили выделить базовые параметры жизненных моделей. В профессиональной сфере - это характеристики, удовлетворяющие потребностям человека в интересной работе и занятиях, в наличии определенного социального статуса, в обеспечении материального положения. В близких отношениях - это индикаторы: потребности в близких отношениях, в наличии семьи и поддержании родственных отношений; характера близких отношений; ориентации на жизненное пространство семьи как жизненную опору.

В исследовании приняли участие 100 студентов СПбГУ, средний возраст - 21,02±1,11. 42% опрошенных постоянно проживают в СПб, 56% – приехали из разных регионов России (Новосибирск, Самара, Саранск, Калининград, Пермь, Ростов-на-Дону и др.).

Математический анализ полученных данных проводился с использованием пакета IBM SPSS Statistics 22.0. Основными видами анализа выступили факторный анализ и кластерный анализ.

Результаты факторизации представлений молодых людей о своих жизненных сценариях

Факторный анализ данных показал наличие пяти факторов. Первый фактор образовали утверждения, раскрывающие активную жизненную позицию и стремление к успеху в жизни, мы его обозначили как фактор «Активной включенности в жизнь».

Второй и третий факторы в разных аспектах описывали критерии идентификации со своим поколением (факторы «Оценка поколения сверстников» и «Готовность к изменениям»). Переменные второго фактора свидетельствовали об ориентации на открытость новому опыту, фокусировании на цели, личном благополучии, материальном достатке и карьерном росте. Утверждения третьего отражали готовность менять свою жизнь и меняться самому, уверенность в себе и ориентацию на новизну. Четвертый и пятый факторы – антиподы. Если четвертый фактор транслировал автономию и самостоятельность в отношении семьи (фактор «Самостоятельность и автономия»), то пятый (фактор «Поддержка семьи») фиксировал близость с семьей, поддержку семьи, стабильность, и конформизм.

Полученные результаты факторного анализа позволили дифференцировать как универсальные ориентиры жизненного сценария (активность, ориентация на карьерный рост и жизненный успех), так и влияние межпоколенных и внутрипоколенных отношений.

Идентификация со своим поколением и поколением родителей и варианты выстраивания жизненного сценария

Последующая кластеризация выявила пять кластеров, из которых четыре кластера активно демонстрировали как приверженность субкультуре своего поколения, так и близость с родителями.

Первый кластер объединил молодых людей с максимально высокими значениями по третьему фактору и пятому фактору. Представители этой группы никуда не переезжали, будучи детьми, и не меняли школу (0,015). (Здесь и далее приводится степень значимости отличий данного кластера от остальных, использован непараметрический критерий хи-квадрат Пирсона). Среди них больше тех, кто приехал на учебу в Петербург из других регионов России. Несмотря на то, что они независимы и готовы к изменениям, тем не менее, большая часть из них отмечает высокий уровень близости с родителями (0,004). До сих пор у половины респондентов родители продолжают интересоваться их учебой. То есть с одной стороны, респонденты первого кластера ориентированы на поддержку семьи, а с другой – готовы к изменению и себя.

Во второй кластер вошли молодые люди с пассивной жизненной позицией, не готовые вкладываться в себя и свою жизнь и с сильной опорой на семью. Они преимущественно живут в Петербурге (0,004). Работа для их матерей была только средством заработка (0,006), а отец имеет среднее или средне-специальное образование. Практически у половины респондентов родители продолжают регулярно интересоваться их учебой (0,010).

Респонденты третьего кластера в основном приехали из регионов России. Чаще – это единственные дети в семье (0,003). Выбор профессии у большинства из них связан с тем, что им всегда хотелось получить именно эту профессию (0,010). В тоже время, если они поймут, что ошиблись с ее выбором, то вряд ли будут готовы начать все сначала (0,000). Таким образом, с одной стороны, они не уверены в себе, избегают изменений, но готовы проявлять активность для достижения успеха в жизни, тяготеют к стабильности.

Четвертый фактор оказался самым малочисленным (5 респондентов), в связи с чем был исключен из дальнейшего анализа.

Пятый кластер имеет наиболее низкие значения по фактору пять, то есть молодые люди этого кластера максимально дистанцированы от семьи и не ориентируются на ее поддержку. Одновременно они демонстрируют большую уверенность и готовность к изменениям, чем респонденты из других кластеров. Эти молодые люди вместе с родителями переезжали в другой город (0,001) и меняли школу. Они указывают, что родители им не помогали с учебой (0,000), а совместное проведение досуга было редким. Хотя больше половины из них советовались с родителями о том, что делать после школы, мнение родителей мало повлияло на сделанный ими выбор (0,052).

Фактически можно предположить, что первый и второй кластеры являются примером формирования жизненных моделей на основе межпоколенных влияний, в то время как третий и особенно пятый – под влиянием внутрипоколенных отношений.

Существенные различия между кластерами позволяют говорить о специфике жизненных моделей, обусловленной не сферой жизнедеятельности, а именно механизмами межпоколенной и внутрипоколенной трансмиссии, а также степенью самостоятельности и активности в их построении.

В целом результаты кластерного анализа позволили сделать вывод о том, что близость с семьей сказывается на выстраивании молодыми людьми жизненного сценария больше в сфере близких отношений, в меньшей степени - в профессиональной сфере.

Выводы

Независимо от степени близости с родительской семьей, может иметь место как высокая, так и низкая идентификация с субкультурой своего поколения при выстраивании жизненного сценария. Идентификация с поколением родителей в большей степени сказывается на модели близких отношений. В профессиональной сфере может доминировать как ориентация на ценности старшего поколения, так и на взгляды и убеждения своего поколения. При этом возможны как жизненные модели, сформированные под влиянием своего поколения, так и под влиянием старших поколений.

Опора на ценности поколения родителей через поддержание близости с семьей может способствовать формированию как активных, так и пассивных жизненных моделей. Если близкие отношения с семьей не сопровождаются формированием активной жизненной позиции или идентификацией себя со своим поколением, то вариантом жизненного сценария становится «жизнь по течению».

Литература

Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия. Психологические исследования, 2015, 8(40), URL: http://psystudy.ru

Костромина С.Н., Гришина Н.В., Зиновьева Е.В., Москвичева Н.Л. Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. Вып. 4. С. 341 - 357.

Марцинковская Т.Д. Субкультура в транзитивном обществе // Вопросы психологии. – 2013. - № 4. С. 57 – 69.

Марцинковская Т.Д., Чумичева И.В. Проблема социализации подростков в современном мультикультурном пространстве // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 39. С. 10. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 24.03.2019).

Сведения об авторах

Костромина Светлана Николаевна – доктор психол. наук, профессор, СПбГУ, заведующая кафедрой психологии личности; s.kostromina@spbu.ru

Гришина Наталия Владимировна – доктор психол. наук, профессор, СПбГУ профессор кафедры психологии личности; n.v.grishina@spbu.ru

Москвичева Наталья Львовна – кандидат психол. наук, доцент, СПбГУ, доцент кафедры психологии личности; n.moskvicheva@spbu.ru

Зиновьева Елена Викторовна – кандидат психол. наук, СПбГУ, доцент кафедры психологии личности; e.zinovieva@spbu.ru

IDENTIFICATION WITH SUBCULTURE OF YOUTH GENERATION AND GENERATION OF PARENTS AS A FACTOR OF BUILDING A LIFE SCENARIO OF YOUNG PEOPLE

Kostromina S.N., Grishina N.V., Zinovyeva E.V., Moskvicheva N.L.

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Keywords: life scenario, life model, subculture, identity, values, identification with generation

Abstract. The article discusses the issues of intergenerational and intragenerational transmission of values and attitudes, their role in building a life scenario by young people. It is noted that the modern understanding of intergenerational transmission focuses on the interaction of subcultures, which are becoming a way of gaining generational identity, and the life scenario is a reflection of these processes. The aim of the study was to describe the life models of young people in the context of intergenerational relations. Life models are fragments of a life scenario, implemented by a person in concrete life spheres. The study involved 100 students of St. Petersburg State University, the average age is 21.02 ± 1.11; the semi-structured interview was used to investigate person activity in two areas - professional self-determination and close relationships. The results of factor and cluster analyzes showed that regardless of the degree of closeness with the parental family, both high and low identification with the subculture youth generation can take place. Identification with the generation of parents to a greater extent affects the model of close relationships.

About authors:

Svetlana N. Kostromina – Dr. Sci. in Psychology, Professor, Saint-Petersburg State University, Head of Department of Personality Psychology; s.kostromina@spbu.ru

Natalia V. Grishina – Dr. Sci. in Psychology, Professor Saint-Petersburg State University, Professor of Department of Personality Psychology; n.v.grishina@spbu.ru

Natalia L. Moskvicheva – PhD, docent Saint-Petersburg State University, docent of Department of Personality Psychology; n.moskvicheva@spbu.ru

Elena V. Zinovyeva – PhD, Saint-Petersburg State University, docent of Department of Personality Psychology; e.zinovieva@spbu.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСОБОЙ СУБКУЛЬТУРЫ ЖЕНЩИН СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА, ПОСТОЯННО ПРЕОБРАЗУЮЩИХ СВОЙ ВНЕШНИЙ ОБЛИК[8]

Крюкова Т.Л., Осьминина А.А.

Костромской государственный университет, Кострома

Ключевые слова: субкультура, перемены, преобразование, внешний облик, ценности, мнения референтной группы

[8] Исследование имеет финансовую поддержку РФФИ, проект 18-013-01005

Аннотация. В статье представлены результаты теоретико-эмпирического исследования группы женщин, постоянных клиенток медицинского центра красоты. Приводятся аргументы, обосновывающие их принадлежность к особой групповой субкультуре и необходимости ее изучения. Субкультура объединяет женщин средней взрослости, пытающихся меняться, молодея, «улучшая» свой внешний облик.Почему они это постоянно и настойчиво делают, вызывает вопросы. Проведен анализ исследований ценности красивого внешнего облика в современном обществе, который оказывает влияние на установки, социальные представления и поведение женщин и мужчин. Среди полученных результатов значимы следующие: в референтную группу, мнение которой по-разному способствует принятию решения о необходимости услуг эстетической медицины, входят дети, супруг, друзья, руководители. Найдены первые подтверждения гипотезы о том, что доминирующим фактором принятия женщиной среднего возраста решения о постоянном использовании медицинских манипуляций для улучшения своего внешнего облика является не столько мнение окружающих (значимого окружения), сколько качества ее Я-концепции.

Возникновение и эволюция субкультур – закономерный и естественный процесс, в который вовлекаются не только молодежные группы (этот феномен исследуется довольно подробно), но и взрослые люди. Понятен интерес исследователей к подростковым субкультурам, т.к. принадлежность к референтным группам является важнейшим механизмом социализации (Марцинковская, 2013). Проблема сознания и поведения социальных групп, и в частности, субкультур входит в круг актуальных социально-психологических исследований.

Важен анализ трансформаций социально-психологических факторов, влияющих на сознание и поведение субкультур, осмысление современных тенденций их динамики. Изучение переживаний коллективных эмоций социальной группой, взаимосвязь их с групповой идентичностью – актуальная сфера исследований группового сознания и поведения (Журавлев и др., 2017).

Современная культура является информационным носителем представлений о мире и о себе, естественным контекстом изучения переживаний, поведения и деятельности субъекта. Субкультура как часть культуры общества объединяет ее носителей, которые отличаются своим поведением от преобладающего большинства. Понятие субкультуры как культуры группы людей, намеренно избирающих стиль и ценности, предпочитаемые меньшинством, введено относительно недавно Д. Рисманом (Riesman, 1952; приводится по: Марцинковская, 2014). Приоритетными при

психологических исследованиях субкультуры являются причины выбора именно этой группой именно этого культурного содержания как одной их форм инкультурации и социализации человека (там же: С. 118). Разница в научных подходах к пониманию психологического содержания субкультуры связана, по мнению Т.Д. Марцинковской, не столько с её внешними проявлениями, но в большей мере с ценностями, установками и идеалами членов субкультурного сообщества. Существуют устойчивые связи между идентичностью и субкультурой.

Нас интересует особая субкультурная группа женщин средней взрослости, объединяемых идеей - постоянно меняться, преобразовывать свой внешний облик с омолаживающим эффектом. Данная общность людей имеет характерные культурные особенности, отличающие ее от других групп людей. Прежде всего, это мотивация сохранения молодости, последовательные усилия и немалые средства, вкладываемые в это (Осьминина, 2019).

Целью данной работы является изучение психологических факторов, влияющих на феномен существования особой субкультуры женщин средней взрослости, постоянно преобразующих свой внешний облик. Интерес к визуальной культуре вызывает повышенную потребность в изучении данной проблемы. В исследованиях гуманитарных наук внешний облик интерпретируется как феномен культуры, как неделимый признак бытия человека (Лабунская, 2010). Современное российское общество подвергается значительным изменениям, перестройка социальной конструкции напрямую влечет трансформации внутри ценностной системы личности. Культурная специфика общества непосредственно связана с базовыми ценностными ориентирами. В настоящее время общепринято, том, что красота человеческой внешности является значимой ценностью. Это утверждение поддерживается личностью, семьей, друзьями, коллегами, средствами массовой информации и пр. Чем больше человек соответствует актуальным критериям красоты, тем более он привлекателен для окружающих (Хергович, 2014). В психологии внешний облик как сложный конструкт исследуется В.А. Лабунской и коллегами. В него входят несколько составляющих, меняющихся под воздействием естественных и искусственных факторов. Пространственно-временную целостность (внешность) образует взаимодействие нескольких факторов: устойчивой составляющей (индивидуально-конституциональные параметры человека), среднеустойчивой (макияж, прическа, одежда, украшения и пр.) и динамической составляющей (экспрессивное, невербальное поведение) (Лабунская, 2010; Наровская, 2007).

Жизнь в обществе невозможна без социальных переживаний, которые отражают отношение личности к социальному окружению и своему положению в нем. Внешний

облик личности всегда находится в сфере оценок и самооценок. Период средней взрослости - сложный и неоднозначный для женщины отрезок жизненного пути. Осознание нарастающих возрастных изменений, включая внешность (старение), приводит к возникновению тревожного состояния, неуверенности, понижению самооценки женщины. В этот период для женщины очень важна эмоциональная поддержка, соучастное, чуткое поведение окружающих (Баранская и др., 2007). Развитие общества, ориентированного на потребление, усиливает вероятность развития субкультур. Достижение состояния красоты неразрывно связано с индустрией эстетической медицины, которая предлагает разнообразные, высоко эффективные манипуляции инвазивного и неинвазивного характера. В настоящее время количество проводимых эстетических манипуляций постоянно увеличивается (Сластенина, 2007). Женщины средней взрослости, преобразующие свой внешний облик, формируют особую субкультуру, отличающуюся специфичной системой ценностей, языком, манерой поведения, стилем и прочими аспектами. Эту группу объединяют общие особенности мировоззрения, в котором культивируется ценность внешнего привлекательного, соответствующего модным тенденциям облика. Кроме того, они популяризируют, распространяют данную концепцию среди собственного окружения, увеличивая численность субкультурной группы. Трансформация собственного внешнего облика, достигаемая с помощью эстетической медицины, воспринимается в данной группе как важный шанс улучшения, усовершенствования жизни, повышения ее качества.

Идентификация с субкультурой, принадлежность к ней являются фактором социализации женщин средней взрослости, преобразующих свой внешний облик. Внутри данной группы удовлетворяется их потребность в общении, повышается самоуважение, женщины получают и оказывают психологическую поддержку членам своей группы; переживают коллективные эмоции и др., таким образом, все более полно воспроизводя картину мира / мировоззрение представителей субкультурной группы. Входя в подобную группу преобразующих свой внешний облик, женщина средней взрослости реализует усвоенные в группе ценностные установки, нормы, поведенческие стереотипы. Обращение к практикам преобразования собственного внешнего облика является осознанной поведенческой активностью женщины, целью и результатом которой может стать, уже на бессознательном уровне, изменение самой личности, ее поведения и жизнедеятельности.

Среди выдвинутых ***гипотез*** нами проверялась следующая: доминирующим фактом в принятии женщиной среднего возраста решений о постоянном использовании медицинских манипуляций для улучшения своего внешнего облика (и своеобразного

присоединения к субкультурной группе) является не столько мнение окружающих (значимого социального окружения), сколько характеристики Я-концепции женщины.

Методы. Использовался сбор социально-демографических данных женщин средней взрослости (возраст, семейное положение, наличие детей, род занятий). Один из авторов имеет возможность вести включенное наблюдение за членами данной субгруппы. С целью выявления уровня удовлетворенности внешним обликом использовалась процентная прямая шкала, на которой исследуемые отмечали данный параметр от 0% до 100%. Для выявления значимых социальных связей, влияющих на отношение женщин к собственному внешнему облику, использован авторский опросник. Степень значимости мнения социального окружения (супруга, родителей, сиблингов, детей, друзей, коллег, СМИ, членов социальных сетей в Интернете) о непривлекательности внешнего облика, приводящее к решению женщины изменить («улучшить») внешность оценивалась по шкале Лайкерта в баллах от 1 до 10. Мнения, высказанные с позитивным и негативным посылом, оценивались отдельно. Кроме того для измерения качеств Я-концепции применялись Опросник самоуважения (Blake, P. и др., 1984); Методика исследования самоотношения (МИС, С.Р. Пантилеев, В.В. Столин, 1993).

Выборка. В исследовании приняли участие 108 человек: 54 женщины средней взрослости (от 40 до 60 лет; ср. возраст 48 лет, стд. откл. = 6), имеющие высшее профессиональное образование. Данная группа женщин с настойчивым постоянством (не менее нескольких раз в год и в течение не менее года всего) активно использует медицинские манипуляции, преображающие внешний облик, в медицинском центре. Для сравнения создана контрольная группа женщин этого же возраста, не прибегающих к манипуляциям данной направленности (n=54).

Остановимся на некоторых **результатах**. Анализ семейного положения женщин группы 1 показал, что статус «замужем» имеют 52 % исследуемой выборки; статус «разведена» - 17%; статус «гражданский брак» - 13%; статус «вдова» - 7%; таким образом, более половины группы замужем. Большая часть женщин этой группы имеют одного ребенка (60%), третья часть - двоих детей; не имеют детей – 11% женщин; 2% - имеют троих детей. Анализ профессиональной деятельности выявил, что в группу входят: 28% - владельцы бизнеса; 19% - руководители; 18% - служащие; 13% - работники сервиса; 11% - врачи; 7% - домохозяйки; 2% - преподаватели; 2% - художники. Как видим, у большей части выборки профессиональная сфера связана с руководящей деятельностью в собственном бизнесе или по найму. Средний показатель уровня удовлетворенности своим внешним обликом в выборке составил 68% (стд. откл. = 16): женщины, средней взрослости, входящию в субкультуру прибегающих к медицинским эстетическим

манипуляциям, оценивают собственный внешний облик выше средних показателей. Рейтинг значимости мнений социального окружения с положительным посылом, влияющих на принятие решения женщиной о преображении своего внешнего облика, таков: дети (6,8); супруг (6,6); родители (5,1); подчиненные (4,1); сиблинги (3,8); СМИ (2,5); социальные сети в Интернете (2,3). Мнения социального окружения с негативным посылом, влияющие на принятие решения женщиной средней взрослости о преображении своего внешнего облика: супруг (6,7); дети (6,3); родители (4,5); подчиненные (3,8); сиблинги (3,5); СМИ (2,7); социальные сети в Интернете (2,6). Интересной особенностью считаем статистически зафиксированные связи (по Пирсону) между удовлетворенностью женщины своим внешним обликом с мнениями / оценками руководителей и друзей: так чем более удовлетворена женщина своей внешностью, тем менее связано ее решение с положительной или отрицательной оценкой руководителя (- 0,352, $p<0,01$) и друзей (- 0,280 $p<0,05$). Можно расценить этот факт как определенное недоверие или наличие конкурентных отношений с данными людьми. Так мнения друзей и руководителей являются референтными, но влияют на принятие решения обратным образом: женщина всегда действует вопреки им. Мнения детей и супруга в оценке внешнего облика женщин средней взрослости влияет на решение о преображении внешности и оценивается довольно высоко. Положительный посыл в замечании по поводу внешности женщины очень важен от детей. Возможно потому, что дети у исследуемых женщин уже взрослые, активные, хорошо разбираются в современных модных тенденциях бьюти-индустрии, и их мнение оказывается более значимым, чем мнение супруга. В тоже время, замечание супруга о внешности, имеющее негативную окраску, более значимо для женщины средней взрослости, чем мнение детей, и быстрее заставляет принять решение изменить свой внешний облик. Этот факт требует дополнительного изучения. Замечания родителей, сиблингов, подчиненных относительно внешности оказываются менее значимыми, а самыми малозначимыми являются мнения, исходящие из СМИ, социальных сетей в Интернете.

Нами обнаружены значимые различия между субкультурной и контрольной группами по уровню самоуважения: женщин с высоким самоуважением больше в 1 группе (37 чел. против 24-х), чем во 2-й. Характеристики Я-концепции (самоотношения как важнейшей переменной) женщин средней взрослости, входящих в особую субкультуру, преобразующих свой внешний облик, выражены выше по 4-м из 9 шкал по МИС (t-критерий): положительная оценка себя и собственных поступков ($p<0,048$); самоуважение ($p<0,023$), самоуверенность ($p<0,008$), отраженное самоотношение ($p<0.004$) и самоценость ($p<0,005$). Таким образом, гипотеза о доминировании отношения

к себе как факторе принятия женщиной среднего возраста решения о постоянном использовании медицинских манипуляций для улучшения своего внешнего облика, уже нашла значительное, хотя и не окончательное подтверждение. Пока остается не проясненным, почему, имея высокий уровень самоуважения, удовлетворенность своим статусом, женщины, по существу, становятся аддиктами служения своему внешнему облику.

Выводы. В настоящее время внешний облик является ценностью для человека. Часть женщин средней взрослости не готова к некоторым естественным возрастным переменам (старение) и все чаще прибегает к медицинским услугам для омоложения внешнего облика. Они становятся постоянными клиентами различных медицинских центров, тратят значительные средства для достижения цели. Приравнивая значимость культуры внешнего облика к общечеловеческим культурным ценностям, данная группа женщин формирует особую субкультуру, которая нуждается в пристальном научном исследовании. Одной из ярких черт этой группы является их постоянная готовность к переменам в своей внешности, что для них связано с повышением самоуважения, позитивной самооценки и улучшением качества жизни, дает основание считать себя отличающимися от других, «обычных» женщин. Выполняемое исследование позволяет описать социально-демографические и некоторые психологические аспекты особой субкультуры женщин средней взрослости, преобразующих свой внешний облик. В референтную социальную группу, мнение которой очень по-разному влияет на принятие решения о необходимости прибегнуть к омолаживающим внешний облик услугам эстетической медицины, входят дети, супруг, друзья, руководители. Полученные результаты не окончательны, но частично перекликаются с имеющимися у других авторов, что повышает их надежность.

Литература

Баранская Л.Т., Татаурова С.С., Ткаченко А.Е. Особенности совладающего поведения у «трудных» пациентов клиники эстетической хирургии / Психология совладающего поведения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: Е. А. Сергиенко, Т. Л. Крюкова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. – 426 с. С. 300-302 [http://www.coping-kostroma.com/index.php/archive/conf2007].

Журавлев А.Л., Соснин В.А., Китова Д.А., Нестик Т.А., Юревич А.В. Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Лабунская В.А. «Видимый» человек как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 26-39.
Марцинковская Т.Д. Психология субкультуры // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 4 (77), 2014. С. 116-126.
Марцинковская Т.Д. Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 12.URL: http://psystudy.ru
Наровская Я.Б. Социально-психологические особенности женщин, преобразующих свой внешний облик. Дис. … канд. психол. наук. Ростов-на Дону, 2007.
Психология красоты. / Пер. с нем. / Под ред. Херговича А. Харьков: «Гуманитарный Центр», 2014.
Осьминина А.А. О современных исследованиях проблемы психологии внешнего облика человека // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25. №1. С. 59-64.
Сластенина В.В. Взаимосвязь психологических особенностей и межличностных отношений женщин, прибегающих к услугам эстетической хирургии: Дис. … канд. психол. наук. Самара, 2007.

Сведения об авторах

Крюкова Татьяна Леонидовна, д.псх. н., проф., Костромской государственный университет, кафедра общей и социальной психологии, Кострома
Осьминина Анна Александровна, аспирант кафедры общей и социальной психологии, Костромской государственный университет, Кострома

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF SPECIAL MIDDLE-AGE WOMEN'S TRANSFORMATION THEIR OUTLOOK SUBCULTURE

Kryukova T.L., Os`minina A.A.

Kostroma State University, Kostroma

Key words: subculture, changes, transformation, outlook, values, referent group`s opinions

Abstract. The article presents the results of theoretical and empirical study of women, regular clients of a medical beauty center. Arguments that justify their belonging to a special group subculture, and the need to study it are given. The subculture unites women of middle age who are trying to change themselves, become younger, "improving" their outlook: why they constantly and persistently do it, raises questions. The analysis of "looking beautiful" value in modern society is carried out, which affects attitudes, social perception and behavior of women

and men. Among the results, the following are significant: the reference group, whose opinion contributes differently to making decisions about constant using aesthetic medicine services, includes children, spouses, friends, and bosses. Evidence for the hypothesis that the dominant factor of a middle-aged woman making decisions about the constant use of medical manipulations to improve her outlook is not so much the opinion of others (relevant others) but a woman`s self-concept traits.

«ПЕРЕСЕКАЮЩАЯСЯ» ПОКОЛЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СЕМЬЕ КАК СУБКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Сапоровская М.В.

Костромской государственный университет, Кострома

Ключевые слова: поколения в семье, «пересекающаяся» семейная идентичность, синдром поколения «сэндвич», повседневный стресс, семейное выгорание, психологическое благополучие личности, ролевая самоидентификация

Аннотация. В статье представлены результаты серии исследований, направленных на изучение критериев поколенной принадлежности в семье, феномена «пересекающейся» семейной идентичности, его различных последствий, в том числе, семейного выгорания и психологического благополучия человека. Показано, что ключевым критерием принадлежности к поколению в семье являются реципрокные и функциональные роли. Пересечение ролевых обязанностей, связанных с заботой о детях и пожилых родителях, отражает психологическую сущность «пересекающейся» семейной идентичности, которая имеет положительные и отрицательные последствия для развития личности. **С**пецифика психологического благополучия и семейного выгорания женщин с «пересекающейся» идентичностью сопряжена с их ролевой самоидентификацией в семье - либо *Опекуна* и *Взрослого*, либо *Ребенка.*

В социальной психологии поколения – это большие группы, а вопрос о критериях отнесенности к тому или иному поколению по-прежнему остается актуальным. Как один из ключевых признаков такой принадлежности в психологии рассматривается ментальность как сложно организованная система, образующим фактором которой является ценностно-смысловая совмещенность ее составляющих (значений, смыслов и ценностей, социальных установок, особенностей взаимодействия и др.) (Пищик, 2010). Однако в семейном

контексте ментальность не может рассматриваться как единственный признак. Как показали наши исследования, принадлежность к поколению в семье определяют реципрокные («родителя — ребенка», «прародителя — внука», «предка — потомка») и функциональные семейные (связанные с материальным обеспечение членов семьи, выполнением воспитательной функции, созданием семейной субкультуры и реализацией функции социальной поддержки в семье) роли (Сапоровская, 2014).

С позиции такого подхода особый интерес представляет поколенная группа *Детей* в семье, которая весьма неоднородна. К ней относятся не только дети, подростки, юношество, находящиеся в материальной и психологической зависимости (имеется ввиду незавершенность процесса сепарации). Взрослые люди по отношению к своим живущим родителям также относятся к поколению *Детей*. При этом относительно собственных детей они принадлежат к поколению *Родителей* (Сапоровская, 2014).

Такая «зажатость» между множественными обязанностями, связанными, одной стороны, с уходом за пожилыми родителями, теряющими самостоятельность, а, с другой стороны, за собственными детьми, которые еще по-прежнему нуждаются в заботе и контроле, отражают суть «пересекающейся» (“intersectionality”) поколенной идентичности в семье. С позиции теории пересечения идентичностей данная жизненная ситуация дает человеку уникальный опыт, определяющий выбор между продуктивностью (генеративностью) и инертностью. Продуктивность как прогрессивная линия развития человека (А.Маслоу, Д.Зиглер, Л.Хьелл, Э.Эриксон) - процесс самосозидания личности подразумевает и профессиональную успешность человека, и заботу о *Другом*, что является обязательным условием его личностного роста и самореализации.

Биографическая ситуация, сопряженная с пересекающейся поколенной идентичностью, или, другими словами, принадлежность к поколению «сэндвич» (синдром “*sandwich generation*”) приходится на возраст между 45 и 65 годами, который является периодом глобальных изменений системы семейных отношений (в первую очередь - отношения к детям и родителям). Эти изменения носят стрессогенный характер и требуют от человека максимальной актуализации ресурсного потенциала, но в то же время катализируют процесс личностного развития и роста. В условиях пересекающейся семейной идентичности (человек сталкивается с необходимостью искать ответ на вопрос: *«Кто я в большей степени – Родитель или Ребенок? Какая роль для меня более значима?»).* В случае, если роль *Ребенка* по отношению к родителям становится приоритетной, страдают отношения в супружеской семье. Как указывают наши респонденты, отношения с супругом(ой) становятся более отчужденными и конфликтными, а на собственных детей времени остается критически мало. Если роль

Партнера и *Родителя* становится доминирующей, то неизбежно возникает психологически тяжелое иррациональное чувство вины перед родителями. Таким образом, можно говорить о том, что пересекающаяся идентичность в семье сопряжена с внутренним ролевым конфликтом и его возможными деструктивными последствиями.

В российском обществе синдром "*sandwich generation*" является особенно жестким из-за дефицита институциональной поддержки для баланса ролей и обязательств, которые и общество ставит перед человеком, и сам человек — перед собой.

Следует отметить, что функциональные роли, связанные с заботой, по-прежнему сильно феминизированы, и такие жизненные вызовы, как правило, принимают женщины среднего возраста, именно на них ложится основная нагрузка практик непосредственного ухода за детьми и пожилыми родственниками и заботы о них. Необходимость совмещать эти задачи с профессиональной деятельностью повышает уровень повседневного стресса, ведет к ролевым перегрузкам. При недостаточной эффективности совладающего поведения наступает истощение ресурсов, состояние хронического стресса, что может привести к эмоциональному выгоранию в семье (Сапоровская М.В., Крылова Ю.С., 2018), снижению показателей психологического благополучия. В данном исследовании «психологическое благополучие» ("*psychological well-being*") рассматривается как *интегративное системное качество личности, достигаемое за счет полноценного функционирования на всех уровнях жизнедеятельности: биологическом, индивидуально-психологическом, социальном, духовном.* Благополучие – это не эмоциональное переживание, а объективное владение определенными психологическими чертами, позволяющими субъекту функционировать значимо более успешно, чем при их отсутствии (C. Ryff, 1996).

Проблемный вопрос данного исследования – какова специфика психологического благополучия и семейного выгорания у женщин с «пересекающейся» семейной идентичностью? Основная *гипотеза* – специфика психологического благополучия и семейного выгорания женщин с пересекающейся идентичностью сопряжена с их ролевой самоидентификацией в семье. *Выборку* составили 194 женщины, (средний возраст (*M)* испытуемых - 47 лет). 80 (41%) женщин, как показали результаты предварительного замера, демонстрируют признаки эмоционального выгорания. Все женщины имеют супружеские семьи с детьми и принимают активное участие в жизни родителей. *Методический комплекс*: «Шкала психологического благополучия» (The scales of psychological well-being) К. Рифф, адаптация Шевеленковой Т.Д., Фесенко П.П. (2005); «Эмоциональное выгорание в семье» модифицированная методика эмоционального выгорания C. Maslach, S.E. Jackson (адаптация Водопьяновой Н.Е., Старченковой Е.С.),

модификация Крыловой Ю.С., Сапоровской М.В. (2016), феноменологическое интервью, методы математической статистики.

Обсуждение результатов.

На первом этапе (Воронина М.Е., Подобина О.Б., Сапоровская М.В.) была проанализирована структурная организация компонентов психологического благополучия (*Позитивные отношения с окружающими*; *Автономия; Управление окружением*; *Личностный рост*; *Цели в жизни; Самопринятие*; *Самооценка; Готовность к новому опыту*) женщин с «пересекающейся» семейной идентичностью (Воронина, 2018).

Было установлено, что в динамике у женщин возрастает значимость доверительных отношений с окружающими, заботы о благополучии других; сопереживания, привязанности, компромиссов в отношениях (шкала *Позитивные отношения с окружающими,* r=0,18 при p=0,03). В период средней взрослости усиливается роль близких отношений в жизни женщины (в первую очередь, семейных), они приобретают для нее особый смысл, становятся индикатором ее жизненной успешности / неуспешности. При этом усиливается ощущение контроля над собственной жизнью, компетентности в управлении окружением, способности создавать условия для удовлетворения личных потребностей и достижения целей (шкала *Управление окружением,* r=0,21 при p=0,03). Значимость отношений с окружающими и чувство контроля собственной жизни сопряжены с ощущением целенаправленности; осмысленности прошлой и настоящей жизни (шкала *Цели в жизни,* r=0,37 при p=0,01; r=0,29 при p=0,01). Однако данные переменные имеют отрицательную связь со шкалами *Автономия* (r= -0,24 при p=0,02) и *Личностный рост* (r= -0,33 при p=0,01). Это означает, что ставка на позитивные отношения с окружающими, ощущение контроля и управления окружением, осмысленность жизни сочетаются у женщин с ощущением недостатка личностного развития, самореализации, однообразия в повседневной жизни, а также зависимости от мнения и оценки окружающих; ограничений в самостоятельности.

Таким образом, позитивные отношения с окружающими, ощущение управления окружением, цели в жизни, при недостатке личностной автономии, личностного роста и самореализации являются ядерными компонентами психологического благополучия женщины в среднем возрасте. Однако их сопряженность с различными периферическими компонентами дает разные эффекты в картине психологического благополучия женщин с «пересекающейся» семейной идентичностью. Сочетание ядерных компонентов с низкими показателями самопринятия, негативной самооценкой, неудовлетворенностью жизнью, недооценкой собственных способностей преодолевать жизненные препятствия, усваивать новые умения и навыки (шкала *Самопринятия* и шкала *Баланс эффекта* при $p<0.05$);

отсутствие видимых жизненных перспектив, которые бы обладали достаточной привлекательностью для женщины (шкала *Осмысленность жизни* при $p<0.05$); недостаток реалистичного восприятия различных аспектов жизни, страх перед новым опытом (шкала *Человек как открытая система* при $p<0.05$) сопряжены с низкими показателями общего психологического благополучия. А вот сочетание ядерных компонентов с самопринятием, позитивной самооценкой, уверенностью в собственных силах и компетентности, удовлетворенностью жизнью, открытостью новому опыту, наоборот, связаны с высокими показателями общего психологического благополучия.

Таким образом, самооценка и восприимчивость к новому жизненному опыту в структуре компонентов психологического благополучия являются теми составляющими, которые сопряжены с его положительной или отрицательной динамикой.

На следующем этапе был изучен ситуационный контекст эмоционального выгорания женщин в семье. Оказалось, что эмоциональное истощение женщин с пересекающейся семейной идентичностью связано с нехваткой личного времени, деперсонализация – с несовпадением ожиданий от семейной жизни, а вот редукция личных достижений - с монотонностью повседневной жизни и трудностями ролевой самоидентификации в семье (Крылова, Сапоровская, 2018). Как показал анализ результатов полустандартизированного интервью «Кто я в своей семье», женщины, идентифицирующие себя по отношению к пожилым родителям как *Дети* (фокусируются на детских обидах, неприятных воспоминания, по-прежнему ожидают помощи от родителей), имеют высокие показатели по шкале *Редукция личных достижений* (при p=0,02) и низкие – по шкале *Открытость новому опыту* (при p=0,003), что указывает на трудности их самореализации и самодетерминации. Женщины с четкой самоидентификацией себя как *Опекуна, Взрослого* по отношению и к своим детям, и родителям, демонстрируют более высокие показатели психологического благополучия (при p=0,01).

Данные результаты указывают на необходимость дальнейшего изучения механизмов, регулирующих направленность личностных изменений, сопряженных с пересекающейся семейной идентичностью.

Литература

Воронина М.Е. Отношение к родителям как предиктор психологического благополучия женщины среднего возраста: автореф. дис. … кан. психол. наук. Кострома, 2018.

Сапоровская М.В. Крылова Ю.С. Психология личности. Эмоциональное выгорание в семье: метод. пособие. Кострома: КГУ, 2018.
Сапоровская М.В. Психология межпоколенных отношений в семье. М.: «Национальный книжный центр», 2014.
Ryff C.D. Psychological well-being / J.E. Birren (Ed.), Encyclopedia of gerontology: age, aging, and the aged. – San Diego, CA: Academic Press, 1996. – P. 365–369.

"INTERSECTING" GENERATIONAL INENTITY IN A FAMILY AS A SUBCULTURAL PHENOMENON

Saporovskaya M.V.

Kostroma State University, Kostroma

Key words: generations in a family, "intersecting" family identity, generation syndrome "sandwich", everyday stress, family burnout, psychological well-being of the individual, role self-identification

Abstract. The article presents the results research series directed directed to study criteria generation in the family, the phenomenon of "intersecting" family identity, his various consequences, family burnout and psychological well-being. Shown, that key criteria for belonging to a generation in a family are reciprocal and functional roles. Intersection of roles and responsibilities related to taking care of children and elderly parents, reflects the psychological essence of the "intersecting" family identity, which has positive and negative consequences for the development of personality. Specific psychological well-being and family burnout of women with "intersecting" identity is associated with their role self-identification in the family — or Guardian and Adult or Child.

ГОРОДСКАЯ СУБКУЛЬТУРА, УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ФАМИЛИЗМ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЬИ

Шнейдер Л.Б.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Ключевые слова: городская субкультура, семья, урбанистический фамилизм, функции семьи, функционально-цифровые трансформации.

Аннотация. Изменения семьи идут по двум линиям. Первая связана с внешним контекстом – городской субкультурой. Вторая касается внутренних изменений –

семейных функций. Общий тренд цивилизационных изменений выстраивался на переходе от сельского образа жизни к городскому. Соответственно семья утрачивала свои патриархальные свойства и приобретала более прогрессивные черты. Далее городская субкультура инициировала возникновение и распространение урбанистического фамилизма. Современная семья движется в сторону функционально-цифровых трансформаций.

Городская субкультура – это мир, который сообщество горожан создало «для себя». Его составляют: обряды, ритуалы, специфический правовой кодекс, городской юмор. Одна из важнейших черт городской субкультуры – наличие собственного языка общения, характерного для горожан. Принадлежность к городской субкультуре проявляется через одежду, причёску, мимику, жесты, телодвижения, вкусовые пристрастия и пр.

Городская субкультура стала важным средством эволюционного обновления современного общества и трансформации его в цифровое. Она обнаруживает своё значение как часть механизма культурных инноваций, благодаря которому общество постмодерна может рассматриваться как толерантное к иным точкам зрения, плюралистичное, более раскованное и интеллектуальное.

Массовые выезды россиян (для отдыха, учебы, деловых контактов, экскурсионных вояжей и пр.) разрушают закрытость городской субкультуры в контурах изолированного географического объекта. Особую роль в размывании всех и всяческих границ сыграл (и с нарастающей силой продолжает играть) интернет. Следовательно, можно вести речь и о заимствовании и конструировании современной отечественной городской субкультуры. Западные образцы субкультурных стилей, ритуалы и ценности во многих случаях переработаны и переосмыслены в соответствии с особенностями российской ментальности. Однако процесс этот не завершен.

Следует заметить, что преимущественно обсуждается городская субкультура крупных российских городов-мегаполисов. Это в известной мере оправдано, так как урбанистическая мода и стиль распространялись в первую очередь среди молодёжи этих городов.

Принадлежность к городской субкультуре во многих случаях переживается как модификация собственного тела в соответствии с нормой (эстетической, физической) городского сообщества. При этом горожане (как молодые, так и не очень) заняты уходом за лицом, озабочены стилем прически, много внимания уделяют маркированию тела (посредством татуировки, пирсинга, росписи, косметологических процедур, просто

всяческих украшений). Ещё одним признаком принадлежности к городской субкультуре является вещественная атрибутика. И здесь уже доминирующее положение занимают взрослые. Среди них в глаза бросаются и футбольные фанаты, и богемная публика, и типичная интеллигенция, и свободные художники, и рыночные торговцы и т.д., вольно или невольно подчеркивающие свой статус в городском сообществе.

Вхождение человека в городскую субкультуру и включение в неё во многом обусловлено его психологическими особенностями, структурой его самосознания. Очень многое здесь зависит от семьи. Городская субкультура порождает т.н. «функционально-урбанистический фамилизм», включающий структуру семьи, ролевой функционал её членов, отношения между членами семьи. В то же время сама семья является сложной системой, развивающейся по своим собственным законам. Вместе с тем семейная система - образование созидаемое, культивированное. Существуя в мире культуры, будучи сама ее явлением, семья оставляет после себя феномены и социобиологического (потомки), и материального (вещи, рукотворные изделия), и духовного (идеи, традиции) порядка. Тем самым она общается и с прошлым, и с настоящим, и с будущим. Прошедшее (как возникла семья?) уравновешивается будущим (чем станет семья?). Что с ней произойдет? Куда она движется?

По характеру сооружений, утвари, одежды, украшений, перечню владений можно достаточно точно судить и о состоянии духовной сферы семьи, социальном статусе человека и его семьи. Следовательно, можно обозначить основной источник развития и саморазвития семьи, обнаруживающий себя в природной, экономической, социальной и культурной организации человеческого общества.

По сути, семья - это лишь способ референции по отношению к образцам мышления и поведения, которые приняты группой людей. Соответственно, социально-психологическое содержание семьи базируется на системе значений, символизируемых качеств, атрибутов, отношений, поведенческих характеристик. Они приписываются семье как целому (создают ее образ в культуре), а также организуют формы взаимодействия внутри группы.

Диалектическое единство изменчивости и традиционности, мобильности и ригидности, свойственное развитию семьи, проистекает из самой ее природы, осложненной комплексностью функционирования семьи, касающейся буквально всех сторон жизни человека.

В наибольшей степени это проявилось в среде городского населения, где быстрее протекали эволюционные процессы, стимулируемые урбанизацией. В то же время известная традиционность не только сохранялась, но и постоянно подкреплялась в ходе

оживленной миграции населения из села в город и тесных связей большинства городского населения с деревней.

Все эти аграрно-промышленные и сельско-городские метаморфозы совершались и на уровне каждого человека и каждой семьи. Они «затрагивали глубинные, экзистенциальные пласты человеческого бытия, отношение людей к вопросам жизни, продолжения рода, любви, смерти. Эти перемены непосредственно сказались на частной жизни людей, на их брачном, прокреативном, сексуальном, семейном, жизнеохранительном поведении» (Вишневский А. Г., 1998).

Так продолжалось на протяжении всего XX века. Однако в условиях цифровизации изменяются базовые характеристики бытия, создается новая жизненная среда, переструктурируется мировосприятие человека, ставятся под вопрос традиционные индивидуальные и семейные ценности.

«Жизненный мир человека – это историческое и культурное понятие. Он многократно менялся и был разным в разных культурах. При этом он всегда сохранял определенные инварианты. Сегодня под влиянием науки и техники происходит «взламывание» этих инвариантов» (Лекторский В.А., 2012). Предпринимаются попытки сначала колоссально удлинить человеческую жизнь, а затем вообще сделать человека бессмертным. А это уже не просто урбанистическая проблематика. И касается это как цивилизации в целом, так и каждого человека, каждой семьи. Хотя всё это и может быть отнесено к далекому будущему, но уже сейчас различимы существенные изменения урбанистического фамилизма.

Ранее, например, в детях видели продолжателей рода и опору в старости. При этом родители были обязаны заботиться о здоровье и нравственности детей. В семейной иерархии они занимали низкое место (Гончаров Ю. М., 2002).

Обязанность детей была в «выказывании» родителям почтения и покорности, а по достижении родителями преклонного возраста дети обязаны были содержать их до смерти (Фролова Т. В., 2008).

Однако продвигаясь по пути защиты интересов ребенка, удлиняя срок обязательного обучения, отодвигая момент его вступления в ряды профессиональных работников, расширяя права детей, семья потеряла свое монополизирующее положение в социализации детей. С распространением городской культуры и установлением индивидуальной семьи власть над детьми перестает быть привилегией отца и становится уделом обоих родителей. Изменяются и отношения между двумя поколениями: родительские права порождают теперь обязанности для самих родителей (Гончаров Ю. М., 2002).

Нынешние дети утрачивают роль помощников по хозяйству и превращаются в иждивенцев. Отношения с ними теряют налет прагматичности, востребованной становится эмоциональная близость (привязанность). Их численность в семье снижается. Ребенок (даже маленького возраста) становится полномочным членом семейной системы. Домашнее воспитание сузилось по сферам воздействия, ему на смену пришла городская социализация. Родители достаточно быстро в глазах взрослеющих детей утрачивают свой авторитет, их миссия изменяется. Постепенное ограничение родительской власти стало одной из главных черт развития внутрисемейных отношений в городской семье.

В области супружества под влиянием урбанизации также произошли значимые изменения. Прежде доминировали традиционные ценности: брачный союз заключался на всю жизнь и практически не мог быть расторгнут (Вишневский А. Г., Захаров С. В., Иванова Е. И., 2008).

В настоящее время брачные отношения часто начинаются («случаются») вне родительского дома, но сопровождаются выжидательной позицией по отношению к браку и семье. Концепция нормативного брака с проблемами доминирования, близости и распределения ответственности представляется ныне слишком тяжеловесной и обязывающей. Браки без регистрации, «жилые сообщества», самостоятельная холостая жизнь и пр. являются распространенными альтернативами и, по-видимому, они предлагают лучшие возможности для познания жизни молодыми людьми и облегчают разрыв сложившихся отношений в случае неудачи.

Таким образом, из вынужденного (для облегчения существования) объединения семья превращается в свободный союз. Однако сам выбор партнера носит более случайный характер (с множеством неизвестных), а предбрачные связи имеют характер серийных экспериментов. Это обуславливает высокий риск разводимости.

Еще одно ключевое изменение, которое также не могло не сказаться на семье и семейных ролях, — стремительный рост уровня образования мужчин и женщин. Резко выросшие требования к воспитанию и образованию подрастающего поколения также не остались без последствий для семьи, ибо очень сильно увеличились затраты на каждого ребенка и продолжительность срока их содержания родителями. При этом функциональная нагрузка на семью постоянно снижается, но возрастает финансовая напряженность.

Быстрое снижение рождаемости коренным образом изменило все «расписание» семейной жизни. Пространство специфических биологических материнских функций, занимавшее огромное место в жизни традиционной семьи, резко сузилось, и соответственно расширилось поле других, свободно выбираемых социальных функций.

Однако материальная сторона семейной жизни цепко держит человека в своих объятиях. Современная семья уже не растит героев. Она растит потребителей. Материальную мечту советской семьи можно представить в триединстве: машина, дача, квартира. Но мало что изменилось и в нынешние времена. Собственно, все сводится к тем же трем составляющим: машина, дача, квартира. Только машина теперь нужна другой марки, квартира — совсем другой площади, дача — в ином исполнении. Современная семья еще мечтает о загранпоездках и при возможности активно их реализует. Как сказал герой одной из телепередач, современному супругу для обеспечения гармонии в браке следует выучить три слова: «люблю», «куплю», «поедем».

Указание на приведенные характеристики является важным, но данные параметры не могут быть признаны основополагающими. Их изменения - всего лишь следствия распространения городского типа семьи.

Фактор урбанизации на сегодняшний день играет решающую роль в трансформировании семьи, да и самого человека, во всем мире.

Приведем два примера, наглядно иллюстрирующих ситуацию изменений.

Итак, что же составляло суть прежней сельской жизни? *«…деревня – это место, где без устали наблюдают над своим ближним и где, в конечном итоге, власть каждого человека зависит от того, насколько он умеет разгадать и расстроить козни, замышляемые соседом. …»*. (Гензбиттель М.,1998; с.48).

А какова и чем чревата жизнь в городе? *«В городе действуют могучие силы, которые обладают такими способами проникнуть в душу своей жертвы, какие доступны лишь умному и тонкому человеку. Мерцание тысяч огней действует не менее сильно, чем выразительный блеск влюбленных глаз. ... Море оглушающих звуков, бурное кипение жизни, гигантское скопление человеческих ульев – все это смутно влечет к себе ошеломленные чувства. ...»* (Драйзер Т., 1987)

Как видим, две реальности – деревенская и городская - существенно различаются. Вправе констатировать наличие и различение сельской и городской субкультуры.

Итак, в настоящее время существуют две семейные реальности: городская и сельская с преобладающим трендом в сторону городского стиля жизни. В такой ситуации - социально-урбанистического фамилизма - есть два способа жизни – технологически-оснащенный городской и достаточно консервативный - сельский. Социально-урбанистический фамилизм порождает соответствующие изменения в супружестве, родстве и родительстве.

Во-первых, в городской семье сильно возрастает регламентация семейной жизни при её одновременной анонимности.

Во-вторых, изменяются её модели и способы жизнетворчества. Как и любая другая институализированная группа, семья скрепляется отношениями власти — подчинения, взаимоответственности и психологической близости. (Дружинин В. Н., 2006) Все эти компоненты изменились, наполнились новым содержанием, и, как следствие, трансформировалась вся конфигурация семейного объединения и функционирования. На смену патриархальной семье пришли модели матриархальной, детоцентрической и эгалитарной семьи.

В-третьих, рациональное взаимодействие между членами семьи заменяется на эмоциональное. *Из наших ежегодных опросов следует, что в* современных условиях высокую значимость имеет эмоционально-психотерапевтическая функция семьи. Брачный союз ценится за возможность получения моральной и эмоциональной поддержки, создание комфортной психологической атмосферы. Наряду с этим снижается показатель значимости в браке хозяйственно-бытовой функции.

В-четвертых, меняется ситуация с родственниками. Родственные связи сужаются. Совместное исполнение песен за столом в праздники ушло в небытие. Систематическое общение исчезает, при этом оно зачастую из контактного превращается в онлайн-общение. Совместное проживание заменяется раздельным. Внутрисемейное единство уступило место внутрисемейному расщеплению. Решение значимых проблем происходит в автономном режиме. Общесемейная культура приобретает мозаичный характер.

Как видим, наибольшие изменения в условиях социально-урбанистического фамилизма происходят в подсистемах родства и родительства. Однако структурно-содержательные трансформации семьи начинаются с супружества.

К тому же, как уже упоминалось, в настоящее время в цивилизованном обществе все больше людей предпочитает не вступать в брак в самом начале своих отношений или вовсе не связывать себя супружескими узами. Повышается активность молодых людей в поисках альтернативных форм устройства собственной жизни, эволюционируют не просто формы брака, но и отношение к ним. Эта изменившаяся позиция имеет в значительной мере отношение к изменению социокультурного характера городской молодежи. (Зидер Р., 1997)

Стоит отметить, что характерное распространение в развитых странах гомосексуальных отношений, а в России рост числа монастырей (особенно мужских) усугубляет тот факт, что женщины брачного (и репродуктивного) возраста испытывают дефицит в мужском партнерстве. Если добавить сюда распространенность алкоголизма, психических отклонений, преступного поведения молодых мужчин, то шанс выйти замуж у части женщин вовсе исчезает.

Итак, несмотря на то, что сфера личных семейных взаимоотношений в урбанистическом лоне долгое время сохраняла консервативный настрой, развитие семейного строя в целом пошло по пути смягчения авторитарности и нарастанию свободомыслия. Вовлечение женщины в профессиональную деятельность способствовало ее профессиональной активности и общественной раскрепощенности и отразилось в изменении социально-экономического статуса мужчин.

Все это вместе взятое положило начало кризису патерналистских семейных ценностей. Урбанизация освежила и упрочила «инстинкт индивидуализма», подорвав и разрушив здание семейной общины. Брак стал союзом между равноправными лицами.

В семейных отношениях появилось «гораздо больше интимности, демократизма, признания самоценности каждого члена семьи, будь то мужчина, женщина или ребенок» (Вишневский А. Г., 1998).

Ограничение отцовского и супружеского произвола, расширение прав жены и охрана детских интересов возвысили нравственный уровень семьи. Потеряв свой прежний принудительный характер, она стала лучшей школой для детей (Гончаров Ю. М., 2002).

Однако цифровая эпоха начинает диктовать свои условия, которые охватывают и урбанистический фамилизм. В настоящее время привычные формы семейного поведения перестали удовлетворять людей. Появляется новая активность, направленная на то, чтобы заполнить расширившееся пространство свободы, добиться более долгой и комфортной жизни для себя и своих детей, отстоять интимность своей семейной жизни, открыть для себя новые социальные роли, полнее реализовать свои возможности.

Семья как сверхсложная система включена уже не только в мир природы и сферу культуры, но и «прописалась» в киберпространстве. Её развитие обусловлено и природными, и социально-экономическими, и духовными, и виртуальными, и технологическими факторами, роль которых неуклонно растет. Вслед за урбанистическими изменениями предыдущих времен современная семья подвергается функционально-цифровым трансформациям. Она прошла путь от сельского образа жизни к городскому, а сейчас движется по дороге от примитивных технологий к конвергирующим (нано-, био-, информационным и когнитивным). Традиционный брак уже дополнили квазисемейные формы, в будущем, возможно, появятся новые формы брачно-семейных отношений (брак для избранных, брак без обязательств и т.п.). Допустимо рассуждение и об изменениях в формах родительства (пример чему замена естественной репродукции – искусственным оплодотворением, природного родительства – суррогатом). Нивелирование и обесценивание родства с вырождением его в онлайн-общение, возможно, возобновится в ином качестве при удлинении срока жизни каждого человека.

Цифровые технологии уже сейчас проникают во все функции семьи – хозяйственно-экономическую, воспитательно-образовательную, рекреативно-коммуникативную и пр., коренным образом меняя лики современной семьи и всех её членов.

Литература

Вишневский А. Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 112. С. 123.

Вишневский А. Г., Захаров С. В., Иванова Е. И. Эволюция российской семьи // Экология и жизнь, 2008. — № 9.

Гензбиттель М. На стороне ученика. СПб., изд-во «Петербург – XXI век, совместно с ООО «Светлячок», 1998. – С. 224.

Гончаров Ю. М. Городская семья второй половины XIX-начала XX в.: Монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.

Драйзер Т. Сестра Керри. М., Художественная литература, 1987. – С. 324с.

Дружинин В.Н. Психология семьи. СПб., Питер, 2006. – С. 176.

Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX в.). М., 1997.

Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М., «Канон$^{+}$» РООИ «Реабилитация», 2012. – С. 384.

Фролова Т. В. Городская семья в XIX в. (на материалах городов Ярославской губернии): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Иваново, 2008.

URABAN SUBCULTURE, URBANISTIC FAMILYISM AND FUNCTIONAL-DIGITAL TRANSFORMATIONS OF THE FAMILY

Schneider L.B.

RGGU, Moscow

Key words: urban subculture, family, urban formalism, family functions, functional-digital transformation.

Abstract. There are two lines in family changes. The first is related to the external context – urban subculture. The second concerns the internal changes – family functions. The general trend of civilizational changes was built on the transition from rural to urban lifestyle. Accordingly, the family lost its patriarchal properties and acquired more progressive features. Further, the urban subculture initiated the emergence and spread of urban familism. The modern family is moving towards functional and digital transformations.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ СУБКУЛЬТУРЕ В СТРУКТУРЕ ОБРАЗА НЕЗНАКОМОГО ЧЕЛОВЕКА[9]

Фоломеева Т.В., Федотова С.В.

Факультет психологии, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Москва

Ключевые слова: социальный статус, процесс формирования образа незнакомого человека, первое впечатление

Аннотация. Социальный статус является совокупной характеристикой человека, отражающей определенный набор признаков, по которым оценивается человек с целью определения его положения в обществе или субкультуре. Выявление места социального статуса в структуре образа незнакомого человека, а также анализ значимых компонентов для данного феномена может позволить установить ценностные компоненты картины мира, что позволит выявить ряд его особенностей как на индивидуальном уровне, так и на уровне общественных процессов. В настоящем исследовании (n=101) выявлены взаимосвязи оценок воспринимаемого социального статуса и социо-экономического положения в обществе, определена структура компонентов образа незнакомого человека, связанных с приписываемым социальным статусом. Установлено, что люди способны с высокой точностью определять социальный статус незнакомого индивида, а также обнаружены связи оцениваемого социального статуса и ряда приписываемых личностных черт человека. Образ людей с разными социальными статусами имеет характерный набор категорий, которые с ним связаны. Для высокого статуса такими связями являются: умный и веселый; для низкого – безработный и невоспитанный; для среднего – обычный.

Исследование структуры и иерархической организации общества и субкультуры является важным направлением в различных областях научного знания: в социологии, психологии, антропологии и других. Субкультуры, являясь некоторым независимым образованием в обществе, определяют набор психологических проявлений и поведенческих паттернов, влияют на стиль жизни социального слоя, задают нормы и

[9] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества»).

ценности для его членов (Мудрик, 2000). При этом данному феномену свойственны признаки, наблюдаемые в больших социальных группах: конкретные ценностные ориентации, правила выстраивания взаимоотношений, статусная структура, язык, образ жизни и др. (Мосиенко, 2011).

Социальный статус является важным компонентом образа другого человека, который оценивается в ходе первичного восприятия (Андреева, 2008; Folomeeva, Fedotova, 2016). Этот показатель является совокупной характеристикой, включающей в себя различные проявления (Nayebi, Abdollahyan, 2006). Отмечается, что данные элементы являются некоторым набором объективных качеств, и они определяют положение человека в большой или малой группе, и, в свою очередь, оцениваются другими людьми, что приводит к появлению субъективного компонента в данном феномене (Андреева, 2018).

В целом ряде подходов выделяются разные наборы и сочетания значимых атрибутов: престиж, образование, доход, богатство, профессия и другое (Гидденс, 2005 и др.). Однако данные концепции, развиваясь в рамках социологической науки, скорее выстраивают структуру статуса для его объективной оценки с целью дальнейшего построения иерархической модели общества. Тем не менее, в процессе формирования образа человека выделяемые категории могут не оцениваться. При этом учеными психологами подчеркивается, что социальный статус оценивается в ходе знакомства и учитывается при выборе стратегии взаимодействия с окружающими людьми (Ridgeway, 1987; Anderson, Srivastava, et.al., 2006).

Далее Джонсон отмечает, что компоненты, значимые для оценки социального статуса являются отражением некоторых ценностных элементов картины мира современного общества или изучаемых субкультур (Johnson, 2013). Соответственно, анализ значимых компонентов для оценки социального статуса может позволить выявить подобные элементы для современного российского общества.

Встает необходимость, с одной стороны, проверки соответствия объективной оценки социального статуса и воспринимаемого положения человека в обществе; с другой стороны, важно выявить компоненты, связанные с данным показателем в процессе формирования образа незнакомого человека. На предыдущих этапах исследования были установлены признаки, значимые как для молодежной субкультуры, так и для более широких социальных групп. В описанном исследовании предпринимается попытка выделения категорий, оценка связана с процессом формирования образа незнакомого человека и определением его социального статуса.

Целью настоящего исследования является выявление взаимосвязи оценок воспринимаемого социального статуса и социо-экономического положения в обществе, а также определение структуры компонентов образа незнакомого человека, связанных с приписываемым социальным статусом человека.

Объектом исследования является образ незнакомого человека, в свою очередь, предметом исследования - структура компонентов образа незнакомого, связанных с его социальным статусом.

Основными гипотезами данного исследования выступили следующие предположения:

1. Оцениваемый социальный статус незнакомого человека значимо связан с его социально-экономическим показателем статуса.

2. В структуре компонентов образа незнакомого человека, связанных с социальным статусом, ряд характеристик не имеет прямых связей с оцененным социальным статусом, их корреляция опосредуется более значимыми элементами.

3. Наряду с объективными характеристиками личностные черты имеют значимые связи с оцениваемым социальным статусом.

В качестве стимульного материала были использованы видеоролики, которые были отобраны на предыдущих этапах исследования с помощью метода экспертных оценок (Фоломеева, Федотова, 2016). Выступающие различались по следующим параметрам: возраст (молодой; старшее поколение); пол (мужской, женский); социально-экономический статус (низкий, средний, высокий). Всего было использовано 12 видеороликов.

Респонденту последовательно предлагалось к просмотру три видеоролика, после каждого участник исследования отвечал на вопросы про выступающего: предположить его возраст, профессиональную область и социальный статус, а также произвести оценку человека по ряду шкал. Шкалы были составлены на основании результатов предыдущих этапов исследования. Так, с применением различного методического инструментария был выявлен набор компонентов, который в представлениях современной молодежи связан с социальным статусом воспринимаемого человека, а также те характеристики, которые, с точки зрения респондентов, они определяют при восприятии незнакомого человека (Фоломеева, Федотова, 2016).

Соответственно было установлено, что наиболее значимыми элементами статуса являются: образование, доход и обеспеченность, наличие работы, отношение к денежным средствам (экономность, расточительность), целеустремленность, ум, уверенность, сила, трудолюбие, воспитанность, заинтересованность в различных областях знания,

эмоциональное состояние (грустный, веселый), аккуратность. Данный набор показателей был взят за основу для опросного бланка. Наконец, для проверки одной из частных гипотез про влияние вопроса о социальном статусе выступающего на его формирующийся образ и оценку предложенных категорий, была проведена дополнительная выборка (n=47), которой не предлагалась данная задача.

Всего в исследовании принял участие 101 человек, в возрасте от 15 до 75 лет, средний возраст – 32,5 (sd=14,2); 21 - мужского пола, 80 - женского; 71 - с высшим образованием; 21 – получают высшее образование; 8 - со средним; представители различных профессиональных областей (экономика, юриспруденция, социология, психология и другие).

Анализ и интерпретация полученных данных. Оцененный социальный статус имеет значимую связь с социально-экономическим показателем данного феномена (r=.41; p=0,001), что может свидетельствовать о достаточно высокой точности определения положения человека в обществе. Кроме того, в ходе анализа данных не было выявлено значимых различий по оцениваемым шкалам между основной группой респондентов, отвечавших на все вопросы, и дополнительной группой респондентов, которые не определяли статус выступающего. Соответственно, полученные данные можно считать достоверными, не связанными с исследовательской процедурой.

Далее, оцененный социальный статус у высокостатусных выступающих имеет значимые связи со следующими шкалами: образованный (r=0,53; p=0,001), умный (r=0,47; p=0,008), богатый (r=0,48; p=0,003), веселый (r=0,41; p=0,01), уверенный (r=0,39; p=0,02). Для среднего статуса характерны следующие связи со шкалами: возраст (r=0,45; p=0,001), богатый (r=0,8; p=0,001), уверенный (r=0,55; p=0,001), необычный (r=0,43; p=0,002) и другие. Наконец, для образа низкого статуса характерны следующие связи: возраст (r=0,5; p=0,001), необразованный (r=0,6; p=0,001), бедный (r=0,7; p=0,001), неаккуратный (r=0,45; p=0,001), нецелеустремленный (r=0,37; p=0,008), слабый (r=0,49; p=0,001) и другие.

Особенно стоит отметить шкалы, которые имеют значимые связи только с одним статусом. Так, для высокого статуса такими связями являются: умный и веселый; для низкого – безработный и невоспитанный; для среднего – обычный. Шкалы ленивый (трудолюбивый) и безразличный (интересующийся) не имеют прямых, значимых связей с приписанным социальным статусом. В свою очередь, связи с категориями бедный (богатый) и неуспешный (успешный) свойственны всем трем статусам.

Полученные данные подтверждают нашу четвертую гипотезу, что в образах людей с разным социальным статусом особое место занимают личностные черты – веселый, целеустремленный (нецелеустремленный), умный, уверенный. Соответственно, можно

предположить, что для жителей России положение в обществе определяется не только некоторым набором объективных характеристик, но также и некоторым набором внутренних качеств человека.

Кроме того, сама характеристика «уверенный» («неуверенный»), которая с высокой частотой встречалась во всех образах, говорит о значимости данного качества для образа незнакомого человека, при этом в описаниях не давались уточнения, что понимается под ней. В наших предыдущих исследованиях также появлялась данная категория в образах людей с разными статусами, которая чаще всего характеризовала невербальное поведение участников видеороликов.

Была модель корреляций характеристик образов людей с разными социальными статусами. В первую очередь, выделяются объективные характеристики, имеющие прямую связь с оцениваемым социальным статусом: «богатый» («бедный») и «образованный» («необразованный»). Кроме того, социальный статус также связан с такими качествами, как: «уверенный», «аккуратный», «сильный», «целеустремленный», «успешный» и «экономящий». Эти данные подтверждают нашу гипотезу, что социальный статус связан не только с оценкой определенных достижений человека, но и с рядом личностных черт и субъективных категорий. Данный факт позволяет предположить, что социальный статус не просто отражает положение человека в обществе на основании значимых показателей, а является комплексной характеристикой человека, содержащей совокупность его личностных особенностей, объективных достижений и внешних проявлений. При этом возникает необходимость установить, как происходит оценка социального статуса, когда данные категории не сочетаются друг с другом.

Оцениваемый социальный статус опосредованно связан с такими характеристиками, как: «грустный/веселый» (через категорию «уверенный»); «ленивый/трудолюбивый», «воспитанный/невоспитанный» и «умный/глупый» (через категорию «образованный»). Данные категории являются некоторыми личностными проявлениями, которые, в свою очередь, и проявляются в образованности и уверенности человека. При этом связей с категориями «возраст», «трудоустроенный/неработающий», «обычный/необычный» и «интересующийся/безразличный» не было обнаружено. Возраст и трудоустройство являются объективными характеристиками, связи с которыми были установлены для низкого социального статуса (для двух данных категорий) и для среднего (для категории «возраст»). Это может говорить о том, что данные элементы специфичны и их оценка осуществляется после принятия решения об исключении человека из высокого статуса.

Наибольшее количество связей имеет категория «уверенный/неуверенный», это подтверждает наше предположение, что данная характеристика имеет особое значение для процесса формирования образа незнакомого человека. Данное качество имеет значимые связи с: «успешный/неуспешный», «богатый/бедный», «сильный/слабый», «веселый/грустный», «целеустремленный/нецелеустремленный» и «аккуратный/неаккуратный». Приведенные характеристики могут являться теми элементами, которые оцениваются при анализе степени уверенности человека.

Таким образом, была выявлена корреляционная модель оценки образа незнакомого человека и определения его социального статуса; проанализированы ключевые элементы, связанные с данным процессом, а также определены категории, которые не связаны с оценкой статуса или имеют опосредованные связи с этим феноменом.

Выводы

1. Социальный статус является совокупной характеристикой личности, которая оценивается в ситуации знакомства. Люди чувствительны к объективным признакам социального статуса (доход, образование) и с высокой точностью определяют статус незнакомого человека.

2. В ходе построения образа незнакомого человека определяется ряд личностных черт (целеустремленность, уверенность, расточительность и другие), которые связаны с социальным статусом этого индивида. В дальнейших исследованиях необходимо установить, что является первичным – оценка объективных показателей и личностных черт, на основании которых происходит затем приписывание социального статуса, или наделение личностными особенностями происходит после определения социального статуса человека на основании анализа конкретных проявлений (дохода, профессии, образования и другое).

3. Категория «уверенность» занимает важное место в процессе оценки социального статуса незнакомого человека и формирования его образа. Данный показатель может быть связан как с личностью человека, так и с его невербальным поведением и становится центральной характеристикой, которую определяет субъект познания.

4. Образ людей с разными социальными статусами имеет характерный набор категорий, которые с ним связаны. Так, для высокого статуса ими являются: умный и веселый; для низкого – безработный и невоспитанный; для среднего – обычный.

Литература

Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2008 – 363 с.

Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС. , 2005 – 632 с.

Мосиенко Л.В. Исследования молодежной субкультуры: аксиологический аспект // Вестник ОГУ. №2(121). , 2011 – С. 236-242.

Мудрик А.В. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. Вузов. М.: Издательский центр «Академия», 2000 – 200 с.

Фоломеева Т.В., Федотова С.В. Феномен социального статуса в современном российском обществе // Психологические исследования (электронный журнал). Т.9, №48, 2016 – С.7.

Anderson C., Srivastava S., Beer J., Spataro S.E., Chatman, J.A. (2006). Knowing Your Place: Self-perceptions of Status in Social Groups // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 91.

Johnson L.A. (2013). Social Stratification. Biblical Theology Bulletin. Vol. 43, no. 3. P. 155–168

Nayebi H., Abdollahyan H. (2006). Social Stratification and its Indices: A Critique // Critique: Critical Middle Eastern Studies. Vol. 15, No. 3. P. 249-263.

Ridgeway C.L. (1987). Nonverbal behavior, dominance, and the basis of status in task groups // American Sociological Review. Vol. 52. P. 683–694.

Folomeeva T.V., Fedotova S. V. (2016). Youth' features of social status perception // International Journal of Psychology. Vol. 51. P. 1078–1078.

Сведения об авторах

Фоломеева Татьяна Владимировна, г. Москва, к.психол.н., доцент, Факультет психологии, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, доцент, tfolomeeva@gmail.com

Федотова Светлана Владимировна, г. Москва, к.психол.н., с.н.с., Факультет психологии, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, 8 (916) 924-49-88, fedotova-s@yandex.ru

SOCIAL STATUS AND BELONGING TO THE SUBCULTURE IN THE STRUCTURE OF A STRANGER'S IMAGE

Folomeeva T.V; Fedotova S.V.

Faculty of Psychology, Lomonosov MSU, Moscow

Keywords: Social status, a stranger's image forming, first impression

Abstract. Social status is a cumulative characteristic of a person, reflecting a certain set of features by which a person is evaluated in order to determine his position in the society or

subculture. The identification of the place of the social status in the structure of a stranger's image, as well as the analysis of significant elements for this phenomenon can allow to establish the components of the world's picture, which reveals a number of its features both at the individual level and at the level of social processes. In the present study (n=101) the correlations between estimates of the perceived social status and socio-economic status in society were revealed, including the structure of the components of a stranger's image associated with the attributed social status. People were found to be able to determine the social status of an unfamiliar individual with high accuracy, and connections were found between estimated social status and a number of attributed personal traits. A stranger's image is determined by a number of personal traits (commitment, confidence, wastefulness and others), which are associated with the person's social status. In further studies, it is necessary to establish what is primary - the assessment of objective indicators and personal traits, and after this process the social status's attribution occurs, or giving personal characteristics occurs after determining the social status based on the analysis of the specific manifestations (income, profession, education, etc.).

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОДРОСТКОВ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Кобзева О.В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», г. Мурманск

Ключевые слова: подростковый возраст, социальная идентичность, социальное пространство, референтная группа, транзитивное общество

Аннотация. В исследовании представлена специфика развития социальной идентичности в подростковом возрасте. Показана роль территории проживания в формировании социальной идентичности. Особое внимание уделено анализу социальной идентичности как одного из базовых показателей развития индивида в современном транзитивном обществе. Предложенные методики позволяют проанализировать идентичность с позиции ассимиляция личностного и социального опыта. Автор акцентирует внимание на том, что подростки Арктического региона не идентифицирует себя с текущим местом проживания, собственная культура помогает им развиваться, но в тоже время, мешает объективно оценивать социальное окружение. Подростки принимают социальные нормы, родственные связи в структуре их социальных взаимоотношений занимают ведущие позиции, а семья выступает основной референтной группой.

Введение. Одним из наиболее сложных периодов психического развития, в котором формируются основы сознательного поведения и нравственных установок, ценностные ориентации, индивидуальный образ, является подростковый возраст. В этот возрастной период социальное пространство позволяет определить подростку отношение к семье, месту проживания, времени, самому себе (Марцинковская, 2013), а также степень своего психического благополучия. Кроме этого, оно позволяет индивиду осознать не только свою принадлежность к определенной социальной группе, но и эмоциональную значимость этой принадлежности. Поэтому осознание собственной уникальности, ассимиляция личностного и социального опыта стимулирует формирование социальной идентичности в подростковом возрасте [4].

Значительную роль в формировании идентичности играет национальная политика государства. Масштабное изучение Арктики в рамках реализации стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и национальной безопасности до 2020 г. [3] вызывает особый интерес исследователей при изучении генеза социальной идентичности в Арктическом регионе. Мурманская область является одним из восьми субъектов Арктической зоны Российской Федерации. Это регион с экстремальными природно-климатическими условиями (сложный температурный режим, наличие Полярного дня и Полярной ночи, циклональный характер погоды), низкой плотностью населения, приграничным положением и упрощенным визовым режимом с Европейским Союзом и странами НАТО. Изучение социальной идентичности подростков Арктического региона позволит определить особенности их позиционирования в объективном и субъективном личностном пространствах, а также глубже понять механизмы социализации в мультикультурном и транзитивном обществе.

Выборка и методики исследования. В исследовании социальной идентичности приняло участие 488 подростков (234 мальчика и 254 девочки), обучающихся в муниципальных бюджетных образовательных организациях г. Мурманска. Средний возраст испытуемых 14 лет. Изучение социальной идентичности проходило с помощью анкеты «Социокультурная идентичность», позволяющей диагностировать отношение к своему этносу, месту проживания, языку, культуре, семье сверстникам [2], методика «Социальное пространство» [1] позволила определить отношение к разным аспектам социального пространства, значимые для подростков группы диагностировались анкетой «Референтная группа» [2].

Анализ результатов исследования. Результаты исследования указывают на то, что только 1% подростков идентифицирует себя через текущее место проживание, 30% хотят изменить регион проживания, а 35% - страну. Вместе с тем 30% респондентов дают

только качественную характеристику месту проживания: современный город; мир, где нет войн; интересный мир.

Наиболее популярными у подростков Арктического региона являются профессии врача, фотографа, юриста, военного, полицейского, спасателя. Профессиональные предпочтения обусловлены военно-стратегическим значением и геополитическим положением Мурманской области. На ее территории расположен Северный военно-морской флот, авиабазы Северного флота, более 30 военных частей, 5 закрытых административных территориальных образований, а также единственный в мире атомный флот, обеспечивающий круглогодичную навигацию в Арктике.

Собственная культура позволяет подросткам развиваться, узнавать новое, лучше понимать себя и социум. Однако они отмечают, что культура мешает им понимать людей другой национальности, объективно оценивать окружающий мир, заставляет думать шаблонно. Культуру подростки идентифицируют с языком. Несмотря на то, что климатические условия Мурманской области неблагоприятны для проживания, подавляющее большинство подростков (90%) позитивно и эмоционально её оценивают: крутая, замечательная, незабываемая, красива сама по себе.

Подростки Арктического региона не только ориентированы на социальные нормы, принятые в обществе, но и идентифицируют себя с ними, поэтому в будущем супруге они хотят видеть доброту, честность, ответственность.

Подростки положительно относятся ко всем составляющим социального пространства, но наибольшее доверие демонстрируют к своему социальному пространству (79%), себе и своей деятельности (78%). Родственные связи доминируют в системе их социальных взаимодействий, поэтому они принимают ценности и модели поведения родителей и прародителей. Подростки ориентированы на то, что социальный статус, материальные блага являются их собственной ответственностью и достигаются с помощью образования и труда. Положительное отношение к своей культуре, стране, народу способствует развитию разнообразных форм и способов познания собственной этнической группы.

Информационное пространство как структурный компонент социального пространства имеет ярко выраженный социальный контекст. Положительное отношение к информации, которую они получают из интернета, телевидения, демонстрируют 56% подростков Арктического региона.

Доминирующей референтной группой в подростковом возрасте является семьи, что соотносится с результатами исследований Г.Р. Хузеевой (Хузеева Г.Р., 2013). В своем большинстве подростки транслируют нормы родителей, братьев и сестер, родственников.

Семья не только определяет траекторию развития подростка, но и обеспечивает ему определенный социальный статус, престиж, социальную мобильность. Чаще всего подростки поступают так, как им рекомендуют члены семьи. Поэтому можно утверждать, что взаимодействие с социумом у них происходит при посредничестве взрослых членов семьи. Свободное время они проводят с приятелями по интересам, доверяя им больше, чем друзьям по учебе.

Выводы. Неудовлетворенность подростков своим текущим местом проживания формирует у них желание изменить его. Одним из основных факторов при определении будущего места жительства для них будут окружающие люди. Социальное окружение не только является для них эталоном, но и формирует социальную идентичность в изменяющемся мире. Поэтому подростки положительно относятся к себе, окружающим, а также к необходимости взаимопомощи.

Семья в подростковом возрасте – это не только сфера интимного общения, но и референтная группа при принятии важных решений. Члены семьи помогают подросткам формировать образ мира, временную и социальную перспективу, информационное и социальное пространство. Семейные ценности и нормы способствуют развитию социальных контактов со сверстниками и взрослыми, адаптации в социуме.

Культура собственного этноса помогает подросткам понять себя, окружающих, продуктивно осуществлять коммуникацию. Аскетичная северная природа нравится и вызывает у них восхищение. Поэтому стремление сохранить позитивное восприятие социального пространства, развитие собственной личности и своего окружения является детерминантами развития социальной идентичности в подростковом возрасте.

Литература

Идентичность и социализация в современном мире: Сборник методик / Под ред. Т.Д. Марцинковской. – М.: МПГУ, 2015.

Социализация в мультикультурном пространстве: Методическое пособие / Т.Д. Марцинковская, Е.М. Дубовская [и др.]. – М. : МПГУ, 2016.

Стратегия развития арктической зоны российской федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. URL: http://static.government.ru/media/files/2RpSA3sctElhAGn4RN9dHrtzk0A3wZm8.pdf

Хузеева Г.Р. Социальная идентичность подростков и юношей в условиях транзитивности // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 46. С. 9. URL: http://psystudy.ru

Хузеева Г.Р. Особенности восприятия субъективного социального пространства у современных подростков, проживающих в различных условиях // Психологические

исследования. 2013. Т. 6, № 31. С. 10. URL: http://psystudy.ru

SOCIAL IDENTITY OF ADOLESCENCE IN THE ARCTIC REGION

Kobzeva O.V.

Federal state budgetary educational institution of higher education Murmansk Arctic State University, Murmansk

Keywords: adolescence, social identity, social space, reference group, transitive society

Abstract. The study presents the specifics of the development of social identity in adolescence. The role of the territory of residence in the formation of social identity is showed. Special attention is paid to the analysis of social identity as one of the basic indicators of individual development in modern transitive society. The proposed exploratory procedure allows analyzing identity from the perspective of assimilation of personal and social experience. The author focuses on the fact that adolescents in the Arctic region do not identify with their current place of residence, their own culture helps them to develop, but at the same time, prevents an objective assessment of the social environment. Teenagers accept social norms, family connection in the structure of their social relationships occupy leading positions, and the family acts as the main reference group.

СУБКУЛЬТУРА КАК ФОРМА ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА

Иванова И.В.

Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск

Ключевые слова: идентичность, личностная идентичность, социальная идентичность, территориальная идентичность, культура, субкультура, транзитивное общество

Аннотация: субкультура рассматривается как культура определенного сообщества, отличающегося своими ценностями и подчиненностью позиции относительно доминирующей культуры. В условиях транзитивного общества субкультура может стать одной из форм многовариативной идентичности. Исследование показало у студентов преобладание личностной идентичности над социальной, влияние социокультурного контекста на содержательный и оценочный ее компоненты, значимость в структуре

идентичности таких идентификационных групп, как семья (референтная группа), поколение, страна; ценность своей культуры и языка. Исследование территориальной идентичности (чувства и осознание своей принадлежности к территории вместе с ее ценностным значением) у русских и китайских студентов, сменивших место жительства в целях обучения в вузе, выявило различия у них в когнитивном, аффективном и ценностном компонентах. В идентичности соотносятся культура и субкультура - устойчивые культурные формы и их творческие трансформации, создающие новые варианты идентичности. Субкультура связывает личностную и соответствующую ей социальную идентичность, устанавливает их баланс, сохраняя или восстанавливая целостность.

Современный этап развития культуры и общества характеризуется транзитивностью со свойственными ей турбулентными и нелинейными изменениями, усилением неопределенности, расширением информационного пространства и межкультурных контактов, трансформацией ценностей и эталонов, множественностью и разнообразием социокультурных контекстов.

Неоднородность и усложнение социокультурного пространства, дифференциация различных течений и движений, выходящих из-под влияния и давления официально признанной культуры, отражаются в понятии субкультуры (буквально подкультуры) как той части культуры общества, которая выражает ценности, смыслы, идеи, язык и образ жизни определенной социальной группы, составляющей меньшинство, и отличается специфичностью и подчиненностью своей позиции относительно доминирующей культуры большинства. Д. Рисмен, предложивший термин «субкультура», и Д. Хэбдидж изначально подчеркивают преднамеренность и активность ее представителей, сознательно выбирающих и отстаивающих собственные ценности, традиции, стиль жизни и способы самовыражения (Марцинковская, 2013). При этом представление о большинстве и меньшинстве в социокультурном пространстве подвижно и неустойчиво ввиду различных оснований для их консолидации и поляризации (Гусельцева, 2018). Обычно субкультура носит локальный и временный характер, но может стать влиятельным направлением в развитии культуры.

Субкультура выполняет важнейшие функции (М. Брэйк): дает символическое решение проблем и противоречий, которые коллективно переживаются поколением; предлагает ценности, идеологию и стиль жизни, способствующие формированию идентичности вне предписанной, заданной солидарности; представляет альтернативную форму социальной реальности, которая апробируется в культуре, но опосредуется

значимым сообществом; предлагает способы жизни в рамках свободного времени; новые дилеммы для принятия индивидуальных решений (Борисов, Радзиховский, 1989).

Если следовать понятию о категориальном строе психологии и сетевому принципу построения категориальной системы (Петровский, Ярошевский, 1999; Марцинковская, 2001, 2014), возможно всестороннее исследование связей субкультуры с разными сферами психической реальности. В зависимости от того, какой психологический аспект субкультуры подлежит изучению, на какой стороне данного феномена фокусируется исследователь, ее можно определять и рассматривать через призму соответствующей базисной категории – образа (формы), мотива (ценности и смысла), деятельности (способа поведения), переживания, личности (идентичности), отношения (общения).

В условиях транзитивного мира важным является вопрос о сохранении или восстановлении внутренней целостности и определенности, что делает необходимым анализ связи идентичности и субкультуры. С этой точки зрения важными являются идеи о возможности формирования новой идентичности в условиях трансформации культуры (М. Маффесоли); о связи содержания субкультуры с идентичностью, где субкультура рассматривается «как один из вариантов идентичности, в котором соединяются социокультурный и личностный ее аспекты», а соединение инкультурации, социализации и индивидуализации приводит к появлению субкультур, в которых формируется новый баланс персональной и социальной идентичностей, при этом ведущим механизмом формирования субкультуры и идентичности являются социальные и индивидуальные переживания (Марцинковская, 2013).

При всей многозначности категории идентичности исходным остается данное Э.Эриксоном определение идентичности как «субъективного вдохновенного ощущения тождества и целостности» во времени и пространстве и осознания ее как процесса, устанавливающего тождественность групповой и личностной идентичностей на всех уровнях психической деятельности, посредством соотнесения человеком себя с другими и их оценок его в рамках значимой для них и для него типологии (Эриксон, 1996).

В работах современных исследователей сущностное и функциональное значение идентичности выражено в определениях ее как конструирования границ социального взаимодействия (Ш. Айзенштадт), непрерывности и цельности себя (П. Вагнер), смысла себя (С.Хантингтон), конструирования смысла на основе определенных культурных свойств, приоритетных по отношению к другим источникам смысла (М. Кастельс), ответе на ключевые вопросы «Кто я?» и «Где я?», дефиниции, интерпретации себя одновременно в социальном и психологическом смысле (М. Гуибернау), уникальной внутренней реальности «Я», которая на более глубинном уровне проявляется скорее как

полусознательные мысли о себе, при этом оформляется и поддерживается, исходя из ее социального поля (Э. Эллиотт**) (**Федотова, 2013).

Сохраняя значение понятия идентичности как психологической целостности и тождественности, следует признать множественность, разнообразие, вариативность и текучесть идентичности, ее единство в многообразии тождеств и многообразие в единстве тождества. Идентичность многослойна, многоуровнева, лабильна и за счет этого вписывается в современность (Гусельцева, 2018). Многообразные техники «политики идентичности» (И.Гоффман, П. Бурдье, Э. Эллиотт), с помощью которых индивид или группа влияют на информацию о себе, направленную на социальное окружение, и становятся формой социализации, самоутверждения и обретения стабильного статуса. Информативен контекст, в котором формируется идентичность. Степень сложности организации общества и разнообразие субкультур определяет и вариативность идентичностей.

Проведенное нами исследование идентичности студентов БГПУ (Благовещенск Амурской области) с помощью методик, разработанных в лаборатории под руководством Т.Д. Марцинковской (Психологический институт РАО, Москва), показало, что в основе целостности «Я» - общечеловеческая (родовая) принадлежность и положительные личностные, в меньшей степени социальные, характеристики. Личностная идентичность более выражена, чем социальная. В описаниях «Я глазами других людей, принадлежащих к своей нации и культуре» и «Я глазами других людей, не принадлежащих к моей нации и культуре» доминируют позитивные личностные качества, реже - манеры поведения, коммуникативные способности, внешность, редко – гражданство, социальный статус и пол. Категории, отражающие культурные ценности, используются редко, но чаще, чем национальность. «Реальное Я» более осознанно, чем «зеркальное Я», при этом менее всего рефлексируется «Я» в восприятии представителей другой культуры. При категориальном сходстве «Я» глазами людей своей и чужой культур во втором случае становятся актуализированными этническая и культурная принадлежность, но снижается положительное отношение к себе.

В структуре социальной идентичности наиболее значимыми идентификационными группами являются семья, поколение, страна. Менее значимы нация, пол, человеческий род, территория, увлечения, профессия. Религия не вошла в число компонентов, структурирующих идентичность, что, может быть, обусловлено семейными традициями, образованием, религиозной однородностью окружения. Референтной группой для студентов является семья.

В своей культуре студенты более всего ценят национальный характер, традиции, историю, литературу, фольклор, музыку, живопись, архитектуру, прославивших страну людей, единство народа, красоту русского языка, который считают родным и необходимым для общения и профессиональных достижений, развития, познания, жизни. Своя культура помогает им жить, общаться, развиваться, понимать себя и других в своей стране. Однако мешает общению с людьми иных национальностей, понимать их, объективно относиться к событиям в других странах, познавать новое, выражать свое мнение. Почти треть студентов выражают амбивалентное и негативное отношение к своему народу. Идеалом считают представителей своей национальности и культуры, родных людей, известных политиков и исторических деятелей. Дружить предпочитают с представителями своей национальности и сверстниками, но при создании семьи не считают национальность препятствием в выборе супруга.

Успешность в современном обществе связывают с положительными качествами, не исключая отрицательных, с преобладанием деятельностных характеристик (трудовых, когнитивных и личностных) над характеристиками гуманистической (юноши их не включили), социальной, физической и материальной направленности.

Реальная территориальная идентичность основана на идентификации с малой родиной, родительским домом и семьей. Личным пространством называют дом и семью. Несмотря на желание жить в большом городе (мегаполисе), идеальным местом для проживания считают малый город. При выборе места проживания значимы люди, окружающий пейзаж, культура. Студенты ценят природу своего края. В будущем они хотят жить в России.

В другом нашем исследовании, направленном на изучение территориальной идентичности (чувства и осознания своей принадлежности к территории вместе с ее ценностными значением) у русских и китайских студентов, сменивших место жительства в целях обучения в БГПУ, были выявлены различия в ее компонентах.

Для китайских студентов в основе различий между своей и чужой территорией лежат культура и история, а для русских - люди (друзья, знакомые). Русские студенты свое социальное пространство отождествляют с семьей, китайские – с друзьями. При выборе ими места жительства наиболее значим материальный фактор и язык, для русских – интересная работа и люди. Большинство русских студентов положительно относятся к перемене места проживания, но хотели бы жить в других городах России. Почти половина китайских студентов относятся положительно к смене места жительства, но есть и те, кто неопределенно и отрицательно. Более половины китайских студентов желают проживать в родном городе, почти треть - в российских городах. Для обеих выборок наиболее

значимым местом является дом. Для китайских студентов значимы образовательные, культурные и медицинские учреждения, для русских - спортивные. Ради «идеального» места проживания китайские студенты готовы пожертвовать семьей, русские ничем не готовы жертвовать**.** При выборе места работы для русских важнее заработок, для китайских студентов - интерес к профессии. У русских и китайских студентов выявлено сходство в выборе значимого места в городе (дом), личного пространства (дом, комната) и идеального места проживания (малый город).

Различия обнаружены в критериях дифференциации своей и чужой территории, компонентах своего социального пространства и факторах выбора места жительства, в образе своей территории, образах реального и идеального места проживания (когнитивный компонент); в привязанности к территории, эмоциональном отношении к реальному и идеальному месту проживания (аффективный компонент); в значимости территории, степени удовлетворенности территорией и реализации смыслов и ценностей в условиях места проживания (ценностный компонент).

Таким образом, в условиях транзитивного общества идентичность отражает соотношение культуры и субкультуры. Вхождение в культуру и формирование идентичности идет на основе усвоения устойчивых культурных форм передачи опыта через традиционные социальные институты, которые поддерживают «твердое» ядро культуры, сохраняя ее стабильной, и субкультуры – той чувствительной к изменениям части культуры, которая подвержена творческим трансформациям и транслируется на уровне свободного взаимодействия, видоизменяя формы идентичности и создавая ее новые варианты, открывая пространство для развития. Это дает возможность поддерживать личностную идентичность, выбирая соответствующую ей социальную идентичность, или выходить за пределы привычного пространства в направлении желаемого развития, конструировать новую идентичность. Принадлежность к субкультуре является одной из форм идентичности, где сходятся личностные и социальные критерии, субъективные и объективные параметры, по которым рефлексируется пережитый опыт. На содержательный и оценочный компоненты идентичности влияет социокультурный контекст, взаимодействие с другой культурой. Выбор близкой для себя субкультуры дает возможность установить баланс личностной и социальной идентичностей, восстановить целостность, сохранить и поддержать идентичность.

Литература:

Борисов И.Ю., Радзиховский Л.А. Зарубежные исследования молодежных субкультур //Идеологические и психологические исследования массового самосознания. М., 1989. С. 186-216.

Гусельцева М.С. Изучение идентичности в контексте культуры: методология латентных изменений // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 58. С. 2. URL: http://psystudy.ru

Марцинковская Т.Д. Субкультура в транзитивном обществе // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 57-68.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1999. С. 123-342.

Марцинковская Т.Д. История психологии. М.: Издательский центр «Академия», 2001. С. 19-21.

Марцинковская Т.Д. Методология современной психологии: смена парадигм?! // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 1. URL: http://psystudy.ru

Федотова Н.Н. Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 52-62.

Э. Эриксон. Идентичность: юность и кризис. - М.: Прогресс, 1996. С. 28, 31-32.

Сведения об авторе

Иванова Инесса Витальевна, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет» (ул. Ленина, д.104, 675000, Благовещенск, Амурская область, Россия), психолого-педагогический факультет, доцент кафедры психологии, e-mail: ivainvita@gmail.com

SUBCULTURE AS A FORM OF IDENTITY IN THE CONDITIONS OF TRANSITIVE SOCIETY

Ivanova I.V.

Blagoveshchensk state pedagogical University, Blagoveshchensk, Amur oblast

Keywords: identity, personal identity, social identity, territorial identity, culture, subculture, transitive society

Abstract: subculture is considered as a culture of a certain community, characterized by its values and subordination of the position relative to the dominant culture. In the conditions of transitive society subculture can become one of the forms of multivariate identity. The study

showed students the predominance of personal identity over social, the influence of socio-cultural context on the content and evaluation of its components, the importance of identity in the structure of such identification groups as family (reference group), generation, country, the value of their culture and language. The study of territorial identity (feelings and awareness of belonging to the territory together with its value value) in Russian and Chinese students who changed their place of residence for the purpose of studying at the University revealed differences in their cognitive, affective and value components. In identity relate to culture and sub-culture - sustainable cultural forms and their creative transformation, creating new variants of identity. Subculture binds the corresponding personal and social identity, establishes their balance, maintaining or restoring integrity.

ОСОБЕННОСТИ МЕТАКОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ И ВОСПРИЯТИЕ МОДНЫХ ТРЕНДОВ У МОЛОДЕЖИ

Фоломеева Т.В., Климочкина Е.Н.

Факультет психологии Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Ключевые слова: метакогнитивные процессы, метакогнитивная включенность в деятельность, метакогнитивные убеждения, модная индустрия, модные тренды, социальный контекст

Аннотация. Метакогнитивные процессы играют исключительную роль в организации внутренней деятельности индивида для осуществления и развития внешней активности. Эта тематика мало изучена в социальном контексте, тогда как он может оказывать влияния на внутреннюю деятельность индивида. Мода - это форма стандартизированного массового поведения, а модные тренды – это ее «голос», который транслирует идеи.

Мы предположили, что различие в предпочтениях и оценке трендов способно говорить о различном воздействии индустрии на индивида, в основе которой могут лежать метакогнитивные процессы.

Был проведен анализ модных трендов. Далее, изучили представления о них, моде и их значениях качественным методом. Для прояснения особенностей метакогнитивных процессов были выбраны методики, измеряющие уровень метакогнитивной включенности в деятельность и метакогнитивные убеждения. Использовали кластерный

анализ для создания подгрупп, основываясь на уровне метакогнитивной включеннности. Результаты показали, что люди с разными уровнями метакогнитивной включеннности имеют разные представления о модных тенденциях и эти различия лежат в оценке и придаваемых значениях.

Введение

Любой психический процесс может быть направлен как на внешнюю, так и на внутреннюю среду. Когда мы говорим о направленности во внутрь, то предметом одних процессов становятся другие психические процессы. Префикс «мета» означает знание о собственной когнитивной системе и управление ею, ориентация одних психических процессов на другие на мета-уровне психики (Карпов А.В., 2005). Мониторинг «собственных реальностей» позволяет более глубоко посмотреть на внутреннюю активность, но каждый индивид погружен в социум, соответственно, подвержен внешнему влиянию.

К. Фрис в своем исследовании о роли метакогнитивных процессов на социальное взаимодействие разделяет их на имплицитные, позволяющие войти в групповой режим «мы» и автоматически учитывать знания и намерения других, и эксплицитные, предоставляющие нам возможность оценивать и оправдывать свое поведение перед другими (Frith, 2012). К. Финчер подчеркивает культуральную составляющую метакогнитивных процессов (Fincher, Morris, & Savani, 2019). Кроме того, метакогнитивные убеждения являются продуктом не только личных установок, социальных стереотипов, культурных конструктов, но и могут быть экспериментально изменены через социальное влияние (Dweck, 1990). Следовательно, социальный контекст имеет инструменты воздействия на метакогнитивные процессы индивида.

Мода, модная индустрия, создающая ее, - это форма стандартизированного массового поведения, которая возникает стихийно под влиянием тенденций, доминирующих в обществе. Модные тренды – это устоявшиеся и актуальные тенденции, они репрезентируют наиболее востребованные ценности, цвета, силуэты, фасоны, образы и т.д.

Заметим, что модная индустрия и модные тренды выражаются непосредственно в одежде, обуви, аксессуарах, транслирующих вложенные в них идеи. Таким образом, одежда наделяется новым значением, когда выступает атрибутом модной индустрии, реализованным модным трендом. Следовательно, когда предмет одежды надет, он оказывает влияние на психологические процессы владельца, активируя связанные

абстрактные понятия через их символическое значения, подобно тому, как физический жизненный опыт оказывает на нас влияния (Hajo & Galinsky, 2012).

Мы убеждены, что существует взаимосвязь между социальным контекстом, который в нашем исследовании представлен через модную индустрию и транслируемые модные тренды, и метакогнитивными процессами. Взаимодействие данных переменных, восприятие транслируемых модных трендов и активность на мета-уровне, ее особенности, является предметом нашего исследования.

Мы ставили перед собой следующие вопросы: как индивид воспринимает модные тренды, какую роль в восприятии модных трендов играют особенности метакогнитивных процессов, есть ли разница в восприятии модной индустрии, модных трендов и социального контекста, окружающего индивида?

Перед нами стояла задача обнаружить и изучить внутреннюю деятельность индивида через понимание особенностей метакогнитивных процессов, определить уровень метакогнитивной включенности в деятельность и метакогнитивные убеждения, возникающий под влиянием социальной среды, на примере модных трендов как воздействующих факторов.

Метод

Выборку составили 25 участников (женщины и мужчины молодого возраста, M=27,7, Sd=3,6), отобранных по критерию профессионального или личного интереса к моде (следование модным тенденциям, включенность в модные субкультуры, профессиональная деятельность в сфере модной индустрии - стилисты, байеры, дизайнеры, маркетологи, фотографы, редакторы, инфлюенсеры).

Эмпирическое исследование состояло из нескольких этапов. На первом этапе нами был проведен анализ модных трендов, тренд-буков маркетинговых агенств и издательских домов. Для изучения особенностей восприятия модной индустрии и модных трендов с каждым из участников было проведено интервью. Анализ данных производился качественно - феноменологическим методом.

В заключение, для изучения особенностей метакогнитивных процессов нами были выбраны «Опросник метакогнитивной включенности в деятельность» (Schraw & Dennison, 1994) в адаптации (Karpov & Skiteva, 2005) и методика «Краткая версия опросника метакогнитивных убеждений» (Wells & Cartwright-Hatton, 2004) в адаптации на русскоязычной выборке (Сирота, Московченко, Ялтонский, & Ялтонская, 2018).

Результаты

Согласно проведенному анализу тренд-буков нами были выделены ценностные тенденции и модные тренды в одежде, обуви и аксессуарах. В значимые ценностные

тенденции 2019 года вошли: Поиск аутентичного себя, Переосмысление взрослости, Выход из зоны комфорта, Выбор и ценность своего времени, Общее при различиях, Меньше-лучше, Социальная изоляция, Выход в онлайн.

Анализ методик. При обработке результатов методик нами было обнаружено, что показатели метакогнитивной включенности в деятельность (MAI) различаются у представителей выборки, где минимальный показатель равен 156 баллам, максимальный 233 (Mean=197,28; Sd=20,007). Различия в показателях MAI были выделены как фактор, разделяющий выборку по уровню метакогнитивной включенности в деятельность. Дисперсионным анализом была обнаружена взаимосвязь между уровнем MAI и метакогнитивными убеждениями, а именно: значимая зависимость между MAI позитивными убеждениями о беспокойстве (p=0,045).

Корреляция по коэффициенту Пирсона выявила связь между MAI и внимательностью к собственным мыслительным процессам (p=0,004), позитивными убеждениями о беспокойстве (p=0,001) и контроле над собственными мыслями (p=0,049).

Методом кластеризации выборка была разделена на два кластера: с высокими и более низкими показателями метакогнитивной включенности в деятельность.

Анализ интервью. Большинство респондентов выразили согласие с выделенными анализом тренд-буков ценностными тенденциями. Значимыми оказались комментарии участников.

Поиск аутентичного себя. Данный тренд не оставил участников исследования равнодушными. Негативные мнения связаны не столько с содержанием тренда, сколько с тем, что данная ценность транслируется в массы и порождает ситуацию «вынужденного контакта с собой», что не для всех имеет положительную коннотацию.

Переосмысление взрослости. «Адаптировать мир под себя, а не следовать традициям прошлого» - это позитивная тенденция. Однако часть испытуемых высказали тревогу относительно ответственности и свободы, которую дает возможность не следовать «предложенным правилам».

Выход из зоны комфорта. Популярность активной жизненной позиции, реализация своего потенциала через открытие нового опыта. Были обнаружены и позиции несогласия с трендом.

Выбор и ценность своего времени. Данная тенденция вызвала наибольший резонанс среди участников, поскольку включает в себя спектр убеждений. Во-первых, «ценность времени» как актуальная тенденция подчеркивает значимость других

выделенных тенденций (поиск аутентичного себя, социальная изоляция, выход в онлайн). Во-вторых, тенденция «не расстраиваться, когда ради собственного комфорта пропустил событие» сложно переносима как ценность на массы. Данная ценность во многом личностно субъективна. Кроме того отметим, что передача ответственности и снятие с себя обязательств некоторыми участниками расценивается негативно.

Общее при различиях.. Тенденция отражает социальные процессы, происходящие в обществе, но различные бренды коммерциализируют ее, что вызывает негативную оценку со стороны испытуемых.

Меньше – лучше. Имеет позитивную коннотацию и поддерживается здравым смыслом, а также успешно коммерциализируется брендами, что получает негативную оценку у участников.

Социальная изоляция. Отражает функциональное проявление тенденции «Поиск аутентичного себя», необходимость побыть одному. Воплощает реалии современного мира, где техничесике средства заменили реальное общение и мы часто находимся в одиночестве, но всегда можем вступить в контакт, взяв в руки телефон.

Выход в онлайн. Воспринимается испытуемыми во взаимосвязи с другими (поиском аутентичного себя, социальной изоляцией). С позиции замены реального общения на онлайн – участники оценивают негативно. Возможность пользоваться сервисами и экономить свое время (тенденция выбор и ценности времени) воспринимается позитивно. Идея «диджитал версии себя» оценивается участниками амбивалентно. Кто-то согласен, что важно подчеркивать и контролировать свою диджитал персону, с другой стороны, есть и те, кто считает это энергозатратным и не стоящим внимания.

После обсуждения трендов участникам были заданы вопросы о модной индустрии и ее продуктах, их значении для участника, о модных предпочтениях и сформировавших их предпосылках, о механизмах воздействия индустрии на индивида, его поведение, мышление и ценности.

Таким образом, использование методик позволило разделить участников по уровню метакогнитивной включенности. Часть участников отнесена в группу с высокими показателями MAI, что выражается в явной способности анализировать собственные мыслительные стратегии и возможности управлять своим познанием, понимать особенности собственной внутренней деятельности. Во вторую группу вошли участники с более умеренными показателями MAI, что присутствовало в их умении анализировать и регулировать свои мыслительные стратегии, но в знакомых и не стрессовых ситуациях.

Заметим, что различия в MAI отражают уровень саморегуляции индивида, способность регулировать свою внутреннюю деятельность. Представители групп с высокой и умеренной MAI по-разному воспринимают модные тренды, иначе подходят к их оценке. Значимые тренды для участников с умеренным уровнем MAI: Переосмысление взрослости, Выход из зоны комфорта, Поиск аутентичного себя, Выход в онлайн. Для группы с высоким уровнем MAI значимы тренды: Поиск аутентичного себя, Переосмысление взрослости, Выбор и ценность своего времени, Меньше – лучше.

Придаваемые значения и интерпретирование трендов, построение высказываний также зависят от уровня MAI.

Заключение

Особенности метакогнитивных процессов, а именно метакогнитивная включенность в деятельность и метакогнитивные убеждения, играют значимую роль при восприятии модных трендов.

Люди с разными уровнями MAI по-разному воспринимают модные тренды. Различия лежат в оценке и придаваемых значениях. Участник с высоким уровнем MAI подчеркнет значимость процесса, который лег в основу актуальной тенденции (например, положительное отношение к экологичному и осознанному потреблению и подходу к переработке мусора), но такой участник отметит и тот факт, что подобный тренд во многом удобен и выгоден производителям, которые коммерциализируют его, лишь увеличивая свои производства и противореча транслируемой ценности. Таким образом, высокий уровень MAI дает возможность рассмотреть вопрос с нескольких сторон и тем самым делает возможным качественный анализ проблемы, что ведет к более содержательным выводам.

Данные свидетельствуют о том, что индивид из первой группы достаточное количество времени анализирует и синтезирует информацию, полученную изнутри и извне, умеет ею управлять, и делать обоснованные выводы, оперируя собственным опытом и используя опыт других.

Участники с умеренным уровнем MAI чаще принимают или отвергают тренд, ссылаясь на свой опыт. Либо тренд выступает как достоверный источник, который транслирует идею в такой форме, которая не вызывает сомнения и принимается.

Литература

Ariely D., & Norton M. Conceptual consumption // The Annual Review of Psychology. V. 60. 2009

Baumgartner J. You Are What You Wear: What Your Clothes Reveal About You. Boston: Da Capo Press, 2012.

Beckwith H. Selling the Invisible: A Field Guide to Modern Marketing. NY: Warner Books, 1997.

Blackwell R., Engel J. & Miniard P. Consumer behaviour. Harcout Publishers Group, 1995

Brown A.L., B. J. (Learning, re-membering, and understanding. B J. F. E.M., Hand-book of Child Psychology (T. 3). New York: Wiley, 1983.

Carlson E. Meta-Accuracy and Relationship Quality: Weighing the Costs and Benefits of Knowing What People Really Think About You. Journal of Personality & Social Psychology. , Vol. 111 (2), 2016. – P.250-264.

Clore G., & Parrott G. Cognitive feelings and metacognitive judgments. European Journal of Social Psychology , Vol. 24 (1), 1994. – P.101-115.

Dweck C. Self-theories and goals: Their role in motivation, personality, and development. Current theory and research in motivation, 38, 1990. – P.199-235.

Fincher K., Morris M. & Savani K. Metacognition Fosters Cultural Learning: Evidence From Individual Differences and Situational Prompts. Journal of Personality and Social Psychology: Interpersonal Relations and Group Processes , Vol. 116 (1), 2019. – P. 46-68.

Flavell J. Metacognition and cognitive monitoring: a new area of cognitive-developmental inquiry. American Psychologist, 1979

Frith C. The role of metacognition in human social interactions. Philosophical Transactions of Royal Society , 367, 2012. – P.2213-2223.

Hajo A. & Galinsky A. Enclothed cognition. Journal of Experimental Social Psychology , 48, 2012. – P.918-925.

Hart J. Memory and the feeling-of-knowing experience. Journal of Ed-ucational Psychology , 56, 1995. – P.208-216.

Horcajo J., Briñol P. & Petty R. Majority versus minority source status and persuasion: Processes of primary and secondary cognition. Current issues in social psychology, 2017. – P. 98-116.

Karpov A., & Skiteva L. Psychology of individuals metacognitive processes. Moscow: RAN Psychology Institute, 2005

Klein N. The shock doctrine. Canada: Randon House of Canada, 2007

Kluwe R. Cognitive Knowledge and executive control: Metacognition. B D.R.Griffin, Animal mind-human mind (стр. 201-204). New York: Springer- Verlag, 1982.

Nelson T. & Narens L. Metamemory: a theoretical framework and new findings. In G. Bower (Ed.), The Psychology of Learning and Motivation, Vol. 26. New York: Academic Press, 1990.

Reber A. Implicit learning and tacit knowledge: An essay on the cognitive unconscious. NY: Oxford University Press, 1993.

Schjedt U. Depletion and deprivation: Social functional pathways to a shared metacognition. New York, NY, US: Oxford University Press, 2018.

Schraw G. & Dennison R. Assesing Metacognitive Awareness. Contemporary educational psychology, 19, 1994 – P.460-475.

Sirota N., Moskovchenko D., Yaltonsky V. & Yaltonskaya A. Approbation of the Short Version Questionnaire Metacognitive Belief in Russian-Speaking Population. Psychology. Journal of the Higher School of Economics., 15 (2), 2018 – P.307-325.

Wellman, H. Metamemory revised. Contributions to human development, 9, 1983 – P.31-51.

Wells A. Emotional Disorders and Metacognition: Innovative Cognitive Therapy. Chichester, UK: Wiley, 2000.

Wells A. & Cartwright-Hatton S. A short form of the metacognitions questionnaire: properties of the MCQ-30. Behaviour Research and Therapy, 42, 2004. – P.385-396.

Wolfe M., W.T. Poor metacognitive awareness of belief change. Quarterly Journal of Experimental Psychology , Vol. 71 (9), 2018. – P.1898-1910.

Yzerbyt V., Schadron G., Leyens J., & Rocher S. Social judgeability: The impact of meta-informational cues on the use of stereotypes. Journal of Personality and Social Psychology, 66 (1), 1994. – P.48-55.

Беквит Г. Продавая незримое. Москва: Альпина-Паблешерс, 2009.

Блэкуэлл Д., Миниард П., Энджел Д. Поведение потребителей. СПб: Питер, 2002.

Карпов А.В., С.И. – Психология метакогнитивных процессов личности . Москва: Институт психологии РАН, 2005.

Кляйн Н. Доктрина шока. Москва: Добрая книга, 2009.

Сирота, Н., Московченко Д., Ялтонский В., & Ялтонская А. Апробация краткой версии опросника мтеакогнитивных убеждений на русскоязычной выборке. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 15 (2), 2009. – С. 307-325.

Features of metacognition and perception of fashion trends among youth

Folomeeva T.V., Klimochkina E.N.

Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Russia

Keywords: metacognition, metacognitive awareness, metacognitive beliefs, fashion trend, fashion industry, social context

Abstract. Metacognitions play an exceptional role in the individual's organization of internal activity, while social context has a significant impact on it. Fashion industry, as a social context manifestation, is a form of standardized mass behaviour and fashion trends are the "voices" that broadcast ideas. Differences in the preferences and evaluation of trends may indicate a distinction in the fashion industries impact on the individual. This distinction may be based on metacognitions. In our study, we aimed to understand how does an individual perceive fashion trends, what role do the features of metacognitions play in this process? We began with fashion trend analysis. Next, we investigated perceptions about trends, fashion industry and its meaning through qualitative analysis. To study features of metacognition, we chose methods to assess metacognitive involvement in the awareness of inner activity, as well as we diagnosed metacognitive beliefs. We used cluster analysis to create subgroups based on the level of metacognitive awareness. Our findings show that people with different levels of metacognitive awareness have diverse perceptions of fashion trends. The differences lie in the assessment and the attached meaning. Therefore, features of metacognition, namely metacognitive awareness and metacognitive beliefs, play a significant role in the perception of fashion trends.

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА ТАНЦОВЩИКА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ТАНЦЕВАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ[10]

Митина О., Мирсаидов М.М.

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва

Ключевые слова*:* психосемантика, субкультура, танцевальные направления, стереотипы, ценностные ориентации

Аннотация. Рассматривается категориальная структура восприятия образа танцовщика и её особенности у представителей различных танцевальных направлений. Респондентами выступили танцовщики и танцовщицы с танцевальным стажем не менее 3х лет в возрасте от 16-38 лет, для которых занятие танцами является ведущей деятельностью, формально или неформально. Выявлены представления о ценностных ориентациях, свойственных представителям различных танцевальных направлений. Эти представления касаются как представителей своего ТН (автостереотипы), так и представителей других ТН (стереотипы).

[10] Работа выполнена при поддержке РНФ, грант № 17 – 18 – 01610 (от 18 мая 2017 года)

Танцевальные направления как «картотека идентичностей»

«*Языком танца передаются жесты, действия, слова и крики…*»

(*Лотман Ю.М.*)

«Танец — ритмичные, выразительные телодвижения, обычно выстраиваемые в определённую композицию и исполняемые с музыкальным сопровождением. Танец, возможно — древнейшее из искусств: оно отражает восходящую к самым ранним временам потребность человека передавать другим людям свои радость или скорбь посредством своего тела. Почти все важные события в жизни первобытного человека отмечались танцами: рождение, смерть, война, избрание нового вождя, исцеление больного…» (https://ru.wikipedia.org).

Тело выступает первым инструментом, посредством которого человек знакомится с окружающим миром. Младенец, родившийся на свет, познаёт всё через тело, он пробует всё на вкус, трогает и пытается дотянуться. Затем он обучается ориентироваться в пространстве, ходить, бегать, прыгать, узнает о своих возможностях посредством покорения высот (деревьев, крыш гаражей), поднятия тяжестей и начинает понимать возможности других людей, сопоставляя со своими (Smith, Yu, 2008). Опираясь на телесные ощущения, человек конструирует первичное представление об окружающем мире. Следовательно, можно предположить, что тело есть первый источник формирования сознания человека и только позднее эту функцию на себя берёт вербальный язык.

Танец выступает одной из таких деятельностей, в которой сохранилась функция познания себя и окружающего мира. В танце человек очень близко знакомится со своим телом, с его возможностями и границами. Так же, при помощи танца, человек учится чувствовать и выражать эмоцию, слово, историю. Танцовщик «пропускает через себя» все переживания, чувства и смыслы, которые ему хочется или следует передать зрителю. Танец порой способен выразить то, что невозможно сказать словами. Это можно заметить у хореографов-постановщиков, которые, в процессе создания танцевального номера, обращаются к некоторым невербальным знаниям, сложно описываемым образам. Часто такие образы трудно транслировать и донести до танцовщика, в таких случаях исполнителя просят показать то, что он понял, и после, при необходимости, корректируют. Сосуществование постановщика и исполнителя в поиске того самого идеального движения - процесс, где исполнитель стремится полностью передать зрителю замысел хореографа.

Анализируя вышеописанную ситуацию, можно заметить, что танец, и в отдельности каждое танцевальное направление, содержат в себе значения и смысл,

которые невозможно формализовать вербально. Следовательно, можно предположить, что танец как языковой феномен способен строить некоторые «метаязыковые» (Лотман, 1981) семантические конструкты, тем самым позиционировать себя как отдельную социокультурную единицу, со своими правилами и ценностями, а далее транслировать свою уникальность, свой «новый формат».

В танце, в танцевальных движениях человека заключены две составляющие – это мир, который находится в самом человеке (психосемантический предметный мир) и мир, в котором находится и действует человек (предметная физическая среда) (Козлов, 2006).

Танцевальное искусство, о древности которого ходили легенды, уже на заре развития человечества изначально выполняет функцию своеобразного «зеркала» бытия, в сознательной или неосознанной форме являя собой объективный образ культуры. В свою очередь, танец содержит в себе социокультурные ориентации (как телесные, так и духовные), позволяющие в значительной степени участвовать в процессе социализации личности, способствуя полноценному постижению мира культуры (Жиленко, 2000).

Говоря о социализации, стоит отметить теорию социальной идентичности, предложенную А. Тэшфелом, в рамках которой и рассматривается вопрос о социальной обусловленности осознания человеком себя и своего поведения в социальном мире (Андреева, 2002). Социальный мир состоит из межличностных и групповых взаимодействий, принимая во внимание то, что группа — это субъект социальной деятельности, в некотором понимании даже продукт социальной деятельности. А. Тешфел отмечает, что осознание человеком его места в социальном мире обусловлено, прежде всего, отнесением себя к определённой социальной группе; причём осознание группового членства реализуется посредством ряда сложных шагов:

– Социальной категоризации, когда индивид осознаёт социальное окружение состоящим из различных групп;

– Социальной идентификации, которая основывается на сравнении выбираемых им групп, в которую человек «помещает» себя как индивида, члена данной группы.

– Социальной идентичности, полного осознания своей принадлежности выбранной группе.

Автор теории, в частности, подчеркивает зависимость характера социальной идентичности от типа общества. Человек воспринимает мир через принадлежность к определённой группе.

Считая каждое танцевальное направление групповой деятельностью, можно с полной уверенностью заявить, что члены этой группы обладают собственной групповой идентичностью по отношению к танцевальному направлению, которое было ими

выбрано. У истоков каждого танцевального направления стоит народ, придумавший его. Танцевальное направление содержит в себе характерологические, этнические, поведенческие особенности, нормы и ценности своих создателей. Следовательно, можно слетать вывод, что танцовщик, воспринимая окружающий мир, оперирует содержанием собственного сознания, где, в той или иной мере, представлены особенности группы, с которой он себя идентифицирует.

Каждое танцевальное направление может выступать в роли субкультуры, которая имеет своих основателей, внешний вид, свой особенный язык, свою систему обучения и идеологию. Осознание танцовщиком своей принадлежности к определённому танцевальному направлению играет большую роль при взаимодействии с внешним миром.

Психосемантика искусства

«*Танец, подобно мифу или легенде, представляет собою воплощение всего присущего человеку*»

(*Древнегреческий автор не известен*)

Танец, будучи производной культуры, имеет свойство меняться и развиваться в ногу со временем. Также следует отметить, что танец как культурный феномен имеет двухстороннюю связь с конструированием мировоззрения социума, в котором существует, а значит отражается в мировоззрении каждого представителя данного социума. Именно психосемантический подход позволяет изучить представления о танцевальных направлениях, так как в нём личность респондента рассматривается не как набор объектных характеристик в пространстве диагностических показателей, а как носитель определённой картины мира, как некоторый микрокосм индивидуальных значений и смыслов.

«Семантические пространства являются своеобразным метаязыком для анализа содержания самых разных форм искусства» (Петренко, 2014, С. 10).

Задача психосемантики (или теории личностных конструктов) как науки о формах и процессах категоризации – описание семантики и синтаксиса языка обобщений глубинного уровня категоризации, универсального языка (Петренко, 2005), в нашем случае - танцевального искусства.

Следует отметить, что каждое танцевальное направление содержит в себе собственные ценности, нормы, правила и смыслы, которые и отличают его от других. Поэтому каждое танцевальное направление способно генерировать собственные новые уникальные значения, которые понятны стороннему наблюдателю в контексте целостной художественной постановки.

Также, для понимания зрителями танцевальных постановок художественный руководитель должен помнить о совпадении культурного кода (базовых знаний о мире коммуникатора и реципиента, на одном ли понятийном уровне они находятся). В противном случае возникнет смысловое недопонимание, полное или частичное непонимание или даже когнитивный диссонанс. Ведь если творческий продукт, претендующий на звание искусства, не будет так или иначе понят, то он не будет воспринят и потеряет значение (Фестингер, 2000).

Таким образом, можно полагать, что определение искусства, нахождение его понятийных границ зависит от соотношений мировоззрения и мироощущения созидающего творческий продукт и воспринимающего творчество – зрителя.

Собственно, наше исследование направлено на выявление критериев совпадения и\или расхождения культурного кода, практикуемого определённым танцевальным направлением.

Под культурным кодом в нашем исследовании выступает ценностная ориентация танцовщика и его специфическая категориальная структура оценки танцевального направления, выстроенная непосредственно самими танцовщиками (Мирсаидов, 2017). Тем самым, мы используем методику множественной идентификации, что даёт нам возможность многосторонне рассмотреть восприятие танцевальных направлений представителями различных танцевальных направлений.

Для оценки представлений о ценностном ориентировании танцовщика того или иного ТН, мы используем опросник Ш. Шварца, состоящий из 57 пунктов.

При выполнении психосематической методики каждый респондент отвечает на пункты не про себя лично, а про четыре ролевые позиции:

1. Танцовщик балета; 2. Танцовщик народного танца; 3. Танцовщик бального танца;

4. Танцовщик современного танца

Таким образом оценивая представителя собственного ТН (с которым мы предполагаем имплицитную идентификацию), а также представителей других ТН, респондент «в режиме употребления» (В.Ф. Петренко), возможно и не осознавая этого, сравнивает между собой все эти ТН. В результате анализа этих ответов, возможна реконструкция индивидуального психосемантического пространства восприятия четырёх танцевальных направлений на основе ценностных ориентаций. Обобщение индивидуальных пространств в групповые по принципу принадлежности к одному ТН позволяет реконструировать семантические пространства восприятия танцевальных направлений в групповом сознании респондентов, практикующих то или иное ТН.

В ходе выявления категориальной структуры восприятия образа танцовщика у представителей различных танцевальных направлений, мы опросили танцовщиков и танцовщиц с танцевальным стажем не менее 3х лет в возрасте от 16-38 лет, для которых в настоящее время занятие танцами является ведущей деятельностью, формально или неформально.

Нами были выявлены представления о ценностных ориентациях различных танцевальных направлений у представителей определённого ТН (стереотипы и автостереотипы).

Танцовщики классического балета оценивают себя как высококонформных (4,47). Аналогично высоко оценивают представителей классического балета по шкале «конформизм» и другие представители ТН.

Представители народного ТН по шкале «гедонизм» танцовщикам современного танца присваивают большую оценку (4,75), чем представителям классического балета (4,3).

По шкалам «Конформизм, правила» и «Приверженность традициям», современный танец оценивается всеми ТН как менее конформный и не придерживающийся традиций.

Представители народного танца считают классический балет самым нескромным ТН., по сравнению с оценками, данными представителями других ТН.

Далее, для выявления взаимосвязей шкал личностных опросников и опросника ценностных ориентаций Ш. Шварца, была посчитана и проанализирована корреляция по Спирману.

Представители классического балета демонстрируют обратную корреляцию таких шкал как: «прокрастинация», «самостоятельность мысли», «самостоятельность поступков» со шкалой «психопатия», также показатель «психопатия» отрицательно коррелирует со шкалой «удовлетворённость жизнью».

Мы считаем, что данный феномен объясняется каждодневным плотным графиком представителей классического балета (прибавим сюда постоянные диеты и необходимые физические нагрузки), который присущ им с раннего детства, как только танцовщик приходит в балетный класс.

Представители бальных танцев считают, что уровень личной безопасности прямо связан с уровнем нарциссизма. Мы предполагаем, что данный факт связан со специфичностью требований к демонстрации танцевальных ролей, что требует поиска источника ресурсов для определённого гиперболизированного поведения, которое в дальнейшем имеет свойство становиться профессиональной деформацией танцовщиков.

Литература:

Андреева Г.М. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учебное пособие для вузов / Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, Л.А. Петровская – М.: Аспект Пресс, 2002. – 287 с.

Жиленко М.Н. Танец как форма коммуникации в социокультурном пространстве / М.Н. Жиленко – Москва, 2000. – 191 с.

Козлов В.В. Интегративная танцевально-двигательная терапия // В.В. Козлов, А.Е. Гришон, Н.И. Времеенко – Издание 2-е расширенное и дополненное. – СПб.: Речь, 2006. – 286 с.

Лотман М.Ю. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. XIV: Учёные записки Тартуского государственного университета. Вып. 567 / М.Ю. Лотман – Тарту, 1981.

Мирсаидов М.М. Психосемантика искусства: на материале выразительных движений и танца // Курсовая работа // М.М. Мирсаидов – Москва, 2017. – 48 с.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко, 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005. – 480

Петренко В.Ф. Психосемантика искусства / Ред. М.И. Черкасская. // В.Ф. Петренко – М.: МАКС Пресс, 2014. – 320 с.

Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер – СПб.: Речь, 2000. – 320 с.

Smith L. Infants rapidly learn word referent mappings via cross-situational statistics / L. Smith, C. Yu – Cognition 106, 2008.

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D1%86

Сведения об авторах

Митина О., кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, (omitina@inbox.ru);

Мирсаидов М., аспирант факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, (mirsaidov_m@inbox.ru).

PSYCHOSEMANTIC ANALYSIS OF DANCER'S IMAGE AMONG REPRESENTATIVES OF DIFFERENT DANCE STYLES

Mitina O., M. Mirsaidov

Lomonosov Moscow State University, Moscow

Keywords: psychosemantics, subculture, dance styles, stereotypes, value orientations

Abstract: In the study the categorical structure of perception of dancer image among various dance styles' representatives and its features were described. The study involved dancers with at least 3 years of dance experience between ages of 16-38 years, for whom dancing was the major activity, formally or informally. The ideas of value orientations peculiar to representatives of various dance styles are revealed. These representations concern both representatives of their own dance style (autostereotypes) and representatives of other DS (stereotypes).

About authors:

Mitina O., Ph.D., leading scientific fellow, dept. of Psychology, Lomonosov Moscow State University, (omitina@inbox.ru);

Mirsaidov M., M.A., graduate student, dept. of Psychology, Lomonosov Moscow State University, (mirsaidov_m@inbox.ru).

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ И ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ И СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ[11]

Аянян А.Н.

ФГБНУ «Психологический институт РАО», г. Москва

Ключевые слова: идентичность, структура социальной идентичности, студенты-журналисты, студенты-филологи

Аннотация. Рассматривается непреходящая актуальность исследования особенностей социальной и персональной идентичности молодежи. Представлены результаты современных исследований профессиональной, социальной и персональной идентичности журналистов и филологов. Приводятся данные эмпирического исследования, в котором выделяются различия в структуре социальной идентичности

[11] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №17-06-00077-ОГН «Проблема лингвистической идентичности в мультикультурном пространстве»

студентов-филологов и студентов-журналистов. Описываются особенности персональной идентичности респондентов, проходящих профессиональную подготовку по смежным дисциплинам. Полученные результаты позволили составить психологический портрет участников исследования, нуждающихся в принятии и поддержке семьей, заинтересованных в реализации личных и профессиональных амбиций, разделяющих интересы поколения, космополитов с индифферентным отношением к религии.

Изучение становления идентичности в преобразующемся мире информационного общества актуально для современной психологической науки. Информационное общество характеризуется стремительными изменениями во всех областях жизнедеятельности. Происходят трансформации в социальной, экономической и культурных сферах. Кроме того, современные технологические достижения открывают новые возможности для получения, передачи, хранения и преобразования информации и, как следствие, создают уникальные перспективы для работы журналистов и филологов. В небольшом гаджете может храниться и огромная библиотека, и все необходимые инструменты для создания, редактуры и публикации текста, фоторепортажа или видеоролика. Очевидные преобразования затрагивают и язык, и, вероятно, это касается тех, кто непосредственно с ним работает – филологов и журналистов. Как быстро устаревают и изживают себя многие слова и языковые конструкции, так же и появляются новые. Язык является одним из основных способов выражения своей идентичности, в связи с этим нам стало интересно посмотреть особенности становления идентичности у будущих специалистов, основным инструментом профессиональной реализации которых является работа с языком. Выступая средством самовыражения – репрезентации своей идентичности, язык создается самим субъектом. Человек выбирает, использует и преобразует языковые средства и методы (Асташкина, 2017). Набирают популярность и являются весьма продуктивными исследования репрезентации идентичности в медиатекстах. Асташкина А.Г. подчеркивает, что медиатексты разных языковых культур выступают в качестве трансляторов различных видов идентичности, отражают процессы глобализации и тотальной медиатизации всех сфер социума. Исследователь отмечает, что в российском филологическом знании преобладает модернистская модель, характеризующаяся «постоянной идентичностью в течение всей жизни человека. Другими словами, личность отождествляет себя с конкретной культурной группой и обретает в ней устойчивость, определенность» (Асташкина, 2017; с.44).

В отличие от филологического сообщества, результаты современного масштабного исследования становления профессиональной идентичности журналистов позволяют

заключить, что «влияние, оказываемое современными электронными медиа, способствует формированию нового психотипа личности, для которого характерно стремление к независимости». При этом отмечается сочетание «альтруистических ценностей и сетевой коммуникативной активности». Характерно широкое распространение «народной журналистики», выступающей в качестве маркера информационного общества и основного средства «эволюции личности в массовой коммуникации» (Пронина, 2016; с.73).

Проведенное нами исследование идентичности студентов-журналистов и студентов-филологов, обучающихся на первом и втором курсах одного из университетов Москвы, показало, что среди участников исследования есть различия в структуре социальной и персональной идентичности. Первая группа – студенты-журналисты 1 и 2 курса (n=52; 30 девушек и 22 юноши) в возрасте от 18 до 21 года (средний возраст 19,5 лет). Вторая группа – студенты-филологи 1 курса (n=50; 32 девушки и 18 юношей) в возрасте от 17 до 19 лет (средний возраст 17,9 лет). Респондентам были предложены методики «Кто Я» и методика «Структура социальной идентичности» (Идентичность и социализация в современном мире, 2015).

Анализ ответов группы студентов-журналистов (n=52) показал, что большинство самоописаний относится к субъективным характеристикам, что составило 71% ответов от общего числа (среднее количество ответов по данной категории 12,27). Социально-ролевые характеристики составили 24% ответов от общего числа (среднее количество ответов по данной категории 4,23). На самоописания, относящиеся к физическим характеристикам, пришлось 5% ответов от общего числа (среднее количество ответов по данной категории 0,81). Положительные самоописания (среднее количество ответов по данной категории 15,94) значительно преобладают над отрицательными характеристиками (среднее количество ответов по данной категории 1,29). Содержание персональной идентичности студентов-журналистов представлено описанием увлечений, оценкой своих способностей в различных видах деятельности, описанием приобретенных навыков, опыта. Респонденты описывали особенности своего характера и стиля поведения (импульсивный, задумчивая, целеустремлённая, наглый, жесткая и т.п.). Содержание социально-ролевых самоописаний в основном раскрывается через учебно-профессиональную принадлежность (студент; журналист; блогер; сми-маркетолог, продвигаю SMM и т.п.). Кроме того, участники исследования в самоописаниях указывали свою групповую принадлежность (инстаграмщица; любитель футбола; фитнесняшка). В самоописаниях респондентов распространено упоминание семейной принадлежности (дочь/сын; жена; сестра/брат и т.д.). Единичны случаи указания гражданства и этнической

идентичности (гражданин РФ, армянка, татарин, русская). Физические характеристики представлены описанием антропометрических данных и оценочными суждениями об особенностях своей внешности (длинный как шпала; до модели далеко, но хороша; толстая; небольшого роста; блондинка и т.п.).

В группе студентов-филологов (n=50) большинство самоописаний относятся к субъективным характеристикам, что составило 66% ответов от общего числа (среднее количество ответов по данной категории 11,6). Социально-ролевые характеристики составили 27% ответов от общего числа (среднее количество ответов по данной категории 4,78). На самоописания, относящиеся к физическим характеристикам, пришлось 7% ответов от общего числа (среднее количество ответов по данной категории 1,2). Положительные самоописания (среднее количество ответов по данной категории 15,9) значительно преобладают над отрицательными характеристиками (среднее количество ответов по данной категории 1,7). Содержание персональной идентичности студентов-филологов раскрывается через описания субъективного опыта и переживаний, увлечений, полученных знаний и опыта. Большое внимание уделялось раскрытию своих личностных особенностей (мечтательная, наивная, верю в лучшее, привык полагаться на свои силы и т.д.). В категории социально-ролевых характеристик преобладают самоописания, раскрывающие учебно-профессиональную принадлежность (студент; филолог; писатель; колумнист и т.п.). Распространено и упоминание семейной принадлежности (дочь/сын; жена; сестра/брат и т.д.). Групповая принадлежность раскрывалась через описание своих увлечений (анимешница; заядлый косплеер; волейболистка с детства). Встречались самоописания гражданской и этнической принадлежности (гражданин РФ, русский, коренная москвичка, ингуш, мечтаю стать гражданином мира). Описание своих антропометрических данных и оценочные суждения относительно особенностей своей внешности составили содержание физических характеристик (считаю себя красивой; высокий; зеленоглазая брюнетка; рыжик и т.п.).

Что касается исследования структуры социальной идентичности, то в группе студентов-журналистов ранжирование позволило определить приоритетные сферы: семья, хобби, профессия, поколение, человечество, пол, страна, город, национальность, религия. На первое место со значительной разницей с последующими приоритетами респонденты поставили семью (2,67). Хобби (3,18) оказалось вторым по популярности. Третьими по значимости были выбраны профессиональные интересы (4,17). С небольшим отставанием среди респондентов лидируют идентификация со своим поколением (4,23) и человечеством (4,81). Далее следует полоролевая идентификация (6,48). Практически

равные позиции принадлежат стране (6,67) и городу (6,68). Замыкают список идентификация со своей национальностью (7,19) и религией (8,31).

Ранжирование ответов в группе студентов-филологов по методике исследования структуры социальной идентичности позволило выделить приоритетные сферы: семья, хобби, поколение, профессия, человечество, пол, страна, город, национальность, религия. Семья (1,96) находится первом месте приоритетов респондентов. Вторым по значимости оказалось хобби (4,04). Третьим по популярности оказалась принадлежность к поколению (4,3). Далее следуют профессиональные интересы (4,46) и сопричастность человечеству (5,02). На экваторе полоролевая идентификация (6,28), принадлежность стране (6,78) и городу (6,88). Замыкают список идентификация со своей национальностью (7,52) и религией (7,76).

Анализ результатов позволил выделить ряд особенностей в структуре и содержании идентичности студентов-журналистов и студентов-филологов. Ответы первой и второй групп респондентов характеризуются высоким уровнем рефлексии и положительного отношения к себе. Примечательно, что в профессиональных характеристиках среди студентов-журналистов преобладают самоописания, относящиеся к активности в медиасреде и сети Интернет (например, «блогер, smm-менеджер, копирайтер и т.д.), в отличие от студентов-филологов, у которых нет явных отсылок к цифровой среде (писатель, филолог, редактор и т.д.). Что касается структуры социальной идентичности, мы можем предположить, что молодые люди, принявшие участие в исследовании, высоко ценят семейную принадлежность и стремятся поддерживать контакт с членами семьи. При этом ориентированы на свои личные и профессиональные интересы. Интересуются происходящим как в среде сверстников, так и всего человечества, в меньшей мере ограничены гендерными рамками и границами страны и своего города. На периферии интересов находится национальная и религиозная принадлежность. Однако среди студентов-журналистов выше значимость профессиональной принадлежности (третье место), в отличие от студентов-филологов, которые оценили выше сопричастность поколению (третье место). Вероятно, в отношении религиозной принадлежности студенты-филологи (десятое место, средний балл 7,76) проявляют большую толерантность в отличие от студентов-журналистов (десятое место, средний балл 8,31). Таким образом, согласно полученным результатам в двух группах респондентов, можно составить портрет участника исследования, нуждающегося в принятии своей семьей и в ее поддержке, заинтересованного в реализации личных и профессиональных амбиций, разделяющего интересы поколения, космополита с индифферентным отношением к религии.

Литература

Асташкина П.Г. Феномен идентичности в современном филологическом знании и перспективы медиалингвистики // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №4. С. 40-47.

Идентичность и социализация в современном мире: Сборник методик / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М: МПГУ, 2015. – 112 с.: ил.

Пронина Е.Е. Профессиональная идентичность журналиста в условиях трансформации СМИ // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2016. № 1. С. 46-74.

PECULIARITIES OF SOCIAL AND PERSONAL IDENTITY OF JOURNALISTIC STUDENTS AND PHILOLOGICAL STUDENTS

Ayanyan A.N.

Research Associate, Psychological Institute of RAE, Moscow

Key words: identity, structure of social identity, students' journalists, philology students

Abstract. We consider the timeless relevance of the study of the characteristics of social and personal identity of young people. The results of modern studies of professional, social and personal identity of journalists and philologists are presented. The data of an empirical study are presented in which differences in the structure of social identity of students-philologists and students-journalists are highlighted. The features of the personal identity of respondents who are trained in related disciplines are described. The results obtained made it possible to draw up a psychological portrait of research participants who need acceptance and support from their families interested in the realization of personal and professional ambitions that share the interests of a generation of cosmopolitan people with an indifferent attitude to religion.

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Горлова Е.Л.

ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва

Ключевые слова: качественные методы, идентичность, Q-метод, интервью, подростки

Аннотация. Рассматриваются преимущества качественной методологии в работах современных отечественных и зарубежных авторов. Приводятся примеры использования качественных методов исследования на материале изучения идентичности подростков. Подчеркивается актуальность исследования идентичности подростков в условиях роста социокультурной трансформации.

Обращаясь к проблеме изучения идентичности современных подростков, мы оказываемся перед важнейшей методологической проблемой. С одной стороны, сегодня актуально продуцирование новых гипотез и исследовательских идей в отношении понимания и объяснения трансформаций, происходящих в детском и подростковом онтогенезе (Дубровина, 2013; Кузьмин, 2017; Поливанова, 2013; Прихожан, Толстых, 2016). С другой стороны, теоретические конструкты, являясь продуктом другой исторической эпохи, определяют единообразие и устойчивость исследовательских подходов. Противоречие между текущим устареванием концепций и растущим потоком новых неисследованных явлений современности и приводит, на наш взгляд, к все более активному использованию исследователями качественной методологии. Так, например, Дж. Корбин, А. Страусс полагают, что качественные методы могут применяться для приобретения новых представлений о предмете исследования или дать более ясное представление о сложных деталях феномена, которое трудно получить количественными методами (Корбин, Страусс, 2001). В ходе качественного исследования полученные данные не подсчитываются и формализовано не анализируются в рамках строго определенных статистических процедур, а изучаются по содержанию, интерпретируются благодаря углубленному толкованию, основанному на экспертном взгляде исследователя.

А.М. Улановский определяет качественное исследование как «комплексное исследование, основанное на полевой форме работы, предполагающее сбор богатых описаний феномена, обработку их с помощью специальных процедур анализа текста и интерпретацию с учетом широкого социокультурного контекста, опорой на точку зрения исследуемых людей и рефлексию самого исследователя» (Улановский, 2008, с. 131). Автор показывает, что два подхода в настоящее время объединяются: в качественном исследовании часто используются порядковые шкалы, числа, а в количественном формате предполагаются обязательной частью интерпретации и объяснения (Улановский, 2009). «Качественные исследования – это исследования, имеющие дело преимущественно с качественными данными и качественными способами анализа» (Улановский, 2016, с. 160).

Н.В. Клюева подчеркивает факт интенсивного развития качественных методов исследования в психологии, отмечая, что данные методы зависят от умения исследователя

грамотно осуществить интерпретацию результатов, обнаружить взаимосвязи явлений, процессов (Клюева, 2016). Основное же преимущество обсуждаемого метода она видит в возможности углубления понимания изучаемого предмета, получения частных уникальных выводов, способных обогатить, сделать целостной общую картину результатов. В рамках качественного исследования предлагается иная позиция исследователю во взаимодействии с испытуемым, которая сочетает открытость новому опыту, отсутствие априорных представлений о предмете исследования, понимание изменчивости ситуации, ее процессуальности, гибкость подхода, интерпретацию данных с учетом контекста и специфики конкретной комбинации социальных, экономических и психологических факторов, жизненных обстоятельств. Автор подчеркивает, что в отличие от количественных исследований, качественный методологический подход носит более открытый характер, при котором гипотезы изначально формируются в самом общем виде. Исследователь, собирая данные и анализируя их, постоянно возвращается к исходному материалу, чтобы переуточнить первоначальные или сформировать новые гипотезы (Клюева, 2016).

Отметим еще две ценности, важные в отношении выбора качественной методологии. Первая состоит в том, что качественные методы позволяют получать знания не только о явлении, но и о методе, так как его разработка и настройка – отдельная задача. А вторая ценность состоит в том, что происходят трансформации и в самом исследователе, развиваются навыки работы с большим количеством информации и умение отсечь лишнее, рассмотреть суть изучаемого явления или наличие субъективной точки зрения, которая может не отражать объективное положение вещей (М.В. Семина, 2007).

Н.П. Бусыгина, в свою очередь, обращается к проблеме качества данного вида исследований, принципам научной и этической валидизации результатов – важнейшей части любого научного предприятия (Бусыгина, 2009). В ее анализе показано, что действительно, для качественных исследования оказываются неприменимы стандартные процедуры валидизации, подходящие для количественных методов. Автор полагает, что валидизация в качественных исследованиях должна быть основана на принципах критического рационализма.

Таким образом, применение методик качественного исследования создает возможность обнаружить аутентичные для изучаемого феномена факты, которые могли бы быть упущены при стандартной статистической обработке данных, либо сокрыты от исследователя за завесой формальных ответов испытуемых на пункты опросников. Мы

полагаем, что исследования идентичности современных подростков правомерно и целесообразно расширить качественными методами исследования.

Разные стороны идентичности выходят на передний план в разных исторических и культурных контекстах. Под идентичностью понимаются два основных аспекта – личностная идентичность (идентичность как аутентичность, самотождественность); социальная идентичность (идентичность как групповое членство). Первый аспект – «личностный» – выполняет функции поддержания целостности личности в пространстве и времени, а также переживания человеком собственной уникальности и неповторимости, а второй – «социальный» – содержит осознание «местоположения» человека в определенной группе. Эти два ракурса сегодня (в условиях социальной нестабильности) сопоставляются с социокультурным контекстом онтогенеза (Белинская, 2015). Современное общество создает особые условия для формирования идентичности: быстрые социальные изменения приводят не только к снижению роли традиционных общностей, но и к возникновению новых видов социальных объединений и появлению новых площадок для общения, например, в сети Интернет. В этих обстоятельствах современный подросток обладает большим количеством возможностей для поиска собственного места в социальной реальности, множеством вариантов выбора и личностной, и социальной идентичностей.

Приведем два примера использования качественной методологии в исследованиях вопросов идентичности подростков, выполненных студентами РГГУ в выпускных квалификационных работах под нашим руководством.

Первый пример, который, на наш взгляд, не нашел еще активного применения в современных исследованиях идентичности подростков – это метод «Интервью о жизненной истории» Д. Макадамса (перевод на русский язык: Барский, Грицук, 2008). В нашей совместной работе с О.В. Пановой использовали данную методику в укороченном варианте (Панова, Горлова, 2017). С точки зрения Д. Макадамса, жизненная история (life-story) является конфигурацией идентичности, которая объединяет прошлое, настоящее и будущее и обеспечивает жизнь человека некоторой степенью единства и целенаправленности. Для изучения жизненных историй у подростков мы просили описать отдельные жизненные события: пиковое переживание, наиболее негативное переживание, поворотная точка, важные события из раннего детства, подросткового возраста. Мы добавили в интервью события, связанные со школой, семьей, друзьями. Каждое событие подростка в инструкции просят описать в деталях: что произошло, кто участвовал, что он делал, что думал и что чувствовал в это время, и как это событие, по мнению отвечающего, повлияло на его жизненную историю. Макадамс разработал критерии для

анализа текстов, которые позволяют сравнивать индивидуальные случаи и фиксировать как индивидуальные различия, так и сходства жизненных целей, потребностей, желаний современных подростков. В данном исследовании мы сравнили особенности жизненных историй подростков с разными показателями рефлексивности, субъектности и конфликтности.

Целью совместной работы с В.Ю. Калининым стало изучение того содержания, которое отличает идентичность подростков разного психологического возраста (Калинин, Горлова, 2012; Калинин 2015). Здесь мы применили Q-методологию, направленную на изучение «субъективности» людей, а именно их личных точек зрения, установок. Q-методология была создана У. Стефенсоном и использовалась как в клинических целях для диагностики пациентов, так и в социальных и психологических исследованиях для выявления мнений людей о конкретной теме или проблеме (Brown, 1996). Первый шаг Q-метода является отдельным самостоятельным исследованием и сопряжен с созданием так называемого «облака» суждений, которое содержит максимальное количество идей, охватывающих разнообразные аспекты идентичности подростков, и выбором из этого «облака утверждений», т.е. диапазона высказываний в отношении самости для проведения Q-сортировки. Благодаря Q-методологии можно достичь максимального охвата различных аспектов идентичности подростка в виде перечня утверждений, составленного на основе суждений подростков о самих себе (по частоте использования категорий описания в социальных сетях, в задании «Кто Я», в серии незаконченных предложений). Здесь вначале исследователь входит в изучаемую социальную группу и «из первых рук» получает от подростков описания собственной идентичности. Затем, на основе обобщения полученного «языка идентичности подростков», продуцирует гипотезы о связи утверждений с психологическим возрастом подростков.

На следующем этапе подростки сортируют высказывания по степени сходства с самим собой. Метод Q-сортировки позволяет объединить респондентов в группы думающих сходным образом людей. Помимо всего прочего, метод Q-сортировки привлекателен тем, что он предполагает более высокие требования к рефлексивности, нежели опросник или анкета, так как подросток выполняет несколько процедур по разделению утверждений на подходящие к нему описания и неподходящие. Участник может отнести строго ограниченное количество утверждений к каждому из полюсов оценки (полностью подходит, полностью не подходит). Здесь подросток вынужден постоянно сравнивать утверждения друг с другом, выделяя наиболее подходящие под описание самого себя.

Не останавливаясь подробно на результатах, отметим именно достоинства самого метода Q-сортировки. Полученные результаты позволяют объединить подростков по содержательным характеристикам их идентичности, выявить общие черты в самоописаниях подростков одинакового психологического возраста, проследить, какие утверждения они выбирают чаще, проанализировать психологическое содержание этих утверждений. Q-методология позволяет осуществлять как количественный, так и качественный анализ полученной информации, при этом описывая общие тенденции развития идентичности современных подростков.

Наше исследование показало, что выделять группы на основе анализа качественных компонентов идентичности с помощью Q-сортировки гораздо легче, чем, к примеру, используя для получения данных метод клинической беседы или структурированного интервью.

Эти дДве описанные работы позволили нам в дальнейшем сформулировать вопрос о том, как сегодня можно помочь подростку в его рефлексивном обороте на себя, и разработать условия для становления рефлексии подростков как одного из ведущих средств конструирования (проектирования) и самоисследования идентичности (Горлова, Лукина, 2017).

Литература

Барский Ф.И., Грицук А.Г. «Интервью о жизненной истории» Д.Макадамса как метод исследования нарративной идентичности // Психологическая диагностика. 2008. № 5. С. 3— 32.

Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 12. URL: http://psystudy.ru (28.03.2019).

Бусыгина Н.П. Проблема качества качественного исследования: Принципы научной и этической валидизации // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Выпуск 3. С.106—130.

Горлова Е.Л., Лукина А.В. Вопросы подростков к взрослому: путь со-развития рефлексии // Вестник практической психологии образования. 2018. Том 54—55. № 1. С. 53—59.

Дубровина И.В. Идеи Л.С. Выготского о содержании детской практической психологии // Психолого-педагогические исследования. 2013. №3. URL: http://psyedu.ru/journal/2013/3/3432.phtml (дата обращения: 26.03. 2018).

Калинин В.Ю. Особенности Образа «Я» подростков с ДЦП (детским церебральным

параличом). Дипломная работа. Научный руководитель: Е.Л. Горлова М.: РГГУ, 2012.

Калинин В.Ю. Q-методология в изучении самосознания подростков // Обучение и развитие: современная теория и практика. Материалы XVI Международных чтений памяти Л.С. Москва, 16-20 ноября 2015 г. / Под ред. В.Т. Кудрявцева: В 2 ч. Ч. 1 М.: Левъ, 2015. С. 668—670.

Клюева Н.В. Качественные методы исследования: учебно-методическое пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2016. 116 с.

Кузьмин М.Ю. Сравнение идентичности и ее динамики у младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14, № 2. С. 67—89.

Панова О.В. Особенности жизненных историй подростков с различными показателями уровня конфликтности. Дипломная работа. Научный руководитель: Е.Л. Горлова М.: РГГУ, 2017.

Поливанова К.Н. Новое детство: вызов культурно-исторической теории? // У истоков развития. Сборник научных статей / Ред.: Л. Ф. Обухова, И. А. Котляр (Корепанова). – М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2013. С. 128-134.

Семина М.В. Написание отчета по качественному исследованию // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т.X. № 2. С. 155—164.

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

Толстых Н.Н., Прихожан А.М. Психология подросткового возраста: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2016. 406 с.

Улановский А.М. История и векторы развития качественных исследований в психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. №2. С. 129—139.

Улановский А.М. Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. №2. С. 18—28.

Улановский А.М. Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. 2-е изд., испр. М.: Смысл, 2016. 255 с.

Brown S.R. Q Methodology and Qualitative Research // Qualitative Health Research, 1996 (November), 6 (4), 561—567. doi.org/10.1177/104973239600600408

Сведения об авторе

Горлова Елена Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры семьи и детства ФГБОУ «Российский государственный гуманитарный университет, gorlova.e@rggu.ru

QUALITIVE METHODS OF STUDYING IDENTITY IN ADOLESCENT AGE

Gorlova E.L.

Russian State University for the Humanities, Moscow

Keywords: qualitative methods, identity, Q-method, interview, adolescents.

Abstract. The advantages of qualitative methodology in the works of modern authors are considered. Examples of the use of qualitative research methods on the example of studying the identity of adolescents are given. It emphasizes the relevance of research on the identity of adolescents, taking into account the growing processes of social transformation.

About author: Gorlova Elena Leonidovna, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Family and Childhood Psychology, Russian State University for the Humanities, gorlova.e@rggu.ru

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННЫХ СУБКУЛЬТУР[12]

Орестова В.Р., Ткаченко Д.П., Карпук В.А.,

Институт психологии им. Л.С.Выготского РГГУ, Москва

Ключевые слова: транзитивность, современность, идентичность, кинематограф, косплей, супергерои

Аннотация. Обсуждаются трудности самоидентификации в современном транзитивном мире. Анализируется значимость таких популярных субкультур, как косплей и супергероика для построения и осознания идентичности представителями современной молодежи. Массовый кинематограф наших дней рассматривается как источник влияния на аудиторию, предоставляющий возможность идентифицироваться с разнообразными привлекательными персонажами и прожить собственные жизненные дилеммы через экранные истории. Обсуждаются причины привлекательности для зрителя наиболее популярных в современном кинематографе персонажей – супергероев.

[12] Статья выполнена в рамках работы по научному проекту РГГУ «Идентичность в повседневном изменяющемся мире» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»)

Анализируются ключевые характеристики супергероев, наиболее привлекающие зрителей. Приводятся результаты исследования идентичности представителей субкультуры косплея и респондентов с разной степенью вовлеченности в супергеройскую культуру. Рассматриваются различия показателей телесного образа, стилей идентичности и силы Эго у косплееров и некосплееров, а также респондентов с разной вовлеченностью в супергероику. Делаются выводы относительно связи характеристик идентичности и самопринятия с уровнем вовлеченности в современные субкультуры.

В ситуации социальной транзитивности, определяемой как изменчивость, неопределенность и множественность макро-и микро- социальных пространств (Марцинковская, 2015), роль субкультуры как среды социализации и индивидуализации молодых людей значительно увеличилась. В нынешних условиях социальных трансформаций, субкультуры современного общества помогают самокатегоризации людей и, в значительной мере, определяют самоидентификацию. Множество образцов для идентификации предоставляет молодому человеку сегодняшняя массовая культура (поп-культура). И одним из наиболее значимых культурных пространств, в котором происходит социализация человека в наши дни, является массовый кинематограф. Помимо того, что массовый кинематограф по-прежнему привлекает миллионы зрителей всех возрастов в кинотеатры, сегодня любой фильм или сериал можно скачать в Интернете, что определяет активность и целенаправленность поиска именно того контента, который отвечает потребностям человека. Кино выступает не просто как один из основных источников информационного воздействия, оказывая влияние на формирование картины мира, ценностей и моделей поведения. Просмотр фильма – это и специфическая стратегия совладания, играющая особую роль в ситуации транзитивности. Социальная транзитивность сама по себе может рассматриваться как сложная жизненная ситуация, снижающая социализационный потенциал человека в изменчивом и неопределенном мире (Марцинковская, Юрченко, 2016). Через идентификацию с героями и проживание экранной истории, зритель в метафорическом плане преодолевает собственные трудности и достраивает собственную идентичность. Переживание и понимание своих собственных эмоций, нахождение новых ресурсов для проживания жизненных ситуаций и преодоления трудностей помогает осознанности и повышает компетентность в собственной жизни (Орестова, 2017). Просмотр фильма создает для зрителя условия ролевого экспериментирования: идентифицируясь с героем, человек получает возможность примерить на себя характеристики другой личности, стать тем, кем

он никогда не будет, увидеть, прочувствовать и прожить то, чего нет в его реальной обыденной жизни, получить невероятные возможности и суперспособности.

С точки зрения анализа субкультуры, создаваемой современным кинематографом, наиболее интересным нам представляется обращение к произведениям про супергероев. Сегодня фильмы, снятые на основе комиксов о людях со сверхспособностями, являются одним из самых значимых направлений массовой культуры, ведь, помимо посещения кинотеатров и просмотра киноконтента соответствующей тематики онлайн, колоссальная аудитория и бюджеты вовлечены в такие побочные продукты этого направления, как Comic con (фестиваль комиксов и связанного с ними искусства), различный мерч (продукция с определенной символикой) по мотивам комиксов. Отдельного внимания заслуживает обращение к косплею – субкультуре, построенной на воссоздании на себе выбранного образа в форме костюма персонажа или героя из любого медиа источника – видеоигры, комикса, фильма, сериала, мультфильма, художественного произведения. Таким образом, примеряя на себя различные образы, косплейер получает возможность ролевого экспериментирования, помогающего выстраивать собственную идентичность.

Кроме того, одним из важнейших аспектов идентичности является соматическая (телесная) идентичность. Посредством отождествления и противопоставления собственного реального физического образа с идеализированным образом предпочитаемого персонажа, человек осознает и формирует собственную идентичность. В то же время, каноническое изображение супергероев чаще всего представляют собой чрезмерно акцентуированные гендерные и половые стереотипы, в которых параметры мужского и женского тела карикатурно подчеркиваются и противопоставляются (Johnson et al., 2008). Основываясь на этом факте, можно предположить, что при идентификации своего реального физического Я с идеальным телесным образом супергероя человек будет испытывать ряд негативных эффектов и переживаний. Однако исследования показывают неоднозначность данного процесса (Young et al., 2013). При определенных условиях сравнение и асимиляция образа реального физического тела и образа супергероя способствует самопринятию и позволяет обнаружить у себя желаемые качества и активировать силу.

Таким образом, привлекательность культуры супергероев имеет несколько причин. Внешние факторы – красочность образов, новейшие технологии, огромные бюджеты, направляемые на рекламу и продвижение картин, хоть и играют большую роль, но не являются единственными причинами такой популярности. Истории о супергероях по сути являются мифологией нашего времени, вроде мифов Древней Греции, адаптированных

под современность (Rosenberg, 2013). В современных блокбастерах мы имеем дело с архетипическими историями о пути героя. Нехитрые и предсказуемые истории позволяют зрителю не только сбежать в другую реальность, но и представляют различные вечные человеческие дилеммы, разрешение которых требует не только суперспособностей, но и проявления обычных человеческих качеств.

Наше исследование, проведенное в 2018 г. с целью изучения представлений современных зрителей о фигуре супергероя нашего времени, позволяет сделать вывод, что архетипичный образ героя, как такового, не привязан к наличию суперспособностей. Можно предположить, что именно человеческие, а не «суперчеловеческие» составляющие такие, как внешняя привлекательность, эмоциональная чувствительность и хорошее чувство юмора, более эффективны для успешной социализации в современном транзитивном мире, нежели супергеройские качества (Орестова, Ткаченко, 2018).

Ситуация социальной транзитивности порождает сложности самоопределения и поддержания достигнутой внутренней целостности. Идентифицируясь с субкультурой, человек начинает лучше понимать и принимать себя, осознает, а частично и формирует идентичность. Причем сегодня субкультура определяет не только микросоциальное окружение, но, учитывая вовлеченность молодых людей в различные социальные сети, она выходит за его пределы, трансформируясь в макросоциальный контекст социализации. Мир супергероев является одной из таких благоприятных для самоидентификации культур, предоставляя разнообразные ролевые модели, имеющие как яркие внешние характеристики, так и личностные черты, четко определенные ценности, причем они универсальны, понятны всем, независимо от возраста, места проживания, этнической принадлежности. Как уже было сказано, мир супергероев не ограничивается кинематографом, и можно выделить разные уровни вовлеченности людей в эту культуру. Так, есть те, кто смотрит и пересматривает все фильмы про супергероев, выходящие на экран, или смотрит их время от времени, есть люди, покупающую различную супергеройскую символику, косплееры и т.д.

Очевидно, что люди с разным уровнем вовлеченности в мир супергероики реализуют через него разные потребности. Можно предположить, что высокий уровень вовлеченности говорит о необходимости идентификации с такой массовой, яркой и привлекательной субкультурой для построения собственной идентичности. Интересным также представляется исследование выборов людьми любимых героев, процесса идентификации себя с персонажем, определения ценности тех или иных его качеств.

С целью выявления особенностей идентичности современных молодых людей, вовлеченных в популярные субкультуры, в 2019 г. мы провели онлайн опрос среди 86 интернет-пользователей в возрасте от 17 до 40 лет (60 женщин и 26 мужчин). 34 респондента отнесли себя к косплеерам.

Все респонденты дали свое согласие на участие в исследовании и на использоване их данных.

Мы предположили, что респонденты с высоким уровнем вовлеченности в субкультуру косплея и супергероику будут демонстрировать значимо высокие показатели диффузного стиля идентичности. Кроме того, они будут отличаться низкими значениями самопринятия образа телесного Я, гармонии и приверженности.

Для диагностики были использованы следующие методики:

- Диагностика телесного Я (Лыбко, 2008).
- Опросник стилей идентичности М.Берзонски (адаптация Белинская Е.П., Бронин И.Д.)
- Опросник «Сила Эго» (модификация Марцинковская Т.Д., Гавриченко О.В.).

Также наши респонденты оценили свою заинтересованность в супергеройской культуре (персонажах, представленных в комиксах и фильмах, вселенных Marvell (Марвелл) и DC (ДиСи)) по шкале от 0 до 5. В результате они были отнесены к трем уровням вовлеченности: низкий (0-1 балл), средний – (2-3 балла) и высокий (4-5 баллов).

В ходе статистической обработки (использованы непараметрический критерий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена и хи-квадрат) и анализа полученных при опросе данных, удалось получить следующие значимые результаты:

- Представители группы косплееров значимо отличаются от некосплееров низкими значениями самопринятия образа телесного Я (p=0,026) и влияния другого на отношение к образу телесного Я (p=0,003). В то же время, они продемонстрировали высокие значения диффузного стиля идентичности (p=0,034) и низкие значения структуры идентичности (p=0,003).
- Кроме того, в группе косплееров были получены значимые различия по показателю шкалы лжи (в опроснике диагностики телесного Я), которые указывают на тенденцию искажать оценку самопринятия собственного телесного я и влияния другого на образ телесного я. Так у косплееров с меньшим количеством костюмов (среднее количество костюмов по группе – 11,7) показатели шкалы лжи оказались значимо выше, чем у косплееров с большим количеством костюмов.
- При корреляционном анализе показателей идентичности в группе косплееров удалось выявить, что высокие значения шкалы лжи сочетаются с информационным стилем идентичности, низкие значения гармонии и будущего – с высокими показателями диффузного стиля.
- Далее мы выявили, что среди косплееров статистически значимое большинство (68%) демонстрирует высокий уровень вовлеченности в супергеройскую культуру, в то время как среди некосплееров большинство (54%) имеет средний уровень заинтересованности в супергероике.
- Сравнение респондентов с разным уровнем вовлеченности в культуру супергероев позволяет констатировать, что при низком уровне вовлеченности показатели самопринятия образа телесного Я (p=0,001 and 0,023), влияния другого на образ телесного Я (p=0,000 and 0,002) и структуры идентичности (p=0,044) значимо выше, чем у групп с высокой и средней вовлеченностью. При этом показатели шкалы лжи у респондентов с высоким уровнем вовлеченности в супергероику значимо выше, чем у респондентов со средним (p=0,009) и низким (p=0,004) уровнями.

Таким образом, мы можем заключить, что существует значимая связь между характеристиками идентичности представителей современной молодежи и уровнем их вовлеченности в популярные субкультуры. Высокие показатели диффузии самоидентификации и неприятия образа собственного телесного Я широко распространены среди последователей актуальных трендов современной массовой культуры. Вероятно, косплей и супергероика предоставляют им колоссальный источник привлекательных и целостных образов персонажей, опираясь и отождествляясь с которыми представители современной молодежи могут выстраивать и дополнять

собственную идентичность. Однако наше исследование является пилотажным, поэтому лишь намечает дальнейшие направления изучения данной проблематики, требующие раскрытия механизмов и содержания образов, которые притягивают современное молодое поколение.

Литература

Белинская Е.П., Бронин И.Д. Адаптация русскоязычной версии опросника стилей идентичности М.Берзонски // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 34. С. 12. URL: http://psystudy.ru

Лыбко И.В. Методика «Диагностика телесного Я» // Психол. диагностика. 2008. № 3. С. 5–21.

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С. 1. URL: http://psystudy.ru

Марцинковская Т.Д., Юрченко Н.И. Проблема совладания в транзитивном обществе // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 9. С. 9. URL: http://psystudy.ru

Орестова В.Р. Кино и психология повседневности // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 5. URL: http://psystudy.ru

Орестова В.Р., Ткаченко Д.П. Кинопредпочтения и представления о супергероях как отражение потребностей современного молодого человека в условиях транзитивности // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 61. С. 11. URL: http://psystudy.ru

Johnson, K. L, Lurey L. E., Freeman J. B., (2008). Gender Typicality and Extremity in Popular Culture // Psychology of Superheroes: An Unauthorized Exploration (Rosenberg R.S. eds.), BenBella Books, Dallas, TX, USA. P. 229-245.

Rosenberg R.S. (2013) Our Superheroes, Ourselves. Oxford: Oxford University Press.

Young, A. F., Gabriel, S., & Hollar, J. L. (2013). Batman to the rescue! The protective effects of parasocial relationships with muscular superheroes on men's body image. *Journal of Experimental Social Psychology*, 49(1), P. 173-177.

PECULIARITIES OF IDENTITY OF MODERN YOUTH THROUGH THE PRISM OF MODERN SUBCULTURES

Orestova V.R., Tkachenko D.P., Karpuk V.A.

Institute of Psychology of L.S. Vygotsky, RSUH, Moscow

Key words: transitivity, modernity, identity, cinema, cosplay, superheroes

Abstract. The difficulties of self-identification in the modern transitive world are discussed. The importance of such popular subcultures as cosplay and superhero for the construction and awareness of identity by representatives of modern youth is analyzed. The world cinema is considered as a source of influence on the audience through providing an opportunity to identify with a variety of invoking characters and to live life dilemmas through on-screen stories. Discusses the reasons for the attractiveness of superheroes as the most popular characters in the world cinema. The key characteristics of superheroes that attract the audience are analyzed. The results of study of the identity of cosplayers and respondents with different levels of involvement in superhero culture are given. The indicators of body image, identity styles and functions of identity in cosplayers and non-cosplayers, and respondents with different involvement in superheroics are considered. Conclusions about the connection of the characteristics of identity and self-acceptance with the level of involvement in modern subcultures are given.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ТИНЕЙДЖЕРОВ В СОВРЕМЕННОЙ СЕТИ INSTAGRAM

Юрченко Н.И.

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

Ключевые слова: лингвистическая идентичность, самопрезентация, тинейджеры, социальная сеть, Интернет, Instagram

Аннотация. В статье рассматривается самопрезентация тинейджеров в Instagram. Описываются результаты пилотажного исследования, в котором приняли участие 28 подростков, изучающих английский язык как дополнительный или с помощью репетитора и курсов иностранного языка, или самостоятельно. Мы изучили их профили в Instagram. Выяснили, что данными тинейджерами чаще публикуются фотографии самих себя или себя с другими людьми. Соответственно, наиболее выражены личностная и групповая идентичности. Анализ постов под фотографиями показал, что реже всего подростки пишут большой текст. Редко публикация сопровождается эмодзи и отсутствием какого-либо текста. Чаще всего публикации подписаны кратким текстом. Результаты исследования показали, чуть меньше половины текстовых постов написаны на английском языке или с использованием нескольких слов или фраз, что свидетельствует о

высокой роли лингвистической идентичности англоговорящих подростков. Этот факт также подтверждён анализом «шапок» профилей.

Изучение идентичности в последнее время обусловлено изменениями, происходящими в современном быстро меняющемся обществе. В целом возрос научный интерес к изучению культуры. Как отмечает Гусельцева М.С., «практически консенсусным сделалось представление, что в повседневном мире человека ничто не существует вне и помимо культуры» (Гусельцева, 2018). В ходе множества исследований обнаружилось большое количество различных культурных подсистем – субкультур.

Слово «субкультура» произошло от латинского sub «под», cultura «культура». Таким образом, субкультура – это подкультура, то есть часть общей культуры. «Если культуру можно определить как совокупность духовных и материальных ценностей, а также деятельность человека по их созданию, распространению и хранению, то субкультура – это всегда система норм и ценностей, которые отличают ее представителей от остальных социальных групп» (Микитинец, Микитинец, 2014, с. 112; Гусельцева, 2018).

Современные подростки – это поколение, которое выросло «с телефоном в руке» и не представляет своей жизни без информационных технологий. Их сегодняшняя действительность характеризуется необходимостью использования Интернет-паутины не только как средства поиска информации, но и как средства общения (в частности, мессенджеры и различные социальные сети). Постоянное обращение к ним порождает потребность самопрезентации в Интернет-пространстве. Однако в разных соцсетях наблюдается и разный формат самопрезентации. Этот процесс всегда осознаётся индивидуумом. В зависимости от того, в каком именно пространстве возникает необходимость себя презентовать, он выбирает свой желаемый образ Я (Leary et al., 2001; Белинская, Вознесенская, 2016; Белинская, Гавриченко, 2018). По мнению Белинской Е.П. и Гавриченко О.В., «самопрезентация в социальных сетях, как правило, носит более осознанный и разнообразный характер, а ее содержание зависит от социальных норм конкретной социальной сети». Довольно важным аспектом является то, как презентует себя персона. По мнению Дэвида Майерс, при самопрезентации актуализируется положительная самооценка (Майерс, 2010). Согласно исследованиям Шерри Тёркл, презентация себя в виртуальном пространстве в большей степени помогает повысить уровень самооценки, нежели презентация в реальной жизни (Turkle, 1997).

Презентуемая информация в разных социальных сетях часто отличается. Например, в социальной сети ВКонтакте в анкете подразумевается предоставление

информации о дате и месте рождения, месте проживания, о семейном положении, образовании, родственных связях и многое другое. На платформе Instagram отсутствуют шаблоны для введения подобных анкетных данных; там пользователь имеет возможность сам решить, какую информацию он хочет о себе предоставить в «шапке» профиля. Вероятно, поэтому Instagram считается наиболее творческой площадкой. Он предлагает только обязательное введение никнейма, а также дополнительное написание имени пользователя и отрасли его деятельности. Другая информация юзерами вводится согласно желанию и фантазии. Современные исследователи указывают, что часто по тому, какую социальную сеть предпочитает человек, «можно судить и о его интересах, и о группе идентичности, и, наоборот, можно на основании групповой идентичности предположить направление информационной социализации» (Голубева, Марцинковская, 2011; Гребенникова, Пархоменко, 2013).

Стоит отметить, что именно подростки пользуются Интернетом наиболее активно. Для них наличие выхода во всемирную паутину Интернет из любой точки мира стало нормой жизни, также не представляет никаких трудностей и использование различных электронных девайсов, что нельзя сказать о представителях старшего поколения. Именно Интернет у современных подростков является в последние годы основным источником получения информации (Голубева, Марцинковская, 2011).

Важно подчеркнуть, что в современном мире возрастает необходимость проявления нарративной идентичности, так как в межличностных контактах растет процент рассказов о себе, а не предъявления себя в действии, в том числе и групповом (Андреева, 2012). Развитие Интернета и сетевого общения способствует всё большему увеличению потребности в самопрезентации. Возможность активного подтверждения своего Я и презентации себя снижают роль борьбы идентичностей и, частично, ухода. При этом сетевые сообщества, с одной стороны, дают возможность гибкой и позитивной социализации, с другой, – предлагают варианты «игры» со своей идентичностью, то есть шансы попробовать себя в разных масках, разных ролях, что повышает осознанность и ролевого репертуара, и своего исполнения разных ролей (Марцинковская, Юрченко, 2016).

Среди тинейджеров наибольшей популярностью из существующих в настоящее время виртуальных сетей в последние годы пользуется приложение Instagram. Мы провели небольшое пилотажное исследование, в котором попросили школьников старших классов, представителей поколения Z, поколения постмиллениалов, ответить на некоторые вопросы. Предполагалось, что из участников мы выберем только тех, кто в качестве наиболее часто используемой социальной сети выберет Instagram – ими

оказались все респонденты. Среди них оказались 12 подростков, изучающих английский язык с репетитором, 7 – обучающихся на курсах английского языка, 9 – не занимающихся дополнительно никаким иностранным языком, но, по их утверждению, успешно изучающих английский в школе. Так, выборку составили 28 подростков в возрасте от 14 до 17 лет, изучающих английский язык по своему собственному желанию.

Целью пилотажного эмпирического исследования было изучить содержание и форму самопрезентаций подростков в Instagram и определить влияние владения иностранным языком на презентацию в сети.

В ходе исследования были рассмотрены профили респондентов, а именно «шапка» профиля каждого, а также его 12 последних публикаций в Instagram.

Предполагалось, что наиболее важный и действенный способ демонстрации желаемого образа Я – это фотографии, сопровождающиеся коротким текстом и смайлами.

Результаты исследования подтвердили гипотезу. Из 336 всех постов наиболее часто встречаются Я-фотографии – 208 шт. – 62%. При этом 30% составляют фотографии (101 шт.) «Я + кто-то». На 27 снимках (лишь 8%) представлены предметы, пейзажи и др.

Мы также посмотрели тексты, которыми подростки сопровождали вышеупомянутые изображения. Все посты были классифицированы следующим образом: 1) без текста; 2) только эмодзи; 3) краткий текст; 4) длинный текст.

Было выявлено, что длинные тексты во всех двенадцати последних постах встречались только у двух девушек (6%). Одна из которых, по её словам, развивает свой профиль и планирует быть блогером. Второй пока просто нравится излагать свои мысли текстом, но она не исключает, что в будущем может стать копирайтером. Среди остальных 26 подростков длинные посты почти не встречались. Лишь смайлами подписаны 17% всех фотографий. Под 21% постов не было никаких подписей. И 56% фотографий сопровождаются кратким текстом: описанием фотографии, комментарием свои ощущений или другой информацией. Удивительно, что из этих 56% постов с краткими текстами 44% (79 постов) или полностью на английском языке, или частично (несколько слов или фраз).

Примечательно также, что шапки профилей в Instagram у 15 тинейджеров были только на английском языке, а с вкраплением англоязычных слов – у 7. То есть 78% тинейджеров (22 человека) демонстрируют знание английского языка в социальной сети Instagram сразу в своей шапке профиля и 23,5% используют английский язык в тексте поста.

Выводы

В целом можно констатировать факт, что информация, представленная данной группой респондентов в сети Instagram, персонифицированная. Она направлена в основном на освещение своей собственной личности. Эта личность, как правило, обозначает также своё взаимодействие с другими членами общества. Соответственно, наиболее выражены личностная (персональная) и групповая идентичности.

Результаты, полученные из анализа подписей к постам, показали, что у подростков превалирует нарративная идентичность, при этом в очень краткой форме. Лаконичность речи выражается не только посредством родного языка, но и иностранного (английского), осваиваемого по собственному желанию. Можно сделать вывод, что плодотворное изучение английского языка оказывает влияние не только на его знание как такового, но и на желание презентовать это знание в обществе. Его использование позволяет также сказать, что они идентифицируют себя с этим языком, а, значит, здесь можно говорить и о наличии лингвистической идентичности в виртуальном пространстве.

Таким образом, можно резюмировать: данные пилотажного исследования свидетельствуют о том, что у тинейджеров, говорящих на английском языке или плотно занимающихся им, роль лингвистической идентичности довольна высока. Для самопрезентации в социальной сети Instagram представители подростковой субкультуры активно используют свои языковые знания.

Литература

Белинская Е.П., Гавриченко О.В. Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 60. С. 12. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1606-belinskaya60.html

Белинская Е.П., Вознесенская В.С. Проблема регуляции социального поведения в теориях информационного общества и реальность сетевого взаимодействия // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 48. С. 5. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1307-belinskaya48.html

Голубева Н.А., Марцинковская Т.Д. Информационная социализация: психологический подход // Психологические исследования. 2011. № 6 (20). С. 2. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/579-golubeva-marsinkovskaya20.html

Гребенникова О.В., Пархоменко А.Н. Современная молодежь в информационном обществе: представления об информации и информационные предпочтения // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 8. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/855-grebennikova30.html

Гусельцева М.С. Изучение идентичности в контексте культуры: методология латентных изменений // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 58. С. 2. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1547-guseltseva58.html

Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2010.

Марцинковская Т.Д., Юрченко Н.И. Проблема совладания в транзитивном обществе // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 49. С. 9. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n49/1332-martsinkovskaya49.html

Микитинец А.Ю., Микитинец О.И. Культурно-антропологический анализ генезиса субкультур // Культура народов Причерноморья. 2014. № 2(278). С. 112–116.

Leary M.R., Cottrell C.A., Phillips M. Deconfounding the effects of dominance and social acceptance on self-esteem // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. № 81 (5). С. 898–909.

Сведения об авторе

Юрченко Наталья Ивановна. Магистр, научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия. E-mail: frau.yurchenko@gmail.com

LINGUISTIC IDENTITY OF TEENAGERS IN THE MODERN NETWORK INSTAGRAM

Yurchenko N.I.

Psychological Institute, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Keywords: linguistic identity, self-presentation, teenagers, social network, Internet, Instagram

Abstract. The self-presentation of teenagers on Instagram is discussed in the article. The results of the pilot study, which was attended by 28 adolescents who study English as an additional, or with the help of a tutor and foreign language courses, or independently are described. We studied their Instagram profiles. We found out that these teenagers often publish photos of themselves or themselves with other people. Accordingly, personal and group identities are most pronounced. An analysis of the posts under the photos showed that teenagers are less likely to write large text. Rarely publication is accompanied by Emoji and the absence of any text. Most publications are signed in brief. The results of the study showed that slightly less than half of text posts are written in English or with using english words or phrases, which indicates the high role of the linguistic identity of English-speaking adolescents. This fact is also confirmed by the analysis of the "caps" of profiles.

ЧАСТЬ 3. ДЕТСКИЕ И ПОДРОСТКОВЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ

НАПРАВЛЕННОСТЬ НА САМОРАЗВИТИЕ В СВЯЗИ С ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫМ БЛАГОПОЛУЧИЕМ В ПОДРОСТКОВО-ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ[13]

Головей Л.А., Данилова М.В., Ануфриюк К.Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Ключевые слова: саморазвитие, интерес, психоэмоциональное благополучие, мотивация саморазвития

Аннотация. Статья посвящена анализу структуры направленности на саморазвитие и выявлению взаимосвязей направленности на саморазвитие с психоэмоциональным благополучием в подростково-юношеском возрасте. Рассматриваются два аспекта: саморазвитие как спонтанный процесс, при котором доминирует интерес, и саморазвитие как целенаправленная активность, при доминировании понимания важности. Выборка: 190 старшеклассников в возрасте 14- 17 лет (73 юноши,117 девушек). Применялся комплекс методов диагностики психоэмоционального благополучия и Методика «Саморазвитие в различных жизненных сферах». Выявлена высокая направленность на саморазвитие, особенно в профессиональной, личностной сферах, в сфере жизненных целей. Для юношей характерно гармоничное сочетание интереса и понимания важности саморазвития, у девушек существенно преобладает внешний мотив важности, долженствования. Показано, что наличие мотивации к саморазвитию, как внешней, так и внутренней, связано с повышением большинства показателей психоэмоционального благополучия. В то же время преобладание внешней мотивации саморазвития сопровождается негативными эмоциональными переживаниями, снижением удовлетворенности жизнью.

Потребность в личностном росте и развитии рассматривается сторонниками экзистенциально-гуманистического подхода не только как главная движущая сила жизни, но и как важнейшее условие сохранения психического здоровья личности (Бюллер,

[13] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Психоэмоциональное благополучие и предпочитаемые способы самоосуществления личности в подростково-юношеском и взрослом периодах развития» № 16-06-00307-ОГН

Маслоу, Роджерс и др.). Направленность на саморазвитие как необходимость постановки жизненных задач и поиска средств их решения впервые ярко проявляется в подростково-юношеском возрасте и является одним из основных компонентов зрелости и психологического благополучия личности (Дерманова, Голованова 2018). Проблема саморазвития активно разрабатывается в науке, однако до сих пор не определен единый понятийный аппарат этой психологической категории. В отечественной психологии исторически первым подходом к изучению саморазвития можно считать субъектно-деятельностный, в рамках которого саморазвитие раскрывается и как процесс становления субъекта, и как его цель (Рубинштейн). Другой подход, антропологический, связан с именем Ананьева, в чьих трудах человек представлен как организатор своего развития. Рыбалко, в рамках этого подхода, содержательно дифференцирует процессы развития и саморазвития личности. Статус саморазвития достигается, когда формирование личностных свойств приобретает осознанный произвольный характер. Анализ проблемы саморазвития человека в психологии и педагогике обнаружил существование двух не совпадающих между собой позиций (Голованова, Дерманова, 2018). Сторонники первой позиции представляют саморазвитие как естественный, спонтанный процесс, отражающий эволюцию. Они отмечают, что направленность развития определяется заложенными в самой системе (в данном случае – личности) целями, которые побуждают систему к движению на новый уровень; речь, таким образом, идет о самоуправляемом развитии (Пригожин, Князева, Степин). Вторая позиция характеризуется пониманием саморазвития как сознательного, целенаправленного самоизменения. В этом случае цели задаются социальными образцами и являются внешними, они требуют осмысления, чтобы быть принятыми как важные для развития. Спонтанная (внутренняя) мотивация находит проявление в интересах, которые определяют направленность личности к новым знаниям, ее любознательность, исследовательскую активность (Мясищев, Лейтес, Ковалев, Леонтьев и др.). Если мотивационная установка на саморазвитие формируется в результате понимания его важности, необходимости, человек использует специальные приемы и методы самостимулирования и самопринуждения. Такая установка складывается вследствие интериоризации внешних требований, предъявляемых социумом. Мы исходим из того, что саморазвитие уже с подросткового возраста, представляет собой сложный процесс, направляемый как спонтанной внутренней мотивацией, так и внешними мотивами.

Современные исследователи процессов саморазвития пишут о том, что саморазвитие «отвечает идеалу хорошей, подлинной жизни и процветания человека, поскольку в ходе саморазвития человек обретает свое индивидуальное измерение,

находит соответствующий своей идентичности способ бытия и способы самовыражения» (Щукина, 2015;с.58), т.е. саморазвитие является залогом позитивного функционирования личности.

Понятие психоэмоциональное благополучие личности в нашем исследовании отражает основные характеристики позитивного функционирования. В структуре психоэмоционального благополучия мы объединили два подхода, рассматривающие благополучие с гедонистической (субъективное благополучие) и эвдемонической (психологическое благополучие) позиций. Исследователи субъективного благополучия указывают, что оно включает в себя позитивные аспекты восприятия, а его обобщенной характеристикой является удовлетворенность жизнью (Diener, Scollon, & Lucas, 2004). В эвдемоническом подходе психологическое благополучие рассматривается с точки зрения вершины потенциальных возможностей человека и включает качества зрелой личности (Ryff, Singer, 1998). Под эмоциональным благополучием ряд авторов понимают эмоциональное самочувствие, эмоциональное здоровье (Подольский, Идобаева, Карабанова, 2011). Мы предлагаем рассматривать психоэмоциональное благополучие как интегральный конструкт, объединяющий свойства зрелой личности (автономность, компетентность, личностный рост, позитивные отношения, самопринятие, жизненные цели, согласно модели Ryff), показатели субъективного благополучия, оценки удовлетворенности различными аспектами жизни, эмоциональные характеристики (устойчивые эмоциональные состояния, тревожность).

Задачи: изучение структуры направленности на саморазвитие у юношей и девушек; выявление взаимосвязей направленности на саморазвитие с психоэмоциональным благополучием.

Выборка: 190 учащихся старших классов школ Санкт-Петербурга в возрасте от 14 до 17 лет, в том числе 73 юноши и 117 девушек.

Методы: Методика «Саморазвитие в различных жизненных сферах». В методике представлено 10 жизненных сфер: образование; профессиональная; социальная; семейная; эстетическая; нравственная; личностная; физическая; сферы увлечений и жизненных целей. В каждой сфере оценивались два мотива саморазвития: «важно» и «интересно» (шкала от 1 до 7 баллов) (Голованова, Дерманова, 2018). Для исследования психоэмоционального благополучия использовался комплекс: Шкала Рифф «Психологическое благополучие» (адаптация Жуковской, Трошихиной , 2011); Шкала удовлетворенности жизнью (Динер и др., адаптация Осина, Леонтьева, 2008); Анкета удовлетворенности жизненными сферами (Головей, Данилова, 2018); Методика «Оценка психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности»

(Курганский, Немчин, 2003); «Интегративный тест тревожности» (Бизюк, Вассерман, Иовлев, 2005).

Исследование направленности на саморазвитие выявило, что интерес к саморазвитию колеблется от 4,2 до 5,7 баллов, т.е. превышает средний уровень. Для саморазвития подростков и юношества наиболее интересны сферы: профессиональная (5,67– юноши, 5,68– девушки), духовная (наличие целей в жизни – 5,45; 5,09) и личностная (развитие воли, характера – 5,39; 4,78); наименее интересна эстетическая сфера (4,13; 4,29 у юношей и девушек соответственно). Интерес к саморазвитию в учебной сфере занимает промежуточное положение (4,48; 4,73). По интересу к саморазвитию в личностной сфере и сфере физического развития показатели достоверно выше у юношей ($p<0,01$). В то же время у девушек выше интересы к саморазвитию в семейной сфере, они хотят научиться понимать родителей, старших и младших членов семьи, налаживать добрые отношения (4,80), у них также выше интерес к саморазвитию в сфере увлечений (5,05). По показателям важности саморазвития структура приоритетов одинаковая у юношей и девушек. Все респонденты выше других сфер оценивают важность профессионального саморазвития (5,78 у юношей и 5,83 у девушек), развития характера (5,43 у юношей и 5,09 у девушек) и целей в жизни (5,46 у юношей и 5,06 у девушек), что соответствует задачам этого периода развития. Суммарные показатели интересов к саморазвитию у юношей и девушек практически одинаковы: 49,3 – у юношей; 48,0 – у девушек. Суммарные показатели признания важности саморазвития по всем сферам также близки и составляют 50,0 у юношей; 49,3 – у девушек. В структуре соотношения мотивов саморазвития необходимым является выявление соотношения интереса к саморазвитию и признания его важности, что может рассматриваться с точки зрения доминирующего мотива саморазвития. Преобладание интереса указывает на доминирование внутренней мотивации саморазвития, преобладание понимания важности можно интерпретировать как доминирование внешней мотивации. Индивидуальный анализ выявляет большую группу респондентов (41%), у которых понимание важности существенно преобладает над интересом (разность важности и интереса к саморазвитию составляет 6,6 балла), у 34% имеется преобладание интереса (4,2 балла), и лишь у 25% гармоничное сочетание важности и интереса. Анализ в соответствии с полом респондентов показал, что для юношей характерно более гармоничное сочетание интереса и важности: разность между важностью саморазвития и интересом к нему составляет 0,6 балла. У девушек мотив важности существенно преобладает над интересом к саморазвитию (разность в два раза больше и составляет 1,2 б; $p<0,001$). Это свидетельствует о том, что девушки чаще, чем юноши, руководствуются мотивом

долженствования, стремятся быть исполнительными и признают важность того, что для них менее интересно.

Следующей задачей стало сопоставление направленности на саморазвитие с психоэмоциональным благополучием. Корреляционный анализ выявил большое количество взаимосвязей между ними. Наиболее тесно включенными в структуру психоэмоционального благополучия оказались показатели интереса и важности саморазвития в группе юношей: 29 связей интереса и 23 связи важности саморазвития (все при $p<0,001$). Характер связей свидетельствует о том, что росту интереса к саморазвитию и пониманию его важности сопутствует повышение компетентности, улучшение позитивных отношений, жизненных целей, повышение удовлетворенности различными сферами жизни (учебной, досуговой, семейной, перспективами и др.) и снижение общего уровня тревожности, уменьшение фобического компонента тревожности, повышение эмоционального тонуса и ощущения комфортности. У девушек связей существенно меньше – всего 11 ($p<0,001$). При этом наиболее вовлеченными в связи оказалась удовлетворенность различными сферами жизни: бытовой, досуговой, материальной, школьной, а также компетентность и позитивные отношения с окружающими, эти показатели повышаются при увеличении интереса и важности саморазвития.

Исследование связей соотношения важности и интереса к саморазвитию с психоэмоциональным благополучием выявило, что у юношей преобладание внешнего мотива саморазвития влияет на удовлетворенность учебой ($p<0,001$), т.е. чем больше развит внешний мотив и понимание важности, тем больше юноша удовлетворен учебой. Кроме того, обнаружена отрицательная взаимосвязь преобладания важности с автономностью ($p<<0,001$), это означает, что с увеличением личностной автономии юноша меньше ориентируется на внешние мотивы. У девушек существенно больше взаимосвязей соотношения важности и интереса с психоэмоциональным благополучием, прежде всего, с удовлетворенностью (5 отрицательных связей при $p<0,001$) и с эмоциональными показателями (3 связи с эмоциональным тонусом, ощущением комфортности, личностной и ситуативной тревожностью, $p<0,001$). Смысл этих связей заключается в том, что признание важности того, что не интересно (осознанное насилие над собой и своими глубинными установками) сопровождается негативными эмоциональными переживаниями и снижением удовлетворённости жизнью.

Таким образом, исследование выявило высокую направленность на саморазвитие у подростков и юношества, особенно в профессиональной, личностной сферах, в сфере жизненных целей.

Показано, что для юношей характерно гармоничное сочетание внешней и внутренней мотивации саморазвития, в то время как у девушек существенно преобладает мотив важности. Выявлено, что наличие мотивации к саморазвитию, как внешней, так и внутренней, связано с повышением большинства показателей психоэмоционального благополучия. То есть направленность на саморазвитие способствует более позитивному самоощущению. При этом преобладание внешней мотивации саморазвития у девушек сопровождается негативными эмоциональными переживаниями, снижением удовлетворённости жизнью. Наши данные обращают внимание на то, что избыточное усиление внешней мотивации к деятельности может привести к снижению психоэмоционального благополучия в подростково-юношеском возрасте.

Литература

Бизюк А.П., Вассерман Л.И., Иовлев Б.В. Применение интегративного теста тревожности (ИТТ): методические рекомендации. – СПб.: СПбНИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2005. 23 с.

Головей Л.А., Данилова М.В. Структура психоэмоционального благополучия подростков в связи с социальной ситуацией развития / Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. Материалы Международной научной конференции Москва, 15-16 октября 2018. М., 2018. С 135-139.

Дерманова И.Б., Голованова Н.Ф. Шкала направленности на саморазвитие в различных жизненных сферах// Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2018. №3. С.52-66.

Жуковская Л.В., Трошихина Е.Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т.32, № 2. С.82-93.

Курганский Н.А., Немчин Т.А. Оценка психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности // Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / Под общей ред. А.А. Крылова, С.А. Маничева. 2-е изд., доп. и перераб. СПб: Питер, 2003. С. 303-309.

Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Сборник Материалов III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008. С.17.

Подольский, А.И., Карабанова, О.А., Идобаева О.А. Психоэмоциональное благополучие современных подростков: опыт международного исследования // Вестник Московского университета. 2011. № 2. С. 9-20.

Щукина М.А. Психология саморазвития личности: монография. СПб., 2015. С. 58.

Diener E.D., Scollon C.N., & Lucas R.E. (2004). The evolving concept of subjective well-being: the multifaceted nature of happiness. In P. T. Costa & I. C. Siegler (Eds.), Amsterdam: Elsevier Science BV. P. 187-219.
Ryff C., Singer B. (1998). The Contours of Positive Human Health. Psychological Inquiry, Vol. 9, No. 1. P. 1-28. URL: http://links.jstor.org/sici?sici=1047840X (дата обращения 18.03.2019).

Сведения об авторах

Головей Лариса Арсеньевна, доктор психологических наук, профессор, зав.кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lgolovey@yandex.ru
Данилова Марина Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: dan_m@mail.ru
Рыкман Людмила Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lyudmila_ryk@mail.ru
Ануфриюк Ксения Юрьевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: anufriyuk@yandex.ru

TEENAGERS' SELF-DEVELOPMENT IN ASSOCIATION WITH PSYCHO-EMOTIONAL WELLBEING[14]

Golovey L.A., Danilova M.V., Anufriyuk K.Y.

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Abstract. The article is dedicated to analysis of the structure of teenagers' self-development and revealing of interconnections of self-development with psycho-emotional wellbeing. Two aspects are under investigation: self-development as spontaneous process, where interest is dominating factor; and self-development as focused activity where importance is dominating factor. Sample: 190 teenagers of 14-17 years old (73 - men, 117 - ladies). The set of psycho-emotional diagnostic methods was applied and technique called "Self-development in

[14] This work was supported by grant Russian Foundation for Basic Research «Psycho-emotional well-being and ways of personality self-fulfillment in adolescent and adult periods of development» № 16-06-00307-ОГН

different life situations." Strong intention to self-development, particularly in professional, personal, and life goals areas was revealed. For young men harmonious combination of interest and importance of self-development is inherent; external importance and obligation significantly prevails for ladies. The article demonstrates that existence of internal and external motivation to self-development connected with increase of the most of psycho-emotional wellbeing characteristics. At the same time, external motivation for self-development accompanied by negative emotional experience, decreasing of life satisfaction.

Key words: self-development, interest, psycho-emotional wellbeing, motivation of self-development

ПОДРОСТКИ В ПОИСКАХ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОМФОРТА

Посохова С.Т., Изотова М.Х.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, Санкт-Петербург

Ключевые слова: релаксация, подросток, тревога, страхи, эмоциональный комфорт

Аннотация. Проанализирована возможность использования подростками релаксации для обеспечения эмоционального комфорта в современных социокультурных условиях. Раскрыт широкий спектр представлений подростков о релаксации: «уход от реальности», «получение удовольствия», «отказ от деятельности», «переход от должного к удовольствиям», «стремление к переключению деятельности», а также «осознанность необходимости в расслаблении», «рискованные способы релаксации» и «неустойчивость потребности в расслаблении». Определены ключевые ситуации, требующие релаксации: стресс, учебная деятельность, чрезмерные физические нагрузки, не требующие релаксации – погружение в компьютер, финансовые трудности, контакт с эмоционально значимым человеком. Установлены взаимосвязи стремления к релаксации с самооценочной, школьной, межличностной и мистической тревожностью подростков, с количеством переживаемых страхов. Доказано существование подросткового релаксационного фактора.

Сегодня слово «информация» вышло далеко за пределы своей кибернетической колыбели и скромной мечты с помощью интернета повысить эффективность школьного образования, стимулировать индивидуальное познавательное развитие человека XXI века.

«Информационные потоки», «информационное общество», «информационные системы», «информационное пространство», «информационный контекст», «средства массовой информации» – весьма не полный перечень не только лексических единиц, но устойчивых понятий, маркирующих современную реальность. Став своеобразным брендом современности, информация с помощью разнообразных технологий создала широкомасштабные условия для беспрецедентной самореализации человека. Одновременно информатизация всех сфер жизни человека усиливает «антропоэкологическое напряжение» (Казначеев,1988), отражающего дисбаланс высокого темпа изменения внешней реальности и более инертных психофизиологических механизмов адаптациогенеза человека.

Типичный ответ на такого рода несоответствие – психологическая уязвимость по отношению к средовым воздействиям. Одна из причин ее развития в подростковом возрасте заключается в высокой готовности и способности детей к операциональному освоению новых информационных задач, сочетающихся с недостаточным пониманием смысла получаемой информации и совершаемых действий. Психологическая уязвимость подростков основывается на интеграции прежде всего тех формирующихся личностных характеристик, которые способствуют повышению чувствительности к экстремальным жизненным факторам, внутриличностным проблемам и препятствуют конструктивной адаптации в меняющихся социокультурных условиях (Посохова, 2016).

Однако подростковый возраст заключает в себе большой психологический и личностный потенциал, необходимый как для самосохранения, так и для саморазвития, как для решения актуальных задач, так и для конструирования будущего. При этом подростки с разной степенью осознанности обращаются к поискам удобных способов создания для себя индивидуального преферендума (Медведев, 1982). Говоря об индивидуальном естественном, сенсорном, разгружающем преферендуме, мы должны иметь ввиду создание подростками вокруг себя микросреды, микропространства, внешних условий или переживание кратковременного состояния, защищающих их от разрушающих средовых воздействий и обеспечивающих им прежде всего эмоциональный комфорт.

Эмоциональный комфорт как особое психофизиологическое состояние отражает полноту удовлетворения базовых потребностей, в первую очередь потребности в физической и психологической безопасности, в доверии к миру и себе, сохранении активности. Видимо, поэтому особую ценность для подростков приобретает снятие общего психофизиологического напряжения. Не случайно речевое поведение подростов насыщено словами «расслабиться», «релакс», «кайф», «оттяг», «оттянуться», «рофлить»

(т.е. «смеяться до слез»). Ряд самых опрометчивых поступков и действий подростков, включая асоциальные, связан с желанием «расслабиться». Подростковая субкультура насыщена разными технологиями расслабления, среди которых как конструктивные, так и деструктивные. Вряд ли можно считать случайным и то, что множество техник для снятия напряжения, которые используют психологи с целью нормализации состояния подростков, снижения стресса, предупреждения суицидов, асоциального поведения, частично или полностью строятся на техниках релаксации.

Релаксация как способ ослабления психофизиологического напряжения приобретает все большую популярность. Ее эффективность и последствия, особенно в тех случаях, когда человек стремится заполнить внутреннюю пустоту острыми ощущениями, шоколадом, алкоголем, раскрыта на основании наблюдений и самоописаний взрослых (Гроф, 2003). Взгляд подростков на релаксацию, на ее роль в обеспечении эмоционального комфорта остается открытым для эмпирических исследований. В исследовании, проведенным совместно с Г.Ш. Сабировой, была поставлена цель – раскрыть представления подростков о релаксации, а также установить связь релаксации с признаками эмоционального комфорта.

В исследовании участвовало 63 подростка в возрасте 14-17лет, из них 24 мальчика и 39 девочек. Подростки обучались в общеобразовательных школах, не имели проблем с успеваемостью и соблюдением дисциплины. Все подростки добровольно согласились на участие в исследовании. (Администрация школ и родители были осведомлены о соблюдении этических норм.)

Психодиагностический комплекс включал в себя модифицированный вариант методики «Незаконченные предложения» Сакса-Леви, авторский опросник «Подростковые способы релаксации», опросник «Потребность в ощущениях» М. Цукермана, шкала «Школьной тревожности» А.М. Прихожан, опросник «Страхи» А.И. Захарова. При обработке полученных результатов применялись традиционные методы описательной и многомерной статистики,

Анализ ассоциаций подростков при завершении предложения «для меня релаксация – это...» демонстрирует широкий спектр их представлений о сути этого феномена. Для подростков релаксация – это «гармония», «установление равновесия», «ощущение благополучия», «сон», «общение с помощью разных средств», «приобщение к культуре и искусству», «пассивный отдых». Релаксация ассоциируется с позитивными переживаниями «приятно», «хорошо», «интересно», в то время как ситуации, требующие расслабления, напротив – с негативными: «плохо», «долго», «много». Если сравнить подростковое понимание термина «релаксации» и принятое в науке, то можно обнаружить

определенное сходство. Например, для подростков релаксация – это «когда нормализуется состояние человека после какой-либо нагрузки», что приближается к психотерапевтическому смыслу: очищение сознания от всяких повседневных мыслей (Карвасарский, 2000). Однако наиболее популярный смысл релаксации – «сон», хотя в исследованиях под релаксацией чаще понимается состояние бодрствования с пониженной психофизиологической активностью.

С помощью кластерного анализа удалось выявить 8 личностных смыслов релаксации для подростков. К ним относятся релаксация как «уход от реальности», «получение удовольствия», «отказ от деятельности», «переход от должного к удовольствиям», «стремление к переключению деятельности», а также «осознанность необходимости в расслаблении», «рискованные способы релаксации» и «неустойчивость потребности в расслаблении».

Число ситуаций, вызывающих у подростков желание расслабиться, ограничивается 16. Ситуации охватывают важные для подростков сферы жизни: учебу, конфликты с окружающими, эмоционально насыщенные многочисленные дополнительные занятия и нагрузки, умственные и физические нагрузки, однообразие, материальное положение, погружение в итернет. К ситуациям, требующим расслабления, подростки чаще всего относят стресс– 30,8% ответов. Типичны такие ответы: «когда все плохо», «нервничаю», «трудности в чем-либо». Учебная деятельность – еще одни источник необходимости релаксации, что отмечается в 16,9% ответов. Чрезмерные физические нагрузки, вызывающие усталость, утомление и плохое физическое самочувствие, составляют 13,8% ответов. Релаксации не требуют: долгое нахождение за компьютером, отсутствие денег, а также «мысли о любимом человеке».

В контексте поисков подростами эмоционального комфорта важны взаимосвязи между признаками релаксации, тревоги и страхов. Как оказалось, стремление подростков к релаксации, разные ее смыслы образуют единый релаксационный фактор прежде всего с тревожностью и страхом. Так, чем более выражено стремление к релаксации, тем выше школьная, самооценочная, межличностная и мистическая тревожность, тем больше страхов испытывают подростки ($p \leq 0,01$). При этом стремление к релаксации возрастает при усилении яркости переживания страхов ($p \leq 0,01$).

Смысловые признаки релаксации также связаны с эмоциональными переживаниями. Например, чем более выражено осознание как необходимости релаксации, так и ее смысла в понимании отказа от деятельности, тем больше подростки склонны переживать тревогу за ценность собственного Я ($p \leq 0,01$) и бояться окружающего мира ($p \leq 0,05$). Релаксация как уход от реальности сочетается с большим количеством страхов ($p \leq 0,01$).

Потребность в ощущениях в меньшей мере, чем тревожность и страхи, представлена в релаксационном факторе. Осознание релаксации как получения удовольствия и как ухода от реальности согласуется с выраженной потребностью в ощущениях ($p \leq 0{,}01$).

Полученные результаты показывают, что в сознании подростков существует целостное представление о релаксации, объединяющее ее суть, ситуации, которые требуют релаксации, и способы ее достижения. Взаимосвязи с тревогой и страхами убеждают, что релаксация органично вплетается в эмоциональную жизнь подростков. Стремление к релаксации несет в себе признаки переживаемого подростками эмоционального дискомфорта. В релаксации подростки видят возможности преодоления дискомфорта благодаря тому, что данное состояние позволяет им на время уйти от реальности, получить удовольствие, отказаться от напряженной деятельности и не фиксировать сознание на «должном». Подростки осознают, что они могут использовать разные способы достижения релаксации, вплоть до рискованных. Важно, что эмоциональный дискомфорт, вызванный ощущением угроз со стороны окружающего мира, актуализирует стремление подростков к релаксации.

Литература

Гроф К. Жажда целостности. Наркомания и духовный путь. М.: АСТ, 2003.

Казначеев В.П. Экология человека. Основные проблемы. М.: Наука, 1988.

Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия. СПб.: Питер, 2000.

Медведев В.И. Устойчивость физиологических и психологических функций человека при действии экстремальных факторов. Л.: Наука, 1982.

Посохова С.Т. Социокультурные факторы и проявления психологической уязвимости современной молодежи // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2017 (17), № 2. С. 195-196.

Сведения об авторах

Посохова Светлана Тимофеевна – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, +7921-306-90-31, E-mail: svetpos@mail.ru

Изотова Маргарита Хаджумаровна – Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, старший преподаватель, +7 921- 943-85-62, E-mail izotova.margarita@gmail.com

TEENAGERS IN A SEARCH OF EMOTIONAL COMFORT

Posokhova S., Izotova M.

St-Petersburg State University, St-Petersburg

S-Petersburg State Pediatric Medical Academy, St-Petersburg,

Keywords: relaxation, teenager, anxiety, fear, emotional comfort

Abstract. In the current article the possibility of using relaxation by teenagers to provide their emotional comfort in modern socio-cultural conditions is analyzed. Wide range of perceptions of adolescents about relaxation are revealed: "escape from reality", "pleasure", "refusal of activity", "transition from due to pleasure," "desire to switch activities", "awareness of the need for relaxation", " risky ways of relaxation" as well as "volatility of relaxation need".The article also identifies key situations requiring relaxation: stress, studies, excessive physical exertion, and those not requiring any relaxation: computer, financial difficulties, contact with emotionally important person. It sets a relationship between the need for relaxation and self-esteem, school environment, interpersonal and mystical anxiety of adolescents and number of experienced fears. The existence of the adolescent relaxation factor is stated.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ЦЕННОСТЕЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ СУБКУЛЬТУРАХ[15]

Малышева Н.Г., Шаехов З.Д., Тихомандрицкая О.А.

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии, кафедра социальной психологии, Москва

Ключевые слова: ценности, психологическое благополучие, этническая субкультура, Башкирия, Татарстан, взаимосвязь ценностей и психологического благополучия.

Аннотация. Процессы, происходящие в современном российском обществе, требуют анализа социально-психологических особенностей поколения XXI века, для которых транзитивное общество является единственно знакомой формой социальной организации. В данной работе представлены результаты исследования, направленного на изучение ценностей и психологического благополучия старшеклассников, проживающих

15 Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-013-01206А «Социокультурные и гендерные факторы психологического благополучия поколения XXI века».

в республиках Башкортостан и Татарстан, которые рассматриваются как этнические субкультуры по отношению к российской, национальной, культуре. В исследовании установлено, что у старшеклассников из Татарстана выше такой показатель психологического благополучия как личностный рост, а также что для них более значимы ценности, имеющие личностный фокус, в то время как для подростков из Башкирии более значимы ценности с социальным фокусом. При этом обнаруживается тенденция, что социально-ориентированные ценности негативно связаны с психологическим благополучием и его компонентами, а личностно-ориентированные ценности - позитивно.

Введение в проблему исследования. Тема культуры, ее характеристик, особенностей, вариативности не теряет актуальности в психологических исследованиях с конца XX века. Особенное звучание она приобретает в контексте анализа транзитивного общества как изменчивого, трансформирующегося, неопределенного. Подобная социальная ситуация бросает вызов длительному осмыслению культуры как чего-то стабильного и самовоспроизводящегося. Востребованные долгое время идеи М.Мид о различных типах обществ и видах культурных трансмиссий уже не полностью отражают процессы, происходящие в современном мире (Марцинковская Т.Д., 2015). Существующая пластичность и многообразие культур, распространенность полиэтнических сообществ указывают на необходимость обращения к понятию “субкультура” при анализе происходящих в российском обществе процессов. Субкультура - понятие, которое позволяет учитывать различные подсистемы в более широкой культурной общности, и предлагает антиэссенциалистский и постструктуралистский взгляд на этнос, акцентирующий множественность и амбивалентность социального позиционирования индивида в постиндустриальном мире (Соловьева, 2011).

В нашей работе мы сфокусируемся на рассмотрении таких этнических субкультур, включенных в национальную культуру России, как республики Башкортостан и Татарстан. Они являются автономными субъектами Российской Федерации, имеют собственную территорию, общее религиозное мировоззрение, традиционные праздники, национальный язык, собственную символику, что способствует переживанию принадлежности к субкультуре. В то же время есть и отличия: например, в соответствии с рейтингом социально-экономического положения субъектов РФ в 2017 году Татарстан занимал 4 место, а Башкирия 11 место (http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html). Исследования психологических характеристик жителей двух республик демонстрируют как наличие сходств, так и различий. Например, в работе И.М.Городецкой и ее коллег обсуждается общая склонность

башкир и татар к лидерству и энергичности (Городецкая и др., 2008). При этом у башкир наблюдается большая строгость в оценивании, открытость и прямолинейность в межличностных отношениях. Татары же отличаются более высоким самоуважением, склонностью проявлять во взаимоотношениях соперничество и критичность (там же). В исследовании Н.Г. Малышевой и З.Д. Шаехова обнаружено, что в обеих группах не выражена ориентация на социальное доминирование, что связывается с проживанием в полиэтнической среде (Малышева, Шаехов, 2018). Конечно, само по себе культурное многообразие не предполагает обязательных “добрососедских” отношений, однако в данном случае нужно учитывать, что длительное проживание нескольких народов на одной территории может приводить к снижению социальной дистанции в восприятии жителей. Так, социальная дистанция между татарами, башкирами, русскими, чувашами воспринималась как меньшая по сравнению с дистанцией по отношению к мигрантам из Средней Азии (Шайхисламов, Садретдинова, 2015). Это позволяет нам рассматривать республики Башкирия и Татарстан как этнические субкультуры - территориальное единство может считаться основой для возникновения культурных общностей.

Субкультуры отличаются особыми ценностными структурами, регулирующими социотипическое поведение их представителей. Ценности задают направление действий и мыслей людей, являются стандартами для оценки действительного и желаемого (Белинская, Тихомандрицкая, 2009).

Формирование ценностей и их структур происходит в ходе социализации личности и изучения социального мира. Именно познание социальной действительности через призму убеждений и взглядов человека приводит к появлению ценностных структур (Андреева, 2005; Тихомандрицкая и др., 2018). Для современных старшеклассников транзитивное общество является “само собой разумеющейся” реальностью, основой их социального мира (Марцинковская, 2015). Обращение же к анализу ценностей подростков, рожденных в XXI веке и принадлежащих к различным этническим субкультурам, может позволить увидеть, как культура проживается в условиях постоянных изменений и трансформаций. Возможно, такие условия требуют особых навыков соотнесения собственных интересов и потребностей личности с культурными и социальными нормами и предписаниями. И степень их реализации будет проявляться в уровне психологического благополучия, которое формируется благодаря синтезу личных и социальных требований.

Таким образом, целью нашей работы стал анализ и сопоставление взаимосвязей психологического благополучия и ценностей у старшеклассников, проживающих в республиках Башкортостан и Татарстан.

Методы исследования. В исследовании участвовали 69 учеников 10-11 классов: 34 из республики Башкортостан, 35 из республики Татарстан.

Для исследования ценностей использовалась адаптированная для российской выборки методика Ш.Шварца, которая включает в себя 19 ценностей первого уровня, 10 базовых ценностей, а также 4 ценности высшего порядка.

Психологическое благополучие респондентов измерялось с помощью методики К.Рифф «Психологическое благополучие» в адаптации Т.Д.Шевеленковой и П.П.Фесенко. Данная методика включает в себя 6 шкал, которые объединяются в интегральный показатель – психологическое благополучие.

Результаты исследования. Полученные данные указывают, что у подростков из Башкирии наиболее выражена «Благожелательность-Забота» (M=0,544), то есть для них важна преданность своей группе и благополучие ее членов. У старшеклассников из Татарстана доминирует ценность «Самостоятельность-Мысли», для них значима свобода развития собственных идей и способностей (M=0,607). Наименее важной ценностью для респондентов Башкирии является «Власть-Доминирование» (M= -0,858), а для Татарстана – «Традиция» (M= -1,012). Эти результаты согласуются с данными, полученными в исследованиях студентов из республики Башкортостан (Сафин, Нурлыгаянов, 2012) и школьников в республике Татарстан (Хусаинова, 2016).

Статистически значимые различия обнаружены при сравнении ценностей первого уровня: ценности личностного направления преобладают у старшеклассников из Татарстана по сравнению с Башкирией («Самостоятельность-Мысли»: M=0,607 и M=0,044, соответственно; «Гедонизм»: M=0,550 и M=0,161; «Репутация»: M=0,293 и M=0,152). И, наоборот, ценности с социальным фокусом больше выражены у башкортостанских подростков, чем у татарстанских, хотя для обеих групп значимость невелика («Традиция»: M=0,132 и M = –1,012, соответственно; «Конформизм-Межличностный»: M = –0,054 и M = –0,679).

Статистически значимые различия нами были обнаружены по базовым ценностям «Самостоятельность» (U=343, p=0,002, выше у респондентов из Татарстана), «Конформизм» и «Традиция» (U=355 p=0,004; U=287 p=0,000, соответственно, выше у респондентов из Башкортостана). По ценностям высшего порядка следующие значимые различия: «Открытость к изменениям» выше у подростков из Татарстана (M=2,018), чем из Башкирии (M=0,400); ценность «Сохранение» выше у респондентов из Башкирии (M= –0,066), чем из Татарстана (M=–1,928). Таким образом, в этих двух этнических субкультурах наблюдается различие по степени значимости личностного и социального

фокуса ценностей, что соответствует тенденциям индивидуализации в современном обществе.

Анализируя данные по психологическому благополучию старшеклассников, мы нашли сходство в средних показателях - 324,59 (в Башкирии) и 325,54 (в Татарстане). Максимальные показатели наблюдаются по шкале “Личностный рост”. Однако и здесь прослеживается тенденция, которую мы видим при анализе ценностей: для подростков из республики Татарстан эти показатели статистически значимо выше, чем для республики Башкортостан (M=55,38 и M=60,4 соответственно). Таким образом, хотя все подростки стремятся к развитию, обучению и принятию нового опыта, который может привести к изменениям в жизни, более выражена эта тенденция для той субкультуры, в которой больше выражен личностный, а не социальный фокус ценностей.

Далее мы провели корреляционный анализ ценностей и психологического благополучия для каждой этнической субкультуры. Было выявлено большое количество взаимосвязей, но здесь мы публикуем только относящиеся к шкале “Личностный рост” как наиболее выраженной в структуре психологического благополучия старшеклассников. Полученные результаты позволяют заметить, что у старшеклассников Татарстана корреляционные связи очень разнообразны. Так, наблюдаются значимые связи между шкалой “Личностный рост” и такими ценностями первого уровня как “Самостоятельность-Поступки” ($r=0,615$, $p\leq0,001$), “Стимуляция” ($r=0,615$, $p\leq0,001$), а также обратные корреляции с ценностями “Традиция” ($r=–0,622$, $p\leq0,001$), “Конформизм-Межличностный” ($r=–0,621$, $p\leq0,001$) и “Скромность” ($r=–0,564$, $p\leq0,001$). Большинство этих ценностей связаны и со шкалой “Автономность”, второй по степени выраженности для подростков республики Татарстан, что позволяет сделать вывод о значимой роли перечисленных ценностей в обеспечении психологического благополучия в данной субкультуре. На уровне базовых ценностей обнаруженные тенденции сохраняются, демонстрируя взаимосвязь шкалы “Личностный рост” и ценностей “Самостоятельность” ($r=0,615$, $p\leq0,001$), “Стимуляция” ($r=0,522$, $p\leq0,001$), “Конформизм” ($r=–0,588$, $p\leq0,001$) и “Традиция” ($r=–0,693$, $p\leq0,001$). Наконец, в отношении ценностей высшего уровня мы видим выраженную прямую взаимосвязь с “Открытостью изменениям” ($r=0,738$, $p\leq0,001$) и обратную с “Сохранением” ($r=–0,671$, $p\leq0,001$).

У старшеклассников из республики Башкортостан также наблюдается большое количество взаимосвязей ценностей и психологического благополучия, однако их мало с показателями шкалы “Личностный рост”. Так, на уровне тенденции мы видим лишь отрицательные корреляции с ценностями первого уровня “Власть-Доминирование” ($r=–0,430$, $p\leq0,05$) и “Традиция” ($r=–0,5381$, $p\leq0,05$). В отношении базовых ценностей есть

корреляции с ценностями “Власть” (r=–0,344, p≤0,05) и “Благожелательность” (r=0,352, p≤0,05). А между показателями “Личностного роста” и ценностями высшего уровня наблюдается лишь одна значимая корреляция - с “Открытостью изменениям” (r=0,474, p≤0,01). Если смотреть на корреляции других, менее выраженных шкал психологического благополучия, то проявляется тенденция к взаимосвязям с ценностями, направленными на рост и развитие, с одной стороны, и самозащиту, и безопасность, с другой, что можно считать особенностью данной этнической субкультуры.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что для обеих субкультур характерна негативная взаимосвязь ценностей, имеющих социальный фокус, с психологическим благополучием и положительная - с ценностями с личностным фокусом. Другими словами, у старшеклассников с высокой выраженностью ценностного ориентирования на социум могут быть мало реализованы собственные потенциальные возможности. Возможно, подобные ценности в данном возрасте препятствуют синтезу своих потребностей с социальными нормами и требованиями, подталкивая выбирать только то, что не нарушает общественных норм. Можно утверждать, что в современных условиях ценности с личностным фокусом играют благоприятную роль в позитивном функционировании личности. Исходя из анализа различий ценностей, мы приходим выводу, что ценности, сфокусированные на личности, более значимы для старшеклассников в Татарстане, чем в Башкирии. Это позволяет выдвинуть предположение, что субкультура Татарстана создает больше возможностей для формирования психологического благополучия в современном транзитивном обществе, хотя на этапе подросткового возраста еще не обнаруживается значимых различий между двумя подгруппами.

Список литературы

Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2005.

Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М.: Академия, 2009

Городецкая И.М., Рогов М.Г., Блохин А.Б. Межэтнические отношения русского, татарского и башкирского народов // Проблемы социальной психологии личности. Саратов: Изд-во СГУ, 2008.

Малышева Н.Г., Шаехов З.Д. Особенности ориентации на социальное доминирование у поколения Z, воспитывающегося в полных и неполных семьях // Психологические проблемы современной семьи: сборник материалов VIII Международной научно-

практической конференции 3-6 октября 2018 г. — Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2018. С. 722–727.

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1168-martsinkovskaya42.html

Сафин В.Ф., Нурлыгаянов И.Н. 2012 Структура ценностно-смысловой сферы в самоопределении юношей и девушек //Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – с.356-361.

Соловьева А.Н. "Этническая субкультура": концептуализация этничности в контексте культурных различий // Международный журнал исследований культуры. 2011. №1 (2). с.4-16

Тихомандрицкая О.А., Малышева Н.Г., Шаехов З.Д., Кабальнов Н.А. Проблема взаимосвязи личностных ценностей и психологического благополучия у старшеклассников // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 62. URL: http://psystudy.ru

Хусаинова Р.М. Структура жизненных ценностей и ценностные мотивации школьников из семей мигрантов в Татарстане // Tatarica. 2016. выпуск 7. С. 206-211.

Шайхисламов Р.Б., Садретдинова Э.В. Социальное измерение "дружбы и добрососедства народов" // Вестник Башкирского университета. 2015. №2. Том 2. С. 628-634 http://bulletin-bsu.com/archive/2015/2/47/

FEATURES OF THE RELATIONSHIP OF VALUE AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF MORDEN HIGH SCHOOL STUDENTS IN DIFFERENT ETHNIC SUBCULTURES

Keywords: values, psychological well-being, ethnic subculture, Bashkiria, Tatarstan, relationship of values and psychological well-being

Abstract. The processes taking place in modern Russian society require an analysis of the socio-psychological characteristics of the generation of the 21st century, for which a transitive society is the only familiar form of social organization. This paper presents the results of a study aimed at studying the values and psychological well-being of high school students living in the republics of Bashkortostan and Tatarstan, which are considered as ethnic subcultures in relation to the Russian, national, culture. The study found that high school students from Tatarstan have higher psychological well-being indicators such as personal growth, and also values for them that have a personal focus are more meaningful, while values

with social focus are more significant for teenagers from Bashkiria. At the same time, there is a tendency that socially-oriented values are negatively associated with psychological well-being and its components, while personality-oriented values are positively related.

ОСОБЕННОСТИ МОРАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПОДРОСТКОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ КОГНИТИВНОЙ ПЕРЕРАБОТКИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ[16]

Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н., Кирсанов К.А.

Факультет психологии МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва

Ключевые слова: моральное развитие, интернет общение, когнитивная переработка информации, информационное сообщество, подростковый возраст

Аннотация. Процесс самоопределения как центральная задача развития современного подростка реализуется в рамках информационного сообщества. Цифровая социализация становится все более распространенной, что перестраивает модель и формы построения коммуникации со значимыми другими, в первую очередь, со сверстниками. Анализ моральной регуляции интернет-общения в условиях интенсификации интернет коммуникации приобретает все большую актуальность. Целью нашего исследования было изучить особенности морального развития, характерного для подростков, реализующих разные типы когнитивной переработки социальной информации при коммуникации в социальных сетях. В исследовании приняли участие 224 подростка в возрасте от 13 до 18 лет. На основании полученных результатов была выстроена классификация типов когнитивной переработки социальной информации подростками в социальных сетях. Анализ особенностей морального развития подростков с разными типами когнитивной переработки информации обнаружил различия в специфике предпочтения моральных суждений.

Современная социальная ситуация развития в подростковом возрасте определяется условиями развивающегося информационного сообщества (Марцинковская, 2012).

[16] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проекта «Когнитивные способы переработки социальной информации из Интернет-сети как фактор формирования представлений подростков о моральной регуляции отношений в современном информационном обществе» № 18-013-01080.

Процесс самоопределения как центральная задача развития в подростковом возрастеа реализуется преимущественно во взаимодействии со сверстниками, где большая часть общения происходит дистантно через различные средства коммуникации, часто связанные с интернетом. Цифровая социализация составляет ключевую характеристику нынешнего поколения молодежи. Вопрос преимуществ и рисков цифровой социализации остается актуальным, однако очевидно, что в новой социо-культурной ситуации технологии определяют содержание информационной социализации. Технологические ограничения гаджетов, возможности социальных сетей задают пространство способов и форм коммуникации подростков (Войскунский, 2014; Солдатова, Рассказова, 2014). Интернет-коммуникация, как и любая форма общения, осуществляется в ценностно-моральном нормативном пространстве моральной регуляции, в котором характер моральной саморегуляции во многом как предотвращает, так и провоцирует риски столкновения с ситуациями девиантного поведения партнера, кибербуллинга, различными онлайн рисками в интернете. Поскольку интернет и социальные сети сегодня являются одним из важнейших источников информации, определяющей образ мира у современных подростков, их моральное сознание и представления о справедливости, моральной ответственности и долге в значительной степени связаны со способами когнитивной переработки социальной информации. Анализ особенностей когнитивных способов переработки информации в социальных сетях представляется важной задачей именно в подростковом возрасте, в котором часто присутствует зависимость от мнения окружающих, особенно сверстников. Предложенная Криком и Доджем модель (Crick, Dodge, 1994) когнитивной переработки социальной информации выделяет ряд стадий от распознавания социальных сигналов до системы интерпретации и переработки социальной информации. В предыдущем исследовании нами была предложена оригинальная методика оценки особенностей когнитивной переработки социальной информации при коммуникации в социальных сетях. Были выявлены различия в эффективности циклов когнитивной переработки информации подростками обследованной выборки: эффективность оценки перспектив действий и поведенческих реакций и способность подростков дифференцировать и выбирать адекватные социальные формы поведения и осуществлять их в сочетании с более низкой продуктивностью интерпретации. Выраженность интернет-зависимости снижает эффективность когнитивной оценки социальной информации в интернете (Молчанов, Алмазова, Поскребышева, 2018). На основе анализа полученных данных были выделены три типа когнитивной переработки информации, различающиеся по эффективности реализации восприятия и декодирования информации, ее интерпретации, прояснению целей, оценке

краткосрочных, долгосрочных, среднесрочных перспектив действий и поведенческих реакций и способности дифференцировать и выбирать адекватные социальные формы поведения (Молчанов, Алмазова, Поскребышева, Кирсанов, 2018). Моральная регуляция поведения, по нашему предположению, может быть связана с особенностями когнитивной переработки социальной информации

Целью исследования было изучение связи особенностей морального развития, определяющих представление подростков о моральной регуляции социальных отношений, и различных типов когнитивной переработки социальной информации в Интернете и при коммуникации в социальных сетях. Были поставлены следующие вопросы: исследование связи особенностей морального развития (уровня моральных суждений и моральной ответственности) подростков и различных типов когнитивной переработки социальной информации в Интернете при коммуникации в социальных сетях; изучение связи особенностей базисных убеждений личности как компонента образа мира у подростков и различных типов когнитивной переработки социальной информации в Интернете и при коммуникации в социальных сетях.

В исследовании приняли участие 224 подростка возрасте от 13 до 18 лет . Из них 49% юношей и 51% девушек. Для решения поставленных задач исследования были использованы следующие методики:

1. Авторская методика когнитивных способов оценивания социальной информации из сети Интернет, разработанная на основе модели Крика и Доджа (Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н.)
2. Методика моральных выборов и ответственности МОРС.
3. Методика оценки моральных суждений «Справедливость-забота» (автор Молчанов С.В.).
4. Методика диагностики интернет-зависимого поведения Чен.
5. Методика «Шкала базисных убеждений личности» Р.Янофф-Бульман в адаптации Калмыкова, Падун (Калмыкова, Падун, 2002).

Полученные результаты дали возможность выделить типы когнитивной переработки социальной информации подростками при коммуникации в социальных сетях Проведенный кластерный анализ позволил выделить 3 кластера, для которых были установлены значимые различия в оценках всех компонентов когнитивного оценивания социальной информации в разных кластерах ($p<0,01$), что позволяет рассматривать выделенные группы как группы, характеризующиеся различными типами когнитивного оценивания социальной информации (критерий Краскела—Уоллиса). Кратко опишем

полученные кластеры – типы когнитивной переработки социальной информации подростками при коммуникации в социальных сетях:

1-й тип (25% респондентов) — его представители характеризуются узким, односторонним, фрагментарным восприятием информации . В процессе ее интерпретации зачастую акцентируют внимание на отдельных незначимых аспектах информации, демонстрируют низкий уровень осознанности и ригидность целей, но при этом, однако, обнаруживают умения адекватно оценивать последствия своих действий и осуществлять выбор социально адекватных целей и реализовывать их. Когнитивное оценивание социальной информации характеризуется ориентацией на действия без анализа, интерпретации ситуации и прояснения целей («Поведенцы»);

2-й тип (23% респондентов) — для второго типа характерно достаточно целостное восприятие ситуации в информационном потоке, при нередком соскальзывании на отдельные, не столь важные аспекты информации в процессе ее интепретации. При осознанности целей и готовности к их изменению, широком репертуаре поведенческих реакций подростки этой группы не всегда могут оценить последствия своих действий, фиксируясь преимущественно на краткосрочных следствиях, что приводит к тому, что выбор конкретных действий и их реализация оказываются ошибочными и неэффективными. Характерна ориентация на анализ ситуации без адекватного выбора действий и учета их последствий («Аналитики»);

3-й тип (51% респондентов) — его представители отличаются полнотой и целостностью восприятия информации, в их интерпретации обнаруживается критическое отношение к информационному полю, осуществляют сравнение с другой информацией, выделяют важную/релевантную информацию. Для подростков этой группы характерны осознанность целей, готовность к их изменению и широкий диапазон поведенческих реакций, направленных на поиск разрешения трудностей. Прогнозирование краткосрочных, долгосрочных, среднесрочных перспектив действий позволяет дифференцировать и выбирать адекватные социальные формы поведения и эффективно осуществлять их. 3-й тип был обозначен как эффективный тип когнитивного оценивания социальной информации.

Исследование особенностей морального развития для подростков с разными типами когнитивной переработки социальной информации при коммуникации в социальных сетях осуществлялось на 2 уровнях: уровне анализа моральных суждений и уровне анализа моральной ответственности. Сначала рассмотрим особенности моральных суждений для подростков - представителей различных типов когнитивного оценивания информации. Для подростков, отнесенных по способам когнитивной переработки

информации к группе «Эффективные», выявлены самые высокие оценки по шкале «Социальный контракт» и самые низкие по шкале «Власть авторитетов, боязнь наказаний» и «Инструментальный обмен». Самые низкие оценки по шкале «Социальный контракт» и высокие для моральных суждений преконвенционального уровня «Власть авторитетов, боязнь наказаний» и «Инструментальный обмен» были констатированы для группы «Аналитиков». Самые высокие оценки для шкал преконвенционального уровня — «Власть авторитетов, боязнь наказаний» и «Инструментальный обмен» — для группы «Поведенцы». Таким образом, можно констатировать более высокий уровень развития постконвенционального морального сознания у подростков группы «Эффективные» и более выраженную ориентацию на преконвенциональный уровень — у подростков с неэффективными способами КПИ («Поведенцы» и «Аналитики»).

Также был проведен анализ особенностей представлений о моральной ответственности у подростков с разными типами когнитивной переработки информации – готовности к принятию моральной ответственности и признанию необходимости наказания в ситуации моральной трансгрессии. Значимые различия выявлены только по шкале «признание ответственности» (p=.004). Подростки группы «Аналитики» в наименьшей степени склонны признавать ответственность за действия, нарушающие моральную норму, что, по нашему мнению, связано с трудностями когнитивного оценивания информации в блоке оценки последствий действий и с сужением ориентировки на агрессивные, изолирующие и фобические реакции социального окружения.

Были рассмотрены особенности базисных убеждений личности как компонента образа мира для групп с различным типом когнитивной переработки социальной информации (Janoff-Bulman, 1985). Подростки группы “Эффективные” больше, а подростки группы “Поведенцы” – меньше других верят в удачу в своей жизни (p=0.017)

На основании проведенного эмпирического исследования были сделаны следующие выводы:

1. Выявлены следующие особенности морального развития подростков с различным типом когнитивной переработки социальной информации при коммуникации в социальных сетях: группа «Эффективные» более ориентирована на стадии постконвенционального уровня развития морального сознания с признанием моральной ответственности за поступки. Подростки с неэффективными способами когнитивного оценивания («Поведенцы» и «Аналитики») более ориентированы на преконвенциональный уровень морального развития, демонстрируют меньшую

поддержку роли моральной ответственности с признанием необходимости и значимости наказания за проступки.

2. Высокий уровень эффективности когнитивной переработки социальной информации при коммуникации в социальных сетях связан с позитивным базисным убеждением как составляющей образа мира – верой в удачу, в отличие от подростков с другими типами когнитивной переработки социальной информации.

Литература

Войскунский А.Е. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московкого университета. Серия 14. Психология. 2014. № 2. С. 90-104.

Калмыкова Е.С., Падун М.А. Ранняя привязанность и ее влияние на устойчивость к психической травме // Психологический журнал. 2002. №5 (23). С. 51–59.

Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве // Психологические исследования, 2012, 5(26), 7.http://psystudy.ru/num/2012v5n26/766- martsinkovskaya26.html

Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н. Когнитивные способы переработки социальной информации из интернет-сети в подростковом возрасте // Национальный психологический журнал. 2018. №3(31). С. 57-68.

Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н., Кирсанов К.А. Когнитивные способы переработки социальной информации в сети интернет и особенности морального сознания подростков // Психологическая наука и образование. 2018. Том 23. № 5. С. 77–86.

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация // Национальный психологический журнал. 2014. №3 (15). С.39-51.

Crick N.R. & Dodge K.A. A review and reformulation of social information-processing mechanisms in children´s social adjustment // Psychological Bulletin. 1994. №115. P. 74–101.

Janoff-Bulman R. The aftermath of victimisation: Rebuilding shattered assumption // Trauma and its wake / C.R.Figley (Ed.). N.Y.: Brunner/Mazel, 1985. P.15–35.

MORAL DEVELOPMENT OF ADOLESCENTS WITH DIFFERENT TYPES OF COGNITIVE INFORMATION-PROCESSING MECHANISMS OF INTERNET INFORMATION

Molchanov S.V., Almazova O.V., Poskrebisheva N.N., Kirsanov K.A.

Faculty of psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Keywords: moral development, internet communication, cognitive information-processing mechanisms, informational society, adolescence

Abstract. The process of self-determination as the central task of the development of the modern adolescent is implemented within the information community. Digital socialization is becoming popular and it changes the model and forms of communication with significant others, primarily with peers. The analysis of the moral regulation of Internet communication in the conditions of the intensification of Internet communication becomes very important. The aim of our study was to study the peculiarities of moral development characteristic of adolescents with different types of cognitive processing of social information during communication in social networks. The study involved 224 adolescents aged 13 to 18 years. Based on the results obtained, the classification of types of cognitive processing of social information by adolescents in social networks was proposed. Analysis of the peculiarities of the moral development of adolescents with different types of cognitive processing of information revealed differences in the specifics of the preference for moral judgments.

ВЛИЯНИЕ ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СПЕЦИФИКУ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ ДВУХ СУБКУЛЬТУР, РАЗЛИЧАЮЩИХСЯ РЕГИОНОМ ПРОЖИВАНИЯ

Акимова М.К.

РГГУ, Москва

Персиянцева С.В.

Психологический институт РАО, РГГУ, Москва

Ключевые слова: нормативопринятие, нравственный норматив, доверительные отношения, социальное поведение, социальное взаимодействие.

Аннотация. Исследование направлено на анализ особенностей влияния нравственного норматива доверия на поведение студентов, проживающих в двух различающихся по размеру городах – малом городе и мегаполисе. Гипотеза заключалась в

том, что уровень принятия норматива доверия оказывает значимо большее влияние на активность студентов мегаполиса в проблемных ситуациях по сравнению со студентами, проживающими в малом городе, поведение которых практически целиком зависит от конкретно-личностных отношений с окружающими. Исследование проведено на двух группах студентов, обучающихся и проживающих в Москве и Орехово-Зуеве. Диагностика осуществлялась двумя методиками – опросником Доверительных отношений и интервью Социальное взаимодействие. Сравнение числа взаимосвязей показателей опросника Доверительных отношений с показателями активности у двух выборок, проживающих в мегаполисе и малом городе, показало, что поведение студентов мегаполиса чаще определяется уровнем принятия нравственного норматива доверия по сравнению со студентами малого города.

Исследовательская задача, решаемая в описываемой работе, - раскрыть, каким образом принадлежность к определённой субкультуре, характеризующейся совокупностью определённых норм и поведенческих привычек, воздействует на социальное поведение. Сравнению подвергаются социальные группы молодёжи, различающиеся регионом проживания и использующие вследствие этого разные модели поведения в проблемных ситуациях. Теоретико-методологической основой исследования является нормативный подход в психодиагностике. Нормативы представляют собой важнейшие, имеющие историческую почву требования, предъявляемые к человеку его социокультурной средой (Гуревич, 2008). Использование нормативного подхода позволяет в качестве базовой составляющей личности рассматривать такой показатель, как принятие нормативов (нормативопринятие), который опосредует воздействие социальной и культурной среды, поскольку отражает как процесс познания личностью нормативов, так и особенности её отношения к ним (Акимова, Горбачёва, Козлова, 2012). В зависимости от отношения индивида к нормативным требованиям и чертам он будет усваивать их, и они станут внутренним содержанием его личности. Нормативопринятие можно охарактеризовать как осознанную или бессознательную потребность следовать социально-психологическим требованиям, имеющую индивидуальную выраженность (специфику).

Вступая во взаимодействие с окружающими, индивиды могут использовать разные формы и способы поведения, сложившиеся у них под влиянием нормативов. Особая роль в характеристике социального взаимодействия отводится нравственным нормативам, которые являются психологическим условием позитивных социальных отношений, направленных на решение возникающих в обществе проблем. С ними связаны проблемы

регуляции поведения человека во всех сферах социальной жизни и в конкретных социальных ситуациях.

К важнейшему нравственному нормативу, который отражает гуманистические принципы отношений между людьми, группами, народами, относится доверие. Оно является базисом социальной сплочённости и эффективного функционирования общества, обеспечивающим готовность соблюдать общие интересы и объединять усилия ради общего дела, для прорыва общества вперёд.

Проблема доверительных и честных отношений между людьми возникла на заре человеческой цивилизации. Уже философы древности задумывались над тем, как выстраивать такие отношения в противовес враждебности и конфликтности, как избежать столкновений и войн. Причины тех или иных межличностных отношений они видели либо в социальных условиях (Гераклит, Платон), либо в психологических особенностях (Лейбниц), либо в специфике представлений о добре и зле, справедливости и равенстве и других чертах морального сознания (Цицерон).

Наша гипотеза состоит в том, что принятие нравственных нормативов, опосредуя те модели межличностного поведения, которые выбирают индивиды, различается у представителей двух регионов – города-миллионника и малого города. В высоко урбанизированной среде мегаполиса практики взаимодействия в таких ситуациях скорее зависят от принятия нормативов поведения, характеризующих определённую среду, в то время как в малом городе они чаще обеспечиваются внешним контролем.

В частности, такой норматив как доверительные отношения, являясь детерминантой принятия решений в разных ситуациях, определяют их оценки (значимость), а также пассивность или разные виды активности, включая индивидуальные действия и вовлечение других людей, в большей степени воздействует на поведение молодёжи в городе-миллионнике по сравнению с его воздействием в условиях малого города, где важнее конкретно-личностные отношения с окружающими.

В качестве испытуемых выступали студенты, обучающиеся по программам психолого-педагогического и социально-гуманитарного образования в Российском гуманитарном государственном университете (РГГУ, г. Москва) – 128 человек и в Государственном гуманитарно-технологическом университете (г. Орехово-Зуево) – 86 человек. Общая численность выборки – 214 человек, представляющая схожие образовательно-возрастные группы (возраст участников исследования M=19,59; SD=1.34, возрастной диапазон от 18 до 27 лет.

Методика, направленная на диагностику социального взаимодействия (диагностическое интервью Социальное взаимодействие - авторы М.К.Акимова,

Е.И.Горбачева, С.В.Персиянцева, Т.А.Сысоева, С.В.Ярошевская), подробно описана в статьях (Акимова, Персиянцева, 2018).

Опросник Доверительных отношений (автор М.К.Акимова) представлен в ряде статей (Акимова, Горбачёва, 2013).

Для статистической обработки результатов применялось вычисление коэффициента ранговой корреляции по Спирмену.

Результаты исследования показали, что между шкалами Опросника доверительных отношений и показателями интервью Социальное взаимодействие в московской выборке найдено 27 значимых корреляций (50,0 % от общего числа корреляций). Наибольшее их число – 9 (16,7 %) отражают взаимосвязи всех параметров диагностического интервью со шкалой 2 (Польза от доверительных отношений с людьми). Индивиды видят пользу в верности общему делу и объединении усилий для достижения позитивного результата в нём, отсутствии противоречий между отдельными членами группы и разными социальными группами. Такое представление о характере отношений с окружающими не может не проявиться в ситуациях, требующих взаимодействия с ними или принятия на себя ответственности за решение социальных проблем, отражённых в диагностическом интервью.

Немного меньше корреляций - 7 (13,0%) со шкалой 1 (Позитивные представления о людях). Доверие к другому человеку основывается на убеждённости в его правоте и положительных качествах, доброжелательности, верности, честности и проявляется в стремлении достичь понимания и принять другого со всеми его индивидуальными особенностями, сотрудничать с ним, помогать ему, поддерживать его, выражать по отношению к нему заинтересованность и сочувствие. Отражённые в опроснике черты характеризуют некоторые особенности взаимодействия с окружающими, отношения к ним как к субъектам, заслуживающим доверия, поддержки, интереса, помощи, сочувствия, терпения, сотрудничества. Поэтому такое представление об окружающих связано с особенностями поведения, описанными в диагностическом интервью.

Результаты исследования молодёжи, проживающей в малом городе, существенно отличаются от того, что описано выше. Между шкалами Опросника доверительных отношений и показателями интервью Социальное взаимодействие в орехово-зуевской выборке найдено всего 7 значимых корреляций (13,0 % от общего числа корреляций). Наибольшее их число – 6 (11,1 %) - отражают взаимосвязи всех параметров диагностического интервью со шкалой Позитивные представления о людях.

Таким образом, полученные результаты подтвердили гипотезу нашего исследования. Региональные различия обнаружены во всех рассмотренных ситуациях.

Объяснение полученных результатов лежит в характеристиках среды обитания. В нашем исследовании студенческие группы различались размером города проживания. Согласно Роберту Парку (2002), человеку нужен город соразмерного ему масштаба. В таком городе человек может быть достаточно ассимилирован, вследствие чего будет вести себя так, чтобы не быть осуждённым и отторгнутым окружающими за «неправильное» поведение. Его поведение регулируется тем, что о нём подумают соседи. Соседи - это люди, которых человек встречает во дворе, на улице, не обязательно с ними знаком и здоровается, но различает, знает в лицо (Джекобс, 2011).

Дж. Хоманс (1984) писал, что при взаимодействии индивиды, участвующие в нем, стремятся получить социальное одобрение, а нарушение ожиданий может повлечь за собой фрустрацию и возникновение агрессивной реакции. Человек в малом городе часто подобающим образом ведёт себя из-за того, что неотвратима возможность присутствия наблюдателя, действует так называемый «уличный взгляд» (выражение Джекобс). В малом городе социальные процессы менее разнообразны, концентрируются в относительно малом, обозримом пространстве, где чаще *предполагается непосредственный контакт между людьми,* и поведение индивидов чаще определяется конкретно-личностными отношениями с людьми, опытом взаимодействия с ними, которым дорожат жители.

В городе-миллионнике выработать такую систему отношений сложно: люди встречаются гораздо реже, их практически невозможно запомнить. Поэтому их мнение не является для индивида значимым, не влияет на его поведение, в том числе и в ситуациях оказания помощи. В большом городе социальная жизнь сложна и многогранна. Оценки значимости социальных ситуаций и способов реагирования на них наталкиваются на барьеры их большого числа и бесконечного разнообразия, а также разобщённости и мобильности индивидов, участвующих в таких ситуациях. Поэтому типичные способы реагирования на ситуации у студентов, проживающих в мегаполисе, определяются теми нормативами, которые приняты в окружающем социуме, а также уровнем их принятия.

Литература

Акимова М.К., Горбачёва Е.И., Козлова В.Т. Нормативная концепция диагностики индивидуальности К 100-летию Психологического института. Век психологии 1912-2012. СПб.: Нестор-История, 2012. С.630-654

Акимова М.К., Горбачёва Е.И. Нормативный подход в психодиагностике: обоснование и разработка методики // Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. Том 6. № 2. С. 45-56.

Акимова М.К., Персиянцева С.В. Влияние субъективных оценок значимости проблемных ситуаций на механизмы социального взаимодействия // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018 а. № 1 (8). С. 89-99.

Гуревич К.М. Дифференциальная психология и психодиагностика. СПб.: Питер, 2008.

Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011.

Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Том 2. № 3. С. 3-12.

Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология: тексты / Под ред. Г.А.Андреевой – М.: Изд-во МГУ, 1984. С.82-91.

INFLUENCE OF TRUST RELATIONS ON THE SPECIFICITY OF THE SOCIAL BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE OF TWO SUBCULTURES DIFFERENT IN THE REGION OF RESIDENCE

M.K. Akimova (Russian State University for the Humanities, Moscow)

S.V. Persiyantseva (Psychological Institute of Russian Academy of Education, Russian State University for the Humanities, Moscow)

Abstract. The study is aimed at analyzing the peculiarities of the influence of the moral standard of trust on the behavior of students living in two cities differing in size - a small city and megalopolis. The hypothesis was that the level of acceptance of the standard of trust has a significantly greater impact on the activity of students of the metropolis in problematic situations compared with students living in a small city, whose behavior is almost entirely dependent on specific personal relationships with others. The study was conducted on two groups of students studying and living in Moscow and Orekhovo-Zuev. Diagnostics was carried out by two methods - the Trust Relationship Questionnaire and the Social Interaction Interview. Comparison of the number of interrelationships of the Trust Relationship questionnaire with the activity indicators of two samples living in a megacity and a small city showed that the behavior of students of a megacity is more often determined by the level of acceptance of the moral standard of trust compared to students of a small city.

Keywords: standard adoption, moral standard, trusting relationships, social behavior, social interaction.

СЮЖЕТНО-РОЛЕВАЯ ИГРА В СУБКУЛЬТУРЕ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА[17]

Гавриченко О.В.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Ключевые слова: субкультура; игровая деятельность; психолого-педагогические приемы; компьютерные технологии; электронные устройства; развитие сюжетно-ролевой игры

Аннотация. В настоящие время отмечается кризис в развитии игровой деятельности дошкольников, который связан с расширением цифрового пространства дошкольников и появлением в детской субкультуре различного типа электронных устройств. Это приводит к распаду сюжетно-ролевой игры, стереотипизации игр и снижению игровой инициативы детей. Преодоление кризиса возможно при целенаправленном формировании навыков сюжетно-ролевой игры в старшем дошкольном возрасте путем создания определенных условий. Выявлено, что современные дошкольники хорошо ориентируются в персонажах компьютерных игр и плохо знакомы с русским фольклором, мало времени уделяют сюжетно-ролевым играм. Созданная и реализованная программа психолого-педагогических мероприятий по развитию сюжетно-ролевой игры дала положительные результаты: дети начали самостоятельно придумывать сюжет и распределять роли, игры у старших дошкольников стали содержательнее и продолжительнее, в игре появились устойчивые образы литературных и фольклорных персонажей, а влияние компьютерных и мультипликационных образов в сюжетно-ролевой игре снизилось.

Актуальность выбранной темы связанна с тем, что за последние десятилетия в современной детской субкультуре произошли серьёзные изменения, которые оказывают воздействие на развитие сюжетно-ролевой игры у детей старшего дошкольного возраста. Т.Д. Марцинковская обращает внимание на то, что термин «субкультура» в последние годы становится всё более популярным, но единого подхода к анализу конкретного содержания данного термина не существует (Марцинковская, 2011). В значительной мере это связано с тем, что субкультура по определению является междисциплинарным

[17] Статья выполнена в рамках работы по научному проекту РГГУ «Идентичность в повседневном изменяющемся мире» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»)

понятием, сущность которого, естественно, различается в разных науках – философии, культурологии, социологии и психологии (Марцинковская, 2014).

Под детской субкультурой мы понимаем совокупность особенностей поведения, форм общения, способов деятельности самих детей, а также социокультурные инварианты, зафиксированные в детском языке, мышлении, игровых действиях, фольклоре (Майорова-Щеглова,2014)

Исследования социологов, психологов и педагогов последних лет показывают, что развитие информационного пространства, появление новых электронных средств коммуникации и различных электронных устройств (компьютеров, гаджетов: планшетов, смартфонов и т.д.) вытесняют из детской субкультуры привычные сюжетно-ролевые игры.

В современной детской субкультуре все больше присутствует цифровая среда, в которую входят телевидение, Интернет, компьютерные сети или компьютерные игры. С появлением такой среды мы можем говорить о «докомпьютерном» и «компьютерном» поколении детей (Шукова, 2013).

Исследование Е.О.Смирновой показывает, что компьютерные технологии оказывают определенное влияние на формирование личности ребенка, что, в свою очередь, отражается на формировании современной субкультуры детства (Смирнова, 2015). Интернет и компьютерное пространство становятся для детей заменой реального взаимодействия со сверстниками. Это провоцирует глобальное изменение системы социальных связей, установок, ценностей, отражающееся на психическом развитии каждого конкретного ребенка и детского сообщества в целом.

Основной формой детской субкультуры является игра, значение которой трудно переоценить. Д.Б. Эльконин изучал значение игры для развития ребёнка. Он отмечает: «Игра в дошкольном возрасте особенно сенситивна к сфере человеческой деятельности и межчеловеческих отношений. Основным содержанием игры является человек, его деятельность и отношения взрослых друг к другу. И в силу этого игра есть форма ориентации в задачах и мотивах человеческой деятельности» (Эльконин, 1976). За последние годы произошло колоссальное обеднение культуры детской сюжетно-ролевой игры у старших дошкольников. Если раньше дети играли вместе, а игры и другие атрибуты детства передавались из поколения в поколение, то сейчас ребенок зачастую общается не со сверстниками, а с техническими устройствами и всевозможными гаджетами, что заменяет детям реальные игры и негативно сказывается на их психическом развитии. Поэтому развитие сюжетно-ролевой игры в условиях современной субкультуры - одна из главных задач педагогов ДОО и родителей дошкольников.

Цель исследования: изучить особенности и условия формирования навыков сюжетно-ролевой игры в современной субкультуре детей старшего дошкольного возраста.

Объект исследования: игровая деятельность в детской субкультуре.

Предмет исследования: сюжетно-ролевая игра как структурный компонент субкультуры детства.

Гипотеза исследования: преодоление кризиса современной игровой культуры, характеризующегося распадом сюжетно-ролевой игры, стереотипизацией игр и снижением игровой инициативы детей, возможно при целенаправленном формировании навыков сюжетно-ролевой игры в старшем дошкольном возрасте при создании следующих условий: при построении системы мероприятий, направленных на обогащение сюжетно-ролевой игры детей; – при организации просвещения родителей по вопросам возрастающего влияние СМИ и компьютера на сознание, поведение и игровую деятельность детей; – при повышении компетентности воспитателей по проблеме поддержания игровой инициативы детей.

Цель, объект, предмет и сформулированная гипотеза позволили определить *задачи* исследования:

1. Выявить условия развития навыков сюжетно-ролевой игры у детей старшего дошкольного возраста в практике дошкольного образования;
2. Разработать и реализовать комплекс психолого-педагогических мероприятий, направленных на формирование навыков сюжетно-ролевой игры в старшем дошкольном возрасте.

Методики: исследование особенностей сюжетно-ролевой игры с помощью схемы наблюдения за игрой Д. Б. Эльконина; рисуночный тест «Свободный рисунок»; анкетирование родителей «В какие игры играет Ваш ребенок?»; опрос детей «Что ты знаешь о компьютере?».

Выборка: 40 детей старшего дошкольного возраста. Экспериментальной базой являлось ГБОУ Гимназия № 201 ДО 2410. Также в исследовании принимали участие воспитатели детского сада – 4 человека; родители детей – 40 человек (как правило, это были мамы дошкольников, участвующих в исследовании).

Исследование проводилось в два этапа: констатирующий и формирующий этап.

По результатам исследования, проведённого совместно с А.В.Федоренко, гипотеза подтвердилась полностью. По итогам работы можно сделать следующие *выводы:*

– данные опроса детей и анкетирование их родителей показали, что в современной детской субкультуре увеличилось влияние СМИ, информационных и компьютерных технологий на детей старшего дошкольного возраста. Дети хорошо

ориентируются в персонажах компьютерных игр и плохо знакомы с русским фольклором, мало времени уделяют сюжетно-ролевым играм;

– реализованная программа психолого-педагогических мероприятий, направленная на преодоление кризиса современной игровой культуры, показала положительные результаты. Дети стали более активно использовать сюжетно-ролевые игры во время нахождения в ДОО, самостоятельно придумывали сюжет и распределяли роли, игры у старших дошкольников сделались содержательнее и продолжительнее;

– развитие сюжетно-ролевой игры способствует развитию устойчивых познавательных интересов у старших дошкольников и расширению их представлений об окружающей действительности. После проведения программы, направленной на формирование сюжетно – ролевой игры у детей старшего дошкольного возраста, уровень сформированности игровых навыков у детей в экспериментальной группе составил 67%, что на 56% выше этого показателя на этапе констатирующего исследования;

– сравнительный анализ уровня влияния компьютерных и мультипликационных образов, присутствующих в жизни современного дошкольника, и их вовлечения в сюжетно-ролевую игру после формирующего этапа исследования снизился на 28%;

– после проведения комплекса психолого-педагогических мероприятий, направленных на развитие сюжетно-ролевой игры, у детей, участвующих в исследовании, процесс игровой деятельностей стала более творческим и в их игре появились устойчивые образы литературных и фольклорных персонажей;

– повышение психолого-педагогической компетенции родителей в сфере влияния различных информационных и компьютерных технологий на детскую субкультуру, также дало положительные результаты после проведения формирующего этапа работы. При выборе компьютерных игр и программ для своих детей родители стали больше внимания уделять их характеристикам и педагогической направленности;

– программа по развитию игровой деятельности способствовала изменению отношения детей к компьютерной технике и различным гаджетам. Дети стали обращать свое внимание на обучающую и информационную функции компьютерных технологий.

Литература:

Майорова-Щеглова С.Н. Детская субкультура — неинституционализированный сектор детства. [Электронный ресурс.] // М**ир детства: история, культура, образование,** http://mirdetstva-kio.ru дата обращения 9.04.19

Марцинковская Т.Д. Психология субкультуры // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные решения. – М.: МПСИ, 2011. – № 4(13). – С. 37-49

Марцинковская Т.Д. Психология субкультуры // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2014. – № 4. – С. 114–124

Смирнова Е.О. Современная детская субкультура [Электронный ресурс.] // Консультативная психология и психотерапия, 2015 (4) – С. 25-35, http://psyjournals.ru дата обращения 9.04.19

Шукова Г.В. Интенсивность цифрового опыта и возрастные особенности когнитивных процессов [Электронный ресурс.] // Психологические исследования, 2013, 6(27), http://psystudy.ru дата обращения 10.04.19

Эльконин Д.Б. Психология игры. – М.: Владос, 1999. – 226 с.

Сведения об авторе

Гавриченко Оксана Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии личности, Институт психологии имени Л.С.Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 Москва, Россия. E-mail: Oksana-danshina@rambler.ru

ROLE-PLAYING GAMES IN THE SUBCULTURE OF CHILDREN OF SENIOR PRESCHOOL AGE

Gavrichenko O.V.

Institute of psychology of L.S. Vygotsky "Russian State Humanitarian University", Moscow

Keywords: subculture; gaming activities; psychological and pedagogical techniques; computer techologies; electronic devices; role-playing game development

Abstract. At present, there is a crisis in the development of gaming activities of preschoolers, which is associated with the expansion of the digital space of preschoolers and the emergence in the children's subculture of various types of electronic devices. This leads to the disintegration of the role-playing game, stereotyping of games and a decrease in the children's play initiative. Overcoming this crisis is possible by purposefully shaping the skills of a role-playing game in the senior preschool age by creating the following conditions: - while building a system of activities aimed at enriching the role-playing game of children; - when organizing parents' education on the increasing influence of the media and the computer on children's consciousness, behavior and play activities; - while increasing the competence of educators on the problem of supporting the play initiative of children. It is revealed that modern preschoolers are well-versed in the characters of computer games and are not familiar with Russian folklore, they spend little time on role-playing games. The program of psychological and pedagogical

activities for the development of the role-playing game gave positive results, the children began to invent the plot and distribute roles, the games for older preschoolers are more meaningful and longer, the game appeared to have stable images of literary and folklore characters, opposite the influence of computer and animated images in the role-playing game has decreased.

About the author: Gavrichenko Oksana V. Ph.D., Associate Professor, L.S.Vygotsky Institute for Psychology, Russian State University for the Humanities, Miusskaya pl., 6, 125993 Moscow, Russia. E-mail: Oksana-danshina@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ ИЗ РАЗНЫХ МЕСТ ПРОЖИВАНИЯ[18]

Хузеева Г.Р.

Институт психологии им. Л.С.Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 Москва, Россия

Ключевые слова: личностная и социокультурная идентичность подростков, социальный контекст формирования идентичности, малое и большое поселение

Аннотация. В статье отражены результаты исследования особенностей личностной и социальной идентичности у подростков, проживающих в малом поселение и мегаполисе. Полученные результаты позволяют предположить, что место проживания как определенный фактор социального контекста не влияет на позитивный характер идентичности и ее структуру. К чувствительным характеристикам по отношению к месту проживания можно отнести содержание социальной идентичности и особенности ценностной сферы подростка. В частности, степень значимости различных аспектов групповой принадлежности в структуре социальной идентичности, а также степень разнообразия представлений о вариантах достижения успешности в жизни.

Проблема социализации и индивидуализации подростка в современном транзитивном обществе является крайне актуальной. С точки зрения Т.Д.Марцинковской, в качестве конструкта, соединяющего разные линии развития в современном меняющемся социуме, возможно использование понятия «социальное пространство» (Марцинковская, 2013). Социальная среда, в которой живет подросток, определяет характер становления идентичности и процесс поиска своего места в жизни. Изучение социального контекста

[18] 17-06-00077-ОГН ОГН-А. Проблема лингвистической идентичности в мультикультурном пространстве

формирования идентичности подростков является одним из магистральных направлений исследований в социальной психологии развития.

В качестве одного из важнейших положений теории самокатегоризации (H.Tajfel, J.Turner) является выделение стремления человека к поддержанию позитивной идентичности (Андреева, 2002).

Цель данного исследования - выявление особенностей личностной и социокультурной идентичности у подростков из разных мест проживания (мегаполис и малое поселение).

Выборка

В исследование приняли участие 60 подростов, учащихся школы ГБО СОШ №806 и №121 г. Москвы, и 60 подростков из малого поселения, учащихся Тумской СОШ №46 и МБДОУ «Огонек» г. Тума Рязанской области и МОУ «Большешинарская СОШ им. А.А.Ахунзянова» Республики Татарстан. Общий объем выборки составил 120 человек.

Методики

1.Методика «Кто Я» (М.Кун, Т.МакПартленд).

Цель: определение особенностей структуры и содержания идентичности

2. Методика «Успешный человек» (модификация методики «Кто я», лаборатория психологии подростка ПИ РАО под рук. Т.Д.Марцинковской)

Цель: изучение социального представления об успешности в современном обществе, ценности.

3. Для определения места и значимости разных социальных групп использовалась методика «Структура социальной идентичности» (автор: Г.Р.Хузеева) (Марцинковская, 2015).

Описание результатов

При изучении **структуры и содержания идентичности** с помощью методики М.Куна, Т.МакПартленда «Кто Я» были получены следующие результаты.

Подростки из разных мест проживания стремятся к положительному восприятию собственной идентичности. Около 90% всех определений носят положительный характер и только 10% определений носят амбивалентный характер. Также подростки из разных мест проживания существенно не различаются степенью дифференцированности идентичности. В среднем, подростки используют 9-12 самоопределений.

Анализ содержания образа идентичности показал, что подростки из разных мест проживания различаются содержанием самоописания. Подростки из мегаполиса определяют себя, в большей степени, через личностные характеристики (44% всех определений) и социальные характеристики (41%). Подростки из малого поселения чаще

определяют себя через характеристики принадлежности к определенным социальным группам (55% всех определений), при этом часто используют характеристики личности (40%). При описании социального компонента идентичности подростки используют такие характеристики, как «гражданин РФ», «школьник», «дочка», «внучка», «хороший», «лучшая подруга». Также у подростков из малого поселения больше выражена значимость физических характеристик (18%), чем у подростков из мегаполиса (14%) . По критерию Манна – Уитни подростки из разных мест проживанию значимо различаются (при p<0<05) представленностью социально-ролевых характеристик в содержание идентичности. У подростков из малого поселения в структуре идентичности более выражена социальная идентичность.

При изучении **образа успешного человека**, ценностной сферы подростков из разных мест проживания были получены следующие результаты. Было обнаружено, что образ успешного человека у детей из мегаполиса является более разнообразным и амбивалентным. При описании образа успешного человека подростки использовали в среднем 15 определений, тогда как подростки из малого поселения лишь 9 определений. Большинство подростков, независимо от места проживания, определяют успешность через положительные характеристики и ценности. Наряду с положительными качествами, подростки из мегаполиса характеризуют успешность и с помощью амбивалентных характеристик. Они выделяют такие качества, как «лживость», «многоликость», «умеет выкручиваться». У подростков, проживающих в малом поселении, такие определения практически отсутствовали.

Интерес представляет содержательный анализ характеристик образа успешности с позиции подростков.

Как показали полученные результаты, подростки из разных мест проживания не различаются структурой образа успешности. Все подростки считают, что успешность определяется не групповой принадлежностью, а собственными усилиями (50% всех определений) и определенными личностными качествами (30% определений). При этом у подростков из малого поселения в образе успешности более выражена гуманистическая направленность (15%) и значимость социальной принадлежности (10%).

То есть можно предположить, что у подростков из малого поселения более выражены ценности взаимопомощи и ценности групповой принадлежности. Например, такие характеристики, как: «рад помочь другим», «отзывчивый», «умение понять другого человека», «который думает о других», «заботливый», «преданный», «толерантный».

Исследование **структуры социальной идентичности** у подростков из разных мест проживания показало, что наибольшую значимость, независимо от места проживания,

имеет семья (100% у подростков из малого поселения и 65% у подростков из мегаполиса). Данная характеристика остается стабильной и по сравнению с исследованиями 2013 года (Хузеева, 2013). При этом можно увидеть, что подростки из малого поселения выделяют как наиболее значимую принадлежность к человеческому роду (у 46% подростков из малого поселения и у 20% подростков из мегаполиса), гражданскую принадлежность (у 46% подростков из малого поселения и у 20% подростков из мегаполиса), то есть более широкие, общие группы. Тогда как подростки из мегаполиса выделяют как более значимую принадлежность к определенной возрастной группе (40% подростков из мегаполиса и 7% подростков из малого поселения), группе интересов (40% и 13%), то есть выделяют группы, способствующие большей индивидуализации и обособлению. Также у подростков из мегаполиса более выражена принадлежность к полу (28% из мегаполиса и у 20% подростков из малого поселения) и временная перспектива, в виде большей выраженности значимости профессиональной принадлежности. У подростков из малого поселения более выражена религиозная принадлежность (у 26% подростков из малого поселения и 20% из мегаполиса). Можно предположить, что подростки из мегаполиса стремятся к большей индивидуализации, что подтверждает результаты вышеизложенных методик и прошлых исследований (Хузеева, 2013).

Выводы:

Подростки из разных мест проживания существенно не различаются степенью дифференцированности и положительным характером идентичности. Также не обнаружено существенных различий в структуре идентичности. Подростки используют одни и те же категории самоописания: личностные характеристики, социальные роли, характеристики межличностных отношений, способности, физические качества и характеристики будущего. Чувствительными к показателю места проживания можно отнести характеристики содержания идентичности. Так обнаружено, что дети из малого поселения значимо чаще определяют себя через принадлежность к определенным социальным группам. То есть выраженность социальной идентичности значимо выше. Эта характеристика является относительно стабильной во времени, так как подтверждает результаты, полученные в 2013 году (Хузеева, 2013).

Образ успешного человека у подростков из разных мест проживания имеет как сходства, так и различия. У всех подростков преобладает положительный образ успешного человека, а также ценность активности самого человека, его индивидуальных качеств в достижение успеха. При этом у подростков из мегаполиса отмечается более дифференцированный и амбивалентный образ успешности. Данный результат может быть обоснован более разнообразной средой и большей вариативностью проявления успеха в

мегаполисе. У подростков из малого поселения более выражены ценности взаимопомощи и ценности групповой принадлежности.

Независимо от места проживания семья рассматривается как наиболее значимая группа в структуре социальной идентичности. При этом подростки из разных мест проживания отличаются структурой и содержанием социальной идентичности. Широкие социальные группы, направленные на объединение (гражданин, представитель человечества), имеют большую значимость в структуре идентичности подростков из малого поселения, тогда как группы, направленные на большее обособление (возраст, пол, группа интересов), имеют большее значение для подростков из мегаполиса.

Литература

Андреева Г.М. В поисках новой парадигмы: традиции и старты 21 в. В кн.: Социальная психология в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 9–27.

Марцинковская Т.Д. Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ. Психологические исследования, 2013, 6(30), 13. http://psystudy.ru

Марцинковкая Т.Д. Идентичность и социализация в современном мире. М.: МПГУ, 2015

Хузеева Г.Р. Особенности социального пространства (персонального хронотопа) современных подростков, проживающих в разных условиях./ ж. Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 33(19), 2013

Сведения об авторе

Хузеева Гузелия Рифкатовна. Кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии личности, Институт психологии им. Л.С.Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 Москва, Россия. E-mail: guzeliya.h@yandex.ru ORCID ID: 0000-0002-1104-9489

Khuzeeva Guzeliya R.

L.S.Vygotsky Institute for Psychology, Russian State University for the Humanities, Miusskaya pl., 6, 125993 Moscow, Russia

Keywords: personal and sociocultural identity of teenagers, social context of formation of identity, small and big settlement

Abstract. Results of a research of features of personal and social identity at the teenagers living in small the settlement and the megalopolis are reflected in article. The received results allow to assume that the place of residence as a certain factor of a social context does not affect

the positive nature of identity and its structure. In relation to the place of residence it is possible to carry the content of social identity and feature of the valuable sphere of the teenager to sensitive characteristics. In particular, degree of the importance of various aspects of group accessory in structure of social identity and also degree of a variety of ideas of options of achievement of success in life.

About the author: Khuzeeva Guzeliya R. Ph.D., Senior Research Associate, L.S.Vygotsky Institute for Psychology, Russian State University for the Humanities, Miusskaya pl., 6, 125993 Moscow, Russia. E-mail: guzeliya.h@yandex.ru.

ПОДРОСТКОВАЯ СУБКУЛЬТУРА: ГЕЙМЕРЫ И ПРОБЛЕМА ИХ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ

Гребенникова О.В.

Психологический институт Российской академии образования, Москва

Ключевые слова: субкультура, подростки, геймеры, онлайн-игра, самоактуализация, информационное общество

Аннотация. В современном информационном обществе появился новый вид подростковой субкультуры – геймеры. В субкультуре геймеров можно выделить следующие компоненты: специфические нормы и ценности; традиции; язык и терминологию; символику, которые влияют на формирование мировоззренческих ориентаций геймеров, их социальное поведение и отношение к жизни. Наше эмпирическое исследование было направлено на изучение самоактуализации геймеров, которая играет немаловажную роль в процессе социализации и развития личности подростка. Результаты показали, что геймеры, в отличие от своих сверстников, имеют низкие показатели по шкалам самоактуализации: «поддержки», «гибкости поведения», «сензитивности к себе», «самопринятия», «контактности», «познавательных потребностей», «креативности» и высокие показатели «принятия агрессии», что значительно осложняет процесс их социализации.

Процесс информатизации современного общества и превалирование Интернета в жизни каждого человека привел к формированию новых субкультурных явлений: блогеры, хакеры, геймеры и т. д. Следует отметить, что в нашей стране увеличивается не только число геймеров, но и число программистов – разработчиков игр. Геймер (в

переводе с англ. gamer – игрок), в широком смысле слова - это человек, постоянно играющий в компьютерные игры.

В современном информационном обществе геймерами активно становятся подростки и представители молодежи, но среди них возрастает и количество лиц ранней и средней зрелости, которые активно занимаются бизнесом, имеют семьи. Согласно социологическим исследованиям О.А. Степанцевой, больше всего геймеров среди мужчин, что составляет- 56 % от общего числа опрошенных. Наиболее активными геймерами являются молодые люди в возрасте от 17 до 22 лет. Две трети – 74 % всех опрошенных геймеров - заняты в коммерческой сфере (Степанцева, 2007).

В субкультуре геймеров можно выделить следующие компоненты: специфические нормы и ценности; традиции; язык и терминологию; символику. Геймеры, испытывающие патологическое стремление к компьютерным играм, как правило, имеют проблемы в семье, на работе, в школе, университете, во взаимоотношениях с противоположным полом. Подростки-геймеры часто испытывают трудности в обучении и имеют низкую школьную успеваемость, отсутствие учебной мотивации и коммуникативные проблемы, что требует специальной психологической помощи и поддержки.

Применительно к геймерам в большинстве случаев речь идет о потребности в принятии роли виртуального компьютерного персонажа как компенсации - частичной или полной - утраты способности к адаптации в реальном мире. Геймер стремится войти в роль компьютерного персонажа, а сравнение себя с компьютерным героем усиливает проблемы дезадаптации, повышает тревожность человека, что непосредственно влияет на изменение общего фона настроения вплоть до агрессивных и депрессивных состояний (Прокопова, 2012).

Символика субкультуры геймеров не ярко выражена. За исключением логотипов определенной игры или компании-разработчика игр, а также наиболее популярных изображений персонажей игры (чаще всего в качестве обоев на рабочем столе компьютера), символика как таковая отсутствует, и узнать в человеке геймера можно не по тому, как он одет или какую музыку слушает, а по тому, о чем и как он говорит. Данная субкультура характеризуется наличием специфического языка. Сленг геймеров напоминает сленг программистов, а также слова из иностранных языков (в основном английского, но не исключительно из него).

Компьютерные игры можно разделить как по жанровому признаку – на RPG (от англ. role-playing game «компьютерная ролевая игра»): стратегии, adventure и т.д., так и по тому, сколько игроков может играть в эту игру, т.е. является ли она одно- или многопользовательской (Кропачева, Литвинова, 2013).

Первоначально мультипользовательские игры (а это были в основном RPG) имели весьма ограниченное количество возможных участников и не очень большое игровое пространство, что было связано с малой мощностью компьютеров-серверов. На одном сервере могло быть от 20 до 100 игроков.

Параллельно с существованием таких игр развивались массовые многопользовательские игры. Массовая многопользовательская ролевая онлайн-игра, или MMORPG (от англ. MMORPG – massively multiplayer online role-playing game), – жанр онлайновых компьютерных ролевых игр (ORPG – online role-playing game); в таких играх большое количество игроков взаимодействуют друг с другом в виртуальном мире (в основном, в жанре фэнтези). MMORPG отличаются от однопользовательских и небольших сетевых ролевых игр практически неограниченным множеством игроков, а также виртуальным миром, который продолжает существовать и в отсутствие игрока. (Виртуальный мир поддерживается издателем игры после ее выхода.) Во многих MMORPG игроки имеют возможность создавать внутренние объединения (гильдии, кланы), члены которых могут придерживаться определенной политики по отношению к другим игрокам и объединениям.

Наиболее популярными в настоящее время среди подростков являются такие компьтерные онлайн-игры: Minecraft, Warface, World of tanks, Batlefild 4, Dota 2, Contr strike, World of Warcraft д.р.

Например, в игре World of Warcraft, разработанной и издаваемой компанией Blizzard Entertainment, действие происходит в фэнтезийной вселенной Warcraft. Игра тесно связана с предыдущими играми серии - стратегиями в реальном времени; каждый игрок управляет одним персонажем и может взаимодействовать с другими игроками в общем виртуальном мире. В 2008 году Книга рекордов Гиннесса назвала World of Warcraft самой популярной MMORPG в мире с числом подписчиков свыше 10 миллионов человек. Многие из этих игр имеют ежемесячную платную подписку. Все вышеперечисленные игры изобилуют оружием, агрессивными действиями, продуманной стратегией. Еще одной из наиболее популярных онлайн-игр является игра Roblox, которая была создана компанией Roblox Corporationd в 2006 году и по настоящее время не утратила своей популярности. Возрастная аудитория от 8 до 18 лет. Суть в создании пользователями собственных игр внутри платформы, в самостоятельной разработке дизайна, персонажей и даже сюжета. Одна из целей данного геймплея – сделать свою игру яркой и выдающейся, чтобы другим захотелось посещать ее снова и снова, играть в придуманные вами головоломки и переходить с одного уровня на другой. Чем больше людей посещают вашу платформу, тем больше местной валюты Robux вы получаете.

А.Е. Войскунский указывает, что такого рода ролевые игры являются разновидностью синдрома зависимости от Интернета и шире – «эскапизма», бегства от реальности. Кроме того, если в компьютерной игре всегда имеется ограниченное количество вариантов сюжетов, в MMORPG все зависит от фантазии игроков, игра может быть фактически бесконечной, в ней ничего не предусмотрено заранее (Войскунский, 1999).

Современному обществу с интенсивно развивающимися информационными технологиями необходима личность, которая умеет учиться самостоятельно, способна думать и решать разнообразные проблемы, обладает критическим и творческим мышлением, грамотно работает с информацией, самостоятельно трудится над развитием собственной нравственности, интеллекта, культурного уровня, способна к самоактуализации. Целью нашего эмпирического исследования стало изучение самоактуализации геймеров 15-16 лет.

На первом этапе мы выявляли геймеров среди старших подростков 15-16 лет, запустили мини-опросник в социальной сети «ВКонтакте», где респондентам были заданы вопросы: «Играите ли вы в онлайн-игры?», «Какие онлайн-игры предпочитаете?», «Играите ли вы в онлайн-игры каждый день?» «Сколько по времени вы играете в онлай-игры?». Выборку составили 100 человек, в возрасте 15-16 лет, обучающиеся в образовательных школах г. Москвы.

Мы можем констатировать, что из всех респондентов 35% являются геймерами. Данные пользователи играют в онлайн-игры каждый день и не мыслят жизни без Интернета, среднее количество часов, проведенных за онлайн-играми, -4,5-5 часов. Популярные игры- Contr strike, World of Warcraft. 50% - не против поиграть в онлайн-игры, но делают это не каждый день, максимально 1,5-2 часа. 15% -вообще не играют в онлайн-игры.

На втором этапе исследования мы изучали особенности самоактуализации геймеров 15-16 лет. В качестве диагностического инструментария использовался: Самоактуализационный тест Э. Шострома.

Результаты эмпирического исследования подверглись статистической обработке данных с помощью U-критерия Манна-Уитни, где были выявлены значимые различия (для уровня значимости $p=\leq 0,05$) по следующим шкалам самоактуализации «геймеров» 15-16 лет и современных старших подростков: «поддержки», «гибкости поведения», «сензитивности к себе», «самопринятия», «принятия агрессии», «контактности», «познавательных потребностей», «креативности». Так, «геймеры», в отличие от своих сверстников - старших подростков, несамостоятельны, имеют низкие показатели как

реализации своих ценностей в поведении, так и способности быстро реагировать на изменяющуюся ситуацию. Недостаточно хорошо могут отдавать отчет в своих потребностях и чувствах, рефлексировать их. Геймеры испытывают трудности с принятием себя такими, какие они есть. Однако у них выше показатели, чем у старших подростков, по принятию своей раздражительности, гнева и агрессивности. Геймеры не способны к установлению глубоких и тесных эмоционально-насыщенных контактов, а старшие подростки при этом имеют высокие показатели контактности. Большинство геймеров не стремятся к приобретению знаний об окружающем мире и не обладают творческой направленностью личности, что значительно осложняет их процесс социализации в современном мире.

Литература

Войскунский А.Е. Групповая игровая деятельность в Интернете // Психологический журнал. 1999. Т.20. №1. С.126-132.

Кропачева М.А., Литвинова Е.С. Субкультура геймеров, единая и делимая// Социо-и психолингвистические исследования. 2013. Вып. 1. С. 74-77.

Прокопова А. Кто такие «геймеры» // Психологический центр Макарова. 2012. Режим доступа: http://www.makarova.net. *Нет 1- й буквы инициалов*

Степанцева О.А. «Социальный портрет» геймера // Известия РГПУ им.А. И. Герцена. Аспирантские тетради. СПб., 2007. С. 80-83.

Сведения об авторе

Гребенникова Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия, старший научный сотрудник лаборатории психологии подростка, e-mail: grebennikova577@mail.ru

TEENEGER'S SUBCULTURE: GAMERS AND THEIR SELF-ACTUALIZATION

Grebennikova O.V.

Psychological Institute of the Russian Academy of education, Moscow

Keywords: subculture, teenagers, gamers, online game, self-actualization, information society

Abstract. In the modern information society there is a new kind subculture of teenegers – gamers. In the subculture of gamers we can distinguish the following components: specific norms and values; traditions; language and terminology; symbols. All of the above components affect the formation of ideological orientations of gamers, respectively, on the behavior and

attitude to life. Our empirical research was aimed at studying the self-actualization of gamers, which plays an important role in the process of socialization and development of the adolescent's personality. The results showed that gamers unlike their peers have low rates of self-actualization: «support», «flexibility of behavior», «sensitivity to themselves», «self-acceptance», «contact», «cognitive needs», «creativity» and high rates of «acceptance of aggression», which greatly complicates the process of their socialization.

About author: Grebennikova Olga Vladimirovna, PhD in Psychology, Russian Academy of Sciences Psychological Institute, Moscow, Russia, senior researcher at the laboratory of adolescent psychology, e-mail: grebennikova577@mail.ru

«ФАББИНГ» В СУБКУЛЬТУРЕ ПОДРОСТКОВ[19]

Екимчик Ольга Александровна

Костромской государственный университет, Кострома

Ключевые слова: фаббинг, подростки, субкультура, перемены

Аннотация. В статье анализируется новое, активно распространяющееся явление современного цифрового общества – фаббинг (*phubbing*). Сделана попытка рассмотреть его не как проявление и следствие зависимости от гаджетов, а как особенность подростковой субкультуры. Дается не только теоретический анализ проблемы, но приводятся первые результаты эмпирического исследования фаббинга и его проявлений (число участников исследования - 80 человек). В качестве одного из методов был апробирован Опросник «Фаббинг» (“Phubbing”) Дж. Робертса и др., 2015. Оказалось, что фаббинг больше характерен для подростков и студентов. Масштабы распространения фаббинга и его умеренная связь с интернет-зависимостью характеризуют его, скорее, как проявление субкультуры подростков, нежели одно из расстройств поведения.

Интенсивные изменения в развитии общества способствуют переменам в различных сферах жизни человека. Исследования нового психологического явления цифрового поведения могут и должны быть вписаны в современный социокультурный контекст, в культуру общества. Высокая толерантность к переменам у подрастающего поколения, изменения в жизненном укладе для подростков менее стрессогенны и не требуют от них значительных затрат для адаптации к ним. На наш взгляд, эти перемены

[19] *-исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РФФИ №18-013-01005

происходят вследствии особенностей, прежде всего, подростковой субкультуры, и находят в ней свое отражение.

Т.Д. Марцинковская, опираясь на широкие исследования социализации подростков в транзитивном обществе, отмечает такую закономерность современной подростковой субкультуры: чем моложе субъекты информационной социализации, тем большая доля информации из электронных источников используется ими (Марцинковская, 2015).

Одной из характеристик нового времени является быстрая связь, которая представляет собой социальное явление. Современный человек использует мобильный телефон (смартфон) практически во всех сферах своей жизни. В связи с этим частым предметом исследований в последнее время становятся социальные и профессиональные сети, коммуникация в них. Например, в работе Frampton J. R. и Fox J. показаны особенности развития романтических отношений, опосредованных сетями (Frampton и Fox, 2018). Попытаемся проанализировать: как изменяется субкультура подростков в связи с доступностью гаджетов и их возможностями, в частности, как и почему происходит замена живого общения, общением в социальных сетях.

В подростковой среде само наличие электронного гаджета и его вид, модель определяют популярность и статус подростка. Технический прогресс и увеличение количества смартфонов косвенным образом способствовали возникновению такого феномена в поведении человека как «фаббинг»: (от *phone* – телефон *и snubbing* – пренебрежение). Это социальное явление, характеризующееся злоупотреблением гаджетами в процессе коммуникации с другими людьми, проявление с помощью телефона пренебрежения реальным «живым» общением. Фаббинг распространяется на все сферы межличностных отношений (дружеские, партнерские, детско-родительские): когда человек отдает предпочтение виртуальному общению, пренебрегая реальным, переписываясь в социальных сетях, разговаривая по телефону или используя face-time, стремясь получать лайки и комментарии под своими фотографиями и записями, играть в игры и т.д., имея при этом рядом реального партнера для общения.

Фабберы, скорее всего, не понимают вреда, который они причиняют другим и себе, однако это утверждение должно подвергнуться проверке. Многие их действия, а именно: готовность как можно быстрее ответить на сообщения тех, кто им пишет и звонит, отреагировать на комментарии к своим записям - ведут к игнорированию реального общения, а вместе с тем и личности собеседника, партнера. В отдельных исследованиях (Егоров, 2007) акцентируется внимание на том, что гаджет является неотделимой частью жизни: его отключение или отсутствие вызывает психологический и физический дискомфорт (Корягина, 2006).

В 2013 году термин «фаббинг» стал словом года, включенным в словарь Macquarie Dictionary. Наиболее широкое распространение это явление приобрело в подростковой среде отмечают исследователи (Chotpitayasunondh V., Douglas K. M.): так молодые люди все чаще выбирают электронные устройства, а не живое общение со сверстниками и родителями. Согласно исследованиям Кентского университета, фаббинг является результатом вредных привычек и психологических проблем. Интернет-зависимость, переживания, связанные со страхом пропустить что-то важное, трудности с самоконтролем - все это может привести к зависимости от телефона, а она, тем самым, ведет к проявлению фаббинга в общении (Chotpitayasunondh, 2016; Kryukova, Saporovskaya, 2017).

Причинами появления фаббинга в подростковом возрасте служат дисгармоничные взаимоотношения между родителями и детьми (Егоров, 2007), влияет и пол: женщины и девушки более склонны к нему и чаще его проявляют (Митрёхин, 2017). Фаббер постоянно ищет возможность, чтобы заглянуть в телефон, не пропустить важный звонок или сообщение. Проявления фаббинга в непосредственном общении вызывает негативные состояния: ревность к смартфону, ощущение, что человека променяли на гаджет, раздражение и возмущение, чувство неловкости, брошенности и т.д. (Краснова, 2016).

Проблемные вопросы: является ли фаббинг частью субкультуры подростков или же признаком зависимости от гаджетов как одного из расстройств поведения? Характеризует ли фаббинг в большей мере поведение подростков и юношей, чем людей среднего возраста?

Цель исследования - изучить фаббинга в субкультуре подростков. Объект исследования - подростковая субкультура. Предмет исследования: фаббинг как проявление субкультуры подростков.

Выдвинута гипотеза: фаббинг является проявлением субкультуры подростков и студентов, так как встречается у них чаще, чем у людей среднего возраста.

Выборка: 80 человек из них 25 подростков 16-17 лет (18 девочек и 7 мальчиков, учащихся в общеобразовательном учреждении города Костромы; подростки с мотивацией к обучению, средний балл успеваемости среди класса – 4); 25 женщин в возрасте 36- 38 лет, состоящие в браке, около 90%, работают, матери подростков); 30 студентов в возрасте 18-20 лет. В данном случае группа матерей выступала в качестве контрольной для сопоставления по наличию / отсутствию фаббинга. Женщины вошли в контрольную группу, так как согласно исследованиям, у них уровень фаббинга выше, чем у мужчин (Митрёхин, 2007). С другой стороны, мы предполагаем, что фаббинг является одним из следствий предпочтения цифрового стиля восприятия и переработки информации.

Согласно некоторым исследованиям, у молодежи больше выражена предрасположенность «к цифровому стилю восприятия и переработки информации», чем у людей среднего возраста (Марцинковская, 2018).

Методы: Опросник «Фаббинг» (“Phubbing”) Дж. Робертса и др, 2015 (Roberts, 2015); методика «Интернет-зависимость» К. Янг, 1995 (модифицированный В.А. Лоскутовой (Буровой), 2004), авторская анкета.

Для определения фаббинга и его выраженности мы перевели и апробировали опросник «Фаббинг». Далее сопоставили уровень фаббинга у подростков, студентов и женщин среднего возраста с помощью критерия Краскела-Уоллиса. В ходе сравнения были получены достоверно значимые различия в уровне фаббинга ($H=9,67$, при $p<0,0079$; ср. ранг подростков = 42,7, ср. ранг студентов =48,1, ср. ранг женщин = 29,2). Следовательно, фаббинг более свойствен подросткам и студентам, чем женщинам среднего возраста. Молодежь чаще проявляет пренебрежение к партнеру в непосредственном общении, предпочитая виртуальное. Они проводят большую часть своего времени с помощью гаджетов, боясь пропустить что-то важное, новость или событие. Фаббинг является характерной чертой поведения студентов и подростков, балансирующих между реальным и виртуальным общением.

В основном смартфоны сейчас используют для выхода в Интернет, для проведения времени в социальных сетях. С целью проверки предположения о том, что фаббинг является проявлением зависимости от гаджетов, был проведен корреляционный анализ уровня фаббинга с выраженностью Интернет-зависимости. Была выявлена умеренная прямая связь ($r=0,41$, $p<0,05$). Недостаточная сила связи, низкий уровень ее достоверности не позволяют нам однозначно отнести фаббинг к проявлению зависимости от гаджетов, скорее, это проявление субкультуры подрастающего поколения, связи их поведения с новой цифровой культурой. Подростковый период невероятно сложен, ребенок, взрослея, меняется внешне и внутренне. Именно в этом возрасте подросток пытается самоутвердиться в мире, показать, что он что-либо из себя представляет. В реальной жизни это сделать гораздо сложнее, тем более, если подросток стеснителен. Но в социальных сетях многие становятся более раскрепощенными. При общении через Интернет не нужно смотреть в глаза собеседнику, не нужно переживать за свой внешний вид, что делает такую коммуникацию более привлекательной и безопасной, провоцируя усиление фаббинга в отношении реальных партнеров.

Контент-анализ данных анкеты подтвердил: все респонденты пользуются и имеют при себе сотовые телефоны (100%). Для 32% подростков телефон - необходимое средство для социальных сетей, у 24% - для звонков и выхода в Интернет. Подросткам телефон

нужен преимущественно для выхода в социальные сети. Он помогает им обмениваться информацией, общаться с друзьями, единомышленниками и всегда быть в курсе всего, что происходит в жизни. Когда респондентам задали вопрос «Если Вы забыли телефон дома то…», 33% подростков ответили, что вернутся за ним, 31% ответили, что «чувствуют себя не собранной/ым», «расстраиваются», «как будто оторван/а от мира». Большинству подростков тяжело хотя бы день прожить без телефона, им становится нечем себя занять, например, на “скучных” уроках. На вопрос «В какой ситуации Вы отключаете телефон?»: 38% группы подростков ответили, когда они заняты своими делами, например, «из-за тренировки» или «интересное для меня дело». Только 16% ответили, что отключат свой мобильный телефон тогда, когда будут общаться с кем-то лично. На вопрос: «Как часто Вы проверяете свой телефон?» - 34% ответили «часто».

Получилось, что фаббинг более характерен для подростков и студентов, нежели взрослых женщин. В результате обобщения данных можно сказать, что фаббинг является последствием интенсивного включения подрастающего поколения и молодежи в виртуальное пространство. Подростки действительно пренебрегают живым общением, заменяя его общением посредством телефона. Это показывает не только состояние современной социальной ситуации, когда у каждого молодого человека есть смартфон, который постоянно находится у него в руках, из-за его боязни пропустить что-то новое. Но подтверждает, что именно благодаря гаджетам подросток погружается в свой мир, где он может быть настоящим, не стесняться своих увлечений, туда, где есть его единомышленники. Для субкультуры подростков характерна потребность в принадлежности к группе реальной или виртуальной. Кроме того многофункциональный электронный гаджет позволяет не только выходить в социальные сети, но и удовлетворять целый спектр потребностей подростка за счет мультимедийных приложений, тем самым переключая внимание на себя с реального партнёра по общению. Именно зависимость от гаджетов влечет за собой развитие фаббинга, как пренебрежение живым общением в пользу гаджета, который, на наш взгляд, стал частью подростковой субкультуры. Налицо изменения в сфере взаимоотношений, вызываемые новым цифровым поведением. Фаббинг, по нашему мнению, является одним из негативных последствий цифровизации, так как ведет к изменениям в сфере межличностных отношений, к отчуждению, изучение этой области можно обозначить как перспективы дальнейших исследований.

Литература

Егоров А. Ю. Нехимические зависимости. СПб.: Речь, 2007.

Корягина О.П. Проблемы мобильной зависимости и причины их возникновения // Вопросы психологии. 2006. №1. С. 14-19.

Марцинковская Т.Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.

Марцинковская Т.Д. Психологические аспекты технологического общества // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 62. С. 12. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 08.04.2019).

Мертёхин А.А. Интернет-зависимое поведение и перегрузка информацией / А.А. Мертёхин // Северо-Кавказский психологический вестник. 2012. №10/3. С. 24-27.

Roberts, J.A., David, M.T. My life has become a major distraction from my cell phone: Partner phubbing and relationship satisfaction among romantic partners // Computers in Human Behavior, 2015 [https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.07.058].

Frampton, J.R., Fox, J. Social Media's Role in Romantic Partners' Retroactive Jealousy: Social Comparison, Uncertainty, and Information Seeking // Social Media + Society July-September 2018: 1–12. Vol.: 4 issue: 3 [https://doi.org/10.1177/2056305118800317]

Krasnova H. Why Phubbing is Toxic for Your Relationship: Understanding the Role of Smartphone Jealousy among "Generation Y" Users. Conference Paper / Hanna Krasnova, Isabelle Notter, Olga Abramova // Conference Paper, 2016. [Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/301287646_Why_Phubbing_is_Toxic_for_Your_Relationship_Understanding_the_Role_of_Smartphone_Jealousy_among_Generation_Y_Users]

Chotpitayasunondh V., Douglas K. M. How "phubbing" becomes the norm: The antecedents and consequences of snubbing via smartphone / Varoth Chotpitayasunondh, K.M. Douglas //Computers in Human Behavior, 2016. №63. С. 9-18.[https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.05.018]

Tatiana Kryukova, Maria Saporovskaya (2017). What specific computer games addicted teens` traits may contribute to addictive behaviour? // Journal of Behavioral Addictions. Vol. 6, Number 1, March 2017. (Suppl. 1), pp. 1-74 (2017). P. 28 [http://www.akademiai.com/toc/2006/6/Supplement+1] DOI 10.1556/JBA.6.2017. Suppl.1]

Сведения об авторе

Екимчик Ольга Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии КГУ, olga-ekimchik@rambler.ru

PHUBBING IN TEENAGERS` SUBCULTURE*

Ekimchik Olga

Kostroma State University, Kostroma

Keywords: phubbing, teenagers, subculture, changes

Abstract. The article analyzes a new, actively expanding phenomenon of modern digital society - phubbing. An attempt has been made to consider it not as a manifestation and a consequence of gadgets` addiction, but as a feature of teenages` subculture. The article provides not only a theoretical analysis of the problem, but also presents the first results of an empirical study of phubbing and its manifestations (the sample is 80 people). As one of the methods, “Phubbing” Questionnaire by J. Roberts et al., 2015 was used. It turned out that phubbing is more common for teenagers and students. The extensive spreading of phubbing and its moderate connection with Internet addiction level characterize it, rather, as a manifestation of adolescent subculture, rather than one of the behavioral disorders.

ОСОБЕННОСТИ ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЮНОШЕСТКОЙ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Скрипкина Т.П.

РГГУ, МГОУ, Москва

Ключевые слова: криминальная субкультура, доверительные отношения, доверие к себе, доверие к другим, агрессия.

Аннотация: в статье анализируются основные характеристики криминальной субкультуры и описываются наиболее значимые результаты эмпирического исследования, направленного на изучение особенностей доверительных отношений, а также взаимосвязи особенностей доверия к себе и к другим с агрессией в группах подростков, отбывающих наказание в колонии для несовершеннолетних преступников. Показано, что несовершеннолетние подростки, отбывающие наказание в колонии, переживают кризис доверия, связанный с механизмом «сворачивания» доверия к себе и к другим, а также испытывают неподтвержденность своей личности, что сильно ее деформирует. Доказано, что агрессия выполняет роль компенсаторного механизма, направленного на восстановление доверия к себе у данной группы подростков.

Теоретический анализ исследований системы отношений в юношеской криминальной субкультуре показал, что одной из основных характеристик несовершеннолетних преступников является неподтвержденность их успешности в социальных отношениях. Причины их неуспешности могут детерминироваться множеством самых разнообразных обстоятельств жизни таких, например, как неудовлетворенность отношениями с родителями или в целом сложность семейных отношений; не складывающиеся отношения со сверстниками в силу плохой успеваемости в школе или в силу низкого уровня материальных возможностей семьи для приобретения каких-то трендовых для подростка вещей и т.п. Эта неподтвержденность психологически сильно травмирует подростка, значимо снижает его самооценку и уровень доверия к себе, а также уровень доверия к близким другим. Исходя из разрабатываемых нами теоретических положений концепции доверительных отношений личности, такой подросток будет испытывать чувство несоответствия миру, у него будут «сворачиваться» доверительные отношения не только к себе, но и к другим. Такое «сворачивание» доверия к себе и к другим мы назвали кризисом доверия. Как показано в ряде проведенных нами и нашими учениками исследований, кризис доверия чрезвычайно деформирует личность и толкает ее на самые разные, иногда антисоциальные поступки. Это связано с тем, что подростковый возраст, как известно, считается возрастом становления личностной идентичности, а адекватную идентичность подросток может приобрести, лишь имея более-менее равновесную систему доверительных отношений, где доверие себе по уровню выраженности должно соответствовать уровню доверия миру. Одна из наших теоретических гипотез состоит в том, что криминальные действия, в том числе, агрессивные, могут быть попыткой восстановления соответствия доверия миру и себе одновременно. При этом изолирование от общества в результате наказания за криминальный поступок, будет только подтверждать неуспешность подростка.

Но жить с такими чувствами практически невозможно, они очень травмируют личность, и подросток начинает искать ту часть мира (ту группу), в которой он найдет подтверждение. И с этого момента, как показывает теоретический анализ, начинается криминализация личности.

В связи со сказанным мы предположили, что доверительные отношения в данных группах подростков строятся определенным образом, отличным от подобных отношений в группах их законопослушных сверстников. Согласно разработанной нами концепции доверительных отношений, основными условиями возникновения доверия являются безопасность и значимость. Но в данных группах подростков опираться на оба эти условия одновременно не представляется возможным. Это очень деформирует

доверительные отношения, так как доверять сверстникам, находящимся в этой криминальной системе, не безопасно, а доверять близким взрослым, например, матери – не интересно, а потому не значимо, так как она не является для подростка референтным лицом. Именно эту деформированность системы доверительных отношений будут закреплять нормы и ценности криминальной субкультуры.

Исходя из вышеизложенных позиций, было проведено совместное эмпирическое исследование с Кокуевым А.А., направленное на изучение особенностей системы доверительных отношений в субкультуре несовершеннолетних преступников, отбывающих наказание в колонии для несовершеннолетних преступников.

По нашему мнению, необходимо понимать, что несовершеннолетний преступник, как правило, еще не обладает криминальным мышлением, так как криминальные ценности еще не стали внутренними криминальными смыслами, потому что там, на свободе, как правило, у них есть близкий (и безопасный) круг общения – родители, друзья, подруга и т.п. Но та социальная среда также неоднородна, там есть и тот мир, благодаря которому он оказался в заключении. При этом к криминальной культуре, внутри которой он находится будучи в заключении, будет двойственное отношение, так как, с одной стороны, он не зависимо от своего личного отношения и принятия/непринятия ценностей криминального мира вынужден подчиняться нормам и требованиям данной субкультуры, так как их невыполнение очень опасно различными санкциями, вплоть до физического уничтожения. Но в его социальном окружении есть еще и тюремная администрация, которую несовершеннолетний преступник воспринимает как враждебную, ограничивающую и подавляющую его. Все эти особенности и формируют своеобразие его системы доверительных отношений.

Согласно нашему мнению, у несовершеннолетних преступников, находящихся в заключении, система доверительных отношений не будет носить гармоничного характера, так как лишение свободы предполагает как снижение меры доверия к себе, так и снижение меры доверия к другим. Согласно развиваемой нами концепции, подросток, как любой другой человек, будет стремиться к гармонии в доверительных отношениях: доверие к себе должно более-менее соответствовать доверию к миру. Главный вопрос заключается в том, как подросток будет компенсировать нарушение выраженности доверия к миру и к себе, какие ценности станут для него смыслами: ценности криминальной субкультуры или ценности законопослушного социума. Другими словами, вопрос заключается в том, какую сторону мира он выберет для восстановления гармонии в системе «доверия к миру и доверия к себе». При этом, если он выберет криминальные ценности, то это его, по его мнению, обезопасит в том социуме, в котором он находится.

Но сделать это можно, только значимо увеличив доверие к себе через проявление силы и агрессии.

В этой связи основная задача исследования заключалась в выявлении взаимосвязи доверия и агрессии у несовершеннолетних преступников.

В основную выборку исследования вошли 80 несовершеннолетних преступников, находящихся в воспитательной колонии №4 г. Азова Ростовской области. Все они были осуждены в первый раз. 75% из них, как показал анализ материалов дел, являются выходцами из неблагополучных семей. По характеру совершенных преступлений 51% из них осуждено за имущественные преступления, 22% - за насильственные преступления, 27% осуждены за оба вида преступлений. В качестве контрольной группы выступили 80 курсантов первого курса военного института.

Для решения поставленной задачи использовались следующие методики: шкала общей самоэффективности Р.Шварцера и М.Ерусалема, адаптированная В.Г.Ромеком (9), фрустрационный тест Розенцвейга (10), опросник Басса-Дарки (6) и некоторые шкалы 16 PF Кетелла (7).

Обобщая результаты статистической обработки полученных по всем методикам данных, можно сделать выводы о том, что в группе несовершеннолетних преступников имеют место нарушения в системе «доверие к миру – доверие к себе», по сравнению с законопослушными сверстниками. Верность подобного утверждения подтверждается следующим: а) в более низких показателях фактора G (методики Кетелла), что, по нашему мнению, говорит о пренебрежении общественными стандартами, безответственности, т.е. снижении доверия к миру; б) более низких показателях фактора H, что говорит о неуверенности в своих силах, т.е. о снижении доверия к себе; в) более высокая оценка по фактору O говорит о высоких тревожных ожиданиях по поводу своего существования в социуме; г) более низкий показатель Q2 свидетельствует о несамостоятельности, зависимости от группы и т.д., т.е. о низком доверии к себе. При этом необходимо отметить, что, по мнению А.А.Рукавишникова и Н.В.Соколовой, тенденция к групповой деятельности связана не с общительностью, а с отсутствием инициативы и смелости в выборе собственной линии поведения (7). Иначе говоря, это связано не с повышенным доверием к миру, а с низким доверием к себе и к миру соответственно, что доказывает наличие кризиса доверия; д) низкие показатели фактора Q3 свидетельствуют о неумении доводить начатое дело до конца, неумении преодолевать препятствия, подверженности влиянию различных случайных факторов, высокой импульсивности. Такая подверженность различным случайным влияниям говорит, на наш взгляд, о низком доверии к себе, неуверенности в своих возможностях и силах. Обобщив все

вышесказанное, мы позволили себе сделать вывод о системно нарушенных доверительных отношениях у несовершеннолетних преступников, что выражается, прежде всего, в недоверии к себе и окружающим, как взрослым, так и сверстникам, при сильно фрустрированной потребности в доверии. Вышеназванные факторы имеют тесные корреляционные связи между собой, что позволяет говорить о формировании определенной системы недоверия и враждебности к окружающему миру и низком доверии к себе одновременно. Причинами, порождающими враждебное отношение к миру, могут являться низкая самоэффективность и высокая тревожность у несовершеннолетних преступников. Также в ходе данного эмпирического исследования выявилась значимая положительная корреляция между уровнем доверия к себе и показателем самоэффективности. Данный факт позволяет считать показатель веры в самоэффективность одним из коррелятов доверия к себе. Анализ данных, полученных с помощью теста Розенцвейга, показывает, что преобладающей реакцией на фрустрацию является экстрапунитивная реакция по Эго-защитному типу, что, по нашему мнению, говорит о преобладании агрессивных реакций для защиты своего слабого «Я». Слабое же «Я» может быть обусловлено уменьшением доверия к себе вследствие негативного предшествующего опыта.

В ходе нашего исследования выяснилось, что фактор низкой самоэффективности, как один из индикаторов меры доверия к себе, имеет наибольший удельный вес в системе корреляционных связей между показателями реакций эго-защитного типа, экстрапунитивностью (враждебной агрессии) и самоэффективностью. Это позволяет констатировать, что агрессивные тенденции несовершеннолетних преступников имеют во многом компенсаторный характер. За счет данных тенденций несовершеннолетние преступники пытаются повысить меру доверия как к себе, так и к миру, чем устранить нарушения в системе доверительных отношений.

Приведенный выше теоретико-эмпирический анализ доверительных отношений у несовершеннолетних преступников позволил сделать вывод о том, что доверительные отношения у несовершеннолетних преступников деформированы по сравнению с их законопослушными сверстниками и характеризуются значительным снижением меры доверия как к себе, так и к ближайшему социальному окружению. Доверие к себе и другим у несовершеннолетних преступников не является целостной системой отношений, т.к. и по отношению к себе, и по отношению к лицам из ближайшего окружения данная система не удовлетворяет двум основным универсальным условиям возникновения доверия одновременно – безопасности и значимости (ценности). Можно сказать, что у несовершеннолетних преступников доверие не проявляется полноценно ни к одному из

людей из близкого окружения. Как показали результаты исследования, наиболее близкими для наших респондентов являются друзья и мать. При этом мать воспринимается как безопасная, но не значимая, а друзья не безопасны, но значимы. В связи с тем, что для несовершеннолетних преступников характерно снижение меры доверия к себе, связанное с низкой самоценностью, агрессивные тенденции личности во многом носят компенсаторный характер и являются деформированным способом повышения ценности собственной личности с позиции силы.

Литература

Альберти Р., Эммонс Ф. Самоутверждающее поведение. СПб.: Академический проект, 1998. 190 с.

Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.

Башкатов И.П. Психология групп несовершеннолетних правонарушителей (социально-психологические особенности). М.: Прометей, 1993. 256 с.

Блэкбон Р. Психология криминального поведения. С-Пб.,2003.

Кондратьев М.Ю. Подросток в замкнутом круге общения. М., 1997. М.-Ворнеж, МОДЭК 1997. 336 с.

Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара: Бахрах, 1998. 672 с.

Рукавишникова А.А., Соколова М.В. Факторный личностный опросник Р. Кеттелла. СПб., ИМАТОН 2001.93 с.

Скрипкина Т.П. Психология доверия. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2000. — 264 с

Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология №7, 1996. с. 71-76.

Ясюкова Л.А. Фрустрационный тест Розенцвейга. Методическое руководство. СПб.: ИМАТОН 2001. 119 с.

Сведения об авторе

Скрипкина Татьяна Петровна, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой социальной психологии РГГУ.

FEATURES OF TRUST IN YUNOSHESKOY CRIMINAL SUBCULTURE

Skripkina T. P.

RGGU, the Moscow state open University, Moscow

Keywords: criminal subculture, trust relationship, trust in yourself, trust in others aggression.

Abstract: the article analyzes the main characteristics of the criminal subculture and describes the main results of empirical research aimed at studying the characteristics of trust relationships, as well as the relationship of features of trust in themselves and others with aggression in groups of adolescents serving sentences in the colony for juvenile offenders. It is shown that juvenile adolescents serving sentences in the colony, experiencing a crisis of confidence associated with the mechanism of "folding" trust in themselves and others, as well as experiencing unconfirmed his identity, which greatly distorts it. It is proved that aggression serves as a compensatory mechanism aimed at restoring self-confidence in this group of adolescents.

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Голубева Н.А.

Психологический институт РАО, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

Ключевые слова: виртуальное общение, социальные сети, виртуальное пространство, личное пространство, социальное пространство, современные подростки, современные технологии.

Аннотация. Рассматриваются актуальные тренды использования социальных сетей. Показывается, что специфика использования социальных сетей определяется как когнитивными особенностями, так и эмоциональными составляющими поиска, переработки и передачи информации, а также новыми языковыми формами, которые появляются в интернете и широко распространяются на другие информационные пространства и сферы общения. Представлены результаты исследования отношения к социальным сетям (N = 102). Показано, что Социальные сети являются одной из важнейших частей картины мира современной молодежи. Социальные сети и диджитал

технологии в настоящее время формируют индивидуальное, субъективное пространство современной молодежи, которое начинает доминировать в общей картине мира.

Пространство социализации современного человека заметно трансформировалось, расширилось и усложнилось. Данные трансформации тесно связаны с процессами глобализации, с изменчивостью современной культуры, ценностей, норм. Новый цифровой образ жизни определяется множеством реальных и виртуальных миров, в которых живет современное общество. Резкий скачок в развитии диджитал технологий увеличил количество информационных потоков. Вместе с расширением информационного пространства изменился и процесс социализации. Сетевая виртуальная реальность плотно вошла в жизнь современного общества. Высокая интенсивность диджитал потоков и коммуникации в виртуальном пространстве, окружающих современную молодежь, позволяет говорить об информационном стиле жизни мегаполисов [1; 2]. Особо интересным представляется изучение роли сетевого общения в процессе социализации молодежи в наши дни. Направление и содержание информационной социализации можно определить, исследуя процесс самокатегоризации, или групповой идентичности, современного пользователя. А о приоритетах и интересах человека, о группе идентичности можно смело судить по выбору наиболее предпочитаемого и значимого источника информации [3;4].

Особый интерес в изучении цифрового пространства вызывают социальные сети, популярность их использования тесно связана с потребностью человека в общении и в стремлении видеть перед собой конкретные персонифицированные образы, с которыми можно себя идентифицировать. Социальные сети являются площадкой для самовыражения и презентации себя. Социальные сети открывают бесконечные возможности для экспериментирования со своей идентичностью.

Следуя основным трендам современного общества, живущего в цифровом пространстве, мы решили провести экспресс-опрос среди молодежи, чтобы получить срез по использованию социальных сетей.

Нами был разработан экспресс-опросник, включающий в себя восемь вопросов.

В экспресс-опросе участвовали 102 респондента, данных респондентов мы условно разделили на две группы по возрастному признаку: 64 респондента (17-25 лет) и 38 респондентов (28-37 лет).

Подводя итоги экспресс – опроса, можно выделить основные функции и тренды по использованию цифрового пространства и социальных сетей современными пользователями.

Для молодых пользователей цифровой пространство – это прежде всего социальные сети, так считают 79%. Более взрослое поколение (89%) определяет цифровое пространство как поле своей деятельности. Пространство получения информации и реализации своей деятельности с целью получения выгоды и обогащения, а также упрощения и комфорта. Интересным мы находим факт, что 100% участников считают цифровое пространство продолжением жизни оффлайн, с набором новых функций и возможностей, и не разделяют свой мир на виртуальный и реальный.

Из ключевых преимуществ цифрового пространства пользователи 28-37 лет выделяют возможность самостоятельного выбора соответствующей интересам информации (95%). Выбор настройки фильтров для поисковиков, приложений и социальных сетей таким образом, что можно выбрать определенный контент, канал, подписки , паблики и исключить остальное, что не соответствует сфере деятельности или интересов. С точки зрения технологий, пользователи отмечают свою самостоятельность в выборе, что касается и выбора круга общения, поиска и переработки получаемой информации, использования различных сервисов.

Более молодое поколение (17-25 лет) в отличие от более взрослых выделяет несколько иные важные преимущества цифрового пространства:

1. Быстрая коммуникация. Мгновенный обмен сообщениями, возможность быстро установить контакт (100%);
2. Превалирование визуального ряда (91%);
3. Свобода самовыражения. Возможность создать новую версию себя, побыть кем-нибудь другим или самим собой настоящим (76%);
4. Возможность посмотреть на жизнь и достижения других людей и получить «чужой опыт» (70%).

Исследуя отношение к получаемому контенту, мы зафиксировали следующие результаты. Наблюдается стремление пользователей к получению качественной информации, критерии качества относятся и к отдаваемой информации. Практически все участники опроса (96% всей выборки) отметили, что стараются следить за качеством получаемого контента, при этом контент должен быть систематизирован, структурирован и предоставлен в доступной форме, иными словами для современных пользователей важно не только качество получаемой информации, но и форма ее подачи, умение просто рассказать о сложном.

Стоит отметить важность верификации получаемой информации для пользователей второй группы - 81%. Члены данной группы неоднократно указывали на важность проверки на достоверность получаемого контента.

Мы обратили внимание на активную позицию участников опроса относительно получаемого контента, что касается и его формы, и содержания. В отношении отдаваемого контента почти в 100% случаев наблюдается пассивная позиция. Только 5% участников предъявляют высокие требования к отдаваемому контенту и указывают на важность «грамотности» подачи информации и качественной подборки видеоряда, на углубление в свои профессиональные и личностные качества с целью поделиться собственными достижениями с другими пользователями.

Отдельного внимания заслуживает анализ отношения к социальным сетям. Среди участников двух возрастных групп яркие отличия прослеживаются в функциональном значении социальных сетей. Так для более возрастной группы (100%) Фейсбук не только сервис для установления связей, но и ведущий канал получения интересующей их информации. В данном случае речь не идет о новой информации, а именно о поиске наиболее интересной информации. В Фейсбуке пользователи получают не новую информацию, а ранее полученную информацию в развернутом формате, будь то лекция, видео, прямой эфир, что, в свою очередь, является подтверждением уже сложившихся убеждений/установок. В отличие от ведущих СМИ, социальные медиа дают пользователем то, что они хотят услышать. Такую же функцию пользователи приписывают и телеграмм каналам, акцентируя внимание еще и на тематическом разнообразии.

Иная картина прослеживается в отношении Фейсбука у пользователей 17-25 лет. Все они отметили наличие страницы на данном ресурсе, при этом 92% опрошенных отметили, что не помнят, когда последний раз заходили на свою страницу или «серчили» информацию. Более молодое поколение рассматривает социальные сети как рекреацию и основной функцией сетей считают коммуникацию, конечной целью которой является поднятие настроения, снятие стресса (87%). Для пользователей данной категории важно, чтобы в сети преобладала культура комфорта. «Для меня важно, чтобы мне было комфортно» - на это условие указал практически каждый второй пользователь. По этой причине отмечается повышенный спрос на социальную сеть «ВКонтакте» - сеть перепощенного контента, где пользователи не создают контент, а заливают контент с других ресурсов и активно его используют для поднятия настроения. В основном ВКонтакте – это платформа для общения, скачивания музыки и видео контента (97%).

Лидером по видеоконтенту остается ресурс YouTube (100% всей выборки) и IGTV канал в Инстаграм у группы 17-25 лет (77%). Сохраняют лидирующие позиции такие сервисы, как потоковое видео, прямой эфир среди молодежи (97%). Следуя логике «Живи моментом», молодое поколение отличается наличием интереса и готовностью к изменениям, у них отмечается толерантность к риску и желание экспериментировать. Наличие подобных сетевых ресурсов дает возможность молодому поколению экспериментировать с эмоциями, юмором. Инфраструктура таких ресурсов отражает спонтанность жизни молодого поколения и помогает выработать свои индивидуальный стиль. Больше половины (61%) участников акцентируют внимание на том, что благодаря прямым эфирам, Snapchat пользователь предстает таким, какой он есть со всеми своими нюансами. Сравнивая ленту в Фейсбук, Инстаграм, где в большей части представлены «рафинированные» образы и лучшие моменты жизни, сервисы с потоковым видео показывают более реальную картину миру, где можно поделиться своим состоянием, настроением, независимо от того, хорошо тебе или плохо. Появляется функция «прозрачность». По мнению пользователей, благодаря камере им приходится стримить свою жизнь 24 часа в сутки, показывать всю свою жизнь другим пользователям в режиме онлайн. Как думают активные пользователи, постоянное наблюдение извне, мгновенная оценка твоих действий (лайки, комментарии) делают тебя «лучше». Ты стараешься лучше питаться, быть активным, посещать мероприятия, делиться опытом, заниматься спортом, вести правильный образ жизни и т.д.

Выводы

Полученные данные дают возможность сделать вывод о том, что цифровое пространство различно воспринимается разными поколениями. Так для более взрослого поколения цифровое пространство – это поле деятельности и получения интересующего контента, для более молодого поколения цифровое пространство больше ассоциируется с социальными сетями, функцией которых является коммуникация, улучшение настроения и снятие напряжения. В современных социальных сетях реализуется не только потребность молодежи в информации и контактах, но и в эмоциональном насыщении этой информации и этих контактов.

Социальные сети - субъективное пространство в представлениях современной молодежи. Социальные сети важны, т.к. снимаются многие барьеры, в том числе и социальные.

В условиях транзитивности все больше места в картине мира занимает цифровое пространство, прежде всего социальные сети, блоги. Именно социальные сети играют одну из ведущих ролей в формировании картины мира, потому что расширяют эту

картину и дают пользователю возможность соответствовать современному темпу жизни. Доказательством этому могут служить наше последнее наблюдение-исследование. Мы выделяем несколько важных моментов: уход от контроля, расширение кругозора/обмен информацией.

- Социальные сети являются одной из важнейших частей картины мира современных подростков.
- Можно говорить о том, что именно социальные сети в настоящее время формируют индивидуальное, субъективное пространство современной молодежи, которое начинает доминировать в общей картине мира.
- Значение социальных сетей связано с несколькими факторами:
  - Они помогают снять (или существенно уменьшить) коммуникационные барьеры (и личностные, и социальные)
  - Расширяют картину мира, выстраивая разные представления о реальности.
  - Помогают получить «виртуальный опыт» и принять решение, хочу ли я получить данный опыт в реальности.
  - Дают возможность соответствовать современному темпу жизни.
  - Позволяют «прожить» много разных жизней.

Список литературы

Марцинковская Т.Д. Информационное пространство как фактор социализации современных подростков // Мир психологии. 2010a. N 3. С. 90–102.

Прихожан А.М. Информационная безопасность и развитие информационной культуры личности // Мир психологии. 2010. N 3. С. 135–141.

Голубева Н.А., Марцинковская Т.Д. Информационная социализация: психологический подход [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N 6(20). URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 27.12.11).

*Голубева Н.*А. Феноменология межличностного и межгруппового общения современной молодежи в реальном и виртуальном пространстве // Вестник РГГУ. 2018 N 2(12) С.45-60.

Сведения об авторе

Голубева Наталья Александровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия. E-mail: 9268881525n@gmail.com

PHENOMENON OF SOCIAL NETWORKS IN MODERN DIGITAL SOCIETY

Golubeva N.A.

Psychological Institute, ul. Mokhovaya, 9–4, 125009 Moscow

Key words: virtual communication, social networks, virtual space, personal space, social space, modern teenagers, modern technologies.

Abstract. In this article we study new tendencies of social networks. We show that social networks features are determined by youth's cognitive characteristics, as well as emotional components of search, processing and transmission of information and new language forms, which appear in the web and become widely spread among other information spaces and spheres of communication. We present study results of attitudes to social networks (N = 102). It is shown that social networks have become an important part of a contemporary youth's life. Nowadays social networks form individual, subjective space of young people which begins to dominate perception of a world.

About author: Golubeva Natalya A. Ph.D., Research Associate, Psychological Institute, ul. Mokhovaya, 9–4, 125009 Moscow, Russia. E-mail: 9268881525n@gmail.com

ИЗУЧЕНИЕ ГАРМОНИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ МОЛОДЫХ ТУРИСТОВ-КРАЕВЕДОВ

Мотков О.И.

Институт психологии им. Л.С. Выготского РГГУ, Москва

Ключевые слова: общая культура, гармоничность личности, психологическая культура, туристско-краеведческая деятельность

Аннотация. Развитие общей культуры, качеств разносторонней гармоничной личности детей и подростков – важное направление работы педагогов и родителей. Специальное сравнительное исследование личностных особенностей 53 старшеклассников московской школы с многолетним опытом туристско-краеведческой деятельности (ТКД) и без опыта показало эффективность грамотно организованной ТКД в развитии гармоничности и других сторон их личности. Также изложены результаты исследования, проведенного на Всесоюзных туристских соревнованиях школьников в Таджикистане. Оно показало, что комплексному гармоничному развитию подростков

могут мешать узконаправленные ориентации руководителей туристских групп лишь на спортивные достижения.

Стратегической целью работы педагога и родителя является развитие у детей общей культуры жизнедеятельности, качеств разносторонней гармоничной личности. *Общая культура* человека – это сплав нравственных, эстетических, познавательно-творческих, культурно-психологических и культурно-физических стремлений, ценностей и навыков его личности. Это общечеловеческие, универсальные характеристики, которые позволяют нашему «Я» оптимально организовывать любую деятельность. Ведь *личность* представляет собой управляющий, руководящий и организующий отдел психики. Все ее образования являются мотивационно-эмоциональными. Личность имеет биологическую основу, ею и рождаются, и становятся. Вероятно, имеются изначальные генетические предпосылки для развития и закрепления в психике общекультурных стремлений и схем поведения. Важно помочь детям вовремя актуализировать имеющиеся потенциальные культурные тенденции, поддерживать их разумные инициативы. Иначе иногда начинают преобладать импульсивные акультурные интересы и поступки, которые также изначально присутствуют в ребенке и могут быть реализованы в поведении. Развитая общая культура способствует хорошей адаптации в различных ситуациях, является необходимым внутриличностным условием для самоорганизации гармоничной, интересной жизни, оптимального жизненного функционирования в любой области (Мотков, 2000). *Гармоничность личности* – это оптимальная внутренняя и внешняя согласованность личности, оптимальная выраженность большинства (но не всех!) личностных характеристик. У гармоничного человека преобладают чувства меры, полноты жизни, спокойствия, ощущение интересности жизни, чувство согласия с самим собой и миром в целом. Он ставит себе сложные и подчас трудные задачи, но не сверхтрудные, памятуя о том, что «лучшее - враг хорошего».

В современной школе преобладает узкопредметная информационная ориентация обучения, абстрагированная от запросов ежедневной жизнедеятельности ребенка и вовлекающая в учебный процесс преимущественно вербальный, знаковый язык психики. В отличие от школы предметная деятельность в кружках имеет более выраженный *творческий и преимущественно практический* характер, совершается по свободному выбору, протекает в более благоприятной психологической атмосфере, затрагивает в большей степени образный и наглядно-действенный языки психики.

Задаче развития общей культуры детей и подростков, повышения гармоничности их личности отвечает грамотная *психолого-педагогическая организация туристско-*

краеведческой деятельности (ТКД). Она ориентирует педагога на *комплексное* развитие качеств личности, психики и организма ребенка. ТКД – это система многоцелевых прогулок, экскурсий и многодневных походов, физическая, техническая, познавательная и культурно-психологическая подготовка к которым идет в течение всего учебного года (Остапец, 2000). Предварительно педагоги-руководители групп ставят цели развития отдельных сторон общей культуры ребят: *познавательных* (изучение района путешествия, его природы, истории и т.п.); *нравственных* (развитие чуткости, бескорыстной взаимопомощи в группе, толерантности, коллективизма); э*стетических* (созерцание и изображение красоты природы, архитектуры, людей); *психологической культуры* (саморегуляции эмоций и действий, умений конструктивно общаться; постановки личных самозадач) и *физической культуры* (выносливости, хорошей координации движений, поддержания ровного дыхания и темпа движения на маршруте, и т.п.). Дети также ставят себе *самозадачи* развития каких-либо культурно-психологических качеств.

В походах и прогулках подчас возникают *трудные* и даже экстремальные ситуации. Они предъявляют повышенные требования к физическим, нравственным и познавательным сторонам личности и всего организма юного участника путешествия в условиях *автономной от родителей* жизнедеятельности. Именно эти особенности и делают ТКД привлекательной для большинства детей и подростков. Они чувствуют, что могут развиваться в сторону большей самостоятельности и целостной самореализации лишь при преодолении значительных, но посильных трудностей. Такой интерес детей соответствует положению психолога Р. Кеттела – зрелость личности достигается только путём преодоление трудностей, блокирующих осуществление желаний.

Исследование личностных особенностей 53 школьников 10-ых классов школы № 689 г.Москвы показало *эффективность многолетней ТКД в развитии их общей гармоничности и отдельных сторон личности.* Подростки по собственному желанию круглогодично занимались туризмом и краеведением под эгидой МЭЦДЮТ “Родина” (Остапец, 2000). Главной моей *задачей* было определить специфику влияния ТКД на личность старшеклассников, имеющих опыт нескольких многодневных походов (21 ч.), в сравнении с ребятами той же школы и того же возраста, не занимающихся ТКД (25ч.), а также с начинающими заниматься (7ч.). Выявлялись не только различия в *уровне гармоничности* их личности, но и *частные* ее характеристики. Такое исследование позволило глубже понять развивающие возможности именно туристско-краеведческой деятельности, то особенное, что она может дать для развития личности ребят.

По нашей *гипотезе* комплексно организованная ТКД постепенно оптимизирует личность участвующих в ней школьников, повышает уровень ее гармоничности**.** В

конфигурации качеств личности у опытных туристов будут более выражены, по сравнению с не занимающимися ТКД, такие особенности, как *самооценка гармоничности* своей жизни, а также *сотрудничающий* и *ответственный стили* межличностного общения. Опыт мастеров туризма показывает, что успешное прохождение сложных маршрутов возможно только при налаженном сотрудничестве всех участников похода и при их ответственном отношении к его подготовке и проведению. Для измерения выраженности гармоничности личности использовались авторские методики «Психологическая культура личности» и «Личностная биография» (Мотков, 1998, 1999). Стиль межличностного общения определялся с помощью теста «Диагностика межличностных отношений» ДМО Лири-Собчик (Собчик, 1998).

Результаты исследования показали, что «опытные в ТКД» учащиеся 10-х гуманитарных классов превосходят «не занимающихся ТКД» по выраженности «*психологической культуры*» в целом (она на более высоком качественном и количественном уровне) - важного процессуального аспекта общей культуры и гармоничности их личности (соответственно 3,74 балла и 3,60 б.), и ее отдельных характеристик: «*творчества*» (3,71 б. и 3,20 б.), «к*онструктивности общения*» (3,73 б. и 3,53 б.) и «*самоопределения*» (3,70 б., и 3,53 б.). Также у «опытных в ТКД» выше уровень «*общей конструктивности личности*» (соответственно 3,71 б. и 3,59 б.) и ее важнейшего показателя «*гармоничность личности*» (3,60 б. и 3,41 6.; p=0,08). По фактору «гармоничность личности» у них существенно выше самооценки отдельных ее признаков: «*полноты и гармоничности каждодневной жизни*» (3,62 б. и 3,11 б.), «*гармоничности образа жизни*» (3,76 б. и 3,596 б.), «*позитивности преобладающего настроения, эмоционального тонуса*» (соответственно 3,55 б. и 3,426.). Т.о, доказана гипотеза о существенном влиянии педагогически грамотно организуемой ТКД на развитие гармоничности личности учащихся (Мотков, 2002).

По методике ДМО у «опытных» оказались лучше выражены *склонности к сотрудничеству* с другими (соответственно 8,8 б. и 7,6 б.) и *ответственность-великодушие* в стиле их межличностного общения (9,8 б. и 7,3 б.). Подтвердилась и гипотеза о более высокой выраженности у молодых опытных туристов сотрудничающего и ответственно-великодушного стилей общения. Систематическая ТКД способствует развитию у школьников этих нравственных качеств. «Опытные» в большей степени готовы делать общее дело, помогать другим, больше склонны к проявлению сочувствия и к поиску компромиссов, более искренни, прямолинейны и непосредственны.

По авторской методике «Экспертная оценка гармоничности личности учащихся» экспертом была педагог, преподающая в изучаемых классах, а с ребятами-туристами

ходившая несколько раз в многодневные походы. Она давала намного более объективные оценки гармоничности личности тех школьников, с которыми «съела пуд соли» в походах (высокие прямые корреляции по Спирмену между экспертными оценками и самооценками ребят на уровне значимости p=0,001). Корреляции с данными «не занимающихся ТКД» ниже уровня p=0,05. Педагоги, не имеющие разностороннего опыта общения с детьми, больше ориентируются на их успеваемость, а не на личностные проявления. Они не могут поэтому выступать в роли надежных экспертов в оценке личности учащихся.

Другое исследование, проведенное мною в 1988 году на Всесоюзных туристских соревнованиях школьников в Таджикистане, показало, что гармоничному развитию подростков в ТКД могут мешать *узконаправленные ориентации руководителей* туристских групп *лишь на спортивные достижения* (Мотков, 1990). Изучались особенности развития личности ребят из всех республик СССР - как команд-призеров, занявших первые места, так и остальных команд. Использовался авторский «Вопросник молодого туриста-краеведа». Определялась степень выраженности нравственно-коллективистских, познавательных, спортивных, трудовых стремлений и качеств, интересов к самосовершенствованию в ТКД. Также применялись методы интервью руководителей команд, беседы с их членами, анализ документов. Была выдвинута *гипотеза*: при односторонней ориентации руководителей лишь на высокий спортивный результат ТКД подготовка к соревнованиям будет носить узкий характер с преобладанием физической и спортивной тренировки в ущерб работе по созданию теплой атмосферы в группе, краеведческим мини-исследованиям, развитию психологической культуры и других сторон общей культуры. В итоге это может сказаться на развитии личности ребят, проявится в снижении комплексности и широты ее интересов, ценностей.

Гипотеза подтвердилась : в узко ориентированных на спортивную победу командах у школьников обнаружен *недостаточный уровень нравственного развития*, *познавательных интересов* (к общественно полезной работе на маршруте, к исследовательской работе, к подготовке отчета о походе). Узкая спортивная направленность руководителей команд вела к сужению туристской мотивации у их подопечных. В ней стали преобладать ценности личного успеха и успеха команды. И оказались заторможенными интересы к исследованиям природы, местных обычаев и фольклора, к установлению дружеского общения. Если на маршруте команды иногда бескорыстно помогали друг другу, общались у костра, вместе пели, то на поляне соревнований всё это куда-то исчезало: узкогрупповые интересы вытесняли общечеловеческую взаимопомощь и общение. У призеров наблюдалось и недостаточное развитие коллективистских отношений друг с другом и отношений с руководителем. На

некоторых ребят ложилась повышенная нагрузка в соревнованиях: они «срывались». У них портились отношения с руководителем из-за его давления и жестких требований, усиливалось чувство «загнанной лошади». Ребята проявляли стихийный протест, уходили в себя. Им уже было не до исследовательской и общественной работы – «лишь бы отстали».

Т.о., *члены команд-призеров вовсе не являлись победителями с психологической точки зрения*, так как у них не развивалась общая культура личности, а незаметно формировались лишь честолюбие, групповая мораль и спортивно-технические качества. Их ТКД не являлась комплексной. Следовательно, большую роль в содействии гармоничному развитию молодых туристов в ТКД играют ценности и мотивы руководителя тургруппы: чем они более комплексны, тем скорее мы увидим развитие нравственных, познавательных, эстетических и культурно-психологических сторон личности участников. Такие *общекультурные ценностные ориентации обнаружились в большей мере у руководителей команд, не занявших призовые места.* Члены этих команд хотели подружиться с ребятами из других республик, познать природу гор и увидеть их красоту. По большинству показателей гармоничного развития личности они заняли первые ранговые места, у них в большей мере развиты нравственные, познавательные и эстетические интересы и ценности. Т.о., одной из важных задач развития детей в ТКД является расширение, саморазвитие ценностных ориентаций их руководителей.

Автором были разработаны специальные *курсы развития психологической культуры детей и руководителей* туристских групп и кружков: Программа-минимум психологических занятий педагога с подростками (для воспитанников 14-17 лет), Курс психологической подготовки руководителей туристско-краеведческих кружков, Психологическая работа руководителя ТКД учащихся в предпоходный, походный и послепоходный периоды (Мотков, 1990, 2000). Работа с детьми строится с учетом особенностей их возраста. Особую проблему представляет взаимодействие с «трудными» подростками и построение грамотных действий в разновозрастных группах. Однако очевидно, что следует начинать с привлечения подростков в походы и лишь в ходе подготовки к ним усиливать их мотивацию к познанию природы, к восприятию красоты пейзажей, к улучшению владения своим телом, эмоциями и мыслями, к развитию способов конструктивного общения. В этом помогает *постановка ими специальных самозадач на поход,* ориентированных на развитие каких-либо сторон их общей культуры.

Литература

Кретти Б.Д. Психология в современном спорте. М.: ФиС, 1978 - 224 с.

Мотков О.И. Психол. вопросы развития личности и коллектива учащихся в туристско-краеведческой деятельности/ Сб. мат-лов Всесоюз. н.-пр. конф. Ч. 2. Чапаев, 1990, с.2-12.

Мотков О.И Актуальные ориентации в развитии дополнительного образования и содержание современных педагогических программ / Ж. «Доп. образование», 2000, № 3. С. 11-18

Мотков О.И. Влияние туристско-краеведческой деятельности (ТКД) на развитие личностной гармонии старшеклассников / Ж. «Дополнит. образование», 2002, № 7 (с.3-12) и № 8 (с.11-17)

Остапец А.А. Могучее средство развития личности / Ж. «Доп. образование», 2000, № 2. С. 23-27

Программа «Школа, открытая в мир». М.,ЭЦДЮТЭ «Родина», 1999

Прогулки и здоровое сердце. Амер. ассоциация кардиологов. М.: ВКК, 1997 - 208 с.

Психология развития / Ред. *Марцинковская Т.Д*. М.: Академия, 2001 - 352 с.

Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика. СПб: Речь, 2003

Сведения об авторе

Мотков Олег Иванович, кандидат психологических наук, доцент. Российский государственный гуманитарный университет, Москва oleg1748@yandex.ru

THE STUDY OF THE HARMONY OF THE PERSONALITY OF YOUNG TOURISTS-LOCAL HISTORIANS

Motkov Oleg Ivanovich

Russian State University for the Humanities, Moscow

Key words: General culture, harmony of personality, psychological culture, tourist and local lore activity

Abstract. Development of the General culture, qualities of the versatile harmonious personality of children and teenagers – the important direction of work of teachers and parents. A special comparative study of the personal characteristics of 53 high school students of the Moscow school with many years of experience in tourism and local history (TCD) and without experience showed the effectiveness of well-organized TCD in the development of harmony and other aspects of their personality. The results of the research conducted at the all-Union tourist competitions of schoolchildren in Tajikistan are also presented. It showed that complex harmonious development of teenagers can be prevented by narrowly directed orientations of heads of tourist groups only on sports achievements.

About author: Motkov Oleg Ivanovich, PhD in Psychology, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, oleg1748@yandex.ru

СЦЕНЫ НАСИЛИЯ В СМИ И ПОДРОСТКОВАЯ СУБКУЛЬТУРА

Воробьева К.А.

Институт психологии им. Л. С. Выготского Российского Государственного Гуманитарного Университета, Москва

Ключевые слова: сцены насилия в СМИ, подростковая субкультура, уровень агрессивности, десенсибилизация, личностные образцы и нормы поведения.

Аннотация: Проблема психологического воздействия СМИ носит общепсихологический характер, поскольку любая информация СМИ обрабатывается сознанием, которое задействует когнитивные, аффективные, мотивационные и личностные структуры. Зная особенности восприятия и переработки информации человеком, можно достаточно эффективно манипулировать общественным мнением, не забывая о том тот факт, что к 18 годам ребенок успевает провести перед телевизором больше двух лет жизни. Важно рассматривать как позитивное, так и негативное влияние СМИ и сцен насилия на самочувствие и поведение подростков. Необходимы новые концептуальные и эмпирические исследования проблемы демонстрации насилия в СМИ, учитывающие роль особенностей личности, самооценки, когнитивных и эмоциональных процессов у подростков при восприятии насилия в СМИ, которые были бы выполнены в интегративном ключе.

Не только в популярной, но и научной литературе все больше внимания уделяется вопросу влияния СМИ на подростков. В последнее время особый упор делается на негативную сторону этого влияния: воздействие негативных образов на подростковое сознание и желание подражать «привлекательному» преступнику, возникновение устойчивых страхов у детей (Харрис, 2003).

Е.П. Ильин полагает, что насилие в СМИ является одним из главных факторов, которые влияют на уровень агрессивности и проявление агрессии в обществе (Ильин, 2014).

Берковиц опирался на идею праймин-га (priming): восприятие людьми какого-либо стимула или ситуации запускает процесс вспоминания идей, образов и чувств, которые имеют сходное значение. Они могут активировать определенные формы поведения.

Сцены насилия активируют негативные образы, воспоминания, чувства и модели агрессивного поведения, что может усиливать враждебность и вести к агрессии в реальной жизни (Берковиц, 2007).

Л. Берковиц, Б. Крейхи отметили несколько важных условий, при которых восприятие сцен насилия в СМИ может привести к агрессии: 1) значение, которое приписывает зритель наблюдаемому поведению, — он должен однозначно понимать агрессивную суть наблюдаемых сцен; 2) демонстрация позитивных последствий агрессивного поведения или отсутствие наказания за насилие на экране; 3) отсутствие демонстрации негативных последствий насилия (страдания жертв), изображение агрессии оправданной или преследующей благородную цель; 4) идентификация зрителя с агрессором; 5) неспособность зрителя дистанцироваться от кинонасилия или осознать его нереальность (Берковиц, 2007; Крейхи, 2003).

Л. Берковиц выделяет дополнительно два краткосрочных эффекта насилия в СМИ: десенсибилизацию (эмоциональное притупление) и растормаживание. Десенсибилизация проявляется в том, что частое потребление насилия в СМИ приводит к снижению физиологического возбуждения в ответ на театрализованную и реальную агрессию. Растормаживание предполагает ослабление существующих у зрителя запретов на проявление агрессии. R.J. Harris и F. Sanborn выделяют шесть основных эффектов насилия в СМИ на аудиторию: страх и повышение тревоги, моделирование, сенсибилизация, десенсибилизация и культивация (Харрис, 2003).

В целом в настоящее время интерес исследователей смещается к изучению насилия в Интернете и компьютерных играх. C.A.Anderson и др. провели метаанализ исследований эффектов насилия в видеоиграх, которые могут выступать фактором риска: появляются агрессивные мысли и аффекты, повышается физиологическое возбуждение и растет вероятность агрессивного поведения, снижается сочувствие к жертвам насилия, появляется склонность к просоциальному поведению (Anderson, Bushman, Ihori, Rothstein , Sakamoto, Saleem, Shibuya, Swing, 2010).

C.A. Oswald и др. также изучали субъективный опыт и мотивацию игроков в компьютерные игры в Интернете. Они обнаружили, что испытуемые указывают на положительный эмоциональный опыт, на социальную направленность взаимодействия в игре и развитие целеустремленности. Люди при помощи компьютерных игр в Интернете удовлетворяют потребности личности в автономии, компетентности и связности (Oswald, Prorock, Murphy , 2014).

Исследование S.C. Banerjee и др. показало связь агрессивности, поиска ощущений и склонности к рискованному поведению у студентов колледжей с предпочтением

телевизионных программ и телесериалов с вербальной агрессией (Banerjee , Greene, Krcmar, Bagda-sarovZ, 2009).

С.Н. Ениколопов, Ю.М. Кузнецова изучали личностную агрессивность активных пользователей Интернетом в 2005 и 2011 гг. (Ениколопов, Кузнецова, Чуднова, 2014). Они выяснили, что носители так называемой интернет-культуры не склонны проявлять физическую агрессию, не одобряют насилие в частной и общественной жизни. У них наблюдаются циклотимная акцентуация характера и размытая идентичность, которые могут приводить к агрессии и конфликтности.

С.В. Фадеева обнаружила у подростков связь компьютерной зависимости и предпочтения видеоигр с насилием с высокой агрессивностью, ригидностью, тревожностью и фрустрированностью (Фадеева, 2010).

Т.В. Яковлева изучала связь агрессивности и предпочтений художественных кинофильмов у подростков (Яковлева, 2010). Испытуемые с высоким уровнем наблюдаемой агрессивности чаще выбирали жанры «боевик» и «ужасы». У них оказались выражены гипертимный, возбудимый и демонстративный типы акцентуаций и положительные корреляции по шкалам физической, косвенной и вербальной агрессии (по А. Бассу и А. Дарки).

На характер потребления продукции СМИ влияет социальная ситуация зрителя, слушателя. СМИ могут либо способствовать гармонии и согласию внутри семьи, либо стать разделительным барьером – все зависит от того, как его использовать. Сенситивным периодом для имитация поведенческих паттернов является возраст от 6 до 10 лет. Важным результатом воздействия СМИ на поведение является изменение и формирование агрессивных установок: чем больше насилия наблюдает человек на экране, тем больше он принимает установку на агрессивное поведение, агрессивное поведение все в большей степени воспринимается им как норма. Вследствие чего происходит потеря чувствительности к демонстрации агрессии и насилия в СМИ.

В подтверждение вышеупомянутых фактов, констатирующих воздействие демонстрации сцен насилия на экране, нам бы хотелось привести некоторые результаты нашего исследования, проведенного на кафедре психологии личности Института психологии им. Л. С. Выготского Российского Государственного Гуманитарного Университета с использованием опросника «Тинэйджеры и насилие на экране» (Т. Г. Шахновский, 1997). В исследовании участвовали подростки в возрасте 13–17 лет из полных и неполных семей.

Мы получили данные, указывающие на то, что число подростков, которых привлекают сцены насилия на экране, равно 35%, отрицательно относятся к экранному насилию 25%, не имеют однозначного мнения по этому поводу – 40% .

В качестве понравившихся черт характеров экранных героев подростками были названы не только «решительность» (полные семьи – 38,3%; неполные семьи – 46,7%), «ум» (46,7%; 33,3%), «сила» (30%; 45%), но и «жестокость» (11,7%; 23,3%), значительно уступающая «доброте» в случае неполной семьи (13,3%; 6,7%).

На вышеупомянутых героев подростки хотели бы походить во взглядах на жизнь (полные семьи – 30%; неполные семьи – 55%), в поведении (18,3%; 61,7%), в манере одеваться (36,7%; 38,3%), в профессии (30%; 40%) и в отношении к людям (21,7%; 33%).

Просмотр фильмов и сцен, содержащих насилие, порождает не только негативное отношение к социальным нормам, формирование низкого уровня толерантности, но и облегчает принятие сцен насилия на телеэкране и приводит к идентификации с «героем» телеэкрана, часто демонстрирующим насилие, что способствует викарному научению различным формам агрессивного поведения.

Однако, необходимо отметить, что существует и противоположная позиция, сторонники которой оправдывают насилие в СМИ тем, что насилие является частью и нашей жизни, и нашей культуры, поэтому визуальная демонстрация насилия лишь подготавливает ребенка к жизни в социуме (Ениколопов, 2014).

Средства массовой информации и интернет существенным образом определяют содержательное пространство, в котором происходит социализация современного подростка. Именно они задают те идеальные личностные образцы и нормы поведения, характерные для современной массовой культуры, как образцы и нормы, которые «встраиваются» в подростковую субкультуру.

Обобщая вышесказанное, мы считаем, что наблюдается разнохарактерность исследований, где учитываются внутренние факторы восприятия насилия в СМИ. Это не позволяет построить общую картину взаимодействия когнитивных и аффективных сфер аудитории в связи с насилием в СМИ. Необходимы новые концептуальные и эмпирические исследования проблемы демонстрации насилия в СМИ, которые были бы выполнены в интегративном ключе.

Литература:

Берковиц Л. Насилие в массмедиа // Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. С. 238-280.

Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чуднова Н.В. Агрессивность в эпоху Интернета // Агрессия в обыденной жизни. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 82-92.

Ильин Е.Л. Генезис агрессии и агрессивности //Психология агрессивного поведения. СПб. : Питер, 2014. С. 69-97.

Крейхи Б. Насилие и агрессия в средствах массовой информации // Социальная психология агрессии. СПб.: Питер, 2003. С. 113-147.

Фадеева С.В. Компьютерная зависимость как фактор риска развития агрессивного поведения у подростков // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. 2010. № 3.С. 250-257.

Харрис Р. Насилие: так ли уж безобидны эти драки на экране // Психология массовых коммуникаций. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. С. 299-331.

Яковлева Т.В. Взаимосвязь агрессивности с просмотром художественных фильмов в старшем подростковом возрасте // Научно-теоретический журнал «Ученые записки». 2010. № 6(64).С. 123-127.

Anderson C.A., Bushman B.J., Ihori N., Roth-stein H.R., Sakamoto A., Saleem M., Shibuya A., Swing E.L. Violent video game effects on aggression, empathy, and prosocial behavior in eastern and western countries: a meta-analytic review // Psychological Bulletin. 2010. Vol. 136, no 2.

Banerjee S.C., Greene K, Krcmar M., Bagda-sarovZ. Who watches verbal aggressive show? An examination of personality and other individual difference factors in predicting viewership // Journal of Media Psychology. 2009. Vol. 21, no 1. P. 1-14. DOI: 10.1027/1864-1105.21.1.1.

Oswald C.A., Prorock C., Murphy S.M. The Perceived Meaning of the Video Game Experience: An Exploratory Study // Psychology of Popular Media Culture. 2014. Vol. 3, no 2. P. 110-126. DOI: 10.1037/a0033828.

Сведения об авторе

Воробьева Ксения Андреевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Института психологии им. Л. С. Выготского Российского Государственного Гуманитарного Университета. kseniaprimavera@mail.ru

SCENE OF VIOLENCE IN THE MEDIA AND ADOLESCENT SUB-CULTURE

Vorobyeva K.A.

Institute of Psychology named after L. S. Vygotsky, Russian State University for the Humanities, Moscow

Keywords: scenes of violence in the media, adolescent subculture, level of aggressiveness, desensitization, personality patterns and norms of behavior.

Abstract: The problem of the psychological impact of the media is of general psychological nature, since any media information is processed by the mind, which uses cognitive, affective, motivational and personal structures. Knowing the features of perception and processing of information by a person, one can quite effectively manipulate public opinion, given the fact that by the age of 18 the child has time to spend in front of the TV more than two years of life. It is important to consider both the positive and negative impact of the media and violence on the health and behavior of adolescents. New conceptual and empirical studies of the problem of demonstrating violence in the media are needed, taking into account the role of personality traits, self-esteem, cognitive and emotional processes in adolescents in the perception of violence in the media, which would be performed in an integrative manner.

About author: Vorobyeva K.A., PhD, Associate Professor at the Department of Personality Psychology Institute of Psychology named after L. S. Vygotsky, Russian State University for the Humanities, Moscow. kseniaprimavera@mail.ru

ИНТЕРЕСЫ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Ховрина Г.Б.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Ключевые слова: подростковая субкультура, интересы, содержательное общение

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов исследования сферы интересов современных подростков. По интересам подростки объединяются в группы с целью реализации потребности в общении со сверстниками и с целью самоутверждения. Устойчивые подростковые сообщества, отличающиеся нормами и правилами поведения от мира взрослых и детей, яркие, вызывающие, привлекательные по манере и стилю

одежды перерастают в подростковые субкультуры. Каждое новое поколение отстаивает свои права на образ жизни, свое мнение, вкус и выражение интересов.

Проблема образования подростковой субкультуры рассматривается в контексте особенностей возраста и представляет собой закономерное явление, связанное с изменениями в развитии самосознания, с перестройкой социальной позиции ребенка по отношению к окружающим, родителям, сверстникам. Подростковая субкультура - это способ реализации потребности в общении со сверстниками-единомышленниками, возможность заявить взрослым о наличии собственной жизненной позиции, своего образа жизни, попытка обретения собственных норм поведения и утверждения их в процессе взаимодействия.

Каждое новое поколение стремится к самовыражению, противопоставляя себя миру взрослых. В 60-е годы прошлого столетия сложилась субкультура под названием «Стиляги». Ее представители исповедовали западные принципы свободы самовыражения. Образ стиляги – это была форма отстаивания права на свое мнение и вкус, интерес к западной музыке и музыкальным направлениям, которые в стране считались буржуазными. Собирались они стиляги для времяпровождения, прогулок и вечеринок. В 70-ые годы появились такие молодежные субкультуры, как Хип-хоп, Панки. Хип-хоповцы предпочитали просторную одежду, обеспечивающую свободу движений. Панки критически относились к обществу и политике, боролись с серостью, унынием и однообразием. В конце 70-х появились Готы. Готический имидж предполагает преобладание черного цвета в одежде, использование металлических украшений и характерный макияж. Типичная атрибутика, используемая готами - анх, древнеегипетский символ бессмертия, черепа, кресты, прямые и перевернутые пентаграммы, летучие мыши. Нормальное состояние для готов - «тоска» - достаточно всеобъемлющий термин, которым описывается обычное готическое настроение. Юмор у готов довольно специфичен - это сугубо черный юмор. В это же время стала процветать и музыкально-молодежная субкультура «Хиппи», они пропагандировали возврат к природной чистоте через любовь и пацифизм. В конце 80-х - начале 90-х, во времена «перестройки» и «гласности», в молодежной среде стали появляться новые течения. Это было время Металлистов, Рокеров, Рэпперов, Ролевиков. Двадцать первый век отличается разнообразием оригинальных и самобытных молодежных субкультур: музыкальные, имиджевые, геймеры, анимешники.

В неформальные сообщества подростки объединяются по интересам к музыке, музыкальным направлениям, занятиям спортом, увлечениям или пристрастиям к

элементам моды, дизайну среды или собственному телу. Интересы задают содержание и направление деятельности подростковых сообществ.

Изучение сферы интересов современных подростков по направлениям деятельности - предмет нашего исследования. В исследовании принимали участие учащиеся 7 классов московской общеобразовательной школы. Всего 98 человек. Опрос проводили с помощью «Карты интересов» А.Е.Голомштока.

Анализ результатов опроса показал отсутствие интереса к географии, геологии, юриспруденции, экономике, сфере обслуживания, общественной деятельности, истории, журналистике, сценическому искусству, электро- и радиотехнике.

Высокая степень отрицания интереса зафиксирована к электро- и радиотехнике, строительству, физике, математике, музыке, химии, металлообработке, иностранному языку.

Интерес к дисциплинам естественно-научного цикла (география, геология, химия, физика и т.п.) очень низкий. Из 100% возможных выборов биология получает 1,5% выборов, география – 0,3%, столько же физика и 1,1% - химия.

Интерес к дисциплинам гуманитарного цикла (история, обществознание, литература, педагогика) также очень низкий: из 100% возможных выборов история, литература получают по 0,3%, обществознание, педагогика – по 0,7%.

Интерес к точным и техническим наукам (математика, техника, электро-радиотехника) очень низкий 1,1% из 100% возможных выборов.

Интерес к дисциплинам искусства (музыка, сценическое искусство, изобразительная деятельность) также очень низкий: из 100% возможных выборов на эти дисциплины приходится 1,5%.

Обобщая результаты исследования, можно говорить о том, что у испытуемых данной выборки не выражен интерес к какой-либо области научной деятельности. Нет интереса и к дисциплинам прикладной направленности (легкая и пищевая промышленность, металлообработка, деревообработка, строительство, транспорт, сфера обслуживания и т.п.) – из 100% возможных выборов только транспорт и сфера обслуживания получают по 0,7%, а такие направления, как легкая и пищевая промышленность, металлообработка, деревообработка, строительство, авиация не привлекают внимание учащихся седьмых классов.

Полученные результаты свидетельствуют не просто об отсутствии интереса к какой- либо деятельности, но указывают на то, что у учащихся ярко выражено отрицательное отношение вообще к какому бы то ни было направлению.

Изучение особенностей общения у девиантных подростков (Кравцова Е.Е., Яскевич Г.С., 2007) позволило сделать вывод о том, что те подростки, у которых в общении есть основания считаться неблагополучными, нуждаются, прежде всего, в создании условий для развития конструктивного, содержательного общения. Содержательное общение подростков со сверстниками, по утверждению Кравцова Г.Г. (1999), является основой развития взаимоотношений в группе и стержнем их общения друг с другом. Отсутствие интереса к какой-либо сфере деятельности не способствует построению содержательного общения в подростковой группе, что, в свою очередь, может послужить основанием для возникновения субкультур с криминальным содержанием.

Литература:

Кравцов Г.Г. Преемственность в обучении подростков // Проблемы преемственности и непрерывности в образовании и психическом развитии детей. Москва-Красноярск 1999.

Кравцова Е.Е., Ховрина Г.Б., Яскевич Г.С. Особенности общения девиантных подростков со сверстниками. Девиация и делинквентность: формы социального контроля в образовательном учреждении// Материалы научно-практической конференции, М.: 2007

Key words: teenage subculture, interests, meaningful communication

Abstract. Article is devoted to the analysis of the research results of the sphere of interests of modern teens. The interests of adolescents are grouped in order to realize the need for communication with peers and to assert themselves. Sustainable adolescent communities, differing in norms and rules of behavior from the world of adults and children, bright, challenging, attractive in manner and style of clothing develop into teenage subcultures. Each new generation asserts its right to lifestyle, its opinion, taste and expression of interests.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ИНТЕРЕСОВ СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКА (НА ПРИМЕРЕ ПОДРОСТКОВ-СПОРТСМЕНОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ РАЗНЫМИ ВИДАМИ СПОРТА)

Разина Н.В.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Даньшина Д.С.

Школа № 2103, Москва

Ключевые слова: подросток, мотивация, спортивная деятельность, временная перспектива

Аннотация. Статья посвящена исследованию мотивационной направленности подростков-спортсменов и изучению особенностей их временной перспективы. В работе использовались методики: «Незаконченные предложения» Ж. Нюттена в модификации Д. А. Леонтьева, «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо (англ. Zimbardo Time Perspective Inventory, сокр. ZTPI). В статье представлены результаты диагностики подростков-спортсменов, которые обучаются в спортивных классах по плаванью и самбо. Предполагалось, что у подростков-спортсменов будет преобладать временная перспектива, устремленная в будущее, а мотивационные тенденции будет ориентированы на деятельность, направленную на то, чтобы произвести ожидаемый результат. Однако в результате анализа данных наблюдается сужение временной перспективы, преобладает ориентация на гедонистическое настоящее, основные мотивационные тенденции подростков-спортсменов связаны с аспектами личности субъекта и его деятельности, а также развлечениями.

Теоретико-методологическую основу нашего исследования составили труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные проблеме изучения психологического времени: А.А. Кроник, Е.И. Головаха, К. Левин, Ж. Ньюттен, Н. Н. Толстых, К.А. Абульханова-Славская, Т. Н. Березина, Ф. Зимбардо, и др. А также работы авторов по исследованию особенностей мотивации спортивной деятельности в подростковом возрасте: Пилоян Р.А., Лазарева Г.Ю., Серова Л.К., Попов А.Л., Федотова Е.В. и др.

Профессиональное занятие спортом требует больших усилий, особого подхода к процессу тренировок и специфического психологического настроя. Подростковый возраст в психологии развития рассматривается как один из самых сложных периодов, в котором идет не только активное физическое и половое развитие, но и происходит становление

личности субъекта. Происходят качественные изменения и в мотивационно-потребностной сфере подростка. В спортивной психологии среди актуальных проблем мотивация занимает одно из центральных мест, так как непосредственно связана с достижениями спортсмена. Авторы, занимающиеся вопросом мотивации спортсменов, рассматривают ее как систему непосредственных мотивов, имеющих определенную структуру, и опосредованных мотивов (Волков, 2005, 2002). Непосредственные мотивы выстроены в четкую иерархическую систему. Неустойчивая система мотивов спортивной деятельности может привести к неуспеху и отказу от данной деятельности. В тоже время спортсмен должен быть ориентирован на отсроченный результат, т.е. его временная перспектива не должна ограничиваться настоящим и даже ближайшим будущим. Спортсмен должен видеть как промежуточные цели своей работы, так и стремиться к более масштабным результатам карьеры, которые обращены в будущее.

Исследование особенностей мотивации и временной перспективы среди подростков-спортсменов было проведено в шести спортивных классах по плаванью и самбо, в диагностике приняли участие 125 человек: 16 девушек и 109 юношей в возрасте 12-14 лет. В работе использовались методики: «Незаконченные предложения» Ж. Нюттена в модификации Д. А. Леонтьева, «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо (англ. Zimbardo Time Perspective Inventory, сокр. ZTPI).

В результате диагностики временной перспективы опросником ZTPI было обнаружено, что 86% подростков-спортсменов имеют преобладающую перспективу гедонистического настоящего. Респонденты отдали предпочтение мимолетным удовольствиям, а не будущему и его возможностям. (Хотя у 54% перспектива будущего стоит на втором месте по выраженности, после гедонистического настоящего.) Исследования временной перспективы показывают, что люди с низкой ориентацией на будущее, с преобладающей перспективой гедонистического настоящего склонны к формированию различных зависимостей (Зимбардо, 2010).

В школе, на базе которой проходило исследование, для обучающихся спортсменов созданы особые условия для занятий спортом. Их расписание учебных занятий согласовано с расписанием тренировок, распределение учебной нагрузки предусматривает отсутствие учеников во время соревнований. За успеваемостью спортсменов следят не только учителя, родители, но и тренеры, что создает дополнительное давление на учеников. Часть обучающихся живут в часе и более езды от школы. Таким образом, у подростка остается мало времени для реализации мотивов, не связанных со спортивной деятельностью. Потребности в межличностном общении со сверстниками, установление

интимно-личностных отношений в условиях спортивной деятельности сильно ограничено, а именно эти потребности выходят на первый план в подростковом возрасте.

Преобладание у большинства подростков гедонистического настоящего в свою очередь показывает, что основная масса спортсменов, скорее всего, не нацелена на результат, не думает о спортивном будущем, они, как другие подростки, хотят получать мимолетное удовольствие от жизни, общаться со сверстниками, весело проводить время. Возможно, многие из них продолжают обучение в спортивном классе по желанию родителей, а не их собственному.

Важно обратить внимание и на возможную склонность к формированию зависимостей. Наша выборка преимущественно представлена юношами, которых отдали в спорт родители. В результате бесед с тренерами и классными руководителями обучающихся, выяснилось, что многие дети воспитываются в неполных семья, где мамы столкнулись с проблемным поведением мальчиков и отдали их в спортивную секцию «на воспитание». К сожалению, статистическую информацию по данным характеристикам выборки получить не удалось. Но возможно, что тенденция ориентации на гедонистическое настоящее - не только отражение возрастных особенностей, но и характеристика личности. В таком случае стоит рассмотреть особую модель работы в данном направлении со спортивными классами на уровне школьной психологической службы.

Результаты исследования мотивационных тенденций показали, что у подростков-спортсменов преобладает содержательная перспектива деятельности, направленная на то, чтобы получить ожидаемый результат. На втором месте по частоте употребления находятся социальные контакты, а на третьем - развлечения, игра, досуг. Стоит отметить, что временная перспектива в данной методике практически не превышала рамки месяца, лишь в единичных случаях подростки описывали свои мотивационные направленности, выходящие за границы года и более.

Наши результаты практически соответствуют описанию данных использования методики Нюттена Ж. в российской школе: наиболее часто среди подростков и старшеклассников встречались высказывания, связанные с собственной личностью, с учебной активностью и с общением (Нюттен, 2004).

Чаще всего у подростков-спортсменов встречались высказывания, связанные как раз со спортивной деятельностью: победить на соревнованиях, занять первое место, выиграю и т.д. С одной стороны видна ориентация на основную деятельность, которой они занимаются, с другой стороны у подростков высказывания, направленные на преобразование собственной личности, по частоте употребления не вошли даже в первую

тройку лидеров. Это может говорить о том, что у подростков слабо сформировано представление о своих собственных ресурсах, которые они расходуют на пути к достижению цели. Стоит отметить, что диагностика проводилась за три недели до соревнований у классов самбо, у классов по плаванью ближайшие соревнования должны были состояться через пару месяцев. Может быть, ориентация на ближайшую цель и дала преобладание спортивной активности над собственной личностью, но для дальнейшей работы с подростками-спортсменами стоит учесть, что они слабо ориентированы на свои ресурсы, свои личностные изменения при спортивных достижениях.

Результаты проведенного исследования показали, что подростки-спортсмены имеют преобладающую временную перспективу гедонистического настоящего, что может негативно влиять на их результаты в спортивной деятельности, а также быть маркером группы риска подростков. Временная перспектива будущего подростков-спортсменов ограничена, как правило, не выходит за рамки месяца, очень редко года и более. Мотивационные тенденции в основном направлены на спортивную деятельность, победу в соревнованиях, далее следуют социальные контакты и развлечения. Подростки-спортсмены в меньшей степени описывают мотивы, связанные с изменениями их собственной личности, что может говорить о низкой осведомлённости респондентов о себе, своих ресурсах, личностных особенностях.

Литература

Волкова И.П. Спортивная психология в трудах зарубежных специалистов: хрестоматия/ Сост. И.П. Волков, Н.С. Цикунова. – М.: Советский спорт, 2005, - 284 с.

Волкова И.П. Спортивная психология в трудах отечественных специалистов / И.П. Волков. – СПб.: Питер, 2002, - 384 с.

Зимбардо Ф. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь./ Филип Зимбардо, Джон Бойд; пер. с англ. Яз. Гатановой О. Ю., науч. ред. Гатанов Ю. Б. - СПб : Речь, 2010. - стр. 352.

Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Жозеф Нюттен/ пер. с анг. яз. Е. Ю. Патяевой, Н. Н. Толстых, В. И. Шевяхиной; под ред. Леонтьев Д. А.. - Москва : Смысл, 2004. - стр. 608.

Zimbardo P.G., Boyd J. The Time Paradox: The New Psychology of Time that Will Change Your Life. N.Y.: Free Press, 2008

Сведения об авторах

Разина Н.В. Доцент кафедры педагогики и психологии образования РГГУ, Москва

Даньшина Д.С. Руководитель психологической службы Школа № 2103, Москва

SOCIAL EVOLUTION FEATURES AND INTERESTS OF MODERN TEENAGER (IN CASE-STUDY OF ATHLETES DOING VARIOUS SPORTS)

Razina N.V.

Russian State Humanitarian University, Moscow

Danshina D.S.

Psychological Service School No. 2103, Moscow

Key words: teenager, motivation, sports, time-based perspective

Abstract. This paper presents the evaluation on motivation of teen athletes and the study on their time-based perspective features. For this work we used the following methods: “Motivational Induction Method” by Nutten modified by D.A. Leont’ev, “Zimbardo Time Perspective Inventory” by F. Zimbardo. This paper presents teen athletes’ diagnostic results, who do swimming and sambo. Our assumption was, that the future-orientated time-perspective dominates, and motivation tendencies are focused on producing the expected results. As the result of data analysis, we observe contraction of time-based perspective, hedonistic oriented

present is dominating. Main motivation tendencies are related to personal aspect and it's activity, and entertainments.

About authors:

Razina N.V. Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Education, Russian State Humanitarian University, Moscow

Danshina D.S. Head of Psychological Service School No. 2103, Moscow

ЧАСТЬ 4. КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ СУБКУЛЬТУРЫ

СУБКУЛЬТУРНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ДЕСТРУКЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ[20]

Емелин В.А., Тхостов А.Ш

Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

Ключевые слова: идентичность, субкультуры, постмодернизм, плюрализм, радикализм

Аннотация. В статье обсуждается феномен субкультур в контексте постмодернистской идеологии. В качестве ключевого понятия для характеристики особенностей субкультрных движений используется «плюрализм», который трактуется как основополагающий принцип мировоззрения информационного общества и постмодерной культуры. Реализация принципа плюрализма фрагментирует единое поле культуры на множество суб- и контркультур. Рассматриваются «ловушки» общества «субкультурного плюрализма». Речь идет о невозможности идентификации индивида с устойчивой реальной общностью в плюралистичном мире и, как следствие, его замыкании в придуманной иллюзорной реальности. Отмечается, что возведенная в качестве неоспоримой идея толерантности приводит к диктату меньшинств, права которых зачастую отстаиваются в ущерб интересам большинства. Делается вывод, что сегодня идея субкультур утрачивает свой первоначальный смысл и значение, трансформируясь в поток деструктивных гиперидентичностей, где в основе лежит идея агрессивного противопоставления себя окружающим, ригидность и нескрываемый радикализм.

Принцип плюрализма, введенный в современную культуру постмодернизмом, выражается, прежде всего, в утверждении разнообразия в качестве основного лейтмотива информационного общества. Естественно, разнообразие как характеристика информационного общества воплощается не только в области экономики и технологий: оно пронизывает все сферы общества, изменения в которых могут быть описаны при помощи категорий постмодернистской философии. Утверждение разнообразия как некой фундаментальной основы гарантирует плюрализм, то есть равноправное сосуществование

[20] Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №18-013-01222а «Когнитивно-личностные факторы радикалистских установок и форм поведения».

самых разнообразных позиций, а информационное общество создает реальную почву для реализации этого постмодернистского принципа.

С аксиомой плюрализма неразрывно связаны постмодернистские идеи децентрации и фрагментации, воплощающиеся в информационном обществе. Последнее лишено единого основополагающего центра, вокруг которого вращается вся социальная жизнь. Это в полном смысле «мозаичное общество», то и дело меняющее центры притяжения и отличающееся предельной подвижностью своих связей и зависимостей (Панарин, 1997, с. 246). Некогда монолитные классы распадаются на подвижные социальные группы, с ними индивид себя с трудом идентифицирует. Если еще 30 – 50 лет назад жизненный путь человека и круг его общественных связей определялись в первую очередь тем, к какому классу или социальному слою он принадлежит, и лишь во вторую – его личными способностями, то «многомерный человек» информационного общества может выбирать и строить по своему усмотрению те отношения, в которые он вступает с другими людьми, тем самым последние все меньше и меньше слепо господствуют над ним, как это было в эпоху индустриального капитализма.

Данная тенденция указывает на то, что мир становится терпимей к личным предпочтениям человека: последнему уже больше не надо подстраивать свою индивидуальность под общую идею, он может полноценно жить своей собственной жизнью, выбирая собственный фрагмент культурного пространства в рамках близкой ему субкультуры, не оглядываясь на общепринятые стереотипы. Как писал М. Маффезоли, «можно сказать, хотя бы в гипотетической манере, что homo economicus, устремленный вдаль, к господству над природой, и homo politicus, зачарованный властью и голосующий за или против нее, могли бы уступить место тому, кого можно назвать homo aestheticus, который интересуется прежде всего тем, как ощутить некие эмоции в рамках принадлежности к тем или иным малым группам» (Красильщиков, 1993, с. 172). «Униформа выходит из моды» (Турнье, 1996, с. 98), на смену монохромному обществу «партий», «классов», «рас» должно прийти «техноцветное будущее» (Тоффлер, 1986, с. 280-286) общества разнообразия, где не будет единообразной культуры, а сформируется многообразие разноплановых и максимально близких индивиду субкультур. Но в этих радужных перспективах «культуры субкультур» кроется ловушка, ведь последствия идеологии, отвергающей все принципы и утверждающей лишь один, что все принципы равнозначны, непредсказуемы.

Сегодня вообще затруднительно говорить о какой-то единой модели культуры: существует множество различных культур, субкультур, контркультур и присущих им идентичностей, что и подчеркивает фрагментарную структуру современного общества и

воплощает идеологию постмодернистского плюрализма. Некогда маргинальные субкультуры выходят на передний план, возникает парадоксальная ситуация: меньшинства, будь то национальные, сексуальные, религиозные, в своей совокупности оказываются зачастую в большинстве. Человеку становится все сложнее идентифицироваться с большими и устойчивыми общностями. Как отмечал Ф. Уэбстер, анализируя современные теории информационного общества, «единообразие и похожесть вышвырнуты вон, их заменило разнообразие внутри вида и внутри социальных групп. Ряд исследователей упорно говорят о том, что это приводит к фрагментации идентичности, к утрате стабильности и удовлетворения, для других же – это проявление демократизирующей силы, «которая открывается в новом опыте и новых возможностях, стимулирует «децентрализованное» Я и вызывает эмоциональный подъем» (Уэбстер, 2004, с. 109). М. Кастельс второй том трилогии «Информационная эра» с ярким названием «Власть идентичности» посвятил описанию возникновения автономных идентичностей, идущих вразрез с логикой организующих принципов информационального общества. «Характерным для социальных движений и культурных проектов, построенных на идентичностях в информационную эпоху, является то, что они возникают не в институтах гражданского общества. Они изначально вводят альтернативную социальную логику, отличную от принципов функциональности, на которых построены доминирующие институты общества» (Кастельс, 2004, с. 505). Причем в качестве таких движений могут быть не только социально приемлемые, как феминизм или энвайронментализм, но и деструктивные, в прямом смысле слова контркультурные, сектанские, радикалистские и фундаменталистские движения. «Общественные движения обнаруживают тенденцию к фрагментации, локальности, узкой ориентации и эфемерности, либо погружаясь в свой внутренний мир, либо вспыхивая всего на мгновение вокруг популярного символа. В мире, где происходят столь неконтролируемые и беспорядочные изменения, люди склонны группироваться вокруг первичных источников идентичности: религиозных, этнических, территориальных, национальных (Кастельс, 2004, с. 27)».

Сохранить идентичность сложно, если на смену примата сверхценных и тоталитаризующих мир идей приходит тотальность плюрального обесценивания и толерантности ко всем и вся. В плюрализме и заключается сама суть постмодернизма. В нем же и его «ахиллесова пята». «Мягкий постмодернистский тезис о том, что вертикаль – это горизонталь, а горизонталь, на самом деле, – вертикаль, что все культуры равноправны и равнокачественны независимо от исторической традиции, экономической успешности и количественности, привел к террору меньшинств. <…> Кроме того, идеи политкорректности способны снижать и уровень самого "теоретического рынка". Так

случилось, скажем, с феминистским движением, которое сплошь и рядом порождает слабую и скучную теорию, слабую литературу, слабое искусство. Главная ценность этого движения в том, что оно "правильное"» (Кудряшов, 2016). Следствием постмодернистского плюрализма становится парадоксальная с первого взгляда ситуация, охарактеризованная Нассимом Талебом[21] как «диктатура меньшинства». Смысл заключается в следующем. «Непримиримому меньшинству определённого рода достаточно достичь ничтожно малого размера, скажем, трёх или четырёх процентов от всей популяции, чтобы популяция целиком подчинилась его желаниям. Мало того, дальше создаётся оптический обман: наивному наблюдателю кажется, что выбор по-прежнему зависит от предпочтений большинства. <…> Моральные ценности общества формирует не эволюция консенсуса. Их навязывает самое нетерпимое меньшинство – именно благодаря своей нетерпимости (Талеб, 2016). Строго говоря, если абсолютизировать плюрализм, то следует предоставить равные права и ВИЧ-диссидентам, противникам вакцинирования и пр. «борцам» за ничем не ограниченную свободу.

Радикальная реализация принципа плюрализма и, как следствие, культивирование неограниченного выбора, не может считаться достижением информационного общества и постмодерной культуры, делающим человека счастливей. Для индивида нужный ему выбор не может быть осуществлен в ситуации отсутствия определенных ориентиров, иначе – anything goes - все годится, и положительные моменты плюрализма оборачиваются непреодолимыми апориями анархизма. «Плюрализм субкультур» оказывается простором и пустотой, порожденными постмодернистской свободой выбора. Проблема равнозначности различных ценностных ориентаций фактически делает бессмысленным поиск ориентиров, позволяющих индивиду прожить полноценную, содержательную жизнь, оградив его от бессмысленного блуждания в лабиринте «равных» возможностей. Бесконечность вариантов обессмысливает саму идею выбора. Выбор превращается в игру, человек становится протеем в бесконечности игровых комбинаций текучей идентичности. Отсутствие или даже принципиальная невозможность наличия ориентиров, уравнивание значимости ценностных альтернатив становится основной причиной кризиса и деструкции идентичности в условиях постмодерной культуры информационного общества.

Признавая право на существование различных мировоззренческих позиций, которые зачастую и становятся основами для формирования субкультур,

[21] Американский экономист, изучал влияния случайных и непредсказуемых событий на мировую экономику и биржевую торговлю.

постмодернистская идеология не препятствует, а скорее даже способствует формированию фундаменталистских моделей идентичности, в предельном случае порождая условия для взращивания самых радикальных тенденций. Времена «детей цветов» – пацифистски настроенных хиппи, вставляющих гвоздики в дула автоматов, или киберпанков, отстаивающих принцип свободы циркуляции информации, давно канули в лету. Неограниченная плюралистичность в последние десятилетия породила различные компенсационные виды гиперидентичности, под которой понимается избыточно жесткая, гипертрофированно переоцененная, ригидная однополюсная идентификация с понятной и упрощенной структурой. Речь идет даже не столько о террористах всех мастей и не о религиозных фанатиках всех конфессий, которых, к счастью, пока не так много в обыденной жизни. Тревожно то, что в ткань повседневности все сильней вплетаются какие-то ранее немыслимые фанатики, гики, фрики, фейки, бодимодификаторы – симулякры, которые становятся «героями нашего времени». Можно констатировать, что уже трудно говорить о субкультурах в том смысле, который придавался «битникам» и «хиппи», «панкам» и «рейверам», «хакерам» и «киберпанкам», «готам» и «толкиенистам». Эти субкультуры невинны и отрешены от мира. Сегодня привлекательными оказываются намеренно агрессивные, неадекватно социально ангажированные, откровенно провокативные, неприкрыто манипулятивные и вызывающие общественную реакцию движения – современные альтернативы теряющим свою привлекательность классическим субкультурам. Это могут быть «#МеТоо», «желтые жилеты», «белые каски», «синие киты», «сообщество плоской земли», «трансгуманисты», безусловно, футбольные фанаты и многие другие, постоянно возникающие в калейдоскопе плюрализма метастазы постмодерной культуры. Главное их отличие – *деструктивная идентичность* – культивируемая в той или иной форме радикальность, манифестируемая требовательность и нетерпимость ко всем, кто не разделяет их позицию.

Список литературы:

Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Красильщиков В.А. Ориентиры грядущего: постиндустриальное общество и парадоксы истории // Общественные науки и современность. 1993. №2.

Панарин А.С. Политология. М.: Проспект, 1997.

Тоффлер О. Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.

Турнье М. Тело // Комментарии. М., 1996. №10.

Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.

Электронные ресурсы:

Кудряшов Н.Н. Любим – не любим [Электронный ресурс] // 33 плюс 1. URL: http://www.33plus1.ru/Decor/Fine_Monumental_Art/ARTICLE/KORPUS3.htm. Дата обращения: 31.08.2016.

Талеб Н. Диктатура меньшинства [Электронный ресурс]. 2016. URL: http://sputnikipogrom.com/society/59789/minority-wins/#.WAdPNmckqUk. Дата обращения: 18.10.2016.

Сведения об авторе

Емелин Вадим Анатольевич, доктор философских наук, профессор, факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва.

Тхостов Александр Шамилевич доктор психологических наук, профессор, факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

STRUCTURAL PLURALISM AND IDENTITY DESTRUCTION

Emelen, V.A., Tkhostov, A.Sh.

Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University, Moscow

Key words: identity, subcultures, postmodernism, pluralism, radicalism

Abstract. The present article discusses the phenomenon of subcultures in the context of the postmodernist ideology. “Pluralism” is deployed as a key concept to define the properties of subcultural movements. It is considered to be a fundamental principle of worldview of the information society and postmodern culture. The realisation of the principle of pluralism fragments a unified field of culture into the plethora of sub- and countercultures. The “traps” of the society of “subcultural pluralism” are explored. It is about the impossibility of the individual’s identification with a steady real commonality in the pluralistic world, and as a consequence, isolation in the imagined illusory reality. It is noteworthy that the idea of tolerance raised to be undisputable leads to the dictatorship of the minority whose rights are defended at the expense of the interests of the majority. The conclusion is about that the idea of subcultures forfeits its initial value and meaning, transforming into the stream of destructive hyperidentities whose idea of aggressive opposing themselves to environment, rigidity and the undisguised radicalism underlies them.

About authors:

Emelen, V.A. D.Sc. in Philosophy, Professor, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow. emelin@mail.ru

Tkhostov, A.Sh. D.Sc. in Psychology, Professor, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow. tkhostov@gmail.com

ПРОБЛЕМА ПСИХИЧЕСКОЙ НОРМЫ И ПАТОЛОГИИ В КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: НЕКОТОРЫЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Балашова Е.Ю.

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва Психологический институт РАО, г. Москва

Научный центр психического здоровья, г. Москва

Ключевые слова: психическая норма и патология, клиническая психология, культура, адаптация, общество

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты понимания психической нормы и патологии в современной клинической психологии. Особое внимание уделяется культурно-историческим детерминантам этих категорий. Сопоставляются традиции изучения психической нормы и патологии в отечественной и зарубежной психологии. Автор анализирует определения психической нормы и патологии, достоинства и недостатки их различных интерпретаций. Обсуждается также связь нормы и патологии с процессами адаптации, с культурно-историческими и социальными факторами, возможности квалификации психических явлений разного уровня одновременно и как нормальных, и как патологических. Автор прослеживает исторические детерминанты представлений о психической норме как комплексе определенных личностных черт и нравственных ориентиров. Делается вывод о важности учета культурно-исторических факторов в теоретических и прикладных психологических исследованиях нормы и патологии.

Категории психической нормы и патологии уже более столетия являются важными составляющими понятийного аппарата ряда областей психологической науки и, прежде всего, клинической психологии. При этом, определение психической нормы и патологии, их границ и отношений давно является полем оживленных дискуссий. Сегодня существует множество критериев психической нормы и патологии, принципов их разграничения, предлагаемых разными исследователями. Не претендуя на детальный анализ достоинств и недостатков всех существующих критериев, автору хотелось бы

обсудить лишь один из ракурсов проблемы. Он касается культурно-исторических аспектов некоторых определений этих понятий. Целесообразно уделить внимание вопросу о влиянии культурно-исторических факторов на формирование представлений о норме и патологии в индивидуальном и коллективном сознании.

Анализ проблемы необходимо начать с обращения к значению самих терминов. «Норма» в переводе с латыни - руководящее начало, правило, образец (Философский энциклопедический словарь, 1983). Норма понимается как узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй и, вместе с тем, как установленная мера, средняя величина, характеризующая какую-либо совокупность событий (Ожегов, 1973; Современный словарь иностранных слов, 1992). Таким образом, становится очевидной принципиальная роль социо-культурных факторов в стихийном складывании и/или целенаправленной разработке подобных правил, образцов, установлений. Термин «патология» также имеет ряд значений: его можно понимать как отклонение от нормы, как науку о болезнях или как болезнь (именно так часто истолковывается эта категория в медицине). В философской парадигме «патос» - это испытываемое воздействие, перемена, страдание, страсть (Философский энциклопедический словарь, 1983). Платон и Аристотель связывали «патос» с изменениями души или какого-либо предмета под влиянием внешних воздействий; как душевное переживание, волнение и страсть «патос» в древнегреческой философии противопоставлялся «этосу» - постоянным чертам характера.

Как известно читателю, в психологии существует множество подходов к пониманию психической нормы (Балашова, Ковязина, 2006). Среди них значительное место занимают идеи о связи представлений о норме и патологии с культурно-историческими факторами. Упомянем и прокомментируем некоторые из них.

Одна из таких идей определяет психическую норму как соответствие требованиям культуры. Интересно, что в современной психиатрических руководствах можно найти упоминания о многообразных нарушениях этого соответствия при некоторых психических расстройствах. Вот что писал академик А.С. Тиганов о больных шизофренией: «Меняются и внешний облик больных, манера поведения, обедняется мимика. Последняя, не соответствуя ситуации и переживаниям больного, приобретает неадекватный характер. Больные становятся неряшливыми, неаккуратными, меняется манера одеваться: у одних в одежде преобладает вычурность, нелепость, несоответствие туалетов возрасту и положению в обществе, у других крайняя неопрятность, консерватизм, игнорирование норм этикета. Поведение больного по мере развития болезни становится все менее предсказуемым, нередки неадекватные негативистические

реакции в ситуациях, когда ему оказывают поддержку, стараются помочь» (Руководство по психиатрии, 1999, с. 420).

Однако необходимо понимать, что требования культуры часто разнородны, противоречивы, транзиторны. В современном обществе они носят не императивный, а рекомендательный характер. Они не сформулированы точно ни в вербальном, ни в образном планах и могут очень неоднозначно трактоваться разными людьми в зависимости от их систем ценностей, вкусов и склонностей. Вообще с определенных этапов развития цивилизации культура предполагает индивидуальную вариативность поведенческих норм. Даже ригористические правила, диктуемые некоторыми социальными институтами (например, религиозными или государственными), не являются едиными, непоколебимыми, общепризнанными. Что уж говорить об обычной жизни! Я слышала достоверные свидетельства о том, как в 60-е годы в Останкинский телецентр не пускали женщин в брюках. Приблизительно в это же время для мужчин считалось крайне неприличным прийти на концерт в Филармонию или на театральный спектакль в джинсах и свитере. Я помню, как летом 1980 года, когда в СССР проводились Олимпийские игры, в московское метро не пускали иностранных туристов в шортах. И таких примеров можно привести множество. Приходит на память и случай из 19-го столетия: речь идет о том, что серьезные сомнения в психическом здоровье одного известного французского писателя возникли у его друзей после того, как он вышел встречать гостей без пиджака. И впоследствии эти сомнения подтвердились.

Заметим попутно, что та или иная культура прошлого или настоящего времени может включать проявления, едва ли совместимые с представлениями о психической норме (человеческие жертвоприношения, гладиаторские игры, жестокие гонения на инакомыслящих, рабство и т.д.). Сегодня мы видим, как статистически нормальными могут оказываться особенности психики и поведения, имеющие явный негативный (если не сказать патологический) смысл. Это, например, постоянно прогрессирующие затруднения освоения письма и чтения в младшем школьном возрасте или привязанность многих наших современников к гаджетам и к социальным сетям, часто принимающая формы настоящего зависимого поведения.

И еще вопрос – является ли сегодня психическая норма (или психическое здоровье) персональной или культурной ценностью? Все ли хотят ею обладать? Или предпочтут что-то иное? Увы, заметная часть наших современников явно считает ненормальность внешнего облика или поведения прекрасным способом привлечения к себе внимания окружающих. Более того, сторонники т.н. психосоциальной модели психических расстройств считают, что патологическое поведение не имеет качественных отличий от

нормального поведения; что причины патологического поведения есть следствие настоящих или прошлых социальных условий, определяющих обучение данным формам поведения.

Наконец, современная культура состоит из многих субкультур. И человек, таким образом, оказывается перед сложным выбором: какой субкультуре следовать, чтобы быть психически нормальным? Кроме этого, необходимо осознавать, что квалификация особенностей психики, поведения, личности как нормальных или патологических зависит не только от задаваемых культурой критериев: основные симптомы психических расстройств достаточно сходны в любой культурной ситуации.

Другая идея связана с представлениями о психической норме как о способности к адаптации. Известно, что многие психические и поведенческие расстройства рассматриваются именно как состояния устойчивой дезадаптации. Не следует, однако, забывать о том, что болезнь, в свою очередь, можно рассматривать как форму адаптации к особым условиям существования, как нормальную реакцию на ненормальные (в том числе, социальные и культурные) условия. Более того, в ряде случаев патологические процессы могут быть приспособительными и оставаться ими до тех пор, пока они сохраняют свою защитную функцию (Давыдовский, 1968; и др.). Взгляд на психическую норму как на возможность адаптации имеет и ряд других ограничений. Когда речь идет о социальной и/ или культурной адаптации, необходимо учитывать уже упомянутые выше неоднозначность и даже противоречивость их требований к индивиду. На протяжении жизни большинство людей находится в процессе постоянного поиска той социальной группы или субкультуры, в которых их психологические особенности оцениваются как характерные для психической нормы. В идеале в современных условиях нормальным должен быть признан субъект, не только успешно адаптированный к социальной среде, но и способный к ее позитивному преобразованию. Адаптация не должна быть безграничной и безоговорочной; она должна согласовываться с моральными и этическими критериями (Братусь, 1996). Можно привести много примеров неадаптивного поведения, когда отдельные личности находили в себе мужество активно протестовать против общепринятых социальных правил и установок. Достаточно вспомнить позицию Мартина Лютера (1483-1546) по отношению к ряду догматов католической церкви или публичные проповеди мюнстерского епископа Клеменса фон Галена (1878-1946). В них последний резко критиковал внутреннюю политику гитлеровской Германии, в частности, массовые убийства пациентов психиатрических клиник в рамках т.н. «программы Т-4». Надо полагать, что, как энциклопедически образованный и умный человек, он не мог и не хотел адаптироваться к диктату тех руководителей Третьего рейха, которые, как герой пьесы

Ганса Йоста, когда слышали о «культуре», «снимали с предохранителя свой браунинг», или, как Герман Геринг, присваивали с целью личного обогащения произведения искусства из покоренных стран или принадлежавшие посаженным в концлагеря еврейским коллекционерам.

Психическую норму можно рассматривать как наличие определенных личностных черт, устойчивых нравственных ориентиров. Это подлинная заинтересованность в мире и эмоциональные связи с ним, оптимизм, продуктивность, познавательная мотивация, толерантность к неопределенности, ответственность, самостоятельность, способность к самореализации, к осмыслению и анализу реальности, к свободному осуществлению выбора из различных альтернатив (Фромм, 1992, 1994; и др.). Это неотчуждаемость от общества, осознание собственной неповторимости и связи с другими людьми, отрицание иррациональных авторитетов, восприятие жизни как величайшего блага (Фромм, 1992, 1994). Всемирно известный психотерапевт Альберт Эллис говорил о том, что психически нормальному человеку присущ здоровый эгоизм, общительность и компетентность в общении, терпимость к другим людям, умение радоваться жизни (Эллис, 2002). В рамках данного подхода психическая норма в значительной степени раскрывается через характер многомерных связей человека с социумом. Более того, она выступает как некоторый «идеал», «образец» гармоничной личности. Это не подарок природы; к ней нужно стремиться всю жизнь, прилагая серьезные усилия. Следует подчеркнуть, что некоторые из перечисленных представлений о психической норме и патологии имеют давние культурно-исторические корни. Например, ряд идей Эриха Фромма вызывают в памяти образы «Божественной комедии» Данте, размышления Альберта Эллиса – библейские заповеди. И мы отчетливо понимаем, что представления о норме и патологии начали формироваться задолго до возникновения научной психологии; они являются неотъемлемыми составляющими человеческой культуры и во многом определяют ее развитие. Очевидно, что сегодня теоретические и прикладные психологические исследования психической нормы и патологии невозможны без учета культурно-исторических детерминант этих категорий.

Литература

Балашова Е.Ю., Ковязина М.С. Некоторые аспекты проблемы нормы в клинической психологии // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 112-117.

Братусь Б.С. Душа и пространство нормы // Энергия. 1996. № 7. С. 39-46.

Давыдовский И.В. Методологические основы патологии // Вопросы философии. 1968. № 5. С. 84-94.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1973.

Тиганов А.С. Шизофрения // Руководство по психиатрии в 2-х тт. / Под ред. А.С. Тиганова. М.: Медицина, 1999. Т.1. С. 407-555.

Современный словарь иностранных слов. Под ред. Д.В. Смыслова и др. М.: Русский язык, 1992.

Философский энциклопедический словарь. Под ред. А.М. Прохорова и др. М.: Советская энциклопедия, 1983.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.

Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.

Эллис А. Гуманистическая психотерапия: Рационально-эмоциональный подход. СПб.: Сова; М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

Сведения об авторе

Балашова Елена Юрьевна, факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник кафедры нейро- и патопсихологии, кандидат психол. наук, доцент; Психологический институт РАО, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии подростка; Научный центр психического здоровья, старший научный сотрудник отдела медицинской психологии. E-mail: elbalashova@yandex.ru

PROBLEMS OF MENTAL NORM AND PATHOLOGY IN CLINICAL PSYCHOLOGY: SOME CULTURAL AND HISTORICAL ASPECTS

Balashova E. Yu.

Lomonosov Moscow State University, Moscow Psychological institute of Russian Academy of Education, Moscow

Mental Health Research center, Moscow

Key words: mental norm and pathology, clinical psychology, culture, adaptation, society

Abstract. The article deals with various aspects of understanding of mental norm and pathology in modern clinical psychology. Special attention is paid to the cultural and historical determinants of these categories. Traditions of studying of mental norm and pathology in Russian and foreign psychology are considered. The author analyzes the definitions of mental norm and pathology, advantages and disadvantages of their different interpretations. The connection of norm and pathology with the processes of adaptation, with cultural-historical and social factors, the possibility of qualification of mental phenomena of different levels as both normal and pathological is also discussed. The author considers the historical determinants of

mental norm as a complex of certain personal traits and moral guidelines. The conclusion is made about the importance of taking into account cultural and historical factors in theoretical and applied psychological studies of norm and pathology.

About the author: Balashova E.Yu., PhD (Psychology), leading researcher, Department of neuro- and pathopsychology, Faculty of psychology, Lomonosov Moscow State University; leading researcher, Laboratory of psychology of adolescent, Psychological Institute of Russian Academy of Education; senior researcher, Department of medical psychology, Mental Health Research Center. E-mail: elbalashova@yandex.ru

СИСТЕМНЫЕ (СОЦИАЛЬНЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ) ФАКТОРЫ В ПСИХОТЕРАПИИ ДЕВОЧЕК-ПОДРОСТКОВ, СТРАДАЮЩИХ НЕРВНОЙ АНОРЕКСИЕЙ

Жуйкова Е.Б.*, Печникова Л.С.**, Рыжов А.Л.**

*Психологический Институт РАО, Москва, Россия

**факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Ключевые слова: нервная анорексия, подростки, социо-культурные факторы, психотерапия, системная психотерапия

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния факторов социального окружения на возникновение, динамику развития и лечения нервной анорексии у девочек-подростков. Приводятся данные исследований, констатирующие социо-культурную обусловленность возникновения заболевания, а также исследований небольших социальных групп, которые подтверждают значимость микро и макро социального воздействия на рост рисков развития анорексии. Описывается влияние буллинга в школе и сообществ в социальных сетях на динамику симптоматики при нервной анорексии. Представлены результаты анализа психокоррекционной работы с 13 девочками, страдающими от нервной анорексии, и их семьями, выделены особенности их внутрисемейного взаимодействия, взаимодействия в группе сверстников и в социальных сетях в интернете. Анализируется влияние взаимоотношений в этих социальных группах на динамику симптоматики нервной анорексии, предлагаются мишени психотерапии, обосновывается необходимость работы не только на индивидуальном, но и на системном уровне при оказании помощи.

Нервная анорексия - самое распространенное и тяжелое расстройство пищевого поведения в подростковом возрасте, характеризующееся навязчивым страхом набрать вес, проявляющееся рядом компульсивных действий, направленных на похудение, зависимостью самооценки от массы тела, отсутствием критики своего состояния, в ряде случаев - самоповреждениями в целях самонаказания (Руководство по детской и подростковой психиатрии, 2018). Вопрос о факторах, влияющих на развитие нервной анорексии у подростков, обсуждается специалистами, в том числе, в связи с определением вектора психологической помощи таким пациентам. Традиционно отдельно выделяются наследственные, семейные, индивидуальные и социальные причины возникновения заболевания. Однако все они связаны, например, подростки наследуют черты личности в виде перфекционизма, повышенной тревожности, когнитивной тенденции воспринимать мелкие детали, а не «общую картину», но семья может также выступать в роли фактора среды, так как ребенок воспитывается взрослыми с такими чертами, находясь в рамках особых требований к себе (Руководство по детской и подростковой психиатрии, 2018). Анализируя семейные факторы, исследователи утверждают, что семьи подростков с анорексией имеют ряд дисфункций: отсутствие внутрисемейной поддержки, чрезмерная вовлеченность, трудности с разрешением конфликтов, отрицание и избегание проблем, сложности принятия (The Anorexia Work Book, 2004).

Несмотря на значимость личностных и семейных факторов, нервная анорексия - заболевание, в возникновении которого социо-культурные факторы играют масштабную роль. Специалистами констатируется, что нервная анорексия характерна для «прозападных» обществ, в которых транслируются идеи худобы как условия привлекательности и успешности. Woodside (2003) описал индийских пациентов, считавших причиной своего отказа от еды симптомы со стороны желудочно-кишечного тракта до того момента, как они начинали лечиться в группе с пациентами, страдающими «западной» анорексией, где развивался страх располнеть и беспокойство по поводу образа собственного тела (по Руководству по детской и подростковой психиатрии, стр. 234). Katzman и др. представляют результаты исследования, проведенног на карибском о. Кюрасао, где среди жителей были выявлены отдельные случаи нервной анорексии. Анализ группы этих женщин показал, что все они имеют сходные образ жизни и характеристики идентичности: будучи смешанной расы, они дистанцировались от традиционных ценностей местного населения, часто бывали на Западе, имели высокий уровень доходов и образования (Katzman и др., 2004). Сходные исследования проводились, в Японии, Пакистане и Гонконге. Если ранее нервная анорексия почти не встречалась в традиционных обществах, странах с развивающейся экономикой, странах

восточной культуры, то теперь она становится глобальным заболеванием (The Anorexia Work book, 2004).

Не только принадлежность к прозападной культуре увеличивает риск заболевания нервной анорексии, но и включенность в определенное окружение. Так Bould и др. провели длительное исследование в школах, анализирующее разницу в частотности заболеваний нервной анорексией в различных учебных заведениях. Они сделали выводы: девочки в школах с высокой долей учащихся женского пола и учащиеся с высокообразованными родителями имеют больше шансов заболеть, независимо от индивидуальных факторов риска (Bould и др., 2016).

Таким образом, девочки, воспитывающиеся в обществах и мини-сообществах, для которых характерны идеи высоких требований к внешности, обучению, поведению, где принятие и признание связано с успешностью, больше страдают нервной анорексией. Разнообразные психотерапевтические протоколы, включающие работу по устранению чувства собственной неполноценности пациентки, повышению самооценки, совладанию с навязчивыми мыслями и компульсивными действиями, деконструкции убеждений, связанных с внешностью, являются основой помощи и девочкам-подросткам. Однако при психологической помощи важно учитывать особую значимость в этом возрасте взаимоотношений в социальных группах: в семье, при общении в школе, в компании сверстников, в онлайн-группах в соцсетях.

Сказанное позволяет сформулировать задачу о необходимости учета социального контекста как на макро уровне, так и на уровне микро групп, перед психологической помощью подросткам, страдающим нервной анорексией. Есть данные и о том, что дети, находившиеся в ситуациях буллинга, в дальнейшем чаще были подвержены заболеваниям с нарушениями питания (Copeland и др., 2015). Ряд исследований показал, что подростки с особым отношение к еде сталкиваются с повышенным риском издевательств со стороны своих сверстников (Konkel, 2018). Депрессия, вызванная сложностями взаимодействия со сверстниками, влияет на динамику расстройств питания, поэтому психотерапевтическая помощь не может игнорировать тему отношений в социальной группе, значительных улучшений можно добиться, снизив уровень стресса при общении с ровесниками.

Воздействие на подростка, подверженного нарушениям питания, оказывает и общение в онлайн сообществах, которые поддерживают идеи нарушений питания, прежде всего нервной анорексии (Про-ана). Эти веб-сайты включают форумы и чаты, советы, вдохновляющие тексты, посвященные анорексии, содержат подробные инструкции по инициированию и развитию болезни. Члены Про-ана поощряют друг друга в похудении и создании социальной среды, которая не осуждает голодание, а поддерживает и укрепляет

неупорядоченное поведение. Gailey провела исследование входящих в эти сообщества и констатировала, что подобные группы помогают усиливать контролирующее поведение, женщины принимают риски для здоровья более осознанно и уверенно, опираясь на субкультуру, развиваемую в Про-ана (Gailey, 2009).

Весь этот спектр значимого общения подростка в различных социальных группах имеет влияние как на развитие идей, поддерживающих нервную анорексию, так и на совладание с ними. В нарративном подходе предлагаются идеи «сопротивления» навязываемым социумом дискурсам о внешности и успешности (Maisel, Epston, 2004). Поэтому важны исследования и анализ психологами того, как идеи принятия и подтверждения самоценности связываются с внешним видом в окружающей подростка социальной среде, как они транслируются, как он может им противостоять, как развивать в общении альтернативные ценности, не будучи исключенным из сообщества сверстников.

Нами проведено исследование психокоррекционной работы с девочками, страдающими от нервной анорексии, и их семьями. Проанализированы материалы психотерапии, которая проводилась с 13 семьями, возраст девочек от 13 до 18 лет. В ходе психокоррекционной работы, среди прочего, анализировалось влияние значимых социальных групп на динамику состояния девочек (самоотношение, восприятие себя и собственного тела). Были выделены три вида социальных систем, взаимодействие в которых может ухудшать или улучшать темп изменений и совладания с симптоматикой: (а) семейная система; (б) группа сверстников; (г) онлайн группы общения. Взаимодействие в семейной системе характеризовалось следующими особенностями:

(1) Напряжение в родительской подсистеме, с триангуляцией девочек по взаимоотношениям родителей, с использованием тем, связанных с питанием. Один из родителей в ходе лечения мог менять стратегию, отходя от договоренностей с врачами, предлагать девочке отказаться от лечения или обесценивал его, обвинял другого родителя в возникновении проблем, приведших к нервной анорексии, саботировал выработанный режим питания, подвергал сомнениям компетентность второго родителя.

(2) Нарушения внутрисемейных коммуникаций вокруг тем питания и внешности, выражавшиеся в двойственных сообщениях, оценке внешнего вида, иронии, коммуникативные послания могли быть как в адрес ребенка, так и исходить от него.

(3) Высокий уровень давления на подростка в виде насильственного питания, шантажа и манипуляциями, сочетающийся с периодами эмоционального дистанцирования и невключенности в процесс питания. Давление со стороны ребенка на родителей в виде обвинений, инициации чувства вины, угроз усиления симптоматики.

Взаимодействие в группе сверстников (как правило, в школе) характеризовалось:

(1) Стигматизацией состояния девочки, вплоть до буллинга, выражающегося в дистанцировании сверстников, отказа от общения, изоляции, обесценивания на основе внешнего вида или указания на диагноз, в некоторых случаях обвинения в обмане вместе с обесцениванием («ты не настоящая анорексичка, мы видели, как ты ешь»; «думаю, (другая девочка) больше анорексичка, чем ты, она более худая» и т.д.) В ряде случаев в эти процессы были включены родители и учителя, публично обсуждающие состояние девочки (например, в родительских чатах: «родители, обратите внимание, А. страдает нервной анорексией и может агитировать ваших детей сесть на диету»).

(2) Наличием групп общения по интересам, связанных с похуданием, включавших до половины девочек класса, соревнованиями, посвященными снижению веса, обсуждению реакции семей, взаимодействий с психологами.

(3) Включение темы внешности и похудания в процесс образования пар, развитие романтических отношений, подросткового флирта ((в компании мальчик) «встаньте все рядом, я буду на глаз определять, сколько каждая весит»).

(4) Увеличение напряжения и обсуждение темы питания в группе в ситуациях совместной еды при загородных выездах, праздновании дней рождения со сладким.

Взаимодействие в онлайн группах (преимущественно в ВКонтакте):

(1) Обсуждение внешности девочки посетителями личной страницы на основе выложенных фотографий, подстегивание к регулярному выкладыванию фотографий и селфи.

(2) Создание «бесед», посвященных теме питания и похудания, в которых развиваются идеи, поддерживающие симптоматику нервной анорексии, романтизирующие психические заболевания.

(3) Установление в качестве значимых фигур блоггеров, развивающих идеи связи успешности и внешности, участие в онлайн марафонах по похуданию, «воспитанию стойкости», нередко также участие или наблюдение за прямыми эфирами, где демонстрируются самонаказания или манипуляции с телом.

Такие особенности взаимодействия подростков с нервной анорексией в различных социальных системах требуют их учета при психологической помощи.

(1) Необходима комплексная психотерапия, включающая работу с системой, прежде всего, с семьей, так как системные процессы могут включать симптоматику нервной анорексии (при родительском конфликте, нарушениях коммуникации и др.). Наряду с этим личная психотерапия с подростком не менее важна и должна быть направлена на развитие собственной идентичности, дифференциации. В некоторых случаях необходимо вмешательство с участием родителей и специалистов, а также и в

системы взаимодействия сверстников, направленное на снижение напряжения и стресса, влияющее на состояние девочки.

(2) Важны выделение стрессовых ситуаций и рефлексия для подростков, страдающих анорексией, и развитие у них способности противостоять агрессивным действиям и клммуникациям.

(3) Использование элементов когнитивной и нарративной психотерапии необходимо при разделении «фактов» и «личного мнения людей», регуляции интенсивности «негативных» мыслей.

(4) Необходимо повышение коммуникативной компетентности девочек, страдающих анорексией, развитие у них навыков совладания с конфликтными ситуациями и умения реагировать на дисфункциональные послания.

(5) Одно из эффективных направлений - создание окружения с идеями анти-анорексии, развитие отношений в таких противопоставленных данной симптоматике сообществах, в том числе, в соцсетях.

Тот факт, что нервная анорексия является заболеванием, тесно связанным с социально-культурным контекстом, социальными группами, куда входит подросток, находит недостаточное отражение в ходе психотерапевтической практики, которая нередко лишь опосредованно может работать с системами. Возможности позивитиной динамики в лечении нервной анорексии у подростков с помощью изменений в социальном окружении девочек требуют дальнейшего изучения и наращивания объема данных, полученных в результате практики психологической помощи.

Литература

Руководство по детской и подростковой психиатрии: в 2 т.// под ред. Дж. М. Рея. К.: Горобец, 2018. Т.1

Bould H., Stavola B. D., Magnusson C., Micali N., Dal H., Evans J., Dalman Ch., Lewis G., The influence of school on whether girls develop eating disorders//International Journal of Epidemiology. V. 45, I. 2, April 2016, pp 480–488.

Copeland W.E., Bulik C., Zucker N. L., Wolke D., Lereya S. T., Costello E.J. Does Childhood Bullying Predict Eating Disorder Symptoms? A Prospective, Longitudinal Analysis//International Journal of Eating Disorders. V. 48(8). Sept 2015.

Gailey J.A. Starving Is the Most Fun a Girl Can Have: The Pro-Ana Subculture as Edgework//Critical Criminology, 17(2), Jun 2009, pp.93-108

Katzman M. A., Hermans K.M.E., Hoeken D. V., Hoek H. W. Not Your “Typical Island Woman”: Anorexia Nervosa is Reported Only in Subcultures in Curaçao// Medicine and Psychiatry, 2004, Vol. 28, I. 4, pp 463–492.

Konkel L. Teens with eating disorders can find themselves bullied// Science News for Students, Jun 29, 2018.

Maisel R., Epston D. Borden A. Biting the hand that starves you: Inspiring Resistance to Anorexia/Bulimia. NY: W.W. Norton&Company, Inc. 2004.

The Anorexia Workbook: How to Accept Yourself, Heal Your Suffering, and Reclaim Your Life. Heffner M., Eifert G.H. Oakland: New Harbinger Publications, Inc. 2004.

Сведения об авторах

Жуйкова Екатерина Борисовна. Научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия. E-mail: e.b.zhuykova@gmail.com

Печникова Леонора Сергеевна. Кандидат психологических наук, доцент, кафедра нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия. E-mail: pech56@mail.ru

Рыжов Андрей Леонидович. Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, кафедра нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия. E-mail: andrey.ryzhov@gmail.com

SYSTEMIC (SOCIAL AND FAMILY) FACTORS IN PSYCHOTHERAPY OF ADOLESCENT GIRLS SUFFERING FROM ANOREXIA NERVOSA

Zhuykova E.B.*, Pechnikova L.S.**, Ryzhov A.L**

*FGBNU "Psychological Institute of Russian Academy of Education", Moscow, Russia

**Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Key words: anorexia nervosa, adolescents, socio-cultural factors, psychotherapy, systemic psychotherapy

Abstract. The article analyzes the influence of social environment factors on the emergence, dynamics of development and treatment of anorexia nervosa in adolescent girls. The article presents the data of studies, stating the socio-cultural conditionality of the disease, as well as

studies of small social groups, which confirm the importance of micro and macro social impact on the growth of risks of anorexia. The influence of bullying in school and communities in social networks on the dynamics of symptoms in anorexia nervosa is described. The results of the analysis of psychotherapy with 13 girls suffering from anorexia nervosa and families are presented, the features of their intra-family interaction, interaction in a group of peers and in social networks on the Internet are highlighted. The influence of relationships in these social groups on the dynamics of symptoms of anorexia nervosa is analyzed, the targets of psychotherapy are proposed, the need to work not only on the individual but also on the systemic level in the provision of assistance is substantiated.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ДЕТСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Бурлакова Н.С.

ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии, Москва

Олешкевич В.И.

ГБУЗ «НПЦ ПЗДП им. Г.Е. Сухаревой ДЗМ», Москва

Ключевые слова культурно-историческая клиническая психология, проблема нормы и патологии, расстройства развития, социальные группы, субкультура, самоидентичность, социальная помощь, самопомощь

Аннотация. В статье разрабатывается культурно-исторический подход к детской клинической психологии. Рассмотрены возможности развертывания клинической истории пациента в социальные пространства, организующие психическое развитие в норме и патологии. На основе такого подхода к идентификации социальных структур, инициирующих расстройства развития, показаны возможности интеграции клинической, возрастной и социальной психологии. Обсуждаются новые возможности разработки прикладной культурно-исторической детской клинической психологии в современном информационном обществе, формы оказания психологической помощи в клинике и за ее пределами, переходящей в самопомощь внутри специально организованных субкультур пациентов и их родителей.

Сегодня становится все более очевидным тот факт, что норма и патология психического развития являются историческими конструкциями. В связи с быстрыми

изменениями течения исторического времени в последние годы отношения нормы и патологии достаточно быстро изменяются (Балашова, Ковязина, 2016), так что то, что ранее было патологией, сегодня становится уже нормой. В настоящий момент в различных социальных слоях общества и различных субкультурах встречаем разнообразные внутренние представления о нормальном и отклоняющемся развитии. Такое изменение как нормы, так и расстройств развития в современном обществе требует именно культурно-исторического анализа концепций нормы развития и отклонений от нее.

Собственные исследования показывают, что существуют различные направления нормативных трансформаций, которые связаны с развитием новых социальных групп, разными направлениями социальной эмансипации и формированием новых субкультур в обществе (Бурлакова, 2012; 2013, 2016 и др.). Последние могут иметь разнообразные ориентации, начиная с подражания избранным образцам западного образа жизни и заканчивая чисто экспериментальными направлениями субкультурных движений. В этом отношении, в частности, нормы развития ребенка разрабатываются в различных культурных и ценностных направлениях, определяющих не только нормы развития ребенка, идеальные типы отношений к нему, но также и характерные типы отклонений развития, присущих этим социальным группам и субкультурам. Например, общеизвестно, что характер отклоняющегося развития детей формируется характерными стилями воспитания и отличает группу избалованных детей из высокообеспеченных семей от группы безнадзорных и заброшенных детей. Но сегодня обнаруживаются особые группы избалованных детей в высше-средней социальной страте, которым соответствуют определенный образ жизни, представления о ребенке, отношения к нему, что можно субкультуры можно разглядеть типичные проблемы развития ребенка (Бурлакова, Давидович, 2015). Подобных социальных и культурных групп в российском обществе много, причем они могут осознавать себя как особые субкультуры, артикулирующие специфические ценности, образ жизни, представления о ребенке и пр.

Культурно-исторический анализ развития ребенка внутри таких социальных групп и субкультур позволяет реконструировать не только особые для этих групп нормы развития, но также и характерные отклонения в развитии. Данный материал позволяет обнаружить достаточно жесткую связь между задаваемыми нормами развития и теми отклонениями развития, которые являются типичными при следовании соответствующим нормам и идеалам в воспитании детей.

Среди этих социальных групп и субкультур можно выделить также и формирующиеся субкультуры, непосредственно ведущие к расстройствам развития

ребенка. Другими словами, могут существовать субкультуры, непосредственно ведущие к расстройствам развития психики, т.е. неэффективные с точки зрения психологии развития, формирующие ребенка, неспособного к интеграции в общество, или имеющего существенные трудности на этом пути. Таким образом рассмотрение отклонений развития на уровне целых субкультур, социальных страт, а также на уровне изучения в значительной мере патогенных субкультур (аналогичных в какой-то мере деструктивным религиозным культам) ведет к необходимости переосмысления проблематики нормы и патологии в клинической психологии в целом (Бурлакова, 2012, 2016). Здесь необходимо, во-первых, определить заново нормы развития, и не просто статистически и констатирующе, а каждый раз уяснить норму развития именно как культурную норму, в том смысле, что она сформирована и задана культурой, тенденциями развития культуры, а с другой стороны, в том смысле, что под нормой развития недостаточно понимать только результат, а следует рассматривать ее как определенную культуру развития, определенный процесс воспитания ребенка, приводящий к формированию такой нормы. Во-вторых, каждую норму развития нужно понять также и культурологически, как некоторую актуализацию и даже эмансипацию конкретной культурной ценности, и в этом смысле рассматривать нормы в рамках отдельных тенденций развития культуры в целом. В-третьих, поскольку имеем дело с быстрыми динамическими культурно-историческими процессами культивирования новых норм развития, то здесь необходим именно клинико-психологический анализ этих норм и культур развития на базе изучения всех возможностей отклонения развития внутри этих культур. В целом же такой анализ нормы и патологии в современном обществе требует именно культурно-исторического взгляда на норму и патологию, включения в рассмотрение всех существующих тенденций культур и субкультур, ориентированных на новые способы и подходы к воспитанию детей. Лишь в таком случае можно говорить о норме и патологии на уровне целых субкультур, целых социальных страт, что создает новый уровень развития клинической психологии в целом. В этих условиях специалисты будут работать не с множеством пациентов с различными клиническими диагнозами, а именно с социальными группами, различными субкультурами, с характерными типами семейного воспитания и т.п. Для того, чтобы сформировать соответствующий интеллектуальный аппарат, клиническая психология должна интегрировать и психологию развития, и социальную психологию, а также значительную часть социологии, поскольку, следуя Л.С.Выготскому, необходимо понимать, что именно социальное становится психическим (Бурлакова, Олешкевич, 2018 а, б; Марцинковская, 2016).

До сих пор клиническая психология ориентировалась преимущественно на психиатрическую клинику: там собирался материал, и в процессе его обработки приходили к определенным клинико-психологическим, а также общенаучным заключениям и выводам. Но даже беглый анализ этого состояния дел показывает, что в современной психиатрической клинике многие категории расстройств почти не представлены и редко диагностируются, здесь почти не учитывается вся социальная и культурная этиология развития психических расстройств, а это означает, что сегодня требуется фундаментальное расширение понятия клиники в социальные пространства, внутри которых патология формируется. Это расширение можно осуществить уже на основе анализа истории болезни пациентов, попадающих в клинику, исследуя их социальные истории развития и группируя расстройства по тем социальным группам и типам социальных условий, внутри которых они формируются. Таким образом, изучая клинический материал, важно развернуть его в социальное пространство формирования патологии, а затем превратить эти социальные пространства в особый предмет клинико-психологического исследования.

Рамки статьи не дают возможности входить в более глубокое обсуждение вопроса о причинах психических расстройств, но, даже если принять за точку отсчета органическую эндогенную природу значительной части из них, большинство специалистов сойдутся во мнении, что именно социальные отношения по крайней мере ускоряют их манифестации, или, напротив, препятствуют их проявлению и создают благоприятную среду для развития таких пациентов. Они согласятся также и с тем, что над органической природой психических расстройств надстраивается сугубо психологический пласт вторичных психогенных расстройств и т.д. Во всяком случае, в клинической психологии никто еще не опроверг точку зрения Л.С.Выготского о том, что у человека психическое формируется через социальное, через свертывание именно социальных отношений. Так вот такое развертывание структурных особенностей патологии психического развития, отклонений в психическом развитии в социальное интерактивное пространство позволяет точно идентифицировать не только социальную и психологическую механику их формирования и соответствующие психические структуры, которые лежат в основе данных расстройств, но и системно организовывать превентивную работу по их предотвращению, оказывать систематическую помощь таким пациентам в самом начале развития расстройств и т.п. Более того, в современном информационном обществе существуют и встречные социальные движения, различные группы самопомощи и взаимопомощи, которые ориентированы на оказание взаимной информационной, эмоциональной и технической поддержки соответствующих членов

этих групп. Таковы, например группы анонимных алкоголиков, группы родителей аутичных детей и т.п. Важно отметить, что эти группы организуются именно как субкультуры самопомощи и взаимопомощи. Клинико-психологическая значимость более детального анализа терапевтического функционирования таких групп определяется также общим для клинической (медицинской) психологии значением- трансформацией социальной, внешней помощи в самопомощь: вначале самопомощь внутри группы, коллективная помощь, а затем превращение этой социальной помощи в индивидуальную самопомощь, т.е. в сущности в специфическую лечебную самоорганизацию своей психической жизни.

Современная клиническая психология, как уже было сказано, уже не может быть всеобщей дисциплиной, ориентированной на общее понимание и диагностику психопатологии, фиксацию отклонений в развитии и пр. Теперь она все больше направлена на более дифференцированное понимание проблем психического развития, которые обнаруживаются в обществе. В частности, клиническая психология вступает в диалог и активно интегрируется с психологией развития, и на этой основе начинает разрабатываться клиническая психология подросткового возраста, пожилого возраста, а ведь еще в начале прошлого века К.Г.Юнг поставил задачу формирования клинической психологии среднего возраста, ориентированной на помощь человеку при переходе во вторую часть жизни. Он также говорил о необходимости интеграции клинической психологии, психотерапии и педагогики, т.е. утверждал нечто подобное тому, о необходимости чего писала А.Фрейд в отношении детского психоанализа. Таким образом, заметна интенция интеграции современной клинической психологии с психотерапией и педагогикой, т.к. она уже не может быть только рецептивной и экспериментальной, но от нее требуется ориентация на решение практических задач. Сегодня возникает необходимость в организации не только психологической помощи конкретному пациенту, но и в проектировании системной организации помощи многим пациентам разных возрастных групп, субкультур, используя возможности СМИ, интернета, социальных сетей и др.

Литература

Балашова Е.Ю., Ковязина М.С. Представления о психической норме в клинической психологии: подходы, исследования, перспективы // Диагностика в медицинской(клинической) психологии: традиции и перспективы (к 105-летию С.Я. Рубинштейна). Материалы научно-практической конференции с международным участием. М.: Сам Полиграфист, 2016. С. 60–63.

Бурлакова Н. С. О новых возможностях культурно-исторического анализа в клинической психологии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2012. № 2. С. 49–56.

Бурлакова Н. С. Культурно-исторический анализ нарушений развития детей из разных социальных слоев и субкультур // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2013. Т. 13, № 4. С. 12–14.

Бурлакова Н. С. Психологическое здоровье детей в условиях различных культурно-исторических сред развития // Психическое здоровье человека XXI века: Сборник научных статей по материалам Конгресса "Психическое здоровье человека XXI века" Под ред. В.И. Бородина и др. М.: ИД "Городец", 2016. С. 25–27.

Бурлакова Н. С., Давидович П. С. "Сказочная педагогика и несказочные риски в эмоционально-личностном развитии детей старшего дошкольного возраста // Национальный психологический журнал. 2015. Т. 2, № 18. С. 123–133

Бурлакова Н. С., Олешкевич В. И. Перспективы разработки культурно-исторической психологии детства // Культурно-исторический подход: от Л. С. Выготского – к XXI веку: коллективная монография / под ред. Т. Д. Марцинковской, В. Р. Орестовой, О. В. Гавриченко. М.: МПГУ, 2018а. С. 53–68.

Бурлакова Н. С., Олешкевич В. И. Перспективы интеграции социальных и клинико-психологических предметностей в контексте разработки системного культурно-исторического исследования // Психологические исследования (электронный журнал). 2018б. Т. 11, № 62. С. 3.

Марцинковская Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2016.

Сведения об авторах

Бурлакова Наталья Семеновна, канд психол.н., доцент факультета психологии ФГБОУ ВО МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия, naburlakova@yandex.ru

Олешкевич Валерий Иванович, канд. философ. н., ст.н.с. ГБУЗ «НПЦ ПЗДП им. Г.Е. Сухаревой ДЗМ», Москва, Россия, ov-6161@mail.ru

SOCIAL SPACES OF CHILD CULTURAL-HISTORICAL CLINICAL PSYCHOLOGY

Burlakova N.S.

Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Oleshkevich V.I.

Scientific-Practical Children's Mental Health Centre n. a. G. Sukhareva of Moscow City Department of Healthcare, Moscow

Key words: Cultural-Historical Clinical Psychology, Norm and Pathology, Developmental Disorders, Social Groups, Subculture, Self-Identity, Social Aid, Self-Help

Abstract. The article explores cultural-historical approach to the child clinical psychology. It discusses possibilities of expansion of the patient's clinical history into the social spaces, which organize both normal and pathological mental development. On the basis of this approach identifying social structures responsible for initiation of developmental disorders the author demonstrates opportunities for integration between clinical, developmental and social psychology. Moreover, the article investigates new developments in cultural-historical child clinical psychology in the information society, forms of psychological care delivery in the clinic and outside it, which should morph into self-help within the framework of organized subcultures for patients and their parents.

About authors:

Burlakova N.S. PhD in Psychology, associate professor of the Chair of Neuro- and Pathopsychology, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: naburlakova@yandex.ru

Oleshkevich V.I. PhD in Philosophy, Senior Research Fellow Scientific-Practical Children's Mental Health Centre n. a. G. Sukhareva of Moscow City Department of Healthcare, Moscow, Russia. E-mail: ov-6161@mail.ru

ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД В ПРИКЛАДНОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Олешкевич В.И.

ГБУЗ «НПЦ ПЗДП им. Г.Е. Сухаревой ДЗМ», Москва

Ключевые слова: проектирование, проектный подход в психологии, культурно-историческая клиническая психология, психотехника, психотехнический анализ, информационные системы, социальные сети, психотерапия

Аннотация. В статье представлен проектный подход в клинической психологии, возможности которого разрабатываются в контексте культурно-исторической клинической психологии. В этом случае клинический диагноз разворачивается в социальное пространство, в котором появляется возможность именно генетически и социально-психологически идентифицировать условия и социальные механизмы формирования расстройств психического развития. Демонстрируется, как на основе психотехнического анализа психологии и психологических практик выделения оперативных систем прикладной психологии может быть осуществлено проектирование новых психологических практик, ориентированных на решение конкретных лечебных и развивающих задач, в том числе, психологических практик с заранее заданными свойствами. Показывается, что современные информационные системы, социальные сети открывают новые интеллектуальные и технические перспективы для разработки проектной культурно-исторической клинической прикладной психологии, что отвечает запросам современного общества.

Наряду с процессами глобализации в современном обществе происходит и быстрое развитие новых субкультур, а на их основе - новых форм идентичности. Причем в информационном обществе такое развитие новых форм социального опыта становится все быстрее и интенсивнее.

В современном информационном обществе происходит постоянное смешение онлайн и офлайн общения, и виртуальное информационное пространство начинает оказывать непосредственное влияние на образ жизни человека и целых сообществ. Например, социальные сети посредством, так называемых слабых связей, могут порождать новые социальные группы и собирать большие социальные массы и объединять их. Внутри же новых формирующихся субкультур слабые связи уже становятся сильными (Марцинковская, 2016; Цифровое общество.., 2019).

Таким образом, социальные связи и отношения, информация и обмен информацией вначале переводятся в информационное пространство, в виртуальную реальность, там

прорабатываются, а затем как результаты снова возвращаются в реальное социальное пространство. В этом прослеживается работа некоторых новых механизмов психического развития и новых форм формирования идентичности.

Когда мы переносим некоторую социальную форму в виртуальное пространство, то почти автоматически происходит ее определенное *обобщение,* например, возникают определенной формы коммуникации. (Это похоже на специфическое очищение социального мышления и его схематизацию.) На основе подобной семиотической формы возможно создание схемы искусственной коммуникации и ее развитие внутри определенного искусственного семиотического пространства. В данной идеальной сфере конструирования новых форм общения могут активно разрабатываться новые формы коммуникации с соответствующими правилами и нормами, ориентированные на самые разные задачи.

На таком идеальном уровне социальная реальность видится уже иначе, чем в реальном общении. Здесь появляется другое, более широкое видение социальной реальности, панорамный обзор реальных событий, иной их масштаб, наподобие обзора из окна автомобиля, вертолета или самолета. Эти новые формы сознания, мышления, ментальности непосредственно участвуют и в формировании образа жизни человека, его идентичности, организации его общения.

Погружаясь в реальную коммуникацию в виртуальном пространстве, человек изнутри этого пространства обретает иное видение социальной реальности. В конечном счете, в ходе систематической реализации такой коммуникации в виртуальном пространстве у ее участников формируются определенные формы социальной мыследеятельности, которые они постепенно переносят в реальное социальное пространство, в свою повседневную жизнь.

Это означает, что открывается возможность через формирование в виртуальном пространстве определенных форм коммуникации создавать новые формы реальной, практической мыследеятельности. Таким образом, информационное общество и его культура позволяют проектировать некоторые искусственные формы коммуникации под конкретные социальные и культурные задачи всего общества, в том числе, под задачи формирования у индивидуумов неких психических свойств и личностных качеств, форм мышления и пр., используя различные формы обратной связи, мгновенную и отсроченную связь и т. п. Отработанные в виртуальном пространстве личностные свойства людей в конечном счете могут превращаться в настоящую мыследеятельность, а затем переноситься в реальную социальную жизнь и превращаться в часть образа жизни людей.

Все это открывает новые возможности в организации медицинской и социальной помощи широким слоям населения, возможности доступа для них к высоким технологиям и к индивидуализированной социальной помощи. Социально-психологический анализ анамнеза в психиатрических больницах и технологически организованная обработка этой информации позволяют не только развернуть структуру психических расстройств в социальное пространство их генезиса, понять их социальную динамику, но и разработать системную технологизированную помощь в лечении таких расстройств, а также их профилактику. Развертывание психиатрических диагнозов в социальное пространство, а затем анализ и обработка этой социальной информации о социально-психологических условиях формирования психических расстройств позволяют не только углубить и систематизировать социально-психологическую часть генетического диагноза, но и системно ставить задачи организации массовой информационной и социально-психологической помощи широкому кругу пациентов, а также создают возможности контроля развития различных групп риска.

Одним из источников такого структурирования медицинской помощи является анализ психотерапии в ее историческом развитии и в широком разнообразии ее современного состояния (Бурлакова, Олешкевич, 2010; Олешкевич, 2017). На этой основе можно говорить о создании проектирования психологических практик, новых психотехнических форм помощи и даже новых видов психотерапии, ориентированных на решение определенных заранее задач. Ведь подобное проектирование давно уже существует в современной технике, в инженерии, в информационных технологиях и пр. И оно оказывается возможным как раз на основе системного анализа функций, элементов и связей технических систем. Анализ психотехник, уже работающих в практической и прикладной психологии, позволяет ставить аналогичные задачи и в прикладной психологии. На основе психотехнического анализа психологии, психологических практик и т. п. мы можем разработать оперативные психотехнические системы, а они, в свою очередь, послужат фундаментом для *проектирования* психологических практик *с заранее заданными свойствами*. Проектные и прикладные возможности такой психологии еще болеерасширяются, когда мы переносим это проектирование на информационные системы, социальные сети и пр. В этом случае мы можем проектировать и определенные лечебные и развивающие характеристики таких сетей, то есть проектировать сами сети с уже заданными терапевтическими и пр. свойствами.

Здесь открываются самые широкие возможности разработки самых разных образцов психологических, психокоррекционных, профилактических, развивающих, психотерапевтических и пр. практик в социальных сетях. Причем, надо отметить, что эти

социальные движения давно активно развиваются, так сказать, «снизу». Социальные группы взаимной поддержки и обмена информацией сегодня уже широко распространены, например, среди родителей, воспитывающих детей с аномалиями развития, внутри реабилитационных программ разного типа. Наверное, одними из первых в этом ряду стали группы анонимных алкоголиков, которые «с благословения К.Г. Юнга» существуют во всем мире.

Хочется подчеркнуть, что это уже не просто группы, а настоящие субкультуры, внутри которых действительно формируется новая идентичность больных. Аналогичным образом сплачиваются и другие группы больных, инвалидов и пр. Такую работу можно и нужно развивать и сверху, в больших детских и подростковых психиатрических клиниках, объединяя родителей в сообщества взаимопомощи и в социальные организации, которые могут реализовать свой потенциал в социальных отношениях взаимной помощи, перенося в реальность то понимание проблем, которое они получили в своем опыте и в социальных сетях.

Аналогичные сети могут быть организованы для детей и подростков, особенно подростков, у которых обычно уже изначально существует потребность в сетевом общении. Если мы способны создать это общение на основе задач психотерапии и создания условий для личностного роста подростков, погружая постепенно их в некоторые терапевтически обоснованные правила и нормы межличностного общения, то есть высокая степень вероятности организовать в социальных сетях и полноценные лечебные и развивающие процессы на высоком технологическом уровне. Причем, надо иметь ввиду явные преимущества именно сетевого общения: с определенного возраста дети и подростки начинают больше доверять не своим родителям и даже не учителям, а сверстникам.

Возникает совершенно новый уровень как для развития психосоматической медицины в целом, так и для возможности применения такой психотерапии, которая при подобном аналитическом развороте получает новые технологические возможности помощи многим социальным группам внутри широких социальных сообществ. Это стратегия социальной помощи, взаимной помощи и превращения социальной помощи в самопомощь. Реализация данной стратегии анализа и проектирования позволит объединить многообразные социальные группы и значительно повысить уровень социальной солидарности в обществе.

Литература

Бурлакова Н. С., Олешкевич В. И. Развитие психотерапии как объекта целостного понимания и системного исследования // Культурно-историческая психология. — 2010. — № 2. — С. 88–97.

Марцинковская Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2016.

Олешкевич В.И. Психология как психотехника. Изд. 2 -е испр. и доп. М.: Юрайт, 2017.

Цифровое общество в культурно-исторической парадигме: коллективная монография / под ред. Т.Д.Марцинковской, В.Р.Орестовой, О.В.Гавриченко. М.: МПГУ, 2019. – 264 с.

Сведения об авторе

Олешкевич Валерий Иванович, канд. философ. н., ст.н.с. ГБУЗ «НПЦ ПЗДП им. Г.Е. Сухаревой ДЗМ», Москва, Россия, ov-6161@mail.ru

Engineering Approach in the Applied Clinical Psychology

Oleshkevich V.I.

Scientific-Practical Children's Mental Health Centre n. a. G. Sukhareva of Moscow City Department of Healthcare, Moscow

Key words: Engineering, Engineering Approach in Psychology, Cultural-Historical Clinical Psychology, Psychotechnics, Psychotechnical Approach, Information Systems, Social Networks, Psychotherapy

Abstract. The article discusses the engineering approach in the clinical psychology elaborated within the context of cultural-historical clinical psychology. The diagnosis is understood as a part of the social space, which provides us with the possibility to identify conditions and social mechanisms of developmental disorders' evolvement in genetical and social-psychological way. The article demonstrates how on the basis of psychotechnical analysis of psychology and psychological practices, new psychological practices (and even practices with preprogrammed characteristics) can be developed, which should be oriented at solution of concrete medical and developmental problems. The author argues that modern information systems and social networks open up new intellectual and technical horizons for development engineering cultural-historical clinical applied psychology, which could be able meet the needs of the modern society.

About author: Oleshkevich V.I. PhD in Philosophy, Senior Research Fellow Scientific-Practical Children's Mental Health Centre n. a. G. Sukhareva of Moscow City Department of Healthcare, Moscow, Russia. E-mail: ov-6161@mail.ru

САМОУБИЙСТВО – БИЧ СОВРЕМЕННОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Каган А.С.

Кафедра нейро-патопсихологии Института психологии им. Л.С. Выготского, РГГУ, Москва

Кафедра криминологии академический колледж, Ашкелон, Израиль

Ключевые слова: самоубийство молодежи, современная субкультура, импульсивность, одиночество, депрессия, социальные сети

Аннотация. В данной статье проведен анализ проблемы самоубийств среди молодежи. По оценкам ВОЗ (Всемирной Организации здравоохранения) в мире около одного миллиона человек ежегодно погибает от самоубийства, что является второй ведущей причиной смертности лиц в возрасте 15-29 лет. Самоубийство представляет собой сложный социально-психологический механизм, свидетельствующий об индивидуальном кризисе, с которым молодой человек не в силах справиться в одиночку. Какие области функционирования человека следует затронуть для предотвращения потенциальной попытки самоубийства? Настоящая статья пытается ответить на этот вопрос с теоретической и практической точки зрения. Несмотря на то, что депрессивные состояния являются предвестниками самоубийств, все же подавляющее большинство людей, страдающих от них, не проявляют суицидальных наклонностей. Глубинное чувство одиночества и его компенсация в социальных сетях среди молодежи с заниженной самооценкой является одним из толчков к потенциальному самоубийству в рамках современной субкультуры. Внешний вид человека, наличие пирсинга и татуировок, так популярных в наши дни, также может стать проявлением опасного поведения. И, наконец, какова роль семьи в принятии настолько нерационального, импульсивного и рокового решения?

После долгих лет работы в качестве военного психолога в военкомате Израильской Армии моей главной личной и профессиональной целью было предотвращение возможных самоубийств среди молодых призывников. Военная служба в Израиле

обязательна как для парней, так и для девушек в возрасте восемнадцати лет. Не раскрывая цифры, следует отметить, что в Израильской Армии за последнее десятилетие количество самоубийств было значительно сокращено посредством привлечения общественного внимания, осуществления специальной подготовки командиров и, разумеется, включения в систему дополнительного числа специалистов, а именно военных психологов и психиатров. Возрастные особенности, отрыв от семьи и привычной среды, доступность оружия являются способствующими факторами в принятии страшного, импульсивного, амбивалентного и нерационального решения забрать собственную жизнь. Что стоит за этим решением? Каковы механизмы, толкающие молодого человека к совершению попытки самоубийства? Какие области функционирование следует исследовать? Какие вопросы следует задавать для предотвращения потенциальной попытки самоубийства? Я попытаюсь ответить на данные вопросы, ссылаясь на теоретический материал и личный опыт.

Вне всякого сомнения, самоубийство является бичом современной субкультуры общества в целом и молодежи в частности. По оценкам ВОЗ (Всемирной Организации здравоохранения) около одного миллиона человек в мире ежегодно погибает от самоубийств, что составляет 16 человек на 100.000 человек от общего числа населения. Или же одна смерть за каждые 40 секунд. Более того, по прогнозам организации, к 2020 году уровень смертности от самоубийств увеличится до одного случая за каждые 20 секунд. За последние 45 лет число самоубийств в мире увеличилось на 60%, особенно среди молодых людей. В результате самоубийства стали второй ведущей причиной смертности лиц в возрасте 15-29 лет.

Как правило, самоубийство является следствием сложных социокультурных и психологических факторов, свидетельствующих об индивидуальном кризисе либо стрессе, с которым молодой человек не в состоянии справиться в одиночку.

Очевидна и доказана связь между депрессивными состояниями и попытками совершения самоубийства. В современном обществе уровень заболеваемости теми либо иными депрессивными расстройствами в течение жизни человека резко возрастает и может достигать 20-25%. По приблизительным оценкам от 5 до 10% депрессивных больных пытаются покончить жизнь самоубийством (Litman, 1995). Кроме этого, существует похожая корреляция между попытками самоубийства и другой психопатологией, а именно злоупотреблением алкоголем, употреблением наркотиков, шизофренией, поэтому в ходе клинических интервью следует выяснить наличие указанных психопатологий либо зависимостей. Но в тоже время подавляющее

большинство страдающих данными заболеваниями не проявляют суицидальных наклонностей.

После вопросов, выясняющих настроение молодого человека, следует определить его аффективное состояние. Интенсивность таких аффектов, как гнев, безнадежность, отчаяние и чувство вины, является возможным толчком к принятию потенциального решения о самоубийстве (Hendin, 1991). Кстати, автор статьи предлагает дифференцировать безнадежность, при которой человек смиряется с какой-либо безвыходной ситуацией, и отчаяние, при котором смирение просто невозможно. Важно отметить, что если еще возможна диагностика аффекта, который выявляется путем наблюдения за поведением человека и его реакциями, то о настроении можно только спросить, сделав вывод о соответствии между этими двумя параметрами статуса личности.

Глубинное чувство одиночества, а также неспособность запоминать положительные образы людей и позитивные события зачастую свойственны пограничным пациентам. В дополнение они могут стать еще одним толчком к принятию трагического решения о самоубийстве (Maltsberger & Goldblatt, 1996). В связи с этим, важным компонентом в формировании общей картины жизни молодого человека является социальная активность. Вопросы, связанные с количеством друзей и социальных отношений, с их качеством, а также субъективной оценкой места в обществе и в компании людей, возможным дискомфортом, вызванным чувством социальной тревоги, будут более чем уместны и прольют необходимый свет на заданный ранее вопрос.

Не стоит забывать, что жизнь молодого человека в современном обществе в значительной степени проходит в интернете, а именно в социальных сетях. Порой время, проведенное в сети, превышает любое другое действие вне интернета. В американской классификации психиатрических заболеваний DSM-V предлагается выделить интернет-зависимость как отдельное заболевание наряду с другими видами зависимостей. Совершенно не случайно специалисты сравнивают интернет-зависимость с пристрастием к наркотикам и алкоголю, указывая на схожие мозговые процессы в обоих случаях. Ведь если вдуматься в сами определения, то парадокс очевиден. Наша жизнь в интернете называется “online”, то есть, иными словами, мы интерактивны и подключены, а жизнь вне интернета – это “offline”, т. е. выключена.

Почему люди используют социальные сети? Одним из объяснений данного феномена современной субкультуры может быть дихотомия. Экстраверты используют социальные сети в качестве дополнительной и альтернативной площадки для саморекламы и поиска новых знакомств. В отличие от экстравертов, эмоционально

неустойчивые люди, интроверты пытаются найти альтернативное сообщество в сети, компенсируя свои неудачи, социальные тревоги и чувство одиночества в повседневной жизни. (Nadkarni & Hofmann, 2012). Являются ли социальные сети для таких людей тем самым альтернативным и безопасным пространством, на которое они так рассчитывают? Высказывая свои позиции, пропитанные неуверенностью, тревогой, депрессивными состояниями, негативизмом, люди с низкой самооценкой получают противоположную своим ожиданиям реакцию. Незнакомые критикуют и отвергают их, а друзья остаются безразличными (Forest & Wood, 2012). Массовое отвержение в социальных сетях и провал надежды на принятие могут оказаться дополнительными факторами для принятия решения покончить с собой. Именно поэтому целесообразно поинтересоваться увлечениями молодого человека не только в повседневной жизни, но и в социальных сетях.

Дополнительным критерием в описании личности человека, возможно, склонного к самоубийству, является его одежда и внешний вид. Особое внимание следует уделить пирсингу и татуировкам, популярность которых не отменяет возможного риска. По большинству существующих теорий, именно импульсивность выступает в качестве основной причины, чтобы сделать татуировку (Kertzman et al., 2013). Более того, наличие массивных и многочисленных татуировок и пирсинга у молодых людей напрямую связано с самым широким репертуаром рискованного и опасного поведения, а именно употреблением наркотиков, злоупотреблением алкоголем, хаотичной сексуальной активностью, нарушением питания и самоубийством (Kagan, 2014). Содержание самих татуировок может подтолкнуть клинициста к разгадке тайного смысла либо посыла, который молодой человек стремится донести до своего окружения.

И, наконец, все начинается и заканчивается в семье, которая является главным ресурсом поддержки в жизни молодого человека. Необходимо выяснить, какова система взаимоотношений между человеком и значимым для него окружением. Возможно, какой-то из ресурсов отказал, потерялся либо, напротив, неосознанно игнорирует или желает смерти (Maltsberger, 1988). Более того, основываясь на знаменитых работах З. Фрейда (1917) «Скорбь и меланхолия» и К. Меннингера (1933) «Психоаналитические аспекты суицида», описывающих место агрессии и инстинкта смерти, направленных на собственное Эго, имеет смысл задаться вопросом: «Кого именно хотел убить в самом себе молодой человек из своего ближнего окружения, чьих страданий он так желал (Maltsberger & Goldblatt, 1996) ?»

Но несмотря на многолетний опыт и многообразный теоретический материал по этой теме, к сожалению, нельзя с уверенностью предсказать самоубийство какого-либо

человека. «Когда меня спрашивают, почему один депрессивный больной совершает самоубийство, а девять остальных – нет, я отвечаю, что просто не знаю (Litman, 1995). »

Литература

Hendin, H. (1991). Psychodynamics of suicide with particular reference to the young. *American Journal of Psychiatry,* 148(9), 150-1158.

Forest, A.L. & Wood, J.V. (2012). When social networking is not working: Individuals with low self-esteem recognize but do not reap the benefits of self-disclosure on Facebook. *Psychological Science, 23(3),* 295-302.

Kagan, A. (2014). Cognitive and psychological mechanism of the risk decisions among women with tattoos. PhD Thesis, Bar- Ilan University.

Kertzman, S., Kagan, A., Vainder, M., Lapidus, R., & Weizman, A. (2013). Interactions between risky decisions, impulsiveness and smoking in young tattooed women. *BMC Psychiatry, 278.*

Litman, R. E. (1995). Suicide prevention in the treatment setting. *Suicide and Life-Threatening Behavior,* 25, 134-142.

Maltsberger, J.T., & Goldblatt, M.J. (1996). Essential papers on suicide. New York University Press.

Maltsberger, J.T. (1988). Suicide Danger: Clinical estimation and decision. *Suicide and life-threatening behavior, 18,* 47-54.

Nadkarni, A. & Hofmann, S. (2012). Why do people use Facebook? *Personality and Individual Differences, 52,*243-249.

https://www.who.int/mental_health/prevention/suicide/suicideprevent/ru/

Сведения об авторе

Каган Александр Семенович, PhD, профессор, кафедра нейро-патопсихологии Института Психологии им. Л.С. Выготского, РГГУ, Москва; Кафедра Криминологии Академический Колледж, Ашкелон, Израиль. alex@wupj.org.il

SUICIDE - CRITICAL PROBLEM OF MODERN SUB-CULTURE

Kagan A.

Departmant of neuro-pathopsychology, L.S. Vygotsky Institute of Psychology, RSUH, Moscow

Departmant of criminology, Ashkelon academic colledge, Ashkelon, Israel

Key words: youth suicide, modern sub-culture, impulsivity, loneliness, depression, social network

Abstract. This article is concerned with analyzing the issue of suicide among the young generation. According to the WHO (World Health Organization), nearly one million people a year die from suicide, which is the second leading mortality factor among persons at the age of 15-29. Suicide is a complex social and psychological mechanism being a sign of a personal crisis that a young person cannot cope with alone. What spheres of human activity should be affected for preventing a potential suicide attempt? This article is trying to answer this question from theoretical and practical aspects. While depressive condition is a signal symptom of suicide, the majority of those suffering from depression does not demonstrate suicidal tendencies. A deep feeling of loneliness and its compensation through social networks, that is widespread among self-depreciating young people, is one of the impulses potentially leading to suicide within the framework of a modern subculture. A person's appearance, piercing and tattoos that are popular nowadays are also likely to manifest a dangerous behavior. Finally, what role does family play in making such an irrational, impulsive, and fatal decision?

ОСОБЕННОСТИ РЕАКЦИЙ РОДИТЕЛЕЙ НА ЗАБОЛЕВАНИЕ РЕБЕНКА

Мазурова Н.В.

Морозовская ГДКБ, Москва

Ключевые слова: родители больных детей, психологическая реакция на сообщение диагноза

Аннотация. Представлены результаты многолетнего исследования особенностей социально-психологической адаптации родителей, воспитывающих тяжелобольных детей. Показано, что на процесс адаптации родителей влияет сумма биологических, индивидуально-психологических, микросоциальных и макросоциальных факторов. Данные факторы могут рассматриваться в качестве «мишеней» психологической помощи родителям больного ребенка.

Болезнь ребенка - событие, имеющее субъективно высокое значение для родителей, выступающее как тяжелая психологическая травма, неподконтрольное, неясное. Как правило, родители не часто имеют опыт в преодолении подобных ситуаций. Скорее это событие обладает дополнительным стрессогенным качеством – неожиданности, непредсказуемости.

Нами было предпринято исследование особенностей эмоционального ответа родителей на действие стресса при болезни ребенка на всех этапах адаптации к нему.

Для целей исследования был сформирован пакет методик: анализ медицинской документации, наблюдение, беседа, Шкала диагностики посттравматического стрессового расстройства (Clinical-administered PTSD Scale, CAPS), Шкала оценки влияния травмирующего события (Horowitz M. J., Wilner N.), Комплексная оценка проявлений стресса (Ю.В.Щербатых), Опросник суицидального риска (Шмелёв А.Г., Белякова И.Ю.), методика диагностики социально-психологической адаптации (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонд (адаптация А.К. Осницкого), анализ и систематизация полученных результатов, методы математической обработки данных.

В исследовании на разных этапах приняли участие 2 656 родителей, имеющих детей с тяжелыми, жизнеугрожающими заболеваниями (1 группа); с заболеваниями умеренной тяжести (2 группа); и родители условно здоровых детей (3 группа).

Можно сразу отметить, что в ответ на сообщение о болезни ребенка родители демонстрировали самые разные реакции, от относительно спокойного восприятия информации до бурного протеста, ярости или оцепенения. Наиболее яркие и глубокие эмоциональные переживания были зарегистрированы у родителей, чьи дети страдали тяжелым, инвалидизирующим заболеванием, либо у них была выявлена генетическая аномалия.

По результатам самоотчетов установлено, что родители первой группы после сообщения диагноза ребенка частично или полностью утрачивали социальную и производственную активность, не могли сохранять состояние внимания продолжительное время, запомнить даже минимальный объем новой информации, быстро теряли темп выполнения работы и т.д. Таким образом, можно говорить о выраженном влиянии стресса сообщения диагноза ребенка на личностную и трудовую активность этой группы родителей.

После периода активизации под действием сильного стрессора начинается период адаптации к нему. Анализ ответов родителей показывает, что сам факт того, что их ребенок имеет какие-то серьезные нарушения здоровья воспринимается как нереальная ситуация. Период отрицания диагноза ребенка может продолжаться у родителей от нескольких дней до нескольких лет. Особенно это характерно для родителей, воспитывающих детей с тяжелыми (инвалидизирующими) заболеваниями.

Следующая стадия адаптации – переживание повышенного беспокойства или даже паники. Когда родители видят, что с ребенком действительно что-то происходит, что все их надежды на ошибку в диагнозе не оправдались, они могут почувствовать нарастание

волнения, стать суетливыми, возбужденными. Гнев, раздражение – наиболее ожидаемая реакция родителей на сообщение диагноза ребенка. Гнев может направляться на специалиста, поставившего диагноз, на других врачей, на супруга (супругу) или родственников, на Бога, взвалившего на плечи родителей непосильную ношу и т.д. Еще одним вариантом проживания данной стадии адаптации является появление чувства вины. Поводом для этого служит попытка субъективным образом объяснить причину возникновения болезни у ребенка. Родитель мысленно возвращается ко всему плохому, что он делал в своей жизни, оценивает свои достоинства и недостатки.

Центральной частью, так называемым «ядром» печали, является выраженное снижение настроения, угнетение чувств, падение интереса к ежедневным делам. Этот период может продолжаться от нескольких дней до нескольких лет.

Обращают на себя внимание высокие показатели патологических симптомов в интеллектуальной сфере у родителей тяжелобольных детей, что выражается в трудностях сосредоточения, снижении качества памяти, невозможности принять решение. Наибольшие изменения в поведенческой сфере касались снижения работоспособности, увеличения количества ошибок и хронической нехватке времени. Можно говорить о риске потери трудового потенциала родителей при сохранении подобного уровня симптомов в интеллектуальной и поведенческой сферах.

Группа родителей, воспитывающих детей с заболеваниями умеренной тяжести, по всем группам симптомов имела значимо более низкие показатели. Однако, в интеллектуальной, поведенческой и физиологической сферах уровень значений находился на границе с зоной риска. Можно предположить, что при длительном действии стрессора данные показатели могут быть значительно выше.

По результатам бесед с родителями больных детей на первом этапе адаптации мы получили сведения о том, что многие из них испытывали настолько тяжелые чувства, и до такой степени не видели выхода из сложившейся жизненной ситуации, что единственным способом прекращения страданий в их представлении становилось окончание жизни.

Обращают на себя внимание достаточно высокие показатели по шкалам несостоятельности, временной перспективы, социального пессимизма.

Исследование уровня социально-психологической адаптации родителей с использованием методики *К. Роджерса-Р. Даймонд* позволило выделить три группы респондентов.

I. Группа с высоким уровнем социально-психологической адаптации личности (11,48% родителей). Интегральный показатель адаптивности по группе составил 78,18%. При таком уровне адаптации личность проявляет способность к противостоянию

дезорганизующим средовым влияниям, осуществляет самоконтроль и саморегуляцию поведения, воспринимает жизнь целостно, т.е. умеет учитывать прошлый опыт и соотносить его со своими планами на будущее. Человек способен действовать самостоятельно, адекватно воспринимает себя и свои возможности, в трудной ситуации способен к активной позиции, способен самоорганизовать собственную жизнь.

II. Группа со средним уровнем социально-психологической адаптации (52,82% родителей). Интегральный показатель адаптации по группе составил 52,53%. Средний уровень свидетельствует о некотором снижении ряда показателей социально-психологической адаптации личности, что может указывать на наличие психотравмирующей ситуации и включении механизмов психологической защиты. Межличностные взаимоотношения у представителей данной группы респондентов складываются более стихийно, но без выраженных проблем. Родители ориентированы в большей степени на сотрудничество, стремление помогать другим. В целом они эмоционально отзывчивы, великодушны, ориентированы на чувства людей.

III. Группа с низким уровнем социально-психологической адаптации (35,69% родителей). Интегральный показатель адаптации по группе составил 24,42%. Низкий уровень свидетельствует о переживании длительной или интенсивной психотравмирующей ситуации, непродуктивных поисках выхода из нее. Для таких людей характерна высокая эмоциональная напряженность, они не удовлетворены своей жизнью в настоящем, не верят в то, что могут контролировать события собственной жизни.

Литература

Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме, М.: Медгиз, 1960.

Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988.

Вассерман Л.И., Абабков В.А., Трифонова Е.А. Совладание со стрессом: теория и психодиагностика: Учебно-методическое пособие. - СПб.: Речь. - 2010.

Диагностика семьи. Методики и тесты. – Самара: Изд. дом БАХРАХ-М, 2004. 736 с.

Eaton J.W, & Weil R.J. Culture and mental disorders: A comparative study of the Hutterites and other populations. - Glencoc, Free Press, 1965.

Parker 3. Eskimo psychopathology in the context of Eskimo personality and culture II American Anthropologist- - 1962. - Vol. 64. - S. 76-96.

Сведения об авторе

Мазурова Н.В., доктор психологических наук, заведующая отделением психолого-педагогической помощи Морозовской ГДКБ

FEATURES OF PARENT'S REACTIONS FOR CHILD DISEASE

Mazurova N.V.

Morozov State Children's Clinical Hospital, Moscow

Key words: parents of sick children, psychological reaction to the diagnosis message

Abstract. The article provides some results of long-term research on the features of the social and psychological adaptation of parents, who were raising seriously ill children. Investigations have shown, that parental adaptation depends on the variety of biological, psychological, microsocial and macrosocial factors. These factors may be considered as the targets of psychological support for the parents of an ill child.

About author: Mazurova N.V., Doctor of Psychology, Head of the Department of Psychological and Pedagogical Assistance of the Morozov State Children's Clinical Hospital, Moscow

БОЛЬНИЧНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ ПАЦИЕНТОВ, СТРАДАЮЩИХ ПАРАНОИДНОЙ ШИЗОФРЕНИЕЙ

Шевеленкова Т.Д.

Российский Государственный Гуманитарный Университет, Москва

Ключевые слова: «Фрустрация потребностей», «Переживание существования-в-мире», «Добровольная госпитализация», «Пространство клиники как микросоциум».

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с тем, как пациенты, страдающие параноидной шизофренией, переживают свое существование в пространстве психиатрической клиники, являющейся своеобразным микросоциумом, в котором кипит особая жизнь, а также особенности существования этих пациентов вне ее. Особое внимание уделяется тому, что является факторами, «возвращающими» пациентов в это пространство, которое, как предполагается, они должны желать покинуть, а именно особенностям существования пациентов в «большом» социуме. Исследование показывает, что желание пациентов, страдающих параноидной шизофренией, освободиться, с одной стороны, от гнета фрустрированных потребностей и от негативных переживаний своего существования «вне стен больницы», - с другой, может стать психологическими мотивами добровольной госпитализации. Доказывается, что наиболее плотной связью между собой,

переживаниями своего существованиями в мире и отношением к фрустрации потребностей характеризуется жизнь пациентов вне стен клиники. Пребывание в клинике характеризуется ослаблением данной связи.

Говоря о больничных субкультурах, мы прежде всего полагаем, что пространство психиатрической клиники – это то пространство, где человек, оказываясь «пациентом», не только получает необходимое ему лечение, не только проходит реабилитацию, имеющую своей целью «вернуть» его в социум, но и само является своеобразным микросоциумом, в котором люди общаются, дружат и ссорятся, переживают различные нюансы отношения со стороны других пациентов, делятся с ними своими переживаниями и проблемами, где иногда возникают устойчивые привязанности, симпатии и антипатии, любовь и ревность и т.п. Это целый мир, который практически не интересовал и до сих пор не интересует ни врачей-психиатров, ни клинических психологов.

Как человек существует в этом мире, как он *переживает* свое в нем существование и почему иногда (а порой и достаточно часто) испытывает желание вернуться в него, - все эти вопросы долгое время игнорировались исследователями, и если и поднимались, то только в контексте мотивов добровольной госпитализации. При этом все полагают, что пациент должен желать покинуть пространство клиники, желать вернуться в «большой мир», ради этого трудятся врачи, клинические психологи, социальные работники и другой персонал больницы. Признавая наличие мотивов добровольной госпитализации, которые связаны с личностью пациента и его взаимодействием с социальной средой, клиницисты и исследователи предпочитали их как-бы не замечать, придавая значение прежде всего тем, которые связанны с болезнью и психопатологическими мотивами добровольного стационирования. «Другие» факторы и мотивы, настолько игнорировались отечественной клинической психологией, что не были даже описаны и систематизированы. В настоящее время, тем не менее, эта проблема стала предметом изучения, в том числе и в исследованиях в области психиатрии (Шмилович А.А., Гончаренко С.Н., 2014).

Как было показано в наших предыдущих исследованиях, одним из важнейших факторов стремления пациентов, страдающих параноидной шизофренией, к добровольной госпитализации являются проблемы мотивационно-потребностного характера, то есть, фрустрация потребностей различного уровня. Были выявлены наиболее распространенные психологические и социальные проблемы, которые побуждают пациентов к принятию решения о добровольном стационировании. Это проблемы, связанные с фрустрацией следующих групп (уровней) потребностей: (1) физиологические потребности: поддержание гомеостаза, голод, жажда, поддержание режима сна/бодрствования; (2)

потребности в безопасности: потребности в стабильности жизненных условий, комфорте; (3) социальные потребности (т.е. потребности, позволяющие удовлетворить выделенную А. Маслоу потребность в любви и принадлежности): стремление к общению, материальным благам, потребность принадлежать к различным социальным группам, потребность в эмоциональной поддержке и др.; (4) престижные потребности (потребность в уважении и признании со стороны других людей, в карьерном росте, в достижении успеха и т. п.); (5) духовные потребности (стремление к самоактуализации, экзистенциальные переживания: переживание и страх одиночества, поиск смысла жизни и др.) (Шевеленкова Т.Д., Казанцева М.А., 2017).

В наших исследованиях мы показали также, что важным психологическим фактором добровольной госпитализации, наряду с фрустрацией потребностей, является то, *как* пациент переживает свое существование в мире: существование «в стенах больницы» и «вне стен больницы». Было показано, что переживания своего существования пациентами, когда они выходят из стен больницы в «большой» мир и пребывают там, или же, наоборот стационируются в клинику и обречены на какое-то время быть «заключенными» в ее стенах, принципиально изменяется (Шевеленкова Т.Д., Казанцева М.А., Коновалова А.В., 2018)

Данное исследование, проводившееся в 2018 году ПКБ № 1 им. Н.А. Алексеева, продолжая ранее осуществленные нами, нацеленные на демонстрацию возможностей созданных авторами оригинальных методик и решение проблемы комплаентности & некомплаентности, призвано показать, что обращение в клинику при добровольной госпитализации может быть вызвано желанием пациентов, страдающих параноидной шизофренией, освободиться, с одной стороны, от гнета фрустрированных потребностей и от негативных переживаний своего существования «вне стен больницы» - с другой. В исследовании приняли участие 50 пациентов, страдающих параноидной шизофренией в состоянии ремиссии.

В продолжение исследования взаимосвязи субъективного ощущения фрустрированности потребностей разного уровня и желания в силу этого прибегнуть к добровольной госпитализации, было показано, что среди мотивов добровольной госпитализации доля (в %) фрустрации физиологических потребностей составляет всего лишь 8%, фрустрации как «престижных», так и духовных (экзистенциальных) потребностей – по 17%, фрустрации социальных потребностей – 25%, потребностей в безопасности – 33%. Иначе говоря, именно такова вероятность того, что фрустрация определенной группы потребностей приведет к добровольной госпитализации.

Впервые в данном исследовании мы попытались ответить на вопрос, как можно охарактеризовать отношение пациентов к ситуации фрустрации потребностей? Было предложено рассмотреть разные аспекты данного отношения: субъективная частота встречаемости ситуаций фрустрации, чувствительности пациента к фрустрации потребностей разного уровня, трудности в преодолении сложных жизненных ситуаций, вызванных фрустрацией указанных потребностей.

Были подсчитаны корреляции между субъективной оценкой *частоты* встречаемости ситуации фрустрации каждой группы потребностей в жизни пациента, субъективной *чувствительности* (*значимости* для пациента) к фрустрации разных потребностей и оценкой субъективной *трудности* их решения с выбором добровольной госпитализации при их возникновении. Было обнаружено, что пациенты, страдающие параноидной шизофренией, не будут стремиться к госпитализации при фрустрации физиологических потребностей. В то же время фрустрация всех остальных групп потребностей будет значимо связана со стремлением данных пациентов воспользоваться добровольной госпитализацией. К ней пациенты будут прибегать, прежде всего, при фрустрации потребностей в безопасности, особенно тогда, когда они испытывают трудности при попытках справиться со сложными жизненными ситуациями, вызванными фрустрацией данной потребности. При фрустрации группы социальных потребностей стремление госпитализироваться возникает у тех пациентов, которые, с одной стороны, считают себя наиболее чувствительными к их фрустрации и, одновременно, чаще с ними сталкиваются. Желание добровольно госпитализироваться возникает у пациентов, страдающих параноидной шизофренией, если они часто встречаются с житейскими ситуациями, вызванными фрустрацией как престижных, так и духовных (экзистенциальных) потребностей и, одновременно, испытывают трудности в их разрешении.

Пациенты, страдающие параноидной шизофренией, характеризуют свое существование в стенах больницы (по сравнению с тем, что они переживают вне стен клиники) как защищенное, спокойное, стабильное, связанное с переживанием чувства общности с другими пациентами, с ощущением поддержки и возможности общаться. В клинике их жизнь, по их мнению, более упорядочена, более открыта опыту, они ощущают себя более энергичными, чем вне стен больницы. Одновременно их существование в стенах клиники окрашено переживанием подчиненности и пустоты, хотя последнее настигает их и вне стен клиники.

Можно предположить, что при добровольной госпитализации данных пациентов в стены клиники влечет переживание одиночества, апатии, хаоса, ощущение брошенности,

опасности, большей замкнутости. Наиболее значимым переживанием, с точки зрения побуждения пациентов, страдающих параноидной шизофренией, явилось переживание брошенности. Исследование показало, что корреляционная связь между выбором пациентами добровольной госпитализации при фрустрации потребностей разного уровня и переживанием брошенности как в стенах больницы (0.444, p= .026), так и вне ее стен (0,506, p= .001) достаточно высока и статистически значима.

Связаны ли между собой характер переживаний своего существования в стенах и вне стен клиники и частота возникновения в жизни пациентов сложных жизненных ситуаций, вызванных фрустрацией потребностей разного уровня, чувствительность к ним, а также субъективная трудность их преодоления? Исследование показало, что статистически значимые связи между указанными выше параметрами действительно существуют, при этом плотность связей, характеризующих то, как переживают пациенты, страдающие параноидной шизофренией, ситуацию вне стен больницы выше, чем плотность связей между переживаниями в стенах больницы.

Приведем показатели плотности значимых корреляционных связей между параметрами отношения пациентов к фрустрации потребностей разного уровня (частоты встречаемости ситуаций фрустрации, чувствительности пациента к фрустрации, трудности в преодолении сложных ситуаций) с параметрами негативных переживаний своего существования в мире (непредсказуемость, тревога, брошенность, напряжение, апатия, подчиненность, замкнутость, хаос, пустота, опасность) ***вне стен больницы***. Для физиологических потребностей плотность значимых корреляционных связей равна 69%; для потребностей в безопасности – 60%; для социальных потребностей – 73%; для престижных потребностей – 36%; для духовных (экзистенциальных) потребностей – 82%. Таким образом, к негативным переживаниям своего существования в мире ***вне стен клиники*** пациентов, страдающих параноидной шизофренией, приводит, прежде всего, фрустрация духовных (стремление к самоактуализации, экзистенциальные переживания: переживание и страх одиночества, поиск смысла жизни и др.) и социальных потребностей (т.е. потребностей, связанных с потребностью в любви и принадлежности: стремление к общению, материальным благам, потребность принадлежать к различным социальным группам, потребность в эмоциональной поддержке и др.). В наименьшей степени с негативными переживаниями связана фрустрация престижных потребностей (потребность в уважении и признании со стороны других людей, в карьерном росте, в достижении успеха и т. п.).

Плотность значимых корреляционных связей между параметрами отношения пациентов к фрустрации потребностей разного уровня (частоты встречаемости ситуаций

фрустрации, чувствительности пациента к фрустрации, трудности в преодолении сложных ситуаций) с параметрами негативных переживаний своего существования в мире (непредсказуемость, тревога, брошенность, напряжение, апатия, подчиненность, замкнутость, хаос, пустота, опасность) ***в стенах больницы*** значимо ниже. Для физиологических потребностей плотность значимых корреляционных связей равна 12%; для потребностей в безопасности – 18%; для социальных потребностей – 12%; для престижных потребностей – 18%; для духовных (экзистенциальных) потребностей – 21%. Таким образом, и в стенах клиники негативные переживания своего существования в мире рождает фрустрацию прежде всего духовных (экзистенциальных) потребностей.

Исследование показало, как различные переживания своего существования в мире ***вне стен больницы*** пациентами, страдающими параноидной шизофренией, плотно связаны с переживанием фрустрации потребностей разного уровня (частоты встречаемости ситуаций фрустрации, чувствительности пациента к фрустрации, трудности в преодолении сложных ситуаций). Высокая плотность значимых корреляционных связей между указанными выше показателями обнаружена для следующих типов переживания своего существования в мире: для тревоги – 100%; для переживания непредсказуемости и опасности собственного существования – 87%; для ощущения хаоса и пустоты – 80%; для переживания апатии – 67%; для ощущения брошенности и пустоты – 53%, для переживания подчиненности другим и замкнутости – 47% и 40% соответственно. Наименее связанным фрустрацией потребностей разного уровня оказалось переживание одиночества: плотность значимых корреляционных связей равна всего лишь 20%.

Относительно высокая плотность значимых корреляционных связей для различных аспектов переживания своего существования в мире и характеристиками фрустрации потребностей разного уровня пациентов, страдающих параноидной шизофренией, ***в стенах клиники*** обнаружили тревога и напряженность – по 67% соответственно. Такие переживания своего существования в мире, как брошенность, апатия, подчиненность, замкнутость, одиночество и опасность оказались ***в стенах больницы*** вообще не связанными (не ассоциируются пациентами) с характеристиками фрустрации потребностей, что вполне понятно, поскольку переживание фрустрации потребностей и возникновение в силу этого сложных жизненных ситуаций – это характеристика и прерогатива существования пациента в «большом мире» вне больничных стен.

Литература

Казанцева М.А., Шевеленкова Т.Д. Мотивы добровольной госпитализации пациентов, страдающих параноидной формой шизофренией, с разными типами комплаенса // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование», М., 2017. № 3 (5). С 110-131.

Шевеленкова Т.Д., Казанцева М.А., Коновалова А.В. Переживание своего существования в стенах больницы как фактор комплаенса и повторной госпитализации больных, страдающих параноидной шизофренией // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование», М., 2018. № 3. С 115-137.

Шмилович А.А., Гончаренко С.Н. Клинико-социальные аспекты добровольной госпитализации больных параноидной шизофренией // Уральский журнал психиатрии, наркологии и психотерапии. 2014. №1(2). С. 6–15.

Сведения об авторе

Шевеленкова Татьяна Дмитриевна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Институт психологии им. Л.С. Выготского Российского Государственного Гуманитарного университета, E-mail: shevelenkova@gmail.com

HOSPITAL SUBCULTURES OF PATIENTS SUFFERING FROM PARANOID SCHIZOPHRENIA

Shevelenkova T.D.

Russian State University for the Humanities, Moscow

Keywords: “Frustration of needs”, “Experience of existence-in-the-world”, “Voluntary hospitalization”, “The space of the clinic as a microsocium”.

Abstract. The article deals with issues related to how patients suffering from paranoid schizophrenia experience their existence in the space of a psychiatric clinic, which is a microsocium in which a special life boils, as well as the characteristics of their existence outside it. Special attention is paid to what are the factors that “return” patients to this space, which they are supposed to be willing to leave, namely, to the characteristics of the existence of patients in a “large” society. The study shows that the desire of patients suffering from paranoid schizophrenia to free themselves, on the one hand, from the oppression of frustrated needs, and from the negative experiences of their existence “outside the hospital,”- on the other hand, may become psychological motives for voluntary hospitalization. It is proved that the life of patients outside the clinic is characterized by the most dense connection between the experiences of their

existence in the world and their attitude to the frustration of needs. A stay in the clinic is characterized by a weakening of this connection.

About author: T.D. Shevelenkova – Ph.D., associate professor, chief of the department of neuro- and abnormal psychology, Faculty of Psychology, Institute of Psychology, named after L. S. Vygotsky, Russian State University for Humanities, e-mail: shevelenkova@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ КАРТИНЫ МИРА У ШКОЛЬНИКОВ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Максименко М.Ю., Шаль Л.Г.

Институт психологии им. Л.С. Выготского (РГГУ), Москва

Ключевые слова: картина мира, школьное обучение, расстройства аутистического спектра, коммуникация, когнитивный дефицит

Аннотация. В статье рассматриваются пути помощи школьникам с расстройствами аутистического спектра в освоении окружающего мира в процессе обучения. Особенности эмоционально-личностной, коммуникативной и когнитивной сфер приводят к специфическим представлениям об окружающем мире у детей с расстройствами аутистического спектра, и они пытаются формировать вокруг себя упрощенную, неизменную, стабильную картину мира. Для реализации потенциала данной категории детей необходима их длительная адаптация, предполагающая включение ребенка в процесс активного познания постоянно изменяющегося мира. При попадании в школьную среду у ребенка с аутистическими чертами появляется возможность формировать адекватную картину мира, на что направлена описанная система воспитания и обучения соответствующей категории детей.

В настоящее время в мире увеличивается количество высокофункциональных детей с аутистическими чертами, входящих в широкий социум. Их поведенческие особенности вызывают негативные реакции со стороны общества, поэтому стоит актуальная задача их социально-психологической и поведенческой адаптации. Эти дети включаются лишь в свой специфический микросоциум, что можно рассматривать как вариант субкультуры. У данной категории детей существуют привычные стереотипы взаимодействия родителя и ребенка, сформировавшиеся в дошкольный период. Установление контакта с окружающим миром: людьми, предметами и событиями

является специфическим, страдают навыки психологического взаимодействия наряду с дефицитом когнитивных процессов. В большинстве случаев контакт осуществляется на непроизвольном уровне и носит формальный характер, наблюдается отсутствие эмоционального реагирования на окружающую ситуацию, нередко безразличие даже к близким, часто сочетающиеся с повышенной ранимостью, пугливостью, чувствительностью к изменению окружающей ситуации (Лебединская, Лебединский, 2011). Изменчивость окружающего мира приводит к формированию большого количества страхов. Со всеми этими эмоциональными, коммуникативными и когнитивными особенностями дети с аутизмом приходят в общеобразовательную школу (Манелис, 2000, Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М., 2010). В этом случае перед педагогами, психологами и работниками школы встает необходимость введения конкретного ребенка в новую социальную ситуацию. В силу того, что для этих детей характерно поддерживать постоянство окружающей среды и аффективно реагировать на малейшие изменения, часто окружающие взрослые для того, чтобы нивелировать негативные поведенческие и эмоциональные реакции, создают упрощенную, практически не меняющуюся среду, что является принципиально неверным. Основной задачей школьного обучения, наряду с собственно обучением, является замещение сложившихся стереотипов поведения более подвижными социально-приемлемыми формами поведения. Представления об окружающем мире у детей с РАС носят фрагментарный характер, часто состоящий из разрозненных элементов, не связываемых ребенком между собой, их характеризует отсутствие стремления к активному познанию окружающего мира. Для освоения представлений о сложности окружающего мира необходимо целенаправленно формировать стройную систему последовательно-параллельного включения различных компонентов повседневной жизни и обеспечения понимания взаимосвязей между предметами и явлениями. В первую очередь, это относится к среде, в которую попадает ребенок, она должна быть организована определённым образом, для обеспечения безопасности и комфортности школьников. Желательно, чтобы окружающая обстановка создавалась как насыщенная среда, отражающая интересы и потребности детей. В первую очередь, для более плавного перехода от одной ведущей деятельности (игровой) к другой (учебной): ребенок включается в пространство, в котором одна часть позволяет реализовать игровую деятельность, а другая – учебную. Традиционное учебное пространство на начальных этапах обучения является для ребенка дискомфортным в силу выраженных трудностей переключения на новый способ жизни (сидение за партой в течение достаточно длительного времени). Наличие игрового пространства предполагает присутствие в классе или по соседству большого выбора игрушек (от мягких до мелких

тематических), настольных игр, мячей и пр., что позволяет выразить и проиграть негативные ощущения, страхи, разрешение конфликтных ситуаций. По мере освоения учебной деятельности игровая мотивация вытесняется познавательной и только в редких случаях может актуализироваться.

Границы собственного маленького мира вынужденно расширяются до границ группы. Ребенок становится частью одного большого целого. Ему требуется зрительно, а иногда и тактильно воспринимать окружающих. Важно, чтобы на стенах класса были фотографии всех одноклассников и учителей, так как иногда ребенку трудно узнать на фотографии себя, при этом с меньшими трудностями они находят и узнают других. Для полноценной реализации навыков самообслуживания необходимо освоение всех школьных пространств: классов, где занимаются рисованием, музыкой, гимнастикой, кружковой деятельностью, столовой, раздевалкой и переходами из одного пространства в другое. Для преодоления ригидных установок в поведении не предполагается фиксация конкретных мест за каждым ребенком. Первоначально дети свободно располагаются на самостоятельно выбранных местах, но периодически, 1-2 раза в год, структура меняется. Школьникам предлагается сидеть либо за одним общим столом, когда все парты соединяются в один стол, либо на сдвоенных партах. На переменах задачей педагога является обеспечение безопасности детей в классе или коридоре при их повышенной двигательной активности, в этом случае может быть организована совместная активная игра. Важной составной частью освоения пространства является освоение внешкольного пространства, куда можно отнести территорию школы и около нее, а также ближайшие парки. В рамках различных пространств имеет смысл фиксировать внимание на различных объектах: картинах, фотографиях, инсталляциях и интерьерном пространстве.

Расширение границ мира неизбежно приводит к необходимости вступать в контакт с окружающими людьми, в первую очередь со сверстниками и педагогами. В школу ребенок приходит с ограниченным репертуаром способов взаимодействия с людьми (Ньокиктьен, 2010). Для создания непроизвольной коммуникации детей важно, чтобы в первые месяцы знакомства они сидели как можно ближе друг к другу, особенно в ситуации одного общего стола как в процессе обучения, так и при проведении совместных настольных игр. В процессе совместных игр непроизвольный контакт может устанавливаться, например, в игре «лото», когда ребенок видит недостающую у себя фишку у соседа, или в обсуждении темы рисунка, что нарисовал другой. У части детей имеется потребность в тактильном контакте (например, держать другого за руку),

удовлетворение этой потребности может поддерживаться путем создания пар при передвижениях по школе, стимулируя одновременно и зрительный контакт.

Основной движущей силой развития для обычного ребенка является речевое общение. Для детей с РАС первым важным этапом установления коммуникативных отношений являются невербальные средства коммуникации. Необходимым компонентом установления контакта с ребенком являются эмоционально-выразительные характеристики речи педагога (интонация, активные жесты, мимика, изменение громкости голоса). При усилении общего возбуждения детей в классе полезным бывает не повышение громкости голоса учителя, а скорее его снижение, вплоть до шепота или внезапной остановки речи педагога. Резкое изменение акустических параметров в среде, окружающей ребенка, приводит к изменению уровня двигательной и поведенческой активности учащихся. Наличие шуток в речи педагога постепенно усваивается школьниками, и они начинают эмоционально реагировать на юмор, что способствует регуляции поведения и установлению непроизвольных коммуникативных отношений со взрослым. Поскольку дети с РАС, как правило, ограничены в контактах и возможностях совместной деятельности, то организация досуга с неформальным участием родителей способствует установлению контакта и расширению поведенческого репертуара детей. Это может быть проведение совместных праздников: дней рождения детей, Нового года, экскурсий, посещение бассейна, катков, совместные походы с палатками, лыжные прогулки за городом и т.д. (Никольская О.С., 2001). При проведении подобных мероприятий имеет смысл активно включать детей в организацию общего стола, в частности, в приготовление пищи, расстановку посуды, раскладывание угощений по тарелкам, разливание напитков и последующее участие в уборке. По данным различных исследований, специфической особенностью детей с РАС являются ригидные установки по отношению к пищевому поведению, например, едят только гомогенную пищу или крайне избирательны в отношении отдельных продуктов. (Лебединская, Лебединский, 2011). Для преодоления таких стереотипов поведения важно совместное потребление разнообразных продуктов, но этому должно предшествовать активное участие детей в приготовлении блюд: салатов, бутербродов и т.д. Данную деятельность можно организовать в виде уроков кулинарии, на которых дети имеют возможность взаимодействовать с разными продуктами и видеть их трансформацию в процессе приготовления, что снижает страхи перед едой и повышает интерес к новым продуктам и обеспечивает постепенное привыкание к приготовленным блюдам, тем самым способствуя к совместному потреблению и естественному расширению репертуара пищевого поведения.

В процессе обучения школьников с РАС наряду с поведенческими особенностями отчетливо выступают различные когнитивные дефициты. Диспропорциональность когнитивного развития особенно отчетливо проявляется в учебной деятельности. Основными когнитивными дефицитами, характерными практически для всех детей с РАС, являются нарушения произвольных форм психической деятельности, особенности речевого развития, зрительно-гностические дефициты и нарушение понимания вербального и зрительно предъявляемого материала (неречевое мышление) (Шаль, Максименко, 2018). Последовательное формирование произвольного внимания осуществляется во всех видах урочной и внеурочной деятельности. Необходимо преодоление трудностей переключения во всех психических процессах, особенно в речи и мышлении, дефицита зрительного восприятия, наглядно-образного мышления, понимания речи при соотнесении прочитанного или услышанного материала с соответствующими образами, моторного развития, эмоциональных реакций, математических представлений. Дополнение традиционных упражнений активным созданием иллюстративного материала в виде самостоятельного рисунка школьника позволяет полноценно усвоить соответствующий материал, закрепляя знания об окружающем мире. Эти дополнительные задания повышают ориентировочную реакцию на новизну, помогают разнообразить способы усвоения изучаемого материала, усиливают мотивацию. На уроках русского языка при развитии развернутого речевого высказывания формируются навыки отражения окружающей действительности, собственных чувств и переживаний детей в сочинениях и изложениях. В математике необходимо включение элементов геометрии для обеспечения усвоения навыков зрительно-пространственных отношений и их анализа. Планирование решения задач является для них достаточно сложной деятельностью, и в этом случае необходимо развитие логики с опорой на зрительный образ.

Комплексный подход к включению школьников с РАС в активную учебную деятельность и социальное взаимодействие приводит к осознанию явлений и событий в картине мира ребенка, и, следовательно, формирует систему адекватных представлений об окружающем мире.

Литература

Лебединская, К.С., Лебединский, В.В. Нарушения психического развития в детском и подростковом возрасте. – М.: Академический проект, 2011. – С. 100-122

Манелис Н.Г. Сравнительный нейропсихологический анализ формирования высших психических функций у здоровых детей и у детей с аутистическими расстройствами. автореф. дисс. … канд. психол. наук: 19.00.04 / - М.: 2000. – 24 с.

Никольская О.С. Проблемы обучения аутичных детей // Детский аутизм / составитель Л.М. Шипицына. СПб.: «Дидактика Плюс», 2001. С. 181-199.

Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребёнок. Пути помощи. М.: «Теревинф», 2010. – 288 с.

Ньокиктьен Ч. Детская поведенческая неврология Т. 2 / Под. ред. Н.Н. Заваденко М.: «Теревинф», 2010. С. 166-208.

Шаль Л.Г., Максименко М.Ю. Отличительные особенности наглядно-образного мышления и гностических функций у детей старшего и среднего школьного возраста при расстройствах аутистического спектра // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2018 (18), №4 72-80 http://psychildhealth.ru/2018-01.html

Сведения об авторах

Максименко М.Ю., доцент, Институт психологии им. Л.С. Выготского (РГГУ), Москва vladmaks@yandex.ru

Шаль Л.Г., старший преподаватель, Институт психологии им. Л.С. Выготского (РГГУ), Москва lyuc.psy@gmail.com

FORMING A PICTURE OF THE WORLD IN SCHOOLCHILDREN WITH AUTISM SPECTRUM DISORDER

Maksimenko M.Y, Shal L.G.

Russian state university for the humanities, Moscow

Keywords: a picture of the world, schoolchildren, autism spectrum disorders, communication, cognitive deficit

Abstract. The article discusses ways to help schoolchildren with autism spectrum disorders in the development of the surrounding world in the learning process. The characteristics of the emotional-personal, communicative and cognitive spheres lead to specific ideas about the world in children with autism spectrum disorders, and they try to form around themselves a simplified, unchanging, stable picture of the world. To realize the potential of this category of children, their long-term adaptation is necessary, which involves the inclusion of a child in the process of active cognition of a constantly changing world. Getting into the school environment, a child with autistic traits has the opportunity to form an adequate picture of the world, to which the described system of education and training of the corresponding category of children is directed.

About authors:

Maksimenko M.Y., PhD in Psychology, Russian state university for the humanities, associate professor, Moscow vladmaks@yandex.ru

Shal L. G., Russian state university for the humanities, senior lecturer, Moscow lyuc.psy@gmail.com

КУЛЬТУРА СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ЛЮДЕЙ С ТЯЖЕЛЫМИ СОМАТИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Нестерова А.В.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Ключевые слова: поддерживающие сообщества, нарушенный онтогенез, посттравматический рост

Аннотация. Социальная поддержка родителей во время лечения детей с тяжелой патологией осуществляется за счет образования родительских сообществ. Обмен чувствами, тревогами, информацией формирует некую общность поддерживающих друг друга родителей, где формируется своеобразная «субкультура общих переживаний». После окончания лечения роль этих сообществ ослабевает. Родители оказываются один на один с болезнью ребенка. Социальное и психологическое функционирование семьи подвергается большим угрозам. Часто родители осознанно выбирают стратегию самоизоляции, чтобы оградить ребенка от стрессов, стигматизации. На вопрос о том, посоветуют ли они информировать будущего супруга своего ребенка о перенесенном им в детстве опухолевом заболевании, 45% родителей ответили отрицательно. В результате стратегии самоизоляции и чрезмерного ограничительного поведения, в семье формируется симбиотическое функционирование, что нарушает нормальный онтогенез. Следовательно, самоизоляция семьи с ее проблемами от «помогающих» сообществ» решает сиюминутные проблемы, не преодолевая главных. Для предотвращения феноменов социальной изоляции и стигматизации, необходимо формирование культуры поддержки таких семей.

Сообщество бывших пациентов несет в себе функцию, поддерживающую и способствующую преодолению тревоги. Такие сообщества целесообразны и образуются, как правило, среди пациентов, у которых возможно дальнейшее развитие болезни. Чем

шире сеть таких сообществ, тем больше вероятность эффективной поддержки пациента, его автономности и самостоятельности. В случае тяжелого соматического заболевания, в частности онкологического, основная цель таких сообществ: сделать диагноз онкологического заболевания не tabula rasa, а открытым и обсуждаемым, пропагандировать случаи полного выздоровления, помогать преодолению экзистенциального кризиса.

Не менее важна организация такой поддержки для родителей, у которых болеют дети.

Острая или хроническая болезнь детского возраста может влиять на нормальный онтогенез, менять всю социальную ситуацию развития человека. (Николаева, 1987).

Ребенок не сам формирует отношение к болезни, наделяет ее смыслом, придает ей характер экзистенциальной угрозы. Для ребенка существует только симптом, болезненное состояние и отношение к нему родителей. Переживания, способные придать ситуации болезни смысл экзистенциальной угрозы, у детей связаны с позицией ближайшего социального окружения.

Во время лечения в стационар, мать находится в непосредственной близости от ребенка. В этот период она получает большую поддержку со стороны других родителей, дети которых также находятся на лечении. Обмен чувствами, тревогами, информацией формирует некую общность поддерживающих друг друга родителей. В каком-то смысле общение родителей во время лечения детей внутри стационара приобретает форму своеобразной «субкультуры общих переживаний».

На этом отрезке времени важна не только способность к осознанию эмоций, но и их проговаривание, особенно в группе. Такая проработка снижает интенсивность переживаний и сводит к минимуму характерные для острого периода аффективные и когнитивные процессы. Постоянное «пережевывание» произошедшего, непродуктивное фантазирование, навязчивые однообразные мысли о событии, сменяются более глубокими мыслями, приобретают характер рефлексивных размышлений. Переживания постепенно встраиваются в жизненный опыт, становятся частью личной истории. (Tedeschi, R.G. 2004).

Однако после выписки из стационара наступает другой период, когда роль поддерживающих сообществ ослабевает. Родители остаются «один на один» со своими проблемами.

В это время родители, помимо страха перед возвратом заболевания, обеспокоены тем, что ребенок может столкнуться с «особым» отношением как со стороны сверстников, так и со стороны их родителей. В нашем исследовании были зафиксированы случаи, когда

родители больного ребенка меняли место жительства, чтобы оградить его от ненужных расспросов. Часто родители осознанно выбирали стратегию самоизоляции. Они говорили о том, что старались держать детей в стороне от реальных жизненных проблем. Изоляция, наряду с системой ограничений, установленных в семье, влияла на формирование ребенка, его мотивационную сферу, искажала онтогенез. (A.Nesterova, 2018). Наряду с тем, что в структуре ограничительного поведения сфера общения была задета наименее - место (3%), в контрольной группе - 12%, само это общение было достаточно селективно. Формировались особые симбиотичные отношения между родителями и ребенком. Симбиотичность затем трансформировалась в более сложные отношения, связанные с взаимной зависимостью. Сами родители говорили о том, что в это время находились в постоянном страхе (Нестерова, 1998).

Тяжелое травматическое событие может сопровождаться психическими расстройствами аффективного спектра (тревога, депрессия). Через некоторое время эти расстройства могут смениться адаптивными формами поведения. Возможен также третий путь выхода из травматического события - это личностный рост.

Посттравматический рост — это процесс значительных позитивных изменений, которые происходят после травматического события. Он выражается в дальнейшем развитии и совершенствовании личности. (Tedeschi, 2004).

В некоторых исследованиях люди, перенесшие тяжелое стрессовое событие, называют его не только самым негативным, но и самым позитивным событием в жизни, так как оно способствовало значительному рывку в их личностном развитии. Однако все же они отмечали, что лучше бы столь болезненное событие в их жизни не происходило. (Tedeschi, 2004).

Основным внешним фактором посттравматического роста личности является качественная социальная поддержка, возможность облечь все пережитое и прочувствованное в слова, взглянуть на прошлое извне, «из безопасного места», обсудить в кругу людей, перенесших это же или подобное событие. Важна не только способность к осознанию эмоций, но и их проговаривание, особенно в группе. Такая проработка снижает интенсивность переживаний и сводит к минимуму характерные для острого периода психологической травмы мыслительные процессы: постоянное «пережевывание» произошедшего, непродуктивное фантазирование по типу: «А что, если бы…» (Tedeschi, 2004).

Необходимо наличие таких стратегий реагирования на стресс, которые направлены на преодоление трудностей, переработку болезненного опыта. Существует понятие вторичного посттравматического роста, который происходит после ознакомления с

рассказом человека, пережившего такое же событие. Таково, в частности, влияние некоторых литературных произведений, документальных фильмов, описывающих хронику преодоления драматических событий, или истории людей, страдающих тяжелым, а иногда и смертельным заболеванием, но ведущих активную, наполненную смыслом жизнь. Это может являться основанием для проведения психотерапии.

Следовательно, изолирование семьи с ее проблемами от «помогающих» сообществ» решает сиюминутные проблемы, не решая главных.

Родители устанавливали высокую степень информационной изоляция, чтобы оградить ребенка от стрессов, стигматизации. (Как уже упоминалось, в нашем исследовании на вопрос о том, посоветуют ли они информировать будущего супруга своего ребенка о перенесенном в детстве опухолевом заболевании, 45% родителей ответили отрицательно.)

Таким образом, для предотвращения феноменов социальной изоляции и стигматизации, необходима помощь как специалистов «помогающих» профессий, так и сообществ, которые могли бы поддерживать родителей больных детей на отдаленных этапах лечения.

Литература

Нестерова А.В. Отдаленные психологические последствия проведенной в детском возрасте противоопухолевой терапии. Автореф. канд. дис. - М. , 1998.

Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику, М., Изд-во Московского университета,1987.

Tedeschi, R. G., & Calhoun, L. G. (2004). Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence. Psychological Inquiry, 15, 2004, 1-1

Alexandra Nesterova, Sergei Khrushchev, Dmitry Vybornykh, Vadim Emelin, Alexander Tkhostov. Family behavior restrictions in patients with oncohematological diseases. Psycho-Oncology. V: 27, № suppl.:S1: 2018. John Wiley & Sons Inc.: United States : p.78-78

Сведения об авторе

Нестерова Александра Владимировна, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Институт психологии им. Л.С. Выготского, факультет психологии, кафедра нейро- и патопсихологии, доцент, a-nesterova@bk.ru

THE CULTURE OF SOCIAL SUPPORT FOR PEOPLE WITH SEVERE SOMATIC DISEASES

Nesterova A.

Russian state University for the Humanities, Moscow

Key words: supportive communities, impaired ontogenesis, post-traumatic growth

Abstract. Social support for parents during the treatment of children with severe pathology is carried out through the formation of parent communities. The exchange of feelings, anxieties, information forms a certain community, supporting each other's parents in which a kind of "subculture of common experiences" is formed. After treatment, the role of these communities weakens. Parents find themselves alone with the disease of the child. The social and psychological functioning of the family is under great threat. Often parents consciously choose a strategy of self-isolation to protect the child from stress, stigma. On the question of whether they will advise future spouse to inform your child about experiences of childhood malignant disease, 45% of parents replied in the negative. As a result of the strategy of self-isolation and excessive restrictive behavior, symbiotic functioning is formed in the family, which violates normal ontogenesis. Consequently, the self-isolation of the family with its problems from the "helping" communities" solves momentary problems without solving the main ones. In order to prevent social exclusion and stigmatization, a culture of support for such families must be developed.

About author: Nesterova Alexandra Vladimirovna. Ph.D., associate professor, department of neuro- and patopsychology, Faculty of Psychology, Institute of Psychology, named after L.S. Vygotsky, Russian State University for the Humanities. a-nesterova@bk.ru

СУБКУЛЬТУРА И/ИЛИ ПЕРВЕРСИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ КАБИНЕТА ПСИХОАНАЛИТИКА

Борзова М.В.

Российский Государственный Гуманитарный Университет, Институт Психологии имени Л.С. Выготского, Москва

Ключевые слова: перверсия, БДСМ, женская перверсия, садизм, мазохизм, травматизация, горе, утрата, меланхолия

Википедия дает определение БДСМ — психосексуальная субкультура, основанная на эротическом обмене властью и иных формах сексуальных отношений, затрагивающих ролевые игры в господство и подчинение. БДСМ может быть самодостаточной практикой, не связанной с сексуальным поведением.

Современные психоаналитические подходы пытаются понять перверсии не столько как сексуальное первертное поведение, сколько как качество объектных отношений; рассматриваются различные элементы первертных объектных отношений. Наиболее значимые и известные идеи и авторы: Ж. Сажге – Смиржель, Б. Розенберг, Парсон, Р. Столлер, Мак Дугалл, Р. Блосс, Р. Тач, П. Ракамье, Гольдберг, Д. Янов и др. Они отмечают следующие черты:

1. В перверсных отношениях нет взаимности. Различия отрицаются – гендерные, поколенческие, отрицаются различия между классами людей, между учителями и учениками. С людьми обращаются так, словно они взаимозаменяемы, или как если бы они были просто частичными объектами.

2. Перверсные отношения садомазохистичны, сознательное или бессознательное причинение вреда объекту доставляет удовольствие.

3. Отношения сексуализируются, сексуальное возбуждение используется для маскировки ненависти, ярости и горя.

4. Перверты часто используют защитную организацию, связанную с расщеплением, отрицанием, фетишизацией, избеганием, идеализацией, притворным равнодушием, культом фаллоса, теориями о мужском превосходстве и фаллических женщинах и так далее.

Суть перверсий заключается в несогласованности с желанием и удовлетворением другого, в желании использовать этого другого исключительно для получения удовольствия, независимо от того, получает это удовольствие другой или нет, независимо от того, что другой переживает.

Перверсная организация позволяет человеку извлекать удовольствие из того, что когда-то было крайне неприятным, из своих болезненных переживаний. Она повторяет прошлый травматический опыт, но уже эротизируя его. Садо - мазохизм может оказаться единственным способом отношений, для пациентов – женщин единственный способ, чтобы овладеть своей пассивностью.

Бенно Розенберг в своих исследованиях мазохизма выделяет смертельный (смертоносный) мазохизм и жизненный мазохизм (мазохизм жизни). Отмечу, что с точки зрения Бенно Розенберга концепция мазохизма является фундаментальной для метапсихологии психоанализа и для психоаналитического лечения. В своих клинических

исследованиях он опирается на идеи Фрейда о первичном - эрогенном мазохизме - и на его теорию влечений к жизни и влечений к смерти. Цитата из работы «Экономические проблемы мазохизма» З. Фрейда - «У многоклеточных живых организмов либидо сталкивается с господствующим влечением к смерти или деструктивным влечением… Задача либидо – обезвредить это разрушительное влечение, и оно решает эту задачу, быстро и в значительной степени отводя его вовне с помощью особой системы органов, мускулатуры, отводя его на объекты внешнего мира. В таком случае оно называется деструктивным влечением, влечением к овладению, волей к власти. Часть этого влечения ставится непосредственно на службу сексуальной функции… Это и есть собственно садизм. Другая часть не осуществляет подобного переноса вовне, она остается в организме и либидинозно связывается там с помощью упомянутого сопутствующего сексуального возбуждения, в нем мы должны признать первоначальный эрогенный мазохизм» (З. Фрейд, 2006). Розенберг пишет о том, что «Первоначально Я мазохистично, иначе оно не может ни сохраняться, ни существовать» (Б.Розенберг, 2018). Первичный мазохизм препятствует удовлетворению влечения к смерти. Мать является тем объектом, первоначальная задача которого - связывать влечения к жизни и влечение к смерти ребенка, поскольку сам ребенок этого не может. Первичный мазохизм жизни помогает ребенку ждать мать и выжить в этом ожидании. Розенберг делает вывод о том, что при дисфункции первичного мазохистического ядра – организатора Я - возникает угроза расщепления Я как вынужденного ответа на чрезмерное возбуждение. Бенно Розенберг, сравнивая свои идеи с идеями Мелани Кляйн, говорит, что состояние максимального уровня разъединения влечений, совместимого с жизнью, не что иное, как расщепление объекта, описанного Мелани Кляйн как расщепление на хороший и плохой объект, и (прежде всего) является расщеплением Я.

Розенберг дает несколько определений смертельного мазохизма, одно из них заключается в том, что смертоносным мазохизмом является мазохизм, который слишком хорошо развивается. Когда человек инвестирует мазохистически все свои страдания, всю свою боль и неудовольствия или почти все.

Розенберг дает еще несколько характеристик мазохизма смерти:

Смертоносный мазохизм определяется через удовольствие через возбуждение, которое идет в ущерб либидинальной объектной разрядке. Смертельный мазохизм пытается реализовать нечто вроде «мазохистического аутизма», центрированного вокруг возбуждения в себе, пациент в таком состоянии всеми силами отказывается от объекта. Как следствие такого отказа, происходит как бы блокирования влечения к жизни. В результате такой мазохизм может привести к повреждению нормального

функционирования либидо и самосохранения. «Мазохистичное сверхинвестирование возбуждения, которое происходит в первичном дистрессе (отсутствие матери, например), говорит Розенберг, имеет своим следствием нечто вроде дезаффектации других форм защит, в первую очередь проекции». «Это такой мазохизм, который изо всех сил старается сделать ненужной проекцию и посредством этого любую связь с объектом» (Б. Розенберг, 2018).

Перверсия помогает пациентам не чувствовать горя и боли, чувств, связанных с психической (а иногда и с физической) травмой.

Меланхолия должна сделать свою работу, подобно работе горя. В работе «Печаль и меланхолия» З. Фрейд говорит - «Подобно тому, как печаль побуждает Я отказаться от объекта, объявляя объект мертвым и предлагая Я в виде награды остаться в живых, точно так же каждый отдельный конфликт амбивалентности ослабляет фиксацию либидо на объекте, обесценивая его и унижая, словно убивая. Есть вероятность того, что процесс заканчивается в Бессознательном, будь то после того, как улеглась ярость, или после того, как объект оказался отвергнутым или не имеющий ценности» (З.Фрейд, 2006).

Опираясь на идею Фрейда о значении первичного эрогенного мазохизма, задачей которого является связывание влечений к смерти посредством либидо, Розенберг говорит о том, что «Успех работы меланхолии основан на возможности перехода от садизма меланхолика с его разъединением влечений к мазохизму, этот процесс эквивалентен объединению влечений». То есть работа меланхолии состоит, в том числе, в связывании разрушительности и деструктивности, чтобы посредством трансформации аутосадизма в мазохизм, заново установить связь с объектом. И, с одной стороны, для того, чтобы была выполнена работа меланхолии нужен достаточно развитый мазохизм, организованный садо-мазохизм. А с другой, как будто он же и защищает от этой работы, от работы горя.

У перверта не менее строгая совесть, просто она действует иначе. Совесть перверта позволяет сохраняться только одной части запретных тенденций для того, чтобы убежать от других тенденций, которые Супер – эго кажутся еще более нежелательными. Она отбрасывает желания, принадлежащие эдиповому комплексу (эдиповы желания – желания любви и привязанности к родителям). Наблюдаемое отсутствие торможения у перверта – лишь влияние супер-эго, не менее строгого, но действующего иначе.

Мелани Кляйн (Мелани Кляйн, 2008) в статьях о криминальности отмечает, что дети будут тем больше проявлять асоциальные и криминальные тенденции, чем больше они боятся жестокого возмездия от своих фантастических жестоких родителей за свои агрессивные фантазии в отношении их. В фантазиях детей часто присутствуют темы преследования со стороны родителей, что их разрежут на кусочки, съедят, отрежут им

голову, руки, ноги. «Согласно орально- и анально-садистическим стадиям, которые проходит ребенок, сексуальные отношения понимаются им как действия, где главную роль играют поедание, приготовление пищи, обмен фекалиями и садистические акты любого вида (избиение, отрезание и т.д.)». «В бессознательном действует принцип «око за око», что объясняет то, каким образом мы обнаруживаем в детях подобные фантастические идеи о том, что родители могли бы сделать с ними: убить их, сварить, кастрировать…» (М. Кляйн, 2008). В садо-мазохистических фантазиях можно увидеть формирующееся Супер-эго ребенка со всеми жестокими невытесненными архаическими инфантильными переживаниями.

По Мелани Кляйн – «символизация осуществляется подавлением и замещением интереса к материнскому телу, в результате чего объекты внешнего мира наделяются символическим значением». Чем сильнее воображаемая садистическая проективная атака, направленная на тело матери, тем вероятнее происходит нарушение процесса символизации, тем большую тревогу она вызывает.

Эстелла В.Уэллдон (Эстелла В.Уэллдон, 2016), исследовавшая женскую перверсию, выделяет основное различие между мужской и женской перверсией. Оно заключается в том, что у мужчин первертное действие направлено на внешний частичный объект, а у женщин первертное действие направлено на себя, на свое тело или на объекты, которые воспринимаются как часть своего тела, то есть на своих детей.

Р. Столлер (Р. Столлер, 2016), размышляя о перверсии как эротической форме ненависти, говорит, что нормальное развитие требует, чтобы младенец подвергался все большей фрустрации, чтобы возникла возможность разлуки, следствием которой станут функции Я и идентичности, необходимые для того, чтобы справляться с внешним миром. Но в то же самое время этот процесс и создает резервуар бессознательной ненависти. В своей примитивной форме любая активность является жестокой. Р. Столлер выдвигает гипотезу о том, что для того, чтобы перверсия сформировалась, травма или фрустрация должны быть нацелены на анатомические половые органы и их функции или на маскулинность и феминность.

В работе «Экономическая проблема мазохизма» З. Фрейд (З. Фрейд, 2006) пишет о женском мазохизме как о естественной женской пассивности, включающую кастрацию, коитус и роды. Но так же исследуя эти мазохистические фантазии, он обнаружил, что «мазохист хочет, чтобы с ним обращались как с маленьким, беспомощным и зависимым, но, главное, как со скверным ребенком». «Я назвал такую форму мазохизма женской, хотя очень многие ее элементы указывают на инфантильную жизнь», - говорит Фрейд. В фантазиях пациентов можно обнаружить следы их истории – серьезные медицинские

вмешательства, в случае тяжелых соматических болезней в раннем детстве. Ранние разлуки с матерью. Опыт применения физического и психологического насилия в семье. Такие пациенты могут часто соматизировать уже во взрослой жизни. «Телесный недуг может удовлетворять потребность в страдании, которое является выражением бессознательного чувства вины» говорит Фрейд (З. Фрейд, 2006).

Садо-мазохизм защищает пациентов от травмы, он постоянно рассказывает об этой травме, но уже не на языке боли и горя, а на языке триумфа и эротизации. Первертность выступает в качестве защиты от очень ранней травматизации – часто, разлуки с матерью и тяжелых соматических болезней.

Литература

Мелани Кляйн. Психоаналитические труды. Издательский дом «ERGO». 2008. Т. 1. Развитие одного ребенка. Криминальные тенденции у нормальных детей. С.259-280.

Поль-Клод Ракамье. О нарциссической перверсии// Международный психоаналитический ежегодник. 2015. Пятый выпуск. С. 269-284.

Бенно Розенберг. Мазохизм смерти и мазохизм жизни. Москва: Когито – Центр. 2018.

Роберт Дж.Столлер. Перверсия: эротическая форма ненависти. ООО Издательский дом «ERGO». 2016.

Ричард Тач. Убийство психики: тираническая власть и другие точки на спектре перверсии// Международный психоаналитический ежегодник. 2013. Третий выпуск. С.197-220.

Эстела В. Уэлдон. Мать, Мадонна, Блудница. Москва: Издательство «Перо». 2016.

З. Фрейд. Печаль и меланхолия. Психология бессознательного. Москва: ООО «Фирма СТД». 2006. С. 205-225.

З. Фрейд. Экономические проблемы мазохизма. Психология бессознательного. Москва: ООО «Фирма СТД». 2006. С. 361 - 377.

Les perversions. Les Chemins de traverse. Acheve d’imprimer en Septembre 2000 par IFC a Saint-Germain-du-Puy (18) №00\777 ISBN 2-7107-0598-2.

Keywords: perversion, BDSM, female perversion, sadism, masochism, traumatization, grief, loss, melancholy

РАЗЛИЧИЯ АГРЕССИВНОСТИ, РЕФЛЕКСИИ И РАННИХ ДЕЗАДАПТИВНЫХ КОГНИТИВНЫХ СХЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ ДВИЖЕНИЯ РАДИКАЛЬНЫХ И НЕРАДИКАЛЬНЫХ ФЕМИНИСТОК

Коновалова А.В.

РГГУ, Институт психологии им. Л. С. Выготского, г. Москва

Ключевые слова: ранние дезадаптивные когнитивные схемы, радикальный феминизм, агрессия, рефлексия

Аннотация. Данная работа ориентирована на изучение когнитивных и личностных особенностей лиц, относящих себя к радикальной и нерадикальной ветвям феминистского движения. Выбор группы для исследования был продиктован двумя соображениями. Во - первых, в настоящее время достаточно распространены гендерные исследования, в которых опосредованно транслируются идеи феминизма, в том числе радикального, но фокус внимания в них в значительной степени смещается от поиска личностных особенностей представительниц движения в сторону пропаганды идей. Во - вторых, в идеях движении радикального феминизма можно заметить определенную долю категоричности, агрессивности, что, как мы предполагаем, может быть связано с определенными устойчивыми когнитивными и личностными диспозициями его представительниц.

Традиционно в обществе существовало гендерное разделение, отводящее мужчинам и женщинам определенный список прав и обязанностей, которые были практически незыблемы. Вне зависимости от воли женщины, её интеллекта и желаний с рождения она находилась в прямой зависимости от отца, опекунов, братьев или мужа и неизбежно примеряла на себя одобряемые в социуме роли, например, матери или жены. Отказ от традиционных моделей поведения грозил социальной гибелью — отсутствием средств и порицанием в обществе. В ответ на подобное давление стали появляться первые феминистические движения. Феминизм в широком смысле можно определить как стремление к равноправию женщин с мужчинами во всех сферах жизни общества, а в узком – как женское движение, целью которого является устранение дискриминации женщин и уравнение их прав с мужчинами. Современная феминистская теория основывается на теории социального конструктивизма и рассматривает «пол» не как природные данные, а как политические конструкты — продукты устоявшихся способов мышления. Один из ключевых элементов современной теории феминизма — теория интерсекциональности, согласно которой различные формы угнетения (сексизм и

патриархат, расизм, капитализм и др.) носят системный характер, пронизывают всё общество, все социальные институты и уровни социального взаимодействия, укрепляют и поддерживают друг друга. Радикальный феминизм не является отдельным течением или этапом в развитии движения, а представляет собой качественную характеристику последовательниц и отражает степень их вовлеченности в движение.

Сейчас основными характеристиками радикального феминизма являются следующие положения, которые дополняют идеи феминизма второй и третьей волн: мужчины рассматриваются как главный источник опасности в мире, институт семьи - как патриархальный, при этом всё патриархальное должно быть упразднено, любые контакты с мужчинами являютсякак поддержанием патриархата, что порицается, декларируется необходимость в запрете смены гендера, чтобы противостоять внедрению мужчин в феминистические сообщества, изменение политического аппарата на преимущественно состоящий из женщин для избавления влияния патриархата, обозначается необходимость позитивной дискриминации женщин в качестве компенсации за годы угнетения мужчинами, сексизм как явление признается только в отношении женщин, требуется отказ от презумпции невиновности в отношении мужчин в случаях насилия. (Шрупп А., Пату, 2019)

Теоретико - методологическая база исследования

В качестве основной теоретико - методологической базы исследования нами был выбран подход к пониманию влияния раннего детского опыта, разработанный в рамках схемотерапии как одного из направлений когнитивно - поведенческой терапии. Под схемами в данном подходе понимаются устойчивые психические конструкции, которые определяют способы мышления, поведения и реагирования человека. Схемы формируются в детстве, в процессе взаимодействия ребенка со значимыми другими. Для того, чтобы считать схему дезадаптивной, она должна соответствовать следующим критериям: искажать субъективную реальность, создавать неадаптивные модели поведения, активация схемы искажает не только рациональную часть восприятия, но и эмоциональную, и телесную. Для активации схемы требуется специфический стимул - тригерное событие или их цепочка. Поведение, связанное со схемой, является реакций человека на ее активацию. Выделяют три типа возможного реагирования при активации схемы: капитуляция, избегание, гиперкомпенсация. Именно эти три типа поведения зачастую опознаются окружающими как проблема или симптом. (Арнуд А. Якоб Г. , 2016)

Данный подход представляется нам достаточно удобным и экономичным для выявления как психологического смысла поведения, так и для понимания причин, под воздействием которых оно сформировалось.

Говоря о радикализме любого рода, мы подразумеваем крайнюю, бескомпромиссную приверженность определенным концепциям. Приверженность радикальному движению, крайним взглядам и действиям в его рамках, в нашем сознании близка по смыслу к агрессивности как личностной черте, которой мы интуитивно наделяем участников. Однако данное предположение может нуждаться в проверке, как с точки зрения измерения уровня агрессивности, так и исследования ее структуры у представительниц радикального феминизма в сравнении с теми, кто не относит себя к этой ветви движения. При этом именно структурные параметры агрессивности, прежде всего, вклад когнитивного компонента «враждебности», будет отвечать на вопрос о вероятности проявления злокачественной агрессии.

В рамках личностного подхода к пониманию рефлексии - это процесс с помощью которого субъект создает новые образы себя самого, вырабатывает новые знания о мире. (Рубинштейн С.Л., 1976) Для реализации исследовательских целей, мы опирались на подход к пониманию рефлексии, выработанный в отечественной психологии в трудах С. Л. Рубинштейна, Д.А, Леонтьева. Появление рефлексии понимается как возможность для человека сознательно выстраивать свою собственную жизнь через обращения сознания на самого себя. При этом в рамках данного подхода не отрицаются негативные эффекты рефлексии, связывающие процесс рефлексии с депрессией, пессимизмом. В основе продуктивных форм рефлексии лежит способность субъекта к самодистанцированию, которая позволяет относиться к себе как к авторскому проекту, проявлять заботу о себе, осознанно строить и менять себя и свою жизнь. (Леонтьев Д. А., Осин Е. Н., 2014)

Объект исследования - ранние когнитивные схемы, агрессивность, рефлексия.

Предмет исследования - различия ранних когнитивных схем, агрессивности рефлексии представительниц движения радикальных феминисток.

Цель - проанализировать значимые различия ранних когнитивных схем, агрессивности рефлексии представительниц движения радикальных феминисток.

Задачи исследования:

- проанализировать ранние когнитивные схемы, агрессивность, рефлексию представительниц радикального и нерадикального феминизма;
- проанализировать различия ранних когнитивных схем, агрессивности, рефлексии представительниц радикального и нерадикального феминизма;

Организация исследования и метод

Выборка представлена 138 представительницами радикального феминизма. Средний возраст – 22 года. Все являются учащимися средних специальных учебных заведений, высших учебных заведений, а также работающие. Для группы сравнения были

взяты феминистки, не причисляющие себя к радикальным, которых было 46 человек. Из выборки радикальных феминисток были отобраны также 46 лиц, согласно результатам анкеты.

Анкета содержала в себе вопросы на уточнение характера приверженности к движению: считают ли себя респонденты частью движения; в чём это для них выражается; как долго они находятся внутри; как они относятся к мужчинам, придерживающимся их взглядов; какие, на их взгляд, политические меры стоит предпринять на общественном уровне для улучшения положения женщин; какие взгляды разделяют, а какие нет, исходя из положений радикального феминизма; каким образом это влияет на их круг общения; какие им предоставляются возможности благодаря движению.

Минимальный срок нахождения внутри сообщества – год. В среднем, 70% выборки находится в движении более 3-х лет, но менее 5-ти. Максимальный срок – 13 лет. Приверженность движению выражается у большинства в разделении взглядов на патриархат как на угнетающий женщин институт. На вопрос об отношении к мужчинам, придерживающимся радикально феминистических взглядов, около 27% ответили «нейтрально», 33% – «с подозрением», 40% – «негативно». Представительницы экспериментальной выборки в подавляющем большинстве случаев отмечают, что войдя в движение, они максимально исключили из своего круга общения мужчин. В качестве методов исследования использовались: «Опросник уровня агрессивности» Басса-Перри, опросник «Дифференциальный тип рефлексии», разработанный Д.А, Леонтьевым, Е.М. Лаптевой, Е.Н. Осиным и А.Ж. Салиховой, опросник «Диагностика ранних дезадаптивных схем» Дж. Янга, адаптированный П.М. Касьяник и Е.В. Романовой.

Результаты

1. У обеих групп респондентов показатели агрессивности и выраженность различных типов рефлексии не выходят за пределы нормы.

2. Наблюдаются статистически значимые различия между группами радикальных и нерадикальных феминисток по следующим исследуемым параметрам:

Когнитивные схемы

Получены статистически значимые различия по нескольким типам когнитивных схем, при этом показатели по перечисленным ниже шкалам соответствуют дезадаптивному уровню. Для группы радикальных феминисток, по сравнению с группой нерадикальных, значимо более характерны схема подавления эмоций, выраженная на дезадаптивном уровне ($p=0,009$). Для группы нерадикальных феминисток, по сравнению с группой радикальных, значимо более характерна выраженность следующих ранних когнитивных схем: эмоциональная депривированность ($p=0,001$), покорность ($p=0,011$),

самопожертвование (p=0,04), пунитивность (p=0,011), при этом все упомянутые схемы соответствуют дезаптивному уровню проявлений.

Тип рефлексии

Наблюдаются статистические различия (p=0.001) по шкале «Интроспекция», при этом более высокие значения по данной шкале получены в группе нерадикальных феминисток.

Агрессивность

Получены статистически значимые различия по общему уровню агрессивности и по шкале «Враждебность» (p=0,052), при этом средние значения по данным шкалам выше в группе радикальных феминисток.

Обсуждение результатов

У каждой из групп присутствуют особенности переработки раннего детского опыта в виде сформированных дезадаптивных когнитивных схем. Для группы радикальных феминисток, в присутствии стресса, может быть характерно подавление негативных эмоций (гнев, печаль, стыд, вина), связанное со страхом перед собственными эмоциями или во избежание порицания со стороны других людей. Для данной группы в большей степени, по сравнению с нерадикальными феминистками, характерна враждебность как негативная когнитивная оценка других людей, окружающего мира, представление о нем как об опасном месте. В то время как для группы нерадикальных феминисток, по сравнению с представительницами радикального феминизма, в большей степени характерна демонстрация покорности, избыточная передача контроля над своими действиями другим людям во избежание переживания гнева, мести, чувства заброшенности, озабоченность потребностями других людей в ущерб собственным интересам, сопровождающееся убеждением, что за ошибки последует жестокая расплата, стремление винить себя и других за несоответствие внутренним стандартам.

В качестве дальнейших шагов исследования можно отметить проведение корреляционного анализа и описание специфики взаимосвязей между измеренными параметрами у обеих групп. Также стоит исследовать функцию и механизм ухода в радикальное движение: модифицировать анкету для того, чтобы участницы могли описать более развернуто историю пребывания в движении, причины перехода (если он имел место) в радикальное крыло. Отдельной исследовательской задачей является изучение прошлого опыта, триггеров формирования схем, триггеров приобщения к феминистскому движению, уточнения социального статуса и статуса отношений. Также важным является проведение исследования совладающего поведения участниц.

Литература:

Арнуд А. Якоб Г. Практическое руководство по схема-терапии. Методы работы с дисфункциональными режимами при личностных расстройствах. – М.: Книжный мир, 2016. – С. 5-131.

Леонтьев Д.А., Осин Е.Н.. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2013. Т. 10, № 1. С. 55–81.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – Изд. 2-е. – М., 1976. – С. 253-381.

Шрупп А., Пату Краткая история феминизма в евро-американском контексте. – М.: Ад Маргинем, 2019 – 88 с.

Сведения об авторе

Коновалова Анастасия Вадимовна, старший преподаватель, Российский Государственный Гуманитарный университет, Институт Психологии им. Л. С. Выготского, Психологический факультет, konanavad@gamil.com

THE INTERRELATION OF AGGRESSION, REFLECTION AND COGNITIVE SCHEMES OF THE REPRESENTATIVES OF THE MOVEMENT OF RADICAL FEMINISTS

Konovalova A.V.

RSUH, Institute of psychology. L. S. Vygotsky, Moscow

Key words: cognitive schemes, radical feminism, aggression, reflection

Abstract. This work is focused on the study of cognitive and personal characteristics of persons who consider themselves to be radically feminist movement. The choice of the study group was dictated by two considerations. First, currently quite common gender studies, which indirectly broadcast the ideas of feminism, including radical, but the focus is largely shifted from the search for personal characteristics of representatives of the movement in the direction of the propadaganda of ideas. Secondly, in the ideas of the movement of radical feminism, we can note a certain share of categoricity, aggressiveness, which, as we assume, could be associated with certain stable cognitive and personal dispositions of its representatives.

About author: Konovalova Anastasia Vadimovna, Russian State University for the Humanities, Institute of Psychology. L. S. Vygotsky, faculty of Psychology, assistant professor, konanavad@gmail.com

ПАЦИЕНТСКИЕ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА КАК ОСОБАЯ ФОРМА СУБКУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Зуфман А.И.

Институт психологии им. Л.С. Выготского, Российский Государственный Гуманитарный Университет, Москва

Ключевые слова: пациентские сообщества, интернет-субкультуры, медицинская психология, внутренняя картина болезни, отношение к болезни, субкультура

Аннотация. Статья рассматривает сравнительно новое для современной культуры явление – интернет-сообщества, объединяющие людей, страдающих теми или иными хроническими или неизлечимыми заболеваниями. В статье ставится вопрос о том, можем ли мы считать подобные сообщества новыми субкультурами. Характерные особенности подобных сообществ описаны на примере групп, посвященных психоактивизму, а также интернет-сообществ пациентов онкологического профиля. Поднимается вопрос о необходимости изучения культурных явлений, порожденных данными сообществами, внутренних мифов и самобытного языка данных социальных групп, без которого на сегодняшний день уже нельзя заниматься изучением таких тем, как отношение к болезни, изменения личности под воздействием заболевания, внутренняя картина болезни.

Первые пациентские организации, объединяющие людей, страдающих одними и теми же (чаще всего, хроническими или неизлечимыми) заболеваниями, появились в России в девяностые годы прошлого века. Основные функции пациентских сообществ в тот период можно определить как правозащитные, а главной причиной их возникновения принято считать низкий уровень удовлетворенности населения качеством оказания медицинской помощи. Кроме того, внутри сообществ осуществлялся и осуществляется обмен информацией о лечебных учреждениях и качестве оказываемых ими услуг, контактами врачей, сведениями о возможности получения тех или иных препаратов. Кроме того, пациентские организации регулярно сотрудничают или сливаются с теми или иными благотворительными фондами, обеспечивающими финансирование лечения и

реабилитации, а также оказывающими другую помощь пациентам с той или иной нозологией.

С активным внедрением Интернета и социальных сетей в нашу жизнь наравне с официальными пациентскими организациями образовались стихийные интернет-сообщества, объединяющие людей со схожими диагнозами. Если функции институализированных пациентских организаций чаще всего сводятся к решению правовых и финансовых вопросов, то интернет-сообщества, создающиеся пациентами и их родственниками, часто несут функцию своеобразных групп поддержки. По своей структуре они больше всего похожи на сообщества, объединяющие людей по интересам, хобби и мировоззрению.

Почему мы позволяем себе сравнивать пациентские сообщества в социальных сетях с субкультурными группами? Многое зависит от того, какие именно определения понятия «субкультура» мы используем. Во второй половине двадцатого века под субкультурами принято было подразумевать так называемые «неформальные объединения молодежи», включающие людей со схожими ценностями, объединенных общими интересами, увлечениями или взглядами, формирующих собственную культуру (включая сленговый язык, внутреннюю меметику, специфическое творчество). Первое определение «субкультур» было дано еще в пятидесятом году американским социологом Дэвидом Райзменом, который описал их как группы людей, преднамеренно избирающих ценности и стиль, отвергаемые большинством (*Horowitz, 2010*). В этом смысле назвать пациентские сообщества и создаваемый ими массив культуры «субкультурой» нельзя, так как члены этих сообществ не совершали осознанного выбора «заболеть». Тем не менее, феномен субкультур, каким мы привыкли его видеть в эпоху модерна, на сегодняшний день практически не существует. На смену ему пришло новое явление, которое еще только предстоит подробно описать культурологам и антропологам. Более широкое определение субкультур включает в себя людей, объединяемых по демографическому, национальному, этническому признаку. Кроме того, прецеденты выделения «подкультур» по нозологическому принципу уже есть: например, в англоязычной литературе активно описывается так называемая «культура глухих» (deaf culture), которая попадает под определение субкультуры: она объединяет меньшинство, создает отдельные ценности, специфические продукты культуры (*Padden, Carol A..2005*). В целом в зарубежной литературе понятие субкультур применяется шире, включает в себя разнообразные слои культуры, порожденные закрытыми и умеренно закрытыми группами. Поэтому мы берем на себя смелость провести параллель между современными интернет-субкультурами и микросообществами пациентов. В закрытом мире пациентских сообществ создается свой

язык, свои внутренние фразеологизмы и «мемы», присутствует характерное деление на условно «своих» и «чужих». Внутри некоторых из этих сообществ складываются собственные системы иерархии и социальных ролей. Никто из участников этих сообществ, безусловно, не выбирал болезнь, которой он страдает, но само вступление в ту или иную группу может стать шагом к принятию новой идентичности.

Обычно врачи и психологи скептически относятся к пациентским сообществам, справедливо обвиняя активистов этих сообществ в распространении дезинформации и пропаганде нетрадиционных методов лечения (хотя далеко не все пациентские сообщества этим «грешат»). Тем не менее, это закономерное следствие изменений отношения человека двадцать первого века к медицине в целом: если еще в двадцатом веке медицинская наука хранила статус сакрального знания, то сегодня пациент хочет информированности и соблюдения принципов биоэтики, позволяющих ему иметь полную осведомленность о характере своего заболевания и применяемых методах лечения. До тех пор, пока врачи продолжают относиться к пациентам через призму патерналистского подхода, пациенты будут искать дополнительные пути для получения информации, а также возможные альтернативные методы лечения. Часть пациентских сообществ берет на себя функцию популяризации научного знания и данных доказательной медицины, часть вступают в оппозицию к официальной медицине (например, сообщества так называемых СПИД-диссидентов, объединяющие людей, верящих в то, что вирус иммунодефицита придуман врачами, а лечение от приобретенного иммунодефицита на самом деле – профанация и мошенничество).

Интернет с его социальными сетями, площадками для блогов и микроблогов превратился в полноценную сцену для самовыражения людей, страдающих теми или иными заболеваниями. Именно блоги, форумы и группы (открытые и закрытые), объединяющие людей по нозологии, могут существенно помочь современным медицинским психологам в изучении истиной картины болезни пациентов, так как внутри сообществ, превращающихся в настоящие, стихийно возникающие и развивающиеся группы взаимной поддержки, пациенты говорят о происходящем с ними открыто. При этом адресатами данных текстов становятся равные им – такие же больные, которые попадают для пациентов в категорию «свои», в противовес «чужим», к которым, к сожалению, могут относиться любые исследователи, включая врачей и психологов.

Наиболее ярким примером субкультуры, возникшей на основе пациентской правозащитной борьбы, можно считать сообщества психоактивистов. «Психоактивизмом» называется общественное движение, направленное на дестигматизацию людей, страдающих ментальными расстройствами. За последние несколько столетий мы

наблюдаем постоянные изменения в отношении общества к «душевнобольным», но вторая половина двадцатого века в этом смысле особенно показательна: активно развивались идеи экзистенциальной и феноменологической психиатрии, возникла «антипсихиатрия» как отдельное направление медицинской и философской мысли, параллельно развивалась не только медицина, но и психология, стиралась грань между психической болезнью (mental disorder) и психическим здоровьем.

Но когда мы говорим о психоактивизме, мы в первую очередь говорим о борьбе за права и дестигматизацию душевнобольных, а не о постановке под сомнение самого существования психических расстройств, как это было в конце прошлого века. Борьба психоактивистов разворачивается не только в сети: проводятся митинги, собрания, выставки и акции, посвященные людям с ментальными расстройствами. Большая часть людей, объединяющихся под знаменами психоактивизма, сами имеют те или иные диагнозы, поэтому мы можем отнести психоактивизм к культуре пациентских сообществ. На сегодняшний день можно выделить условно две основные мишени деятельности психоактивистов: это борьба за права (людей, страдающих психическими расстройствами) и изменение общественного сознания в сторону дестигматизации таких людей. В этом смысле культура психоактивистов сходна с культурами любых угнетаемых меньшинств (или считающих себя таковыми). Среди задач психоактивистского сообщества – популяризация знаний о психических расстройствах, распространение научной информации, создание позитивного образа «безумия» в культуре, борьба со стереотипами, изменение так называемой «социальной картины болезни» - совокупности общих представлений о заболевании в обществе.

Другим ярким примером пациентских сообществ, породивших собственную культуру, можно считать сообщества пациентов, страдающих онкологическими заболеваниями. Если отбросить правозащитную и благотворительную деятельность таких сообществ, их можно сравнить с группами поддержки для людей, столкнувшихся с болезнями онкологического кластера, но это естественно образовавшиеся, стихийные группы. На сегодняшний день, изучая сетевое творчество онкологических больных, включенных в те или иные пациентские сообщества, можно делать выводы о постепенном формировании целого пласта культуры: отдельный слэнг, внутренняя меметика, произведения искусства, вдохновленные болезнью, литературное и публицистическое творчество. Исследуя их, в том числе, методами психолингвистики, мы можем гораздо глубже понять процесс формирование внутренней картины болезни и особенности личностных изменений людей, столкнувшихся с неизлечимым заболеванием. В первую очередь, ведение открытого дневника, адресованного другим пациентам, позволяет

человеку сформировать собственный нарратив болезни, превратить недифференцированный поток чувств в историю. Пилотажные исследования дневниковых записей онкологических больных демонстрируют несколько основных тем, характерных для этого массива текстов: тема борьбы (с болезнью как таковой и с медицинской системой, которая часто становится замещающим объектом для негативных эмоций пациентов), тема страха (страха смерти, страха одиночества, страха боли), тема видоизменения эмоциональных связей и социальных ролей после обнаружения заболевания (Зуфман-Волкова, 2013).

Роль пациентских субкультур в формировании картины болезни трудно переоценить. Влияние таких организаций невозможно охарактеризовать позитивно или негативно: с одной стороны, это дает людям, страдающим теми или иными заболеваниями (соматическими или психическими), возможность быть услышанными, перестать быть невидимыми. С другой – формирование подобных сообществ часто усиливает ощущение отделенности у больных, чувство пропасти между ними и теми, кто здоров, потребность в противопоставлении себя миру «нормальных» (то есть не страдающих тем же заболеванием) людей. Кроме того, выбирая борьбу со стереотипами о болезни - одной из базовых задач таких групп, члены сообществ часто создают собственную мифологию и собственные стереотипы о заболеваниях.

Литература

Horowitz, Daniel, David Riesman: From Law to Social Criticism; Buff. L. Rev. 58, 2010

Padden, Carol A.; Humphries, Tom (Tom L.) (2005). Inside Deaf Culture. Cambridge, MA: Harvard University Press. p. 1. ISBN 978-0-674-01506-7.

А.И. Зуфман-Волкова Особенности восприятия экзистенциальных категорий у людей с онкологическими заболеваниями//Психология сознания. Истоки и перспективы изучения. 2013, часть II.

Сведения об авторе

Зуфман Анна Ивановна, преподаватель кафедры нейро- и патопсихологии Института Психологии им. Л.С. Выготского, РГГУ, anivzu@yandex.ru

Abstract: This report examines a relatively new phenomenon for modern culture - Internet communities that unite people suffering from certain chronic or incurable diseases. The article raises the question of whether we can consider such communities as new subcultures. The characteristic features of such communities are described by the example of groups devoted

to psychoactivism, as well as online communities of cancer patients. It raises the question of the need to study cultural phenomena generated by these communities, internal myths and the original language of these social groups, without which today it is no longer possible to study such topics as attitudes toward the disease, personality changes under the influence of the disease, the internal picture of the disease.

About author: Zufman Anna, Department of Neuro-and Pathopsychology, Institute of Psychology, Russian State University for the Humanities, Lecturer. E-mail: anivzu@yandex.ru

СУБКУЛЬТУРА ГИПЕРОПЕКИ И ЕЁ ПОТОМСТВО

Лемешко К.А.

Институт психологии им. Л.С. Выготского РГГУ, г. Москва

Ключевые слова: патологический симбиоз; детско-родительские отношения; гиперопекающее поведение; сепарационная тревога.

Аннотация. В статье рассматриваются клинические проявления межличностного взаимодействия взрослых (старше 18 лет) лиц со своими родителями, характеризующиеся как патологические. Характерными чертами этого взаимодействия являются высокий уровень сепарационной тревоги, симметричные попытки контроля между субъектами, непонимание участниками патологичности подобной связи. Формы гиперопекающего поведения родителей вне клиники рассматриваются также с позиции связи с сепарационной тревогой. Выводы о роли подобных отношений в онтогенезе личностных особенностей детей таких родителей остаются пессимистичными.

Актуальность

Необходимость успешного эмоционального взаимодействия ребёнка с матерью для его нормального когнитивного и физического развития в настоящее время не вызывает сомнений [1]. Вместе с тем феноменология взаимодействий пары «мать-дитя» и их участие в дальнейшем становлении типологии личности продолжает привлекать внимание множества специалистов [1, 2, 3, 4, 6] и требует уточнения. Часть исследователей постулируют наличие естественной симбиотической фазы и длительного процесса сепарации-индивидуации, завершающегося формированием самосознания человеком себя как существа социального [4, 10]. Следует отметить, что некоторые авторы выносят

характер взаимоотношений со значимыми близкими в отдельные диагностические критерии, обращая внимание на явления сверхзависимости от родителей и грубые формы бунта против них [5, стр. 176-177].

В условиях нормативного развития симбиоз постепенно уступает место прогрессивной сепарации и индивидуации [4, 7]. В части случаев материнская стратегия может привести к задержке и консервации симбиотических отношений [5, 7]. При этом можно говорить о патологическом симбиозе или симбиотической диаде.

Взаимная зависимость взрослого индивида и его родителя друг от друга зачастую игнорируются отечественными психиатрами или упрощённо воспринимаются как проявления «негативной симптоматики». Международная классификация болезней 10 пересмотра (МКБ-10) не имеет соответствующей рубрики и диагностического инструментария для оценки этой особенности. Фокус МКБ смещён на пациента, в то время как неестественная симбиотическая связь взрослого человека с родителем носит интерсубъективный характер и является важным элементом патогенеза.

Симбиотическая диада характеризуется: 1) своеобразным единством; 2) утратой персональных границ; 3) функциональным слиянием идентичностей при формальном разделении субъектов; 4) формированием общей Эго-идентичности; 5) высоким уровнем попыток контроля симбиотического партнёра; 6) высоким уровнем сепарационной тревоги. Важно отметить, что симбиотическая диада, несмотря на формальное различение детско-родительских отношений, всегда функционирует симметрично: оба симбиотических партнёра в равной степени контролируют друг друга, реагируя базальной тревогой на любые попытки дестабилизации симбиоза. При этом формы контроля распределены между «опекающим» участником симбиоза (тутор) и «опекаемым» (ротут). Если у первого преобладают реакции протекции и дирекции, то поведение ротута характеризуется комплементарным паттерном, в котором преобладают реакции рецепции и абсорбции. Это даёт основание говорить, что диада функционирует как единый квази-субъект.

Клинические наблюдения

В условиях медико-реабилитационного отделения ГБУЗ «ПКБ №1 им. Н.А. Алексеева» в период с сентября 2013 по август 2018 г нами наблюдался 31 пациент, чьё взаимодействие с родительскими фигурами носило патологический характер, сохраняя черты инфантильного симбиоза. Представляется, что данные особенности нивелируются условиями психиатрического стационара, где пациент пребывает в определённой изоляции. Но они же существенно затрудняют не только взаимодействие с реципиентом

лечения, но и неизбежно препятствуют ходу терапевтического процесса в условиях амбулаторного режима реабилитационного отделения, т.к. блокируют любые проявления автономности пациента.

Такие пациенты постоянно сопровождаются родителем (чаще матерью), которая либо находится в разводе с отцом, либо отец занимает пассивно-подчинённую иерархическую позицию. Во время первичного клинического обследования и при последующих осмотрах опекающий родитель стремится присутствовать при диагностических процедурах непосредственно в кабинете врача, групповых и даже индивидуальных психотерапевтических занятиях, что отражает спутанность границ их персональной идентичности, а в терминах современной структурной теории – нарушения границ Эго [10]. Примером может служить типичная ситуация, когда мать во время беседы с врачом блокирует намерение сына высказать собственное мнение о субъективных переживаниях, испытываемых в связи с действием психотропных препаратов, давая этому псевдорациональное объяснение. Другим примером симбиотической диады выступает употребление местоимения первого лица множественного числа («мы»), используемое обоими субъектами диады для характеристики не только собственных действий и намерений, но и сенсорного опыта.

Замечания медицинского персонала о необходимости соблюдения режима учреждения (например, замечание в адрес матери о необходимости покинуть процедурный кабинет во время диагностического забора крови) вызывают возрастание уровня тревоги. Сходные реакции отмечаются и при коррекционных интервенциях медицинских психологов, психотерапевтов, психиатров, касающихся патологической природы симбиоза и целесообразности его преодоления. Зачастую матери настойчиво предпринимают попытки контролировать ход терапии, навязывая лечащему врачу назначение необходимых, по их мнению, медицинских препаратов, других лечебных процедур, под различными предлогами настаивают на проведении диагностических обследований, предписании медикаментозных, физиотерапевтических методик, консультаций специалистов без учёта медицинских показаний. В крайнем случае это проявляется в требованиях назначить гомеопатические препараты, биодобавки, лечение у специалистов в области нетрадиционной медицины. В исключительных вариантах такие родители прибегают к шантажу, угрожая жалобами в администрацию учреждения, вышестоящие инстанции и средства массовой информации.

Нередко родители искажённо трактуют проявления элементов автономного поведения. Обычно тутор интерпретирует это как ухудшение состояния ротута, а ротут понимает такое отношение как измену, предательство и оставление его. Например,

пациент Мух. (32 года) по завершении преждевременно окончившегося группового занятия, выйдя из кабинета, не застал мать, которая отлучилась в ближайший магазин. По возвращении её в присутствии лечащего врача обвинял мать в измене и предательстве. Указанные поведенческие паттерны зачастую расцениваются специалистами (врачами-психиатрами, медицинскими психологами) как грубо манипулятивные. При этом динамическая основа остаётся нераспознанной.

Весьма специфичным выглядит взаимный контроль над сферой физиологических потребностей и влечениями, обозначающий спутанность индивидуальных границ. Так, например, пациент Сок. (36 лет) контролировал питание матери с целью «поддержания её фигуры». Мать пациента Мух. (32 года) продолжает ежедневно отслеживать не только регулярность дефекации сына, но и оценивает «качество фекального материала». Своеобразные формы контроля распространяются и на сферу интимных отношений участников симбиоза. Мать пациента Абак. (30 лет) самолично заказывала сыну «платные интимные услуги» и «отбирала» наиболее подходящих, по её мнению, представительниц «древнейшей профессии». Отец пациента Рум. (32 года), никогда не обращавшийся за психиатрической помощью научный сотрудник академического института, руководствуясь, с его точки зрения, «благой целью» устройства личной жизни сына, вовлёк его в интимные отношения со своей сожительницей.

По всей видимости, взаимный контроль является патогномотичным признаком симбиотической привязанности и сохраняется даже при психотическом функционировании. Например, в бредовой фабуле пациентки Сви. (28 лет) центральными были идеи о том, что отец ведёт за ней наблюдение при помощи электронных средств даже в тех случаях, когда дочь закрывается в туалете. При этом отец в самом деле вёл наблюдения за Сви и предоставил врачу распечатку своих поминутных записей за полтора года, где тщательно фиксировал любые формы «невыполнения распорядка дня»! Аналогичную параноидную фабулу о преследовании обнаруживал и пациент Кор (43 года), за которым в действительности следила его пожилая мать, продолжая своё преследование и скрываясь от его глаз даже в условиях психиатрического отделения!

Наблюдения вне клиники психозов. Индустрия сепарационной тревоги

В настоящей работе нам представляется неуместным рассматривать клинико-психопатологические характеристики этой специфической клинической группы, изложенные в других работах. Ранее [8, 9] мы также отмечали патогномоничные признаки такой связи: а) высокая тревожность (проявляющаяся на поведенческом, вегетативном, идеаторном и аффективном уровнях родителей), б) интенсивный симметричный контроль

за участником диады, нейтрализующий аффективный компонент тревоги и тяжёлое чувство вины, в) интенсивные механизмы защиты, благодаря которым явление симбиоза лежит вне сферы сознания участников диады, г) представление о несамостоятельности или увечности опекаемого. Автору кажется интересным рассмотреть эти явления вне психиатрического отделения, в условиях повседневной жизни.

Автор статьи, будучи среднестатистическим родителем, ежедневно отвозит дочь в школу, где считает весьма уместным проводить так называемые «полевые наблюдения», которые не требуют от наблюдателя процесса диагностики с последующим установлением диагноза. В подобной ситуации можно вполне ограничиться просто фиксацией любопытных явлений. Но мы ограничимся двумя.

В первой группе наблюдений речь идёт о необычайно большом количестве числе школьников, доставляемых родителями в школу на личном автотранспорте, а затем сопровождаемых до входа в школу. (Хотя нас интересует на только распространённость явления, но и система мотивации, за ним стоящая.) После расспросов о причинах такой необходимости ответы родителей можно было классифицировать следующим образом: 1) опасения, что с ребёнком «в наше время что-то может случиться» (обычно родители опасаются, что дети станут объектами развратных действий взрослых либо попадут в ДТП); 2) отдалённым проживанием (как правило, в радиусе 1-2 километров от школы, однако мы не можем игнорировать и семьи, живущие за 12-20 км) в отсутствии «школьного автобуса».

Вторая группа наблюдений представляется менее замаскированной формой гиперопеки и контроля. Но что более важно – именно в этом направлении современная индустрия позволяет объективировать скрытые внутрипсихические процессы. Речь идёт о существовании устройств контроля в виде смарт-часов. Данный шпионский инструмент позволяет сверхтревожному и беспокойному родителю осуществлять тотальный всемогущий контроль: регулярно звонить, проверяя добросовестность и своевременность выполнения предписаний, отслеживать месторасположение объектов посредством спутниковой навигации, а также осуществлять весьма подлые приёмы – регулярно звонить и подслушивать, что происходит с объектом. Представляется уместным привести цитаты из рекламных лозунгов организаций, торгующих этим орудием всемогущего контроля: 1) «услуга «родительский контроль. Подключите на телефоне ребёнка»»; 2) «Мечта многих родителей – это постоянный контроль ребёнка… В наше время маленькие люди, да и взрослые тоже, могут стать жертвой преступления или несчастного случая»; 3) «следите, где находится ваш ребёнок».

Потомки субкультуры?

Автор затрудняется дать однозначный прогноз о судьбе детей, попавших под подобную форму контроля. В то же время клинический опыт – упрямый аргумент, свидетельствующий о дефицитарном уровне самостных структур, аффективного развития и, как следствие, о трудностях в различении событий внутренней и внешней реальности. Зная особенности клинического взаимодействия с устойчивостью защитных механизмов таких родителей, трудно предложить однозначную методику совладания с этим паттерном. В подобных условиях представляется актуальной система психопрофилактики и охраны материнства, в которой, несомненно, ведущая роль должна принадлежать клиническим психологам.

Выводы

Проявления родительской гиперопеки представляют собой межличностное явление, возникающее в результате патологизации изначально адаптивной формы взаимодействия в системе мать-младенец. Отношения избыточного контроля малоизучены, и их генез, особенности проявления и последствия нуждаются в дальнейшем исследовании. Представляется перспективным антропологический подход к анализу роли гиперопекающих отношений в становлении личностных особенностей детей таких родителей.

Литература

Schore A. Affect Regulation and the Origin of the Self: The neurobiology of Emotional Development. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1994.

Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональной привязанности. – М.: Академический проект, 2008. – 238 с.

Шпиц Р.А., Коблинер У.Г. Первый год жизни. – М.: Академический проект, 2006. – 352 с.

Малер М.С., Пайн Ф., Бергман А. Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. – М.: Когито-Центр, 2014. – 413 с.

Кернберг О.Ф. Тяжёлые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. – М.: Класс, 2014. – 464 с.

Кляйн М., Айзекс С., Райвери Дж., Хайман П. Развитие в психоанализе. – М.: Академический проект, 2001. – 512 с.

McDevitt J.B., Settlage C.F. (eds): Separation-Individuation: Theory and Application. – New York: International Universities Press, 1971.

Лемешко К.А. Проблема диадного симбиоза в амбулаторной психиатрии и механизмы её психогенеза / Психиатрия и психоанализ: клинические диалоги: Материалы научно-практич. конф. 25 марта 2017 г, 21 октября 2017. – М.: РГГУ, 2017. – с. 37-47.

Лемешко К.А. Сновидение как источник информации о несознательных патогенных представлениях гиперопекающих матерей / Психотерапия и психосоциальная работа в психиатрии. Вып. IV. Под ред. О.В. Лиманкина, С.М. Бабина. – СПб.: Таро, 2017. - с.276-278

Техкэ В. Психика и ее лечение: психоаналитический подход. – М.: Академический проект, 2001. – 576 с.

Сведения об авторе

Лемешко Константин Александрович, г. Москва, старший преподаватель кафедры нейро- и патопсихологии Института психологии им. Л.С. Выготского e-mail: konstantin.lemeshko@gmail.com

SUBCULTURE OF HYPERCARE AND ITS POSTERITY

Lemeshko C.A.

L.S. Vygotsky Institute of Psychology of RSUH

Keywords: pathological symbiosis; separation anxiety; child-parent relationships; hypercare behaviour

Abstract. The clinical manifestations of pathological interpersonal interaction in adults (over 18 years) with their parents are discussed. These interactions are characterized by high level of separation anxiety, symmetrical attempts of control between the subjects, and a lack of awareness by the participants of such a pathological connection. Forms of hypercare behavior in parents beyond the mental hospital in association with separation anxiety are also considered. The conclusions about the role of such relationships in the children ontogenesis remain pessimistic.

ВЛИЯНИЕ АККУЛЬТУРАЦИИ НА ПСИХИЧЕСКУЮ АДАПТАЦИЮ ГЛУХИХ И СЛАБОСЛЫШАЩИХ СТУДЕНТОВ

Михайлова Н.Ф.

Санкт-Петербургский государственный университет, факультет психологии, Санкт-Петербург

Фаттахова М.Э.

Общеобразовательная школа № 86, Казань

Миронова М.А.

Казанский национальный исследовательский технологический университет им. А.Н. Туполева, Учебно-исследовательский методический центр для людей с ограниченными возможностями здоровья (по слуху), Казань

Вячеславова Е.В.

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, Институт дефектологического образования и реабилитации, Санкт-Петербург

Исследование поддержано РФФИ[22]

Ключевые слова: глухота, идентичность, аккультурация, копинг, маргинальность, бикультурализм

Аннотация. В контексте представлений об идентичности и в зависимости от типа самоидентификации у 137 глухих и слабослышащих студентов исследовались характеристики личности, копинг, а также другие факторы, ассоциированные с глубоким нарушением слуха. Было обнаружено, что степень слухового дефекта играет решающую роль: студенты, с меньшей потерей слуха и относящие себя к «миру слышащих», имели хорошие личностные ресурсы, активно использовали стратегии планирования решения проблем, принятия ответственности, положительной переоценки, однако отличались меньшей эмоциональной стабильностью. Отсутствие «культурного якоря» приводило к дезинтеграции личности и психической дезадаптации: глухие и слабослышащие с маргинальным типом идентификации отличались от остальных самой низкой самооценкой, худшими личностными ресурсами и психическим здоровьем, а также самым низким уровнем экстраверсии, уверенности в себе и удовлетворенности своей жизнью. Бикультурная принадлежность оказалась наиболее безопасной и эффективной с точки

[22] Грант РФФИ № 19-013-00406

зрения адаптации. Они отличались от других хорошим психическим здоровьем, и их копинг-репертуар был значительно шире.

Открытия, сделанные в медицинской и технологической областях (скрининг слуха новорожденных, кохлеарная имплантация, совершенствование слуховых аппаратов), модернизация специального образования (внедрение акустической поддержки, образование на жестовом и устном языках, инклюзивное обучение), а также изменения в языковой и социально-культурной сферах (развитие и признание языка жестов и культуры глухих во многих странах) существенно расширили возможности для образования и социализации глухих и слабослышащих людей, а также формирования ими своей идентичности (Bat-Chava, 2000).

Для психической и социальной адаптации глухих и слабослышащих большое значение имеют культурный и социальный фон – формирование идентичности (аккультурация) и условия обучения. Эти процессы, хоть и связаны между собой, однако далеко не всегда существует прямая зависимость между ними. Ответ на вопрос, где же все-таки глухому или слабослышащему будет лучше, далеко не однозначен, так как приходится учитыватьс, какую психологическую цену (снижение самооценки, стигматизация) ему придется «заплатить», обучаясь среди слышащих сверстников.

Усилия по интеграции глухих в общество слышащих имеют положительное влияние тогда, когда эти люди могут сохранить свою связь с миром глухих для эмоциональной и социальной поддержки. Идентичность стала рассматриваться как специфический психологический ресурс или защитный фактор, позволяющий глухому человеку жить в мире слышащего большинства (Bat-Chava, 1994; Glickman, 1993; Johnson & Erting, 1989; Leigh, Marcus, Dobosh & Allen, 1998; Maxwell-McCaw & *Zea*, 2011 и др.).

Так, в начале 1990-х гг. большое внимание привлекла «теория развития культурной идентичности» глухих людей (Glickman, Carey, 1993), в соответствии с которой глухота была представлена с точки зрения культурного различия. Новая парадигма выделяла четыре вида развития культурной идентичности: идентификация (принадлежность) с культурой слышащих, идентификация с культурой глухих, маргинальность («замешательство» или отрицание своей принадлежности к культурам глухих и слышащих) и, наконец, самая желательная – двойная идентификация (бикультурализм).

Сравнение различных видов аккультурации позволило бы выделить наиболее эффективные с точки зрения психической и социальной адаптации типы и определить значение «культурного якоря» для глухого человека.

Именно в данном концептуальном контексте нами проводилось исследование, целевые установки которого связаны с тем, чтобы, определив тип самоидентификации у глухих и слабослышащих студентов, выявить личностные, средовые и поведенческие факторы, влияющие на их психологическое благополучие и стигматизацию для создания более благоприятных условий их развития и самореализации в образовательном учреждении.

1. Основная гипотеза исследования заключалась в предположении, что аккультурация является особым для глухого человека ресурсом, а несформированность идентичности – «маркером» дезинтеграции их личности и психической дезадаптации.

2. Маргинальность или несформированность «глухой», «слышащей или бикультурной» идентичности у глухих обусловлены не столько факторами, связанными с глухотой (степенью потери слуха, типом школы и коммуникации в семье), сколько с психологическими причинами - особенностями личности и совладания, показателями психического здоровья и степенью стигматизированности, препятствующими их интеграции в ту или иную субкультуру.

3. Более выраженный слуховой дефект сопряжен с меньшим количеством ресурсов для выработки конструктивных способов совладания и повышает риски самостигматизации и психической дезадаптации у глухих студентов в условиях инклюзивного образования.

В исследовании приняли участие 137 глухих и слабослышащих студентов (54 мужчины и 81 женщина) в возрасте от 18 до 45 лет – 40 учащихся Межрегионального центра реабилитации лиц с проблемами слуха /колледжа/ (Санкт-Петербург), 25 студентов, обучающихся по очной и заочной форме на факультете коррекционной педагогики РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), а также 72 студента Казанского национального исследовательского технологического университета им. А.Н. Туполева**.**

В качестве методов исследования использовалась модифицированная анкета «Самооценка и копинг стратегии» (Jambor E., Elliot M., 2005). Для оценки личностных характеристик применялись Шкала самооценки (Rosenberg M., Schooler C., Schoenbach C. & Rosenberg F.), “Big Five” (Costa&McCrae), Трирский личностный опросник - TRF (P.Becker), копинга - опросник «Способы копинга» (R.Lazarus & S.Folkman).

Оценка типа самоидентификации проводилась с помощью шкал «Мир глухих» (МГ) и «Мир слышащих» (МС). Классификация по одному из четырех типов аккультурации проводилась с помощью медианы для каждой шкалы. В результате из числа испытуемых 38 (27,8%) оценили себя как принадлежащих к культуре слышащих, 47 (34,3%) – как принадлежащих к культуре глухих, 21 (15,3%) – предстали «маргинальными», а 31 (22,6%) – «бикультурными».

Результаты

Одна из выдвинутых рабочих гипотез о том, что на процесс формирования аккультурации влияют условия социализации и обучения (в данном случае - вид школы, выбор которой определяется глубиной дефекта), подтвердилась только частично. Большинство идентифицирующих себя с «Миром слышащих» учились в школах для слабослышащих (65%) или в массовых школах (21,1 %), а идентифицирующие себя с «Миром глухих» - в школах-интернатах для глухих (59,6%) или в школах для слабослышащих (34%).

«Маргиналы» встречались среди выпускников школ всех типов, но преимущественно - среди выпускников школ-интернатов для глухих и школ для слабослышащих. Таким образом, институциональный характер школьного обучения лишь отчасти влиял на формирование у студентов с глубоким нарушением слуха принадлежности к культуре глухих или культуре слышащих.

Проверка другой рабочей гипотезы – о влиянии характеристик личности, типа коммуникации, копинг-механизмов, степени потери слуха на формирование вида самоидентификации показала следующее:

– Самооценка у «маргиналов» была ниже, чем у бикультуралов; кроме того, люди с маргинальным типом самоидентификации в меньшей степени использовали копинг «положительной переоценки». «Маргиналы» - в отличие от лиц с бикультурной принадлежностью - обнаруживали более низкие уровни экстраверсии, самосознания/организованности, готовности к сотрудничеству, худшее психическое здоровье и меньшую самоценность/уверенность в себе.

– «Маргиналам» также были свойственны самые редуцированные личностные ресурсы по сравнению с остальными. При этом маргиналы так же, как и неслышащие, относящие себя к обществу глухих, констатировали у себя наибольшую степень потери слуха и с аппаратом, и без него.

– Лицами, идентифицирующими себя с миром слышащих, чаще использовались такие способы совладающего поведения, как «принятие ответственности», «планирование решения проблем», «дистанцирование» и «положительная переоценка», нежели теми, кто полагает себя частью общества глухих.

– Неслышащие, идентифицирующие себя с обществом глухих, отличались от «бикультуралов» более редким использованием копинг-стратегий «положительной переоценки» и «дистанцирование», а от «маргиналов» - более высоким уровнем экстраверсии.

Результаты корреляционного анализа позволяют выявить следующие закономерности:

– Студенты, идентифицирующие себя с культурой слышащих, моложе по возрасту, имеют менее выраженный слуховой дефект, демонстрируют хорошую успеваемость и в основном являются выпускниками школы для слабослышащих. Для них характерно использование таких копинг-стратегий, как «планирование решения проблем», «принятие ответственности», «положительная переоценка», а также меньшая эмоциональная стабильность.

– Лица, идентифицирующие себя с культурой глухих, имеют более тяжелую потерю слуха, закончили преимущественно школы-интернаты для глухих, а не массовую школу, чаще используют жестовую речь и не являются «билингвами». При этом для них вообще не характерно использование таких способов совладания с трудными ситуациями, как «положительная переоценка», «планирование решения проблем», «принятие ответственности» и «дистанцирование».

– «Маргиналы» отличаются низким уровнем самооценки и экстраверсии, сниженным чувством самоценности и большей депрессивностью, редуцированными самосознанием /организованностью, готовностью к сотрудничеству, личностными

ресурсами и психическим здоровьем. «Маргиналы» также реже используют копинг «положительной переоценки». Кроме того, маргинальность также коррелирует со степенью потери слуха, т.е. люди, склонные отрицать свою принадлежность к какой-либо культуре, имеют большую потерю слуха, не компенсированную слуховым аппаратом.

– «Бикультуралы» - глухие и слабослышащие, ориентированные как на мир слышащих, так и на мир глухих, отличаются хорошим психическим здоровьем и чаще применяют копинг «положительной переоценки».

Выводы

Самоидентификация с культурой глухих или культурой слышащих зависит от степени потери слуха, условий образовательной среды, способа коммуникации в семье: большая потеря слуха и связанные с этим факторы – обучение в школах-интернатах для глухих, жестовая коммуникация в семье - усиливают вероятность формирования у лиц с глубоким нарушением слуха идентификации с культурой глухих. И, наоборот, меньшая потеря слуха, обучение в массовой школе или школе для слабослышащих, а также смешанная коммуникация в семье (устная речь и жесты) способствуют формированию идентификации с культурой слышащих.

В становлении маргинального и бикультурного видов самоидентификации тип образовательного учреждения и способ коммуникации не играют той решающей роли, как применительно к становлению других ее видов, а степень потери слуха влияет разнонаправленно: «маргиналам» свойственна большая потеря слуха, а «бикультуралам» – умеренная.

Результаты дисперсионного анализа также свидетельствуют о весомости фактора глубины слухового дефекта: студенты, с меньшей потерей слуха и относящие себя к «миру слышащих», обладают значительными личностными ресурсами, активно используют копинг и в целом хорошо адаптированы в обществе слышащих.

Студенты, ограничивающие себя только культурой глухих, имеют более выраженный слуховой дефект и соответственно больше коммуникационных барьеров. Невостребованность или более редкое использование ими копинга указывает на сниженный уровень стресса в их жизни. При пребывании в специфическом социальном пространстве среди таких же, как они, их самооценка не подвергалась испытаниям, что давало возможность чувствовать себя комфортно (на это указывают высокие показатели психического здоровья, личностных ресурсов и эмоциональной стабильности). И это должно приниматься во внимание при обсуждении вопроса о сохранении специальных групп для глухих студентов в системе среднего и высшего профессионального образования.

«Бикультурная принадлежность» оказалась наиболее безопасной и эффективной с точки зрения адаптации. Лица, которые в состоянии идентифицировать себя как с ценностями и целями «мира глухих», так и «мира слышащих», могут активно жить в каждом из них, получать положительное подкрепление своей самооценки и личностных ресурсов. Они легче адаптируются в жизни, их поведенческий репертуар значительно шире, поскольку они имеют равноценный опыт, зная, «как жить глухому среди слышащих и среди глухих».

Результаты проведенного исследования наглядно показывают, что маргинальность - отсутствие идентификации как с культурой слышащих, так и с культурой глухих - приводит к наиболее тяжелым последствиям в плане развития личности, психического и социального благополучия глухого или слабослышащего человека. Имея наиболее низкую самооценку, худшее психическое здоровье и редуцированные личностные ресурсы, самый низкий уровень экстраверсии, уверенности в себе и удовлетворенности своей жизнью, они фактически становятся «группой риска».

Все это убедительно подтверждает важность культурного «якоря» при слуховой депривации, отсутствие которого приводит к дезинтеграции личности, социальной и психической дезадаптации.

Литература:

Bat-Chava Y. Group identification and self-esteem in deaf adults//Personality and Social Psychology Bulletin. 1994. № 20, PP. 494–502

Bat-Chava Y. Diversity of deaf identities//American Annals of the Deaf. 2000. № 145. PP. 420–427

Glickman, N. S. Deaf identity development: Construction and validation of a theoretical model//Unpublished doctoral dissertation. Amherst. MA.: University of Massachusetts, 1993

Glickman, N. S. Carey J.C. Measuring Deaf Cultural Identities: A Preliminary Investigation//REHABILITATION PSYCHOLOGY. 1993. V.38. № 4

Jambor E., Elliott M. Self-esteem and Coping Strategies among Deaf Students//Journal of Deaf Studies and Deaf Education. – Oxford University Press. 2005. V.10. № 1. PP. 63-81

Johnson R. E., & Erting, C. Ethnicity and socialization in a classroom for deaf children. In C. Lucas (Ed.)//The sociolinguistics of the Deaf community. New York: Academic Press, 1989. PP. 41–83

Leigh, I., Marcus, A., Dobosh, P., & Allen, T. Deaf/hearing identity paradigms: Modification of the Deaf Identity Development Scale//Journal of Deaf Studies and Deaf Education. 1998. № 3, PP. 330–338

Maxwell-McCaw D., & Zea, M.C. The Deaf Acculturation Scale (DAS): Development and Validation of a 58-Item Measure//Journal of Deaf Studies and Deaf Education. 16:3 Summer 2011. PP. 325-342

Сведения об авторах

Михайлова Надежда Федоровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, (mail.mikhailova@gmail.com);

Фаттахова Маргарита Эдуардовна, педагог-психолог общеобразовательной школы № 86, Казань, (rita.stroka@mail.ru);

Миронова Маргарита Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры специальных технологий в образовании Казанского национального исследовательского технологического университета им. А.Н.Туполева, Казань, (margomir1971@gmail.com);

Вячеславова Екатерина Васильевна, методист Института дефектологического образования и реабилитации Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург, (katifonya@rambler.ru).

THE EFFECT OF ACCULTURATION ON THE PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF DEAF AND HARD-OF-HEARING STUDENTS

Mikhailova N.F.

St.Petersburg State University, Faculty of Psychology, Saint-Petersburg

Fattakhova M.E.

General education school N 86, Kazan

Mironova M.A.

Kazan national research technological university, Kazan

Vyacheslavova E.V.

Herzen State Pedagogical University of Russia, Institute of defectological education and rehabilitation, Saint-Petersburg

Key words: Deaf, acculturation, identity, coping, marginality, bicultural acculturation

Abstract. In the context of the ongoing identity-related discussion we studied the personality characteristics in deaf and hard on-hearing students, their coping and other factors associated with deafness depending on the students' self-identification type. We studied 137 deaf

and hard on-hearing students in different educational situations. The results of analysis showed that the degree of hearing loss played a crucial role. People with smaller violations, and attributing themselves to the “world of the hearing” had good personal resources, actively used strategies, problem-solving, acceptance of responsibility, positive revaluation, however, they were less emotional. "Bicultural affiliation" was the most effective in terms of adaptation. They were distinguished by good mental health, a wide coping repertoire connected with the experience of living. The lack of belonging to certain culture (marginality) leads to personality disintegration and desadaptation: deaf and hard-of-hearing students with marginal identification had a lower level self-esteem, worse psychological health and personal resources, and the lowest level of extroversion, self-confidence and life satisfaction.

About authors:

Mikhailova N.F., St.Petersburg State University, Faculty of Psychology, Saint-Petersburg (mail.mikhailova@gmail.com);

Fattakhova M.E., General education school N 86, Kazan, (rita.stroka@mail.ru);

Mironova M.A., Kazan national research technological university, Kazan, (margomir1971@gmail.com);

Vyacheslavova E.V., Herzen State Pedagogical University of Russia, Institute of defectological education and rehabilitation, Saint-Petersburg, (katifonya@rambler.ru).

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО ВРАЧА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПАЦИЕНТОВ: ЭМПИРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ПАЦИЕНТОВ

Гизатулина Г.М.

Тюменский Государственный Медицинский Университет, Тюмень

Мурзина Ю.С.

Тюменский Государственный Университет, Тюмень

Ключевые слова: образ врача, ожидания пациента, эффективное взаимодействие, медицинская помощь, типы пациентов

Аннотация. В статье представлены исторически сложившиеся требования к профессии врача, наиболее распространенные причины конфликтов между врачами и пациентами, ожидания сторон. Цель работы – изучение особенностей представлений пациентов об образе идеального врача в зависимости от личностной направленности

первых. Базой исследования стали медицинские учреждения города Тюмени, где были опрошены пациенты в количестве 35 человек с помощью Анкеты «Идеальный доктор» и Методики «Определения жизненных ценностей личности». Результаты показали, что пациенты требовательны к возрасту, сексуальной ориентации и опрятности врача; в общении важными для них являются профессионализм и гуманное отношение. При корреляционном анализе личностной направленности пациентов с их коммуникативными ожиданиями, мы выделили 5 эмпирических типов пациентов: «Замкнутый», «Угодливый», «Заинтересованный», «Духовный», «Гедонист». Наибольшие затруднения при общении с врачами могут возникать у «Замкнутых пациентов».

В практической медицине взаимодействие врача и пациента является ключевым. Общение между врачом и больным специфично и определяется не только отраслью медицинских знаний и совокупностью клинических мероприятий, но и социальными требованиями и соответствием определенному этическому кодексу (2012).

По данным исследований от 30 до 60% пациентов не удовлетворены качеством оказания различных видов медицинской помощи, отмечается тенденция увеличения количества нарушений принципов уважительного и гуманного отношения со стороны медицинского персонала (Болотина М.В., 2009; Неверов А.В., 2008; Тарычев В.В., 2012).

Пациенты, как правило, имеют определенный шаблон «идеального доктора». Несовпадение ожидаемых образов с реальными лицами становится причиной неэффективного взаимодействия врача и пациента (Эбич А.В., 2014). Проблемой является недостаточная информированность врачей об ожиданиях пациента, неготовность подстраиваться под эти ожидания, коммуникативная ригидность, наличие собственных стереотипов в отношении «идеального пациента».

Целью нашей работы стало выявление особенностей представлений об образе идеального врача в зависимости от личностной направленности пациентов.

Теоретический обзор. Профессия врача одна из самых древних и почитаемых. Она с выражением свойственной человеку потребности оказывать помощь страждущему. Обязательным условием успешного врачевания всегда было и остается соблюдение определенных морально-этических принципов во взаимоотношениях врача и больного (Майерс Д., 2007).

Врачебная этика начала формироваться уже в рабовладельческий период в виде общих требований к деятельности врача, к его личности, внешнему и внутреннему облику к психологическим особенностям успешного врача относится высокий уровень коммуникативной распределение компетентности, реализуемой факторов в отношении пациентов, процесс их родственников, представлено а также медицинского более персонала (Майерс Д., 2007).

Для улучшения коммуникативных навыков врача нам нужно понимать ожидания и личностные особенности пациентов. Психологическое коммерческая состояние человека степени имеет решающее продвижении значение в возникновении первой болезни, обусловливает элементы особенности ее воздействие течения, определяет степени развитие и успех разделении лечения. Влияние врача установление может в значительной активную мере изменить элементы ее течение.

В 2015 широкого году Чижова внутренней В.М. и Богатырев А.А. провели распределением исследование взаимодействия элементов врачей и пациентов торгового с приобретенной беспомощностью. По системе результатам исследования только большинство пациентов воздействие (73%) возлагают прибыли ответственность за также свое состояние товаров на внешние места факторы. Около половины торгового (44,9%) беспомощных внутренней пациентов готовы элементов выполнять то, распределением что им спроса говорят врачи, являясь полностью полагаясь поставка на профессионалов увязать, широкого 36,36% пациентов факторов ожидают, когда степени врач объяснит внешней им, как поставка начать лечение, розничной и лишь 15,66% коммерческая подсказывают врачу, на что увязать стоит обратить элементов внимание, желая разделении тем самым также получить обратную спроса связь от целом специалиста (Чижова В.М., Богатырев разделение А.А., 2015)..

На вопрос «От чего, по Вашему мнению, зависит успех лечения?» 63 % ответили, что от личности врача, его коммуникабельности и умения разъяснить пациенту сущность сложных медицинских процедур; 28 % считают, что от методов лечения, качества медицинских препаратов; 10 % – от уровня и статуса лечебного учреждения. То, что врач имеет дипломы об окончании дополнительных курсов и семинаров, было на последнем месте и составило всего лишь 2 % (Михальченко Д. В., Михальченко А. В., Жидовинов А. В., Наумова В. Н., 2014).

В налаживании эффективного терапевтического взаимодействия значительная роль принадлежит доверию пациента, которое формируется с самого первого опыта общения с врачом. В связи с этим, наше исследование призвано дать ответ, как личностная направленность пациента определяет его представления и ожидания. Руководствуясь

такого рода информацией, врач сможет подбирать индивидуальный стиль взаимодействия и быть готовым к «типичным» сложностям.

Фактологической базой исследования стали пациенты (старше 18 лет, проживающие в г.Тюмень), обращающиеся в медицинские учреждения города, в количестве 35 человек.

В исследовании был использован Опросник «Идеальный доктор», разработанный авторами работы, а также Методика «Определение жизненных ценностей личности (Must–тест)» (П.Н.Иванов, Е.Ф.Колобова)**.** Опросник «Идеальный доктор» направлен на сбор данных об образе «идеального» врача: 1) внешние и социальные характеристики; 2) оценка общения, в т.ч. эмоциональная характеристика; 3) оценка профессионализма врача и 4) предпочитаемая модель взаимодействия с ним.

При изучении внешних параметров «идеального врача» мы выявили, что большинство пациентов непритязательны к полу (89%) и вероисповеданию/национальности врача (94,3%). Желательный возраст 30-40 лет (77,1%), традиционная сексуальная ориентация (60%) и опрятный внешний вид (94,3%). Также большая часть опрошенных не считают важной составляющей внешнюю привлекательность врача (63%). Самой неприятной внешней чертой врача респонденты назвали неопрятность (54%).

Самыми неприятными проявлениями при общении с врачом респонденты назвали грубость (26%) и невнимательность (34%), как это отражено и в большинстве жалоб, представленных в опубликованных ранее исследованиях. При оценке предпочитаемых эмоциональных проявлений врача выявлена потребность пациентов в сочувствии (66%), заботе (66%), вежливости (77%) и приветливости (94%). Желательно, чтобы врач был спокоен (60%), улыбчив (46%), искренен (89%) и проявлял сострадание (49%). Из наиболее неприятных эмоциональных проявлений врача респонденты назвали злость (40%) и равнодушие (34%).

Таким образом, на основе полученных результатов мы сформировали модель «идеального доктора», во внешнем образе которого сохраняются требования к опрятности и проявлению гуманности к пациенту. Интересными нам показались предпочтения возраста (30-40 лет) и традиционной сексуальной ориентации (в нашем обществе, стремящемся к толерантности).

Большая часть пациентов готова к равноправному сотрудничеству с врачом (80%), есть и те, кто готов полностью подчиняться врачу (17%). Возможно, стремление к равноправию обусловлено потребностью пациентов самим контролировать свою жизнь, ввиду более молодого возраста большинства опрошенных.

Далее в логике нашего исследования мы изучили доминирующие направленности личности среди пациентов. По данным MAST-теста ими оказались: безопасность, служение, духовность, здоровье и удовольствие. Наименьшая часть пациентов ориентирована на власть. Корреляционный анализ Пирсона по шкалам личностной направленности пациентов и блока «Общение с врачом», проведенный в программе Excel MS Office, выявил значимые взаимосвязи переменных. Эти статистически значимые связи и легли в основу нашей эмпирической типологии пациентов.

Первый тип пациентов – «Замкнутые». При направленности пациента на безопасность статистически была выявлена отрицательная связь с личностной направленностью на «потребность в общении» (-0,5) и отрицательная тенденция к «духовности» (-0,3). В данном случае человек может усматривать угрозу собственной безопасности при расширении контактов и необходимости проявлений нравственности (быть дружелюбным, великодушным). У таких пациентов также имеется тенденция не считать важным «проявление заботы врача» (0,4), что говорит о трудностях в построении коммуникации.

Вторым эмпирически выделенным типом является «Угодливый» пациент. В личностной направленности этих пациентов доминирует ориентация на служение и существует тенденция «произвести впечатление на врача» (0,33). В выборе врача играет роль «личная симпатия» (0,36). Такие пациенты имеют тенденцию к личностному росту (0,31) и не заинтересованы в финансовом благополучии, т.к. связь с «материальным успехом» (-0,33). В нашем исследовании не выявлено значимых факторов, затрудняющих общение этих пациентов с врачами.

Третий тип пациентов «Заинтересованные», для которых ключевой является направленность на здоровье. Пациент считает, что врач не должен принимать больных при негативном отношении (0,67). Выявлены следующие характеристики их взаимодействия с врачом: готовы выполнять рекомендации врача (0,39), однако отзывы знакомых при выборе врача не важны (0,39).

Четвертый тип пациентов имеет личностную направленность на духовность. «Духовные» пациенты склонны выполнять все рекомендации врача (0,43), отрицательно относиться к платной медицине (0,44), считают, что врач не отвечает за состояние пациента (0,33) (вероятно, так проявляется их религиозность или тенденция к фатализму). Также была выявлена тенденция не считать врача ответственным за возникновение конфикта (0,3) и определение потребностей пациента (0,43). Таким образом, обнаружена невысокая требовательность к врачам у данного типа пациентов.

Последний тип «Гедонисты» - это пациенты с направленностью на удовольствие. Они считают, что врач не всегда всё должен знать о болезни (0,52). Прямые корреляции: не важно проявление сочувствия к больному (0,36), предпочтительно получать всю информацию о болезни (0,43), не разделяют ответственность за результат лечения (0,37), личностная направленность на власть (0,34) и здоровье (0,32). Можно сказать что люди с направленностью на удовольствие менее придирчивы к врачу, склонны сами заботиться о своем самочувствии и быть информированными о своем состоянии.

Выводы и рекомендации. В результате проведенного эмпирического исследования нам удалось выявить ожидания пациентов по отношению к врачам в процессе терапевтического взаимодействия. Так, ключевыми требованиями к внешности «идеального» врача стали: возраст 30-40 лет, традиционная сексуальная ориентация и опрятный внешний вид. В то время как пол, вера, национальность и внешняя привлекательность не значимы. При взаимодействии пациенты предпочитают коллегиальную (равноправную) модель взаимодействия. Большинство пациентов разделяют ответственность за эффективное взаимодействие с врачом и готовы беспрекословно выполнять рекомендации при достаточном доверии к врачу.

При исследовании взаимосвязи тенденций личностной направленности с требованиями и ожиданиями по отношению к врачам мы выделили 5 эмпирических типов пациентов: «Замкнутый», «Угодливый», «Заинтересованный», «Духовный», «Гедонист». Наибольшие затруднения при общении с врачами могут возникать у пациентов с направленностью на безопасность («Замкнутый» тип). Наиболее «комфортны» в общении с врачами личности, ориентированные на служение, здоровье и удовольствие (типы «Угодливый», «Заинтересованный» и «Гедонист»).

Таким образом, существуют определенные закономерности в общении врача и пациента, обусловленные личностными особенностями участников. При совпадении ожиданий пациента с реальным образом врача результатом взаимодействия становится удовлетворенность пациента как психологическая – настрой на выздоровление, так и физическая – улучшение самочувствия. Врачам стоит помнить о том, что пациенты воспринимают их целостно, а не только их профессиональные качества.

Результаты нашего исследования будут полезны, в первую очередь, врачам, стремящимся к повышению качества своей работы. Профессионализм врача обусловлен не только знаниями о заболеваниях, но и коммуникативной компетентностью. Одним из проявлений коммуникативной компетенции врачей является способность определять и удовлетворять ожидания пациентов. Кроме того, полученные данные могут быть учтены

руководителями медицинских учреждений, маркетологами в целях повышения рейтинга и прибыльности учреждения.

Список литературы:

Болотина М.В. Практические аспекты совершенствования работы медицинских организаций с обращениями граждан по вопросам качества оказания медицинских услуг / М.В. Болотина // Научные труды IV Всероссийского съезда (Национального конгресса) по медицинскому праву / под ред. член-корр. РАМН, проф. Ю.Д. Сергеева, проф. С.В. Ерофеева. – М.: НАМП, 2009. – С. 88-90.

Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Питер, 2007. – 800 с.

Необходимость дополнительной подготовки врача по вопросам взаимоотношений с пациентом / Д. В. Михальченко, А. В. Михальченко, А. В. Жидовинов, В. Н. Наумова/ Волгоградский научно-медицинский журнал 2/2014. С. 41-44.

Неверов А.В. Анализ материалов о нарушениях прав пациентов по данным обращений в органы управления здравоохранением и социологического опроса / А.В. Неверов, М.Я. Подлужная // Юридическое и деонтологическое обеспечение прав российских граждан на охрану здоровья: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Суздаль, 28-29 мая 2008 г. / под ред. чл.-корр. РАМН, проф. Ю.Д. Сергеева, проф. С.В. Ерофеева. – Иваново-Владимир: НАМП, 2008. – С. 235-238.

Тарычев В.В. Анализ письменных обращений граждан как инструмент определения удовлетворённости пациентов качеством оказания скорой медицинской помощи [Текст] // Медицина и здравоохранение: материалы Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2012 г.). – Чита: Издательство Молодой ученый, 2012. – С. 92-98.

Чижова В.М., Богатырев А.А. Социальный портрет пациента с приобретенной беспомощностью / Социология медицины, 14 (№ 1), 2015 год, с. 49-53.

Конфликт между врачом и пациентом: причины, диагностика и решения [Текст] / А. В. Эбич // Заместитель главного врача: лечебная работа и медицинская экспертиза. – 2014. – N 1. – С. 88-92.

"Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации" (принят Первым национальным съездом врачей Российской Федерации 05.10.2012)

Сведения об авторах

Гизатулина Гузель Минханивовна, врач, кандидат медицинских наук, ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» Минздрава России, Guzelli14@mail.ru

Мурзина Юлия Сергеевна, доцент кафедры общей и социальной психологии, кандидат психологических наук, Федеральный государственный автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет», j.s.murzina@yandex.ru

PATIENTS' IDEAS ABOUT THE IMAGE OF THE IDEAL DOCTOR: AN EMPIRICAL TYPOLOGY OF PATIENTS

Gizatulina G. M.

Tyumen State Medical University, Tyumen

Murzina Y. S.

University of Tyumen, Tyumen

Keywords: image of a doctor, patient expectations, effective interaction, medical care, types of patients

Abstract: the article presents the historical requirements for the profession of a doctor, the most common causes of conflicts between doctors and patients, the responsibility of the parties in an effective interaction. The aim of the work is to study the peculiarities of patients ' ideas about the image of the ideal doctor depending on the personal orientation of the first. The base of the study was the medical institutions of Tyumen, where patients were interviewed in the number of 35 people using the Questionnaire "Ideal doctor" and the Technique of "Determining the life values of the individual." The results showed that patients are demanding on age, sexual orientation and neatness of the doctor; professionalism and humane attitude are important in communication. In the correlation analysis of the personal orientation of patients with their commutative expectations, we identified 5 empirical types of patients: "Closed", "Obsequious", "Interested", "Spiritual", "Hedonist". The greatest difficulties in communicating with doctors may occur in "Closed" patients.

ЧАСТЬ 5. ИЗМЕНЕНИЕ КОНТЕКСТА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Улановская И.М.

Психологический институт РАО, Москва

Ключевые слова: метапредметные результаты, социальные компетенции, диагностика, выпускники начальной школы, школа развивающего обучения (РО)

Аннотация. В статье представлены новые тенденции развития начального образования, связанные с введением новых образовательных стандартов (ФГОС НОО). Обоснованы требования к формированию метапредметных результатов и социальных компетенций школьников. Оригинальные методики позволяют оценить сформированность таких метапредметных результатов как умение конструктивно взаимодействовать в условиях когнитивного конфликта; готовность слушать собеседника и вести диалог; умение договариваться о распределении функций и ролей в совместной деятельности; осуществлять взаимный контроль. Приведены данные диагностических исследований. Полученные результаты доказывают, что технологии развивающего обучения (РО) оказываются значительно более эффективными для развития социальных компетенций, чем традиционные программы начального образования.

Важной вехой, определяющей современные тренды в развитии Российского образования, стало принятие новых образовательных стандартов. В 2011 году был утвержден Стандарт начального общего образования (ФГОС НОО), в котором (в отличии от всех предыдущих документов) были сформулированы требования к формированию метапредметных результатов начального обучения, т.е. требования, определяющие качественные характеристики психического развития детей на базе освоения ими учебного содержания. Таким образом официально была признана ориентация развития образования на культурно-историческую теорию Л.С. Выготского, его важнейшее положение о социальном генезисе психических функций человека. Согласно его теории интериоризации «само возникновение опосредованной структуры психических процессов человека есть продукт его деятельности как общественного человека. Первоначально социальная и внешне опосредствованная, она лишь в дальнейшем превращается в индивидуально-психологическую и внутреннюю…» (Л.С.Выготский, 1983, стр.19).

В исследованиях, продолжающих традиции культурно-исторической теории Л.С.Выготского, акцент делается на представлении о происхождении внутренних форм учебной деятельности из развернутых форм совместной работы взрослого и учащихся, самих учащихся. При этом подходе особо организованная групповая учебная деятельность рассматривается как источник когнитивного развития ребенка, с одной стороны, и его социализации - с другой стороны (Давыдов В.В., 1972; Поливанова Н.И.,.. 2015; Рубцов В.В., 2005; Цукерман Г.А., 1993).

Поэтому в новом стандарте из 16 метапредметных результатов по крайней мере в пяти сформулированы требования к социальному развитию учащихся. «Социальные» компетенции, как они представлены в Стандарте, охватывают несколько различных психологических процессов.

Во-первых, метапредметные результаты предъявляют требования к коммуникативной компетентности младших школьников. Это и «активное использование речевых средств и средств информационных и коммуникационных технологий для решения коммуникативных и познавательных задач», и «готовность слушать собеседника и вести диалог; готовность признавать возможность существования различных точек зрения и права каждого иметь свою; излагать свое мнение и аргументировать свою точку зрения и оценку событий», и «умение договариваться о распределении функций и ролей в совместной деятельности».

Во-вторых, метапредметные результаты предъявляют требования к умению организовать совместную деятельность, участвовать в ней и получать групповой результат: «определение общей цели и путей ее достижения; умение договариваться о распределении функций и ролей в совместной деятельности; осуществлять взаимный контроль в совместной деятельности».

В-третьих, метапредметные результаты предъявляют требования к поведению ребенка в различных социальных ситуациях: «формирование умения понимать причины успеха/неуспеха учебной деятельности и способности конструктивно действовать даже в ситуациях неуспеха»; «готовность конструктивно разрешать конфликты посредством учета интересов сторон и сотрудничества».

В дошкольном детстве социальные контакты ребенка со сверстниками и с взрослыми складываются стихийно. И только в школе появляется возможность целенаправленно строить такие формы и типы взаимодействия детей, которые максимально эффективно стимулировали бы формирование у учащихся основ учебной деятельности. Однако в традиционной школе, как правило, абсолютное большинство учебных взаимодействий строится в системе «учитель – ученик», где роль учителя –

доминирующая, ведущая, стимулирующая ответную активность ученика. В традиционной диаде «учитель - ученик» ребенок выступает как пассивный и ведомый исполнитель взрослых инициатив. При таком разделении функций содержательная и мотивационная сторона деятельности остается ребенку недоступной, а значит, у него не может сформироваться полноценной учебной деятельности. Также в традиционной школе практически не задействован и такой мощный развивающий ресурс как взаимодействие в системе «ученик-ученик». Учащиеся в классе при обычной фронтальной форме работы лишь соприсутствуют, а их спонтанные попытки взаимодействия зачастую пресекаются. Таким образом, важнейшие психологические механизмы развития ребенка оказываются практически не используемыми традиционной педагогической практикой.

В системе развивающего обучения (РО) Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова постулируется преимущество групповых и коллективно-распределенных форм организации учебной деятельности, предполагающих взаимодействие как с одноклассниками, так и с учителем, включение детей в коллективное обсуждение учебных проблем. В данном случае основным методом становятся диалог, общение на уроках, в ходе которых учащиеся ведут себя раскрепощенно, вовлекаются в совместную деятельность, учатся формулировать свои точки зрения, сравнивать их и логически разрешать возникающие между ними разногласия. В таких условиях интенсивнее развивается у детей как диалогическая, так и монологическая речь. При этом коммуникация в совместной деятельности позволяет объединить ее участников, осуществить взаимное информирование партнеров, теснее связать их с поиском совместного решения проблемы.

Методически совместно-разделенное учебное действие строится в малых группах учащихся на основе предметно-содержательного распределения материала и операций. Также совместная деятельность на уроке может представлять собой общеклассные дискуссии, учебные игры, лабораторные работы, проектные задания. Важно, чтобы дети были инициативны во взаимодействии, а не просто имитировали активность и подражали действиям друг друга. Усилия педагога направляются на фиксацию разных позиций детей, выявленных в ходе дискуссии, координацию выявленных позиций и организацию групповой учебной деятельности, в которой эти позиции верифицируются и развиваются.

В школе №91 система развивающего обучения создавалась и отрабатывалась многие годы. Поэтому результаты учащихся этой школы дают возможность оценить влияние РО на различные показатели интеллектуального и социально-личностного развития учащихся, в том числе на становление коммуникативных умений, содержательное взаимодействие и преодоление конфликтов.

В нашем исследовании мы обосновали принципы и средства оценки коммуникативных способностей младших школьников и разработали новые методики, нацеленные на выявление успешности групповой работы при решении задач (Поливанова Н.И,… 2013, 2015). В этих методиках определяются: способность принимать цели и задачи учебной деятельности и находить средства ее осуществления; умение младших школьников использовать речевые средства для решения коммуникативных и познавательных задач; определять общую цель и пути ее достижения, договариваться о распределении функций и ролей в совместной деятельности, осуществлять взаимный контроль; умение конструктивно разрешать конфликты посредством сотрудничества (ФГОС НОО, 2011).

Сравним результаты диагностики в школе РО и в школах, работающих по традиционным образовательным программам.

В данном обследовании в школе РО участвовали 80 учащихся (20 групп) четвертых классов, по два класса в разные годы выпуска (2012 и 2016 г.г). Контрольная выборка школ с традиционной образовательной программой - 1200 человек (300 групп).

Уровень сформированности совместности определялся по сравнению правильности индивидуальных и групповых решений.

Результаты школы РО показали, что хотя конкретные данные эффективности групповых решений в разных выпусках 2016 и 2012 годов заметно отличаются (соответственно, 50 и 75 процентов от максимального балла правильности решений), в каждом правильность групповых решений вдвое превысила результаты решений индивидуальных. Т.е. выпускники начальной школы РО при групповом решении в среднем справляются вдвое лучше, чем те же самые ученики, решающие задачу индивидуально. Средний балл правильности группового выполнения задания в школе РО составляет 2,5 балла (из 4-х возможных), в контрольной выборке он равен 1,7, а прирост эффективности групповых решений по сравнению с индивидуальными в контрольной выборке составил лишь 13 процентов. Т.е. учащиеся школ с «традиционной» образовательной средой не умеют строить содержательное взаимодействие, не используют конструктивных стратегий разрешения групповых противоречий, а содержательный конфликт переводят в межличностный план.

Т.о. школа РО может рассматриваться как эффективная модель формирования социальных метапредметных результатов в начальной школе.

Список литературы:

Выготский Л.С. Собрание сочинений. М.:1983.Т.3.

Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. М.: Педагогика, 1972.

Поливанова Н.И., Ривина И.В., Улановская И.М. Выявление умения учащихся начальной школы действовать совместно в условиях социо-когнитивного конфликта // Психологическая наука и образование. — 2013. — №4. Электронная версия: http://www.psyedu.ru.

Поливанова Н.И., Ривина И.В., Улановская И.М. Оценка сформированности социальных и коммуникативных метапредметных результатов у выпускников начальной школы //Оценка метапредметных компетенций выпускников начальной школы/под ред. И.М.Улановской. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. С.85-139.

Рубцов В.В. Социальные взаимодействия и обучение: культурно-исторический контекст // Культурно-историческая психология. 2005. № 1. С.14-24.

Технология оценки образовательной среды школы: учебно-методическое пособие для школьных психологов /под ред. В.В.Рубцова, И.М.Улановской. - М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. 256с.

Федеральный Государственный образовательный стандарт НОО (в ред.приказов Минобрнауки России от 26.11.2010 №1241 от 22.09.2011) // [Электронный ресурс] / Режим доступа: минобрнауки.рф/922/файл/748/ФГОС_НОО.pdf

Цукерман Г.А. Виды общения в обучении. Томск: Пеленг, 1993. 268 с.

SOCIAL SKILLS DEVELOPMENT IN MORDEN JUNIOR SCHOOL

Ulanovskaya Irina

Psychological institute, Russian academy of education, Moscow

Keywords: meta-subject results, social competences, diagnostics, “developing learning” school, elementary school graduates

Abstract. The article considers relevant for modern school education meta-subject ability of elementary school students to work together. Evaluation of this ability formation is the aim of the study. We propose new diagnostic techniques to assess students’ group work success. We estimate the differentiating capabilities of the methods on the experimental results obtained in different schools of Moscow. It is shown that the average ability of primary school graduates to work in a group is not developed in the situation of traditional junior education. This fact is supported by a comparative assessment of the successful results of the school oriented on development of children interaction in educational process. We conclude about the necessity of this meta-subject ability formation by specially organized training in the tradition of “developing education” worked out by D.Elkonin-V.Davidov.

ДРЕВНИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОПЕДЕВТИКЕ ШКОЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ЦИКЛА

Высоцкая Е.В.[a], Янишевская М.А.[a], Лобанова А.Д.[a], Хребтова С.Б.[b], Рехтман И.В.[c]

[a] Психологический институт Российской академии образования, Москва

[b] Московский педагогический государственный университет, Москва

[c] Introchemist association, Morrisville

Ключевые слова: история наук и технологий, школьное естественнонаучное образование, система развивающего обучения Д.Б. Эльконина-В.В. Давыдова

Аннотация. Анализ и опробование учеником технологических приемов, использовавшихся в древности, «на лабораторном столе» могут являться основой для дальнейшего изучения систематических курсов естественных наук. Такой подход заложен нами в основание курса деятельностной пропедевтики предметов основной школы, реализующего принципы системы развивающего обучения Д.Б. Эльконина-В.В. Давыдова. Необходимые понятия при таком обучении могут быть «открыты» самими учащимися через рефлексию оснований собственного действия по реконструкции технологий, с которыми они знакомятся по учебным текстам. Развитие учебного действия учащихся представляется линией продвижения класса от учебного текста – к составлению модельной схемы – к опыту – к уточненной схеме – к новому тексту и т.д. Эффективность такого «введения» пятиклассников в содержание естественных наук показана на примере относительной успешности выполнения диагностических работ по химии, изучавших экспериментальный курс «Природоведение» по сравнению с контрольной группой.

Вопрос о строении школьного предмета, в котором понятийный аппарат изучаемой науки будет представлен учащимся со стороны его происхождения и «деятельного смысла» в общем контексте культурно-исторического развития научного мышления, может и должен быть поставлен в отношении ранних этапов освоения естественнонаучного знания. Главной исследовательской задачей здесь является определение специфического содержания пропедевтического курса, который позволил бы ученику, переходящему из начальной школы в основную, занять собственную, функционально-осмысленную позицию в отношении естественнонаучных дисциплин до начала систематического изучения их в качестве отдельных школьных предметов.

Возникновение научных понятий у школьников связано с психологическими механизмами, реализующими совершенно иной вид обобщения, нежели систематизация объектов окружающего мира путем сравнения и выделения общего в их составе и строении по внешним признакам, как это характерно для формирования «житейских» понятий (Давыдов, 1996). Традиционное наблюдение за природными явлениями, сопровождающееся выполнением простейших опытов с последующим выдвижением «объяснительных гипотез», как путь ознакомления учащихся с начальными естественнонаучными понятиями, закладывает в основу их формирования эмпирическое обобщение обнаруживаемых у природных объектов свойств. Эта методологическая позиция обосновывает множество разработок дидактических приемов введения детей в начала естественных наук. Здесь ведущее место занимает собственное экспериментирование и демонстрация простых опытов, а также ознакомление школьников с научно-популярными текстами, как особый предмет коллективного и группового обсуждения в классе (Фадеева и др., 2017; Van Der Valk ea, 2007; National Research Council, 2014; и многие другие отечественные и зарубежные авторы) Простейшие объяснительные модели, наглядно демонстрирующие научное понимание изучаемых явлений природы, рассматриваются как первый и наиболее фундаментальный слой концептуальной структуры, с которой учащиеся должны ознакомиться прежде, чем они узнают о последующих, более продвинутых уровнях (De Vos, Pilot, 2001).

Какое же содержание учебного предмета может заложить именно теоретическое обобщение в основу формирования естественнонаучных знаний у пяти- и шестиклассников?

Мы полагаем (Высоцкая и др., 2018), что пропедевтика естественнонаучных понятий должна поддерживать освоение учащимися их практико-предметных предпосылок в общем контексте логико-исторического рассмотрения целей и задач преобразующей деятельности человека в природе. Начальные понятия науки, в особенности модельно-схематические средства трансляции средств и способов теоретического мышления должны быть заложены разработчиками и опробованы учащимися, как необходимые составляющие обобщенной ориентировки собственной познавательной деятельности.

Учебное действие и его методическую поддержку, реализующую эту позицию в пропедевтическом курсе, можно представить в общем виде так:

- постановка учебной задачи освоения «культурно-технологического» и «теоретико-понятийного» содержания развивающейся практико-проблемной ситуации, исторически связанной с преобразованием человеком природного материала;

- работа с учебным текстом, проблематизирующим рассматриваемую ситуацию в соответствии с задачей освоения культуры преодоления «сопротивления природного материала», как основания зарождения теоретических представлений, специфичных для естественных наук;
- развернутая интерпретация процессов и явлений в модельной среде, как первый шаг к освоению особого содержания научных понятий;
- опробование в практикуме принципов архаичных техник и технологий в соответствии с их назначением, возможностей применения модельных средств как для построения собственного решения, так и для проверки утверждений, предлагаемых в «задачных» текстах.

На наш взгляд, именно исторически ранние технологии деятельности человека в природе могут задать адекватный контекст разворачивания «деятельностной пропедевтики» перехода учащихся от «житейских» понятий и традиционных дидактически упрощенных объяснений природных явлений к собственно научным. Важную роль в их изучении сыграет и анализ современных «потомков» архаичных технологий, позволяющий ученикам проследить их принципиальное соответствие, демонстрирующее происхождение и основания действий человека в природе, и, тем самым – проясняющее «деятельные» основания содержания и формы ряда современных знаний. Следует также отметить создаваемую здесь принципиальную возможность поддержки культурной идентификации младшего подростка, осваивающего источники происхождения понятий в своей учебной деятельности, с теми поколениями людей, что впервые в истории человечества ставили и решали задачу создания многих сегодня необходимых человеку вещей.

Интерпретация каждого текста опирается на построение модельных схем, первоначальной функцией которых является отражение особых позиций участников общей дискуссии. Они появляются как «посредники» интерпретации учебного текста, позволяя спланировать «опыт» и обсудить полученные результаты. Ход предметно-познавательного продвижения детей от урока к уроку в наиболее общем виде может быть представлен движением от текста к модельной схеме, от нее – к опробованию гипотез на опыте, далее – к исходной схеме для внесения корректив, и к новому прочтению исходного текста или логично связанному следующему. Возникающая на уроке предметно-содержательная учебная коммуникации придает новые, пока еще ситуативные значения словам «условного» языка, связанные с описанием ситуации и результатов действий, выполнявшихся учащимися и их результатов. «Общий язык», символика обозначений и схем по мере развития учебной ситуации обогащается общепринятыми

терминами и закономерно трансформируется в культурный способ коммуникации. «Собственный опыт» ученика тем самым рассматривается им самим как в контексте коллективного – учебного, так и «общественного», производственного опыта.

Приведем пример взаимоотношений составляющих образовательной среды предмета в рамках цикла уроков о соли. Как сложилось, что вроде бы ничем не примечательное на первый взгляд вещество обратило на себя столь пристальное внимание людей? У каждого народа ведь есть сказки, пословицы, загадки о соли, дошедшие до нас с древнейших времен. Люди воевали друг с другом за природные источники соли. Иногда соль продавалась дороже золота. А как добывали соль? Вот старинные книги с иллюстрациями, адресованные следующим поколениям людей, в которых тщательно описываются технологии добычи и очистки соли. Ученики составят схему «технологической цепочки», отражающей последовательные операции, приводящие к получению «чистой соли», найдут названия и описания орудий, отметят их назначение. Результаты опытов практикума подтвердят или опровергнут построенные модельные схемы, раскроют назначение и смысл множества деталей рассматриваемого процесса. Созданные и опробованные модельные средства позволят подойти к пониманию того, как в древности решалась, казалось бы, простая, но на деле – весьма сложная задача получения соли, пригодной в пищу, из морской воды.

Рассмотрение древних способов получения соли, среди прочего, открывает новую понятийную линию познавательного продвижения учащихся. Обсуждение возможностей «появления соли из воды» необходимо требует перехода к новому «языку» и созданию новых средств и способов интерпретации происходящего в опытах. Моделирование получения соли из морской воды выпариванием позволяет рассмотреть процессы образования «видимых» невооруженным глазом крупинок соли из «невидимых» частиц, которые приводят к появлению крупинок лишь будучи собранными вместе. Тем не менее, соль «остается солью», даже если она совершенно невидима в «соленой воде» и на первый взгляд «вообще исчезла». Обнаружение сохраняющихся различительных свойств вещества, изменяющего свой внешний вид, меняет представление о мельчайших частицах, на которые оно «рассыпается» при кажущемся исчезновении, от «умозрительного» к «работающему» в качестве средства прогноза поведения вещества в разных условиях обращения с ним. Появление соли «ниоткуда» служит пониманию «скрытых от глаз» состояний веществ, обусловливая первый шаг к молекулярной интерпретации происходящего при различных операциях, проводимых с веществами. На развитие понятийного способа описания поведения веществ в дальнейшем будут «работать» и другие разделы курса.

Созданные нами программы и пособия к пропедевтическому курсу «Природоведение» (Высоцкая и др., 2016) апробировались учителями общеобразовательных школ в течение семи лет. Результативность преподавания этого курса как введения в содержание естественнонаучных предметов рассматривалась нами, как успешность перехода в следующих классах к новым учебным дисциплинам. Приведем наиболее показательные результаты, достигнутые в этом отношении учащимися, изучавшими пропедевтический курс, по сравнению с теми, чье обучение в пятом и шестом классе в основной школе осуществлялось по общепринятым программам и учебникам.

В обследовании участвовали восьмиклассники двух московских школ (301 учащийся), из которых 134 изучали курс «Природоведение», а 167 – нет. Контрольную и экспериментальную группы составили в 2016 году соответственно 63 и 51, в 2017 – 50 и 35, в 2018 – 54 и 48 учеников.

Для оценки однородности выбранных групп мы выбрали успешность усвоения школьниками математики (алгебры и геометрии). В качестве показателя усвоения естественнонаучных понятий была выбрана успешность освоения химии, как предмета, в котором адекватность усвоения начальных понятий о веществе является основополагающим. Эти показатели определялась по качеству выполнения письменных диагностических работ в соответствии с типовыми учебными планами.

Школьники, изучавшие в пятом классе пропедевтический курс «Природоведение», на протяжении трех последующих лет выполняли работы по математике примерно на том же уровне, что и школьники, этот предмет не изучавшие. Успешность выполнения работ по математике в контрольных и экспериментальных группах (в среднем по группам) была, соответственно, 65,5% и 64,7% в 2016 году; 65,0% и 63,6% в 2017 году; 66,1% и 66,8% в 2018 году. Различия между группами были статистически недостоверны (по критерию Манна-Уитни), что позволяет говорить об их «однородности» по этому показателю.

Различия результатов, показанные учениками на диагностиках по химии, оказались статистически значимыми ($p < 0,01$). Средние показатели выполнения заданий по этому предмету у школьников экспериментальной группы составили 61,9%, 64,5% и 63,8% в 2016, 2017 и 2018 годах, в то время как результаты контрольной группы составили 52,3%, 51,1% и 55,7% соответственно. Мы можем говорить о том, что изучение пропедевтического курса создает определенную «базу» для повышения качества усвоения химических понятий в последующем систематическом курсе.

Литература

Высоцкая Е.В., Воронцов А.Б., Львовский В.А., Хребтова С.Б., Чудинова Е.В., Янишевская М.А.. Природоведение. 5 класс. В 3-х кн.: Учебное пособие / М.: Авторский Клуб, 2016.

Высоцкая Е.В., Лобанова А.Д., Малин А.Г., Хребтова С.Б., Янишевская М.А. Курс «Природоведения» в системе Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова: что можно вырастить на «ничьей земле»? // В кн. Деятельностный подход в образовании. М.: Авторский клуб, 2018. С. 266−275.

Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: Интор, 1996. 544 с.

Фадеева А.А., Петрова Н.Н., Смелова В.Г., Журин А.А., Засов А.В., Пентин А.Ю. Концепция содержания и технологии преподавания курса «Естествознание, 5-6». Физика в школе, 2017, № 3 (спец. выпуск). С. 57-73.

De Vos W. Pilot A. Acids and bases in layers: the stratal structure of an ancient topic. Journal of Chemical Education, 2001, 78(4), 494-499.

National Research Council. 2014. STEM learning is everywhere: Summary of a convocation on building learning systems. National Academies Press.

Van Der Valk, T., Van Driel, J.H. & De Vos, W. Common characteristics of models in present-day scientific practice. Research in Science Education. 2007, 37, P. 469–488.

Сведения об авторах

Высоцкая Елена Викторовна, к.пс.н., ведущий научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, h_vysotskaya@mail.ru

Янишевская Мария Алексеевна, к.пс.н., ведущий научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, y_maria@mail.ru

Лобанова Анастасия Денисовна, научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, nastya-lobanova@yandex.ru

Хребтова Светлана Борисовна, к.х.н., доцент кафедры органической химии Московского педагогического государственного университета, sv_khrebtova@mail.ru

Рехтман Ия Владимировна, к.пс.н., Quality Assurance specialist, Alera Labs, Durham; Introchemist association, NC, iyar@introchemist.org

ANCIENT TECHNOLOGIES AS A GATEWAY TO STUDY NATURAL SCIENCES

Elena Vysotskaya[a], Maria Yanishevskaya[a], Anastasia Lobanova[a], Svetlana Khrebtova[b], Iya Rekhtman[c]

[a] Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow

[b] Moscow State Pedagogical University, Moscow

[c] Introchemist association, Morrisville

Key words: history of science and technology, school science education, the Elconin's & Davydov's system of developing education

Abstract. Testing ancient technologies (by the procedures of text analysis and hands-on experiments) is a feasible way to scaffold students' future promotion in Natural Sciences. This idea became our major hypothesis as we strived to develop a propaedeutic Natural Science curriculum within the Developmental Instruction framework (Davydov, 1996). A student, thus, can acquire the desired concepts through his own activity: these concepts are the guidelines of ancient technologies. One assimilates them through reflection, while he reconstructs these ancient technologies - using special texts, devised to serve the purpose. The curriculum builds upon the "spiral" way of developing student's activity: "text – basic model – experiment – model correction – text". Our students' future efficiency in Chemistry compared to that of the control group is analyzed to support our hypothesis.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАКТИКИ СОВМЕСТНОГО ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ И ПСИХОЛОГОВ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Кузьмичева Т.В.

Мурманский арктический государственный университет, Мурманск

Ключевые слова: младшие школьники с задержкой психического развития, инклюзивное образование, совместная вузовская подготовка.

Аннотация. Автором разработан и представлен новый, интегративный подход к вузовской подготовке студентов направлений 44.03.01 «Педагогическое образование» и 44.03.03 «Специальное (дефектологическое) образование». Целью совместного обучения студентов разных направлений подготовки явилось обеспечение эффективного взаимодействия будущих специалистов в процессе психолого-педагогического

сопровождения младших школьников с задержкой психического развития, обучающихся в условиях инклюзивного образования. Доказательством эффективности совместного обучения студентов технологии мониторинга индивидуального развития младших школьников с ЗПР стало приближение педагога к пониманию и распознаванию реальных проблем ребенка с ЗПР на практике. У будущего педагога инклюзивного образования складывается продуктивное сотрудничество с психологом, имеющим специальную подготовку в области коррекционной психологии, поскольку цели и содержание работы того и другого специалиста имеют полезные пересечения в практической плоскости.

Основной текст. Новый вектор образования «от дифференциации к инклюзии» является одной из наиболее перспективных трансформаций традиционной образовательной теории и практики, в свете которой новая школа предстает как пространство сложных взаимодействий всех субъектов образовательного процесса, протекающих в условиях разнообразия. В зависимости, как современное профессиональное сообщество работает с разными детьми, определяется ее социально-образовательный потенциал, раскрывающийся в категории качества образования.

Развитие в российской системе образования инклюзивной модели обучения детей с ОВЗ требует от педагога принципиально иного понимания самой образовательной деятельности, а именно отказа от наработанных педагогических стереотипов в пользу гибкости и эмпатичности в работе с разными категориями обучающихся.

Как отмечают в своих исследованиях Бабкина Н.В., Инденбаум Е.Л., Коробейников И.А., наиболее представленной в структурах инклюзивного образования, по сравнению с другими категориями обучающихся с ОВЗ, являются дети с задержкой психического развития (ЗПР), характеризующиеся крайней неоднородностью состава, что обусловлено значительным разнообразием этиологических факторов, определяющих большой диапазон выраженности нарушений - от состояний, приближающихся к уровню возрастной нормы, до состояний, требующих отграничения от умственной отсталости [2,3,5].

Модель инклюзивного образования детей с ЗПР, особенно на начальных его этапах, предъявляет особые требования к профессиональной подготовке педагогов, которые способны обеспечивать не только возможность, но и должное качество усвоения этими детьми содержания программ начального образования [6]. Однако, проблема эффективного междисциплинарного сотрудничества специалистов, обеспечивающих образование и развитие детей с ЗПР в современных условиях, в значительной мере утратила свою актуальность.

Педагог начального общего образования должен обладать надежными практико-ориентированными знаниями для достоверной оценки причин, лежащих в основе трудностей обучения и поведения конкретного ребенка с ЗПР, и создания на основе этой оценки специальных педагогических условий для преодоления этих трудностей и реализации коррекционной составляющей образовательного процесса. Для оценки динамики и качества индивидуального развития ребенка, а также процесса его социальной адаптации, обязательным является осуществление специального мониторинга, также требующего необходимых профессиональных компетенций [4].

Предполагается, что решение перечисленных задач должно осуществляться совместно со специальным психологом, функции которого сегодня определяются содержанием деятельности по психологическому сопровождению ребенка с ЗПР, интегрированного в общеобразовательную среду [1]. Однако в реальности совместная работа педагога начального общего образования и специального психолога редко является продуктивной по причине известной автономности представлений о возможностях и способах коррекционно-педагогической деятельности, которые изначально заложены в содержании их профессиональной подготовки.

Трансформация традиционной образовательной парадигмы на инклюзивную актуализировала перед высшим образованием задачу подготовки будущих педагогов в рамках новых образовательных подходов, способствующих их продуктивному сотрудничеству в условиях современной педагогической практики.

Речь идет о создании и апробации авторской модели совместной подготовки в ВУЗе студентов направлений: 44.03.01 «Педагогическое образование» и 44.03.03 «Специальное (дефектологическое) образование». Целью подобной образовательной интеграции являлось обеспечение эффективного взаимодействия будущих специалистов указанных направлений в процессе психолого-педагогического сопровождения младших школьников с задержкой психического развития, обучающихся в условиях инклюзивного или интегрированного образования [4,6].

Процесс формирования профессиональных компетенций в сфере оценки индивидуального развития младших школьников с ЗПР осуществлялся нами на уровне дифференцированной теоретической подготовки будущих педагогов начального общего образования и специальных психологов; интегрированной теоретической подготовки студентов разных направлений: 44.03.01 «Педагогическое образование» [8] и 44.03.03 «Специальное (дефектологическое) образование» [9], а также в ходе интегрированной производственной практики.

Мы предположили, что прогноз эффективности разработки и реализации педагогом

и психологом индивидуальных образовательных стратегий обучающегося с ЗПР по достижению заданных ФГОС НОО целей и задач образования [7], во многом зависит от уровня сформированности у студентов когнитивного и практического компонентов их профессиональной деятельности.

Когнитивный компонент складывается из совокупности следующих составляющих: теоретико-методологические подходы к изучению проблемы ЗПР; возрастные и индивидуальные особенности развития познавательной, эмоциональной и коммуникативной сфер личности младшего школьника; общие для всех категорий детей с ОВЗ и особые образовательные потребности младших школьников с ЗПР; общепедагогические и общедефектологические принципы построения образовательной деятельности детей с ЗПР с учетом приоритетов ФГОС НОО обучающихся с ОВЗ; положения концепции функционального диагноза при нарушениях психического развития в детском возрасте; принципы, цели и задачи диагностической и коррекционной работы с ребенком младшего школьного возраста с ЗПР; процедура и методы психолого-педагогической диагностики индивидуального развития младшего школьника с ЗПР; принципы анализа, интерпретации и формы представления результатов диагностики индивидуального развития обучающихся с ЗПР; предмет, цель и задачи мониторинга индивидуального развития и социальной адаптации младших школьников с ЗПР; принципы организация и этапы мониторинга индивидуального развития младших школьников с ЗПР, критерии и параметры анализа его результатов.

Практический компонент профессиональных компетенций отражает освоение умений в области проведения будущими педагогами и специальными психологами мониторинга индивидуального развития младших школьников с ЗПР, предполагающих получение необходимых объективных сведений об обучающемся, их интерпретацию, обобщение и трансформацию диагностических данных в педагогические задачи.

Таким образом, курс на инклюзивное образование детей с ОВЗ задал новую траекторию подготовки педагогов начального общего образования и специальных психологов в ВУЗе, ориентирами для которой является индивидуализация образовательной деятельности младших школьников с ЗПР. Теория и практика инклюзивного образования требует от всех участников образовательных отношений не только «признания» права детей с ОВЗ и инвалидностью на доступное обучение, но и «включения» во взаимодействие друг с другом. Практика совместного обучения будущих педагогов и специальных психологов дает им возможность учиться быть более открытыми для общения, видеть необходимость в изменении самих себя, уметь принять особенности детей и индивидуализировать маршрут обучающихся с учетом их

образовательных возможностей и потребностей.

Литература

Бабкина Н.В. Выбор индивидуального образовательного маршрута для ребенка с задержкой психического развития / Н.В. Бабкина // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. - 2017. - № 2. - С. 16-22.

Инденбаум Е.Л. Дети с задержкой психического развития : учеб. пособие для общеобразоват. организаций / Е.Л. Инденбаум, И.А. Коробейников, Н.В. Бабкина. - М.: Просвещение, 2019. – 47 с.

Коробейников И.А. От вариантов развития детей с ЗПР к образовательным маршрутам /И.А. Коробейников, Н.В. Бабкина // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития.- 2016. - №1. - С. 20-23.

Коробейников, И.А. Интеграционная модель подготовки бакалавров по направлениям «педагогическое образование» и «специальное (дефектологическое) образование» /И.А. Коробейников, Т.В. Кузьмичева // Дефектология.- 2016. - №5. – С. 82-89.

Кузьмичева Т.В. О состоянии начального образования детей с ЗПР на территории Мурманской области // Дефектология. 2012. № 3. С. 27-30

Кузьмичева Т.В. Анализ готовности педагогов к реализации ФГОС начального общего образования обучающихся с ЗПР. – Дефектология. 2017. № 5. С. 62-69

ФГОС начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. Утвержден приказом Минобрнауки России от 19 дек. 2014 г. № 1598

ФГОС ВО по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование . Утвержден приказом Минобрнауки России от 4 дек. 2015 г. №1426 http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440301.pdf

ФГОС ВО по направлению подготовки 44.03.03Специальное (дефектологическое) образование. Утвержден приказом Минобрнауки России 1октября 2015г. №1087http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440303.pdf

ORGANIZATION OF THE PRACTICE OF CO-EDUCATION OF FUTURE TEACHERS AND PSYCHOLOGISTS OF INCLUSIVE EDUCATION

Kuzmicheva Tatiana Victorovna

Federal state budgetary educational institution of higher education Murmansk Arctic State University, Murmansk

Keywords: primary school pupils with developmental delay, inclusive education, university co-education

Abstract. The author has developed and presented a new, integrative approach to the University training of students 44.03.01 «Pedagogical education» and 44.03.03 «Special (defectological) education». The purpose of co-education of students of different directions of training was to ensure effective interaction of future specialists in the process of psychological and pedagogical support of younger students with developmental delay, students in inclusive education. The proof of the effectiveness of the co-education of students of the technology of monitoring the individual development of primary school children with developmental delay was the approach of the teacher to the understanding and recognition of the real problems of the child with developmental delay in practice. The future teacher of inclusive education will be productive cooperation with a psychologist who has special training in the field of correctional psychology, so since the goals and content of the work of both specialists have useful intersections in the practical plane.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ И САМОРАЗВИТИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ В МАГИСТРАТУРЕ

Толмачева В. В.

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут

Ключевые слова: магистратура, саморазвитие, субъектность, образовательная среда, модель, технология, научно-исследовательская деятельность

Аннотация. Реалии современной жизни диктуют все новые требования к выпускникам высших учебных заведений и вполне обоснованно нормой становится наличие академической степени магистра. Однако, в практике подготовки магистров до сих пор существуют весьма значимые пробелы и, в первую очередь, это связано с формированием специфического образовательного пространства магистратуры и

наполнения его конкретным содержанием. В статье подчеркнут проблемный характер развития магистратуры как фактора профессионального становления и саморазвития студентов и предпринята попытка решения данного противоречия. Цель данной статьи – поиск новых путей и подходов в активизации субъектной позиции обучающихся по программам магистратуры.

Автором выстроена модель субъектно-ориентированной среды вуза и апробирована технология ее организации в процессе профессиональной подготовки будущих магистров. Для апробации технологии применены методы: эксперимент, опрос магистрантов, невключенное наблюдение. На начальном этапе эксперимента выявлено, что субъектный потенциал студентов используется слабо. Это свидетельствует о том, что магистратура не в полной мере способствует их саморазвитию. Эксперимент, проведенный среди студентов магистерского уровня подготовки, подтвердил, что организация субъектно-ориентированной образовательной среды способствует активизации научно-исследовательского потенциала магистрантов и содействует их саморазвитию.

Введение

Актуальность проблемы

Реалии современной жизни диктуют все новые требования к выпускникам высших учебных заведений и вполне обоснованно нормой становится наличие академической степени магистра. Однако, в практике подготовки магистров до сих пор существуют весьма значимые пробелы и, в первую очередь, это связано с формированием специфического образовательного пространства магистратуры и наполнения его конкретным содержанием. Еще не так давно программы магистерской подготовки зачастую включали в себя примерно то же содержательное наполнение, что и бакалавриат, с небольшими вариациями. Все это привело к появлению значительного количества вопросов и противоположных точек зрения относительно модели российской высшей школы, а также сущностных отличий каждой ступени этой системы. (Bednyj & Kuzenkov, 2016; Gruzdev, 2016; Karavaeva, 2015; Kuznecova, 2011; Markin & Voronov, 2016; Shmatko, 2016; Society and education, 2014). С нашей точки зрения, подготовка магистров должна строиться на качественно иных подходах. И в первую очередь, это касается разработки модели выпускника образовательной программы, а также функциональных карт компетенций. Согласно положениям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование (от 22 февраля 2018 г. № 126) образовательная организация должна обеспечивать формирование универсальных и общепрофессиональных

компетенций выпускников, а то время как профессиональные компетенции (обязательные и рекомендуемые), устанавливаемые программой магистратуры, формируются на основе профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников с учетом требований к профессиональным компетенциям, предъявляемых к выпускникам на рынке труда, обобщения отечественного и зарубежного опыта, проведения консультаций с ведущими работодателями, объединениями работодателей отрасли и т.д. Результаты обучения по дисциплинам (модулям) и практикам, должны быть соотнесены с установленными в программе магистратуры индикаторами достижения компетенций. Все это, с одной стороны, достаточно жестко определяет те образовательные результаты, которые должны быть получены, но, с другой стороны, дает возможность вузам (при соблюдении ряда условий) разработать свою примерную основную образовательную программу магистерской подготовки.

Согласно положениям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование (от 22 февраля 2018 г. № 126) в рамках освоения программы магистратуры выпускники могут готовиться к решению целого спектра задач профессиональной деятельности: педагогических, проектных, методических, организационно-управленческих, культурно-просветительских, научно-исследовательских, сопровождения. Все это определяет необходимость подготовки магистра в качественно отличающемся образовательном пространстве. Магистр должен выступить в роли субъекта своего профессионального становления, что позволит реализовывать его профессиональный, научно-исследовательский, педагогический потенциал (Esenskaya, 2003; Kiseleva, 2016; Milovanova, 2009; Fomina, 2010).

Уже сегодня субъектно-ориентированная среда позволяет будущему магистру выстраивать самостоятельно свою траекторию профессионального становления и развития. В процессе обучения в магистратуре это находит выражение, в первую очередь, в научно-исследовательской деятельности обучающихся. Цель данной статьи – поиск новых путей и подходов в активизации субъектной позиции обучающихся по программам магистратуры. Основной гипотезой исследования явилось предположение о том, что субъектно-ориентированная образовательная среда вуза будет способствовать профессиональному становлению будущих магистров, что найдет отражение в их научной самореализации.

Методы исследования

Методы исследования

Теоретический анализ источников; массовый опрос магистрантов (N=75 (первый этап; N=62 (второй этап))); невключенное наблюдение (N=75).

Экспериментальная база исследования

Массовый опрос и невключенное наблюдение проведено среди магистрантов Сургутского государственного педагогического университета, обучающихся по программам «Инновационная начальная школа», «Методическое сопровождение в дошкольном образовании», «Менеджмент в дошкольном образовании» на очном и заочном отделениях на первом и втором годах обучения в магистратуре. Период экспериментального обследования – сентябрь 2017 – декабрь 2018 гг.

Результаты

В результате проведенных исследований была создана модель субъектно-ориентированной среды вуза и апробирована технология ее организации в процессе профессиональной подготовки будущих магистров, обучающихся по педагогическому направлению подготовки. Структурно разработанная и апробированная технология состоит из двух модулей. Первый модуль несет собой содержательную нагрузку и ориентирован, в первую очередь, на планирование и реализацию системы принципов, методов обучения и конкретных мероприятий, позволяющих создать благоприятную среду для принятия позиции субъектности обучающимися по программам магистратуры.

Второй модуль – оценочный. Он включает в себя модель выпускника программы с конкретным наполнением тех образовательных результатов, что должны быть достигнуты в процессе обучения (в рамках формируемых компетенций). Значимое место отводится диагностическому инструментарию, позволяющему выявлять уровень сформированности субъектной позиции магистрантов в процессе их обучения и участия в мероприятиях. Разработанный инструментарий позволяет фиксировать исходный уровень субъектности обучающегося и его последующую динамику.

Многоаспектный характер субъектной позиции магистранта мы рассматриваем в первую очередь, с точки зрения его профессионального становления и развития в научно-исследовательской деятельности. С целью фиксации выделенных критериев субъектности был разработан соответствующий диагностический инструментарий, включающий в себя опросники, а также бланк невключенного наблюдения.

Характеризуя итоги полевого этапа исследования, остановимся на результатах, полученных в ходе первичной диагностики, осуществленных методами анкетного опроса, невключенного наблюдения. На диагностическом этапе был проанализирован блок результатов по реализации научно-исследовательского потенциала магистрантов в начале учебного года.

Таблица 1. Число конференций, в которых магистранты принимали участие в последние три года

Участие в конференциях	Кол-во, чел.	Доля, % к опрошенным
Более двух конференций	11	14
Две конференции	23	32
Одна конференция	19	25
Не принимали участие	22	29
Всего	75	100

Анализ данных проведенного опроса на диагностическом этапе исследования показал следующие результаты. Уровень участия магистрантов в конференциях в период обучения их на бакалавриате и на первом году обучения в магистратуре (для опрошенных магистрантов второго года обучения) составил 71%: треть из них не участвовали на конференциях (табл. 1).

Таблица 2. Число олимпиад и конкурсов, в которых магистранты принимали участие в последние три года

Участие в олимпиадах, конкурсах	Кол-во, чел.	Доля, % к опрошенным
Два и более мероприятий	17	22
Одно мероприятие	11	17
Не принимали участие	47	61
Всего	75	100

По результатам ответов обучающихся более половины из них не принимали участия в конкурсах, олимпиадах, иных конкурсных и научно-практических мероприятиях; порядка 40% опрошенных участвовали более чем в одном из таких мероприятий за последние три года (табл. 2).

Таблица 3. Наличие публикаций магистрантов (за последние три года, в % к опрошенным)

Наличие публикаций	Кол-во, чел.	Доля, % к опрошенным
да	51	69
нет	24	31
Всего	75	100

69% магистрантов имели публикации в сборниках научных работ, журналах за последние три года (табл. 3). Высокий количественный показатель обусловлен еще и наличием такого критерия при оценивании портфолио абитуриентов при поступлении на обучение по программам магистратуры, как наличие публикаций.

Диагностический этап эксперимента показал достаточный уровень субъектности магистрантов первого и второго года обучения в аспекте научно-исследовательской

деятельности. При внешне положительных данных мы решили уточнить статус научных мероприятий и конкурсов, в которых принимали участие обучающиеся.

Таблица 4. Статус научных мероприятий и конкурсов, в которых принимали участие магистранты (за последние три года, в % к опрошенным)

Наличие публикаций	Кол-во, чел.	Доля, % к опрошенным
Международный	11	14
Всероссийский	8	10
Региональный	14	19
Мероприятия, проводимые в вузе (вузовский)	42	57
Всего	75	100

Полученные нами данные позволяют констатировать преимущественно вузовский уровень мероприятий, в которых принимали участие магистранты – 57%.

Невключенное наблюдение позволило сделать вывод о достаточно низкой мотивации магистрантов к занятию научно-исследовательской деятельностью, что выражалось в следующих основных признаках: из всей совокупности магистрантов (75 чел.) 19% выразили желание участвовать в научных мероприятиях для студентов; 41% - выразили заинтересованность в публикации статей в журналах, сборниках научных работ, но только на основе уже имеющегося у них материала; 9% – проявили определенный интерес к участию в конкурсах, грантах; 2% выразили желание заниматься научно-исследовательской деятельностью в дальнейшем. Таким образом, субъектный потенциал магистрантов в начале учебного года оставался в большей степени нереализованным и нераскрытым. Стремление получать новый научный результат в виде осмысления проблемы исследования, поиска новых исследований оказался не привлекательным для магистрантов.

Таблица 5. Наличие публикаций магистрантов (в конце учебного года, в % к опрошенным)

Наличие публикаций	Диагностический этап		Контрольный этап	
	Кол-во, чел.	Доля, % к опрошенным	Кол-во, чел.	Доля, % к опрошенным
да	51	69	55	**88**
нет	24	31	7	12
Всего	75	100	62	100

В результате реализации формирующего эксперимента более 80% магистрантов (55 человек) первого и второго года обучения приняли участие в различных научных мероприятиях, проводимых не только на базе университета, но также регионального и всероссийского уровня. Три магистранта вошли в состав научного коллектива по подготовке заявки на грантовую поддержку. Один магистрант также вошел в число

членов научного коллектива по разработке региональной парциальной программы для системы дошкольного образования. Контрольный этап позволил заключить, что в результате данных мероприятий увеличилось число публикаций магистрантов: если в начале учебного года 31% магистрантов не имели публикаций, то в конце учебного года эта цифра составила 12% (табл. 4). Следует отметить повышение статуса научных мероприятий, в которых магистранты приняли участие.

В результате реализации эксперимента доля участия магистрантов в мероприятиях и публикациях возросла на 19%.

Опрос, проведенный среди магистрантов показал, что треть из них (31%) мотивированы на занятие научно-исследовательской деятельностью в дальнейшем; 19% магистрантов отметили, что в рамках своей профессиональной деятельности уже участвуют в конференциях, форумах различного уровня, представляя опыт своей работы, 3% выразили желание продолжить свое обучение в аспирантуре.

Дискуссионные вопросы

Анализ научной литературы позволяет констатировать недостаток специальных исследований, посвященных проблемам магистратуры вообще, так и проблемы профессионального саморазвития и развития субъектной позиции студентов в процессе обучения. Перспективным в данном направлении видится появление исследований, посвященных проблемам профессионального саморазвития обучающихся посредством организации системы наставничества другим обучающимся (магистранта, аспиранта).

Заключение

В результате проведенного исследования сделаны несколько выводов.

1. Обучение по программам магистратуры может быть направлено на подготовку обучающихся к различным видам деятельности, одним из которых, безусловно, научно-исследовательский. Достижение образовательных результатов, формирование компетенций, предусмотренных федеральным государственным образовательным стандартом возможно в специально созданной среде – субъектно-ориентированной.

2. Разработанная модель выпускника по программам магистратуры предполагает выделение нескольких критериев субъектности, среди которых ведущее место занимает активность обучающихся в научно-исследовательской деятельности. В ходе реализации эксперимента была создана модель субъектно-ориентированной среды вуза и апробирована технология ее организации в процессе профессиональной подготовки будущих магистров.

3. В ходе контрольного этапа эксперимента установлено, активность студентов в научно-исследовательской деятельности значительно повысилась: в количественном

отношении увеличилось участие магистрантов в мероприятиях научного характера. Заметно повысился уровень научных мероприятий, в которых принимали участи магистранты. В целом, можно констатировать, что организация субъектно-ориентированной образовательной среды обучения позволяет обучающимся выстраивать самостоятельно свою траекторию профессионального становления и развития. В процессе обучения в магистратуре это находит выражение, в первую очередь, в научно-исследовательской деятельности обучающихся.

4. Перспективным в данном направлении видится появление исследований, посвященных проблемам профессионального саморазвития обучающихся посредством организации системы наставничества другим обучающимся (магистранта, аспиранта).

В ходе проведенного экспериментального исследования соблюдены этические правила. Автором гарантировано, что лицам, участвующим в исследовании, не будет причинен вред, все права участников исследования будут соблюдены. В ходе опроса, наблюдения и последующего эксперимента все студенты, участвующие в исследовании, были предупреждены в письменной форме (в бланке анкеты), что их участие обеспечивается на условиях анонимности. Авторы гарантируют, что имена участников не будут разглашены, все данные используются только в обобщенном виде.

В ходе написания статьи конфликта интересов между соавторами не возникло.

Список литературы

Бедный Б. И., Кузенков О. А. Интегрированные образовательные программы «Академическая магистратура – аспирантура» // Высшее образование в России. 2016. No 5. С. 21–32. URL: http://www.vovr.ru/upload/5-16.pdf (дата обращения: 25.03.2018).

Есенская Т. В. Проектирование программы магистерского образования : автореф. дис… к. п. н. : 13.00.01. Ростов-на-Дону, 2003. 199 с. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=16004971 (дата обращения: 14.05.2018)

Караваева Е. В. Первый опыт разработки и реализации программ подготовки научно-педагогических кадров как программ третьего уровня высшего образования: выявленные проблемы и возможные решения // Высшее образование в России. 2015. № 8–9. С. 5–15. URL: http://www.vovr.ru/upload/8-915.pdf915.pdf (дата обращения: 15.05.2018).

Киселева А. В. Самостоятельная работа студентов: традиции и новые подходы // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2016. Т. 8, No 3. С. 92–101. DOI: 10.7442/2071-9620-2016-8-3-92-101

Кузнецова В. Н. Магистратура: проблемы становления // Высшее образование в России. 2011. №1. С. 45-48. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=15608361 (дата обращения: 14.05.2018)

Маркин В. В., Воронов В. В. Подготовка кадров высшей квалификации в дискурсе Болонского процесса: магистраль versus обочина // Интеграция образования. 2016. Т. 20. № 2. С. 164–175. DOI: 10.15507/1991-9468.083.020.201602.164-175;

Милованова Г. В. Самостоятельная работа и самообразование – важные условия успешной профессиональной деятельности // Вестник Мордовского университета. 2009. No 2. С. 151–155. URL: http://vestnik.mrsu.ru/index.php/ru/archiv (дата обращения: 4.06.2018).

Фомина С. Н., Харитонова И. В. Организация самостоятельной работы как средство самоорганизации студентов в условиях личностно-ориентированного подхода в обучении // Социальная политика и социология. 2010. No 7 (61). С. 70–77. URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=17054271 (дата обращения: 23.05.2018).

Gruzdev I., Terentev E. Life after PhD: What careers do PhD students in Russia consider? // Higher Education in Russia and Beyond. 2016. No. 3 (9). Pp. 20–21. URL: https://herb.hse.ru/en/2016--3(9)/192844817.html (дата обращения: 27.04.2018).

Society and education in the early of 21th century: integration of tradition and innovation / A. M. Egorychev [et al.] // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2014. Vol. 5, no. 2. Pp. 82–91. DOI: 10.14505/jarle.v5.2(10).04

Shmatko N. PhDs within and outside of the national labor market // Higher Education in Russia and Beyond. 2016. No. 3 (9). Pp. 9–11. URL: https://herb.hse.ru/en/2016--3(9)/192844458.html (дата обращения: 11.04.2018).

References

Bednyj B. I., Kuzenkov O. A. Integrirovannye obrazovatel'nye programmy «Akademicheskaya magistratura – aspirantura» [Integrated educational programs "Academic Magistracy - Postgraduate Studies"]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher education in Russia. 2016. No 5. Pp. 21–32. URL: http://www.vovr.ru/upload/5-16.pdf (accessed 25.03.2018). (in Russ.)

Esenskaya T. V. Proektirovanie programmy magisterskogo obrazovaniya [Designing a master's degree program]: thesis: 13.00.01. Rostov-na-Donu, 2003. 199 p. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=16004971 (accessed 14.05.2018) (in Russ.)

Fomina S.N., Kharitonova I.V. [Organisation of independent work as a means of self-organisation of students in the context of a person-oriented approach in teaching]. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya = Social Policy and Sociology.* 2010; 7(61):70-77. Available at: http://elibrary.ru/item.asp?id=17054271 (accessed 23.05.2018). (In Russ.)

Gruzdev I., Terentev E. Life after PhD: What careers do PhD students in Russia consider? *Higher Education in Russia and Beyond.* 2016. No. 3 (9). Pp. 20–21. URL: https://herb.hse.ru/en/2016-3(9)/192844817.html (accessed 27.04.2018).

Karavaeva E. V. Pervyj opyt razrabotki i realizacii programm podgotovki nauchno-pedagogicheskih kadrov kak programm tret'ego urovnya vysshego obrazovaniya: vyyavlennye problemy i vozmozhnye resheniya [The first experience in the development and implementation of training programs for scientific and pedagogical personnel as third-level programs of higher education: identified problems and possible solutions]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher education in Russia. 2015. No 8–9. Pp. 5–15. URL: http://www.vovr.ru/upload/8-915.pdf915.pdf (15.05.2018) (in Russ.)

Kiseleva A.V. Independent work of students: the traditions and new approaches]. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyy aspect = Modern Higher School: Innovative Aspect.* 2016; 3(8):92-101. DOI: 10.7442/2071-9620-2016-8-3-92-101 (In Russ.)

Kuznecova V. N. Magistratura: problemy stanovleniya [Master: Problems of Formation]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher education in Russia. 2011. No 1. Pp. 45-48. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=15608361 (accessed 14.05.2018) (in Russ.)

Markin V. V., Voronov V. V. Podgotovka kadrov vysshej kvalifikacii v diskurse Bolonskogo processa: magistral' versus obochina [Training of highly qualified personnel in the discourse of the Bologna process: the highway versus the roadside]. *Integraciya obrazovaniya* - Integration of education. 2016. V. 20. No 2. Pp. 164–175. DOI: 10.15507/1991-9468.083.020.201602.164-175 (in Russ.)

Milovanova G.V. [Self-employment and self-education as important conditions for successful professional activity]. *Vestnik Mordovskogo universiteta = Mordovia State University Bulletin.* 2009; 2:151-155. Available at: URL: http://vestnik.mrsu.ru/index.php/ru/archiv (accessed 4.06.2018). (In Russ.)

Shmatko N. PhDs within and outside of the national labor market. *Higher Education in Russia and Beyond.* 2016. No. 3 (9). Pp. 9–11. URL: https://herb.hse.ru/en/2016-3(9)/192844458.html (11.04.2018).

Society and education in the early of 21th century: integration of tradition and innovation / A. M. Egorychev [et al.]. *Journal of Advanced Research in Law and Economics.* 2014. Vol. 5, no. 2. Pp. 82–91. DOI: 10.14505/jarle.v5.2(10).04

ФОРМИРОВАНИЕ РЕФЛЕКСИИ И РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Зак А.З.

ФГБНУ «Психологический институт РАО», Москва

Ключевые слова: формирование, рефлексия, развитие, критическое мышление, младшие школьники

Аннотация. Цель исследования – охарактеризовать связь критического мышления с рефлексией. Гипотеза – формирование рефлексии при освоении основной образовательной программы (ООП) начальной школы и на внеурочных занятиях по программе «Интеллектика плюс» больше способствуют развитию критического мышления, чем освоение только ООП. В исследовании участвовали 111 третьеклассников (62 – контрольная группа, 49 – экспериментальная группа, которая занималась по программе «Интеллектика плюс» на 32 занятиях с сентября по май). Начальная и заключительная диагностика с учениками обеих групп проводилась по двум авторским методикам – «Обмены» и «Выводы»: первая предназначена для определения вида рефлексии (внутренняя, внешняя), вторая – для определения уровня критического мышления (содержательный, формальный). Данные заключительной диагностики: в контрольной группе детей с внутренней рефлексией 19,4%, в экспериментальной – 38,8%, с содержательным уровнем критического мышления, соответственно: 29,0% и 48,9% (различие обеих пар показателей статистически значимо при $p < 0.05$). Исследование показало: формирование рефлексии существенно способствует развитию критического мышления.

ВВЕДЕНИЕ

В новом ФГОС НОО [Федеральный..., 2010)] сформулированы требования к современному образованию в начальной школе. Согласно этим требованиям, обучение по основной образовательной программе (ООП) должно обеспечить достижение метапредметных образовательных результатов. В этом случае у детей будут возможности критически оценивать разнообразную информацию и высказывать обоснованные суждения.

Особое значение для создания таких возможностей имеет освоение детьми познавательных универсальных действий, в частности логических действий построения рассуждений. Эти действия, согласно представлениям ряда исследователей, выступают фундаментальной характеристикой критического мышления (Халперн, Д., 2000; Fisher, A.,

2001; Facione P.A., 2015; Paul R., Elder L., 2014). При этом ученые полагают, что критическое мышление связано с рефлексией.

Рассматривая особенности критического мышления и рефлексии важно отметить следующее. Во-первых, опираясь на положения диалектической логики о разумном и рассудочном познании, мы принимали, что критическое мышление как познавательный процесс, связанный с обоснованием утверждений, характеризующих, в частности, решение задачи, может опираться на существенные отношения в ее содержании и на несущественные. В первом случае критическое мышление связано, таким образом, с обоснованием утверждений на основе содержательного анализа условий задачи, во втором случае – на основе формального их анализа. Во-вторых, исходя из работ В.В.Давыдова и его сотрудников (Давыдов В. В., 1996; Зак А.З., 2004; Новиков П.В., 1998) рефлексия как познавательный процесс, направленный на анализ человеком собственных действий при решении задач, может быть связана с необходимыми характеристиками условий выполнения действий и со случайными характеристиками. В первом случае рефлексия будет внутренней, во втором – внешней.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования – охарактеризовать связь формирования рефлексии (как освоения детьми внутренней рефлексии) с развитием критического мышления (как переходу от его формального уровня к содержательному). В исследовании участвовали 111 третьеклассников (62 – контрольная группа, 49 – экспериментальная группа, которая занималась по программе «Интеллектика плюс» на 32 занятиях с сентября по май). Следует отметить, что программа «Интеллектика плюс» представляет собой модификацию программы «Интеллектика» для 3 класса (Зак А.З., 2008; Зак А.З., 2003 – 2019).

Отмеченная модификация программы «Интеллектика» связана с включением в материал занятий задач, при решении которых ребенку нужно сменить деятельностную позицию (т.е. позицию человека, решающего задачу) на рефлексивную позицию (т.е. на позицию человека, проверяющего решение задачи).

Гипотеза исследования – формирование внутренней рефлексии на занятиях по программе «Интеллектика плюс» способствует развитию критического мышления как переходу от его формального уровня к содержательному.

Важно отметить своеобразие проблемного материала программы «Интеллектика плюс» и особенности групповых занятий. Программа построена на материале поисковых задач неучебного содержания четырех родов: сюжетно-логические, компаративные, пространственно-комбинаторные, маршрутные. В каждом роде содержится восемь видов

задач. Задачи каждого вида предлагается решать в нескольких структурных вариантах: задача с полным условием и вопросом («найти ответ»), с неполным условием и вопросом («найти часть условия»), с полным условием и без вопроса («найти вопрос»).

Каждое занятие по программе состоит из трех частей. В первой части учитель вместе с учениками разбирает решение задачи-образца, т.е. задачи, типичной для того вида, который осваивается на данном занятии. Такое обсуждение необходимо, чтобы дети понимали, что нужно найти в задачах данного вида и как это можно сделать. Детям даются средства разбора задач и способы управления поиском решения и контроля своих действий (это способствует освоению внутренней рефлексии действий по решению задачи).

Во второй части дети самостоятельно решают 12 – 15 задач данного вида. Здесь создаются благоприятные условия для применения средств анализа условий задачи и способов поиска решения, представленных в первой части.

В третьей части учитель с учениками проверяет решенные задачи. Разбираются неверные решения и их причины, что полезно для всех детей, – как для тех, кто ошибся, так и для тех, кто решил правильно: детям еще раз разъясняются приемы анализа условий и разбора решения задач. Это создает благоприятные условия для освоения детьми познавательных действий разного рода и внутренней рефлексии действий по решению задач.

Исследование включало три этапа. 1 этап (сентябрь): ученики обеих групп решают диагностические задачи для определения вида рефлексии и уровня сформированнности критического мышления. 2 этап (сентябрь – май): экспериментальная группа осваивает программу «Интеллектика плюс» на 32 внеурочных занятиях. 3 этап (май): повторная диагностика рефлексии и критического мышления.

До и после 32 занятий с детьми обеих групп проводилось групповое диагностическое занятие на материале двух заданий: «Обмены» и «Выводы. Первое из них предназначено для определения вида рефлексии при решении задач. В основе построения этого задания лежали отмеченные выше положения о двух видах рефлексии. В соответствии с этими положениями нами была разработана двухчастная экспериментальная ситуация (Зак А.З., 2004).

В первой ее части предлагалось решить три задачи двух классов (первая и третья задачи были построены и решались на основе одного принципа, вторая задача — на основе другого принципа). Во второй части при верном решении всех задач их предлагалось сгруппировать. Если в основе группировки лежали случайные характеристики условий действий при решении задач, то принималось, что в этом случае

осуществлялась внешняя рефлексия. Если за основу группировки принимались их необходимые характеристики (единый принцип их построения и решения), то это свидетельствовало об осуществлении внутренней рефлексии.

Для определения вида рефлексии в нашем исследовании применялось задание «Обмены». Это задание включает задачи, в которых требуется по определенным правилам менять буквы местами, например: П Л В за два действия преобразовать в В П Л. Одно действие – обмен местами любых двух букв. Решение: 1) В Л П, 2) В П Л.

После объяснений учителя и решения тренировочных задач детям предлагалось решить три основных задачи (каждую за два действия): 1) В Г Л М --- Г В М Л; 2) Р С П Ч --- П Ч Р С; 3) Ш Т Ф Б --- Т Ш Б Ф. Далее нужно было выбрать одно из пяти мнений об этих задачах: 1) все основные задачи похожи; 2) все основные задачи разные; 3) похожи основные задачи 1-я и 2-я, а 3-я от них отличается; 4) похожи основные задачи 1-я и 3-я, а 2-я от них отличается; 5) похожи основные задачи 2-я и 3-я, а 1-я от них отличается. Затем требовалось кратко пояснить причины выбора.

Задание «Выводы» предназначено для определения уровня сформированности критического мышления. Задание включает логические задачи, построенные по-разному. В одних задачах на вопрос «Кто...?» в качестве верного ответа выступает имя одного из персонажей сюжета. Например: «Алик, Боря и Вова решали примеры: кто-то на сложение, кто-то на вычитание, кто-то на умножение. Алик решал примеры на сложение. Боря не решал примеры на умножение. Кто решал примеры на вычитание?» Ответ: Боря.

В других задачах верным ответом выступает утверждение, характеризующее отсутствие решения. Например: «Алик, Боря и Вова решали примеры: кто-то на сложение, кто-то на вычитание, кто-то на умножение. Алик не решал примеры на сложение. Боря не решал примеры на умножение. Кто решал примеры на вычитание?» Ответ: нельзя узнать, кто.

В каждой задаче нужно выбрать ответ из нескольких предложенных, среди которых есть верные и неверные. Задание «Выводы» включало 8 задач, в половине из которых верный ответ – «нельзя узнать, кто». Если ученик решал верно все задачи, то это свидетельствовало о сформированности (в отношении данных задач) содержательного уровня критического мышления. Если не все задачи решались верно, особенно те, где нельзя узнать имя персонажа сюжета, то это свидетельствовало о несформированности (в отношении данных задач) содержательного уровня критического мышления и о проявлении его формального уровня.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обработка результатов выполнения учениками заданий «Обмены» и «Выводы» показала следующее. Во-первых, среди испытуемых контрольной и экспериментальной групп по результатам выполнения задания «Обмены» в сентябре было, соответственно, 11,3% и 10,2% детей, осуществивших при решении задач внутреннюю рефлексию, в мае – соответственно: 19,4% и 38,8% (различие этих результатов статистически значимо: при $p < 0.05$).

Во-вторых, среди испытуемых контрольной и экспериментальной групп по результатам решения выполнения задания «Выводы» в сентябре было, соответственно, 20,9% и 20,4% детей, проявивших при решении задач содержательный уровень критического мышления, в мае – соответственно: 29,0% и 48,9% (различие этих результатов статистически значимо: при $p < 0.05$).

В-третьих, сопоставление результатов выполнения обоих заданий в контрольной и экспериментальной группах свидетельствует о том, что увеличилась доля детей с внутренней рефлексией среди детей с содержательным уровнем критического мышления: в сентябре, соответственно: 53,8% и 50,0%, в мае: 66,7% и 75,0%.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что занятия по программе «Интеллектика плюс» существенно способствуют формированию у третьеклассников действий внутренней рефлексии и развитию критического мышления как переходу от его формального уровня к содержательному. Кроме того, эти занятия значительно повышают долю детей с внутренней рефлексией среди детей с содержательным уровнем критического мышления.

В целом исследование показало: формирование рефлексии у младших школьников (в частности, у третьеклассников) раскрывает и усиливает ее связь с критическим мышлением, существенно способствуя его развитию.

Литература

Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М.: Интор, 1996.

Зак А.З. Мышление младшего школьника. СПб.: Содействие, 2004.

Зак А.З. Интеллектика. Книга для учителя. М.: Интеллект-центр, 2008.

Зак А.З. Интеллектика 3 класс. Тетрадь для развития мыслительных способностей. М.: Интеллект-центр, 2003 – 2019.

Новиков П.В. Развитие рефлексии у младших школьников: Автореф. дисс. … канд. психол. наук. М., 1998.

Халперн, Д. Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2000.

Fisher, A. (2001). Critical Thinking: An Introduction. Cambridge University Press.

Facione P.A. Critical Thinking: What It is and Why it Counts. Hermosa Beach, CA: Measured Reasons LLC, 2015.

Paul R., Elder L. The Miniature Guide to Critical Thinking: Concepts and Tools. 7th ed. Foundation for Critical Thinking Press, 2014.

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. М.: Просвещение, 2010.

Сведения об авторе

Зак Анатолий Залманович, Москва; ФГБНУ «Психологический институт РАО», ведущий научный сотрудник, доктор психологических наук, профессор. Тел: 8 929 992 5769; e-mail: jasmin67@mail.ru.

FORMATION OF REFLECTIVE SKILLS AND THE DEVELOPMENT OF CRITICAL THINKING OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN

Zak A.Z.

FGBNU “Psychological Institute of Russian Academy of Education”, Moscow

Keywords: formation, reflection, development, critical thinking, younger schoolchildren

Abstract. The purpose of the study is to characterize the relationship of critical thinking with reflection. Hypothesis – the formation of reflection in the development of the basic educational program (BEP) of primary school and extracurricular activities under the program “Intellectika plus” contribute more to the development of critical thinking than the development of only BEP. The study involved 111 third-graders (62 – the control group, 49 – the experimental group, which was engaged in the program “Intellectika plus” in 32 classes from September to May). Initial and final diagnostics with pupils of both groups were carried out according to two author's methods – “Exchanges” and “Conclusions”: the first is designed to determine the type of reflection (internal, external), the second – to determine the level of critical thinking (meaningful, formal). Data final diagnosis: in the control group of children with internal reflection of 19.4%, in the experimental - 38.8%, with a meaningful level of critical thinking, respectively: 29.0% and 48.9% (the difference between the two pairs of indicators is statistically significant at $p < 0.05$). The study showed that the formation of reflection significantly contributes to the development of critical thinking.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБКУЛЬТУР

Петухова И.А.

Институт психологии им. Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва

Ключевые слова: культура, субкультура, образование, общение, деятельность, мотивы

Аннотация. Образовательный процесс (в частности, в области преподавания психологии) мы рассматриваем как особый вид деятельности, предметным содержанием которой является не передача обучающимся знаний, умений и навыков (владений), но трансляция культурного опыта, накопленного в ходе развития научной психологии. Данный процесс включает в себя взаимодействие двух субкультур – преподавательской и студенческой, причем, каждая из них неоднородна и разнообразна. Это имманентное противоречие снимается обретением общего мотива совместно-распределенной деятельности. В качестве такового мы понимаем внутренний (содержательный и субъектный) учебно-профессиональный мотив: преподаватель владеет неким запасом структурированного культурно-психологического опыта, а студент направлен на его обретение и активное применение в своей будущей профессиональной работе и в реальной жизни. В ходе обучения, как субъект-субъектного, межличностного общения, преподаватель реализует взаимодействие на уровне «личность-личность», в результате чего мотивационная сфера личности студента изменяется, и эти изменения необходимо учитывать при построении образовательного процесса.

В современном российском обществе активно обсуждается содержание понятия образования, его функции, задачи и различные модели. Мы разделяем позицию А.Г.Асмолова (Асмолов, 2015), понимающего образование как процесс, направленный на расширение возможностей компетентного выбора личностью жизненного пути и на саморазвитие личности. Важна для нас и позиция П.Г.Щедровицкого (Щедровицкий, 1993), рассматривающего образование как механизм овладения культурой. Образование выступает как средство трансляции культуры (Петухова, 2006) и при этом оно формирует новую культуру, способствуя развитию и общества в целом, и отдельной личности. Культура и образование неразрывно связаны между собой. Образование как обучение, воспитание, формирование личности является основной культурной формой человеческого существования (Слободчиков, Исаев, 2014). Благодаря реформе отечественного образования активизировался интерес к идеям культурно-деятельностного подхода к развитию человека. При этом педагогическая деятельность определяется как

особый вид социальной деятельности, направленной на передачу младшим поколениям накопленного человечеством культурного опыта и, вместе с тем, на создание необходимых условий для *личностного развития* обучающихся. Рассматривая систему современного высшего образования, следует признать, что указанные цели наиболее полно реализуются в процессе личностно-ориентированного обучения, в ходе которого формируются не только профессиональные, но и *личностные компетенции* обучающихся. Успешность образовательного процесса зависит и от уровня профессиональных знаний «специалиста-предметника», и от *психологической квалификации* преподавателя, как субъекта педагогической деятельности. При этом решение дидактических задач отходит на второй план, уступая место развивающим образовательным ситуациям. Задачи авторитарного контроля уровня знаний уступают место задачам обеспечения адекватной и своевременной обратной связи, важной для самоконтроля и дальнейшего саморазвития профессионала. Тем самым задачи образования как бы переиерархизируются: задачи воспитания приобретают приоритетное значение, по сравнению с задачами обучения профессиональным знаниям, умениям и навыкам (владениям).

Воспитание личности происходит в живом процессе *межличностного* взаимодействия. Преподаватели знают, как трудно проводить он-лайн лекции – им не хватает ситуации *непосредственного* взаимодействия с аудиторией как «коллективным субъектом», который задает вопросы, удивляется, не соглашается, смеется, согласно кивает головой или недоверчиво смотрит на своего собеседника, в роли которого выступает именно преподаватель (а не сосед по парте). Успешность деятельности преподавателя предполагает развитие у него специальных способностей доступно, дидактически безупречно, заинтересованно и интересно раскрывать то или иное содержание, превращая его в учебный материал. Не случайно в перечень педагогических способностей включаются ораторские и актерские, гностические и эмпатийные, способности к моделированию сценариев и к вероятностному прогнозированию развития учебной ситуации, способности воздействовать на аудиторию и синтонно взаимодействовать с ней. В рамках «совместно-разделенной» деятельности преподаватель должен четко осознавать цели своих действий, а также цели действий других ее участников. Отсюда вытекает чрезвычайная значимость надситуативной, рефлексивной позиции преподавателя. Непредсказуемость развития ситуации на лекции или семинаре, неповторимость каждой аудитории слушателей предъявляют особые требования к творческим способностям преподавателя.

Профессию преподавателя с полным основанием можно отнести к разряду «особо опасных» не только потому, что он работает в «открытой позиции», что обеспечивает

наиболее короткий путь к слушателям, но одновременно делает его самого незащищенным и уязвимым. Преподаватель воздействует на своих слушателей не только на уровне «интеллект-интеллект», но и на более глубоком уровне «личность-личность». Отсюда вытекает вывод о высочайшей его ответственности, ведь чем больше студенты уважают преподавателя и доверяют ему, тем более сильным является такое воздействие. Интересы, оценки, жизненная позиция, ценностные ориентации преподавателя интериоризуются его учениками вместе с презентируемым им предметным содержанием.

В.В.Петухов (Петухов, 1987) предложил различать три объема содержания *понятия личность*, в зависимости от того, какие характеристики человека как субъекта взаимодействия с миром включаются в это понятие – субъект природы, социальный субъект или субъект культуры. Безусловно, для личности преподавателя важными являются его природные данные – голос, мимика, характерные жесты, владение телом. Важное место в личности преподавателя занимают характеристики социального субъекта. Социальная позиция преподавателя относится к разряду долговременных и несет на себе отпечаток тех норм и социальных ожиданий, которые приняты в данном конкретном обществе на определенном этапе его развития. Если социальная позиция есть характеристика «объективная» (это место в структуре общества, которое может занять тот или совсем иной человек, получивший соответствующую профессиональную подготовку), то социальная роль – характеристика «субъективная», открывающая возможность индивидуального наполнения, оживления, вариативности заложенных самим общественным устройством возможностей. В реализации социальной роли проявляется неповторимый индивидуальный стиль, уникальность личности преподавателя. Личность в точном смысле слова, как субъект культуры, всегда творческая. Как творчество есть явление уникальное, так и личностью в узком смысле слова человек является далеко не в каждый момент своей жизни. Личностью быть ответственно, тяжесть выбора определенного решения из возможных альтернатив, которые могут быть весьма соблазнительными с точки зрения природного субъекта или очень привлекательными и выгодными для социального субъекта, но неприемлемыми с точки зрения общечеловеческих принципов, неимоверно велика.

В образовательном процессе, традиционно включающем в себя лекции, семинары и практические занятия, преподаватель реализует свой смыслообразующий мотив (Леонтьев, 1977), используя не только *знания предмета*, но и все имеющиеся в его распоряжении *личностные* средства. Если передача знаний выполняет информационную функцию, то использование личностных средств позволяет преподавателю решать важные для общества *воспитательные задачи*. Студентам не интересен, а современному обществу

не нужен преподаватель с «информирующим стилем» работы. Книгами и учебниками на любой вкус в наше время завалены магазины и библиотеки, а пользование интернетом делает поиск необходимой информации удобным, комфортным и быстрым процессом. Студентам («коллективному субъекту») интересно взаимодействие с *личностью* преподавателя. На лекции – это переживание коллективного *инсайта*, опережающие рассуждения лектора *догадки*, возникающие по мере проникновения в содержание материала *социо-культурные обобщения*, *межнаучные* связи, параллели и *примеры* из обыденной жизни, т.д. В ходе лекций преподаватель задает «ориентировочную карту местности», а на семинарских занятиях она заполняется конкретным предметным содержанием. Семинар мы рассматриваем как активное со-творчество, результатом которого являются продуктивные креативные выходы для всех его участников. Профессионально проведенный семинар обеспечивает целостное понимание проблемной ситуации. Таким образом, семинар - это совместно-разделенная деятельность с единым для всех ее участников мотивом. Это диалогическое общение, подчиненное разработанному преподавателем сценарию и реализуемое деликатно, но при этом достаточно твердо. Это путь от отдельных частей через их анализ и классификацию к целостному пониманию проблемы. Это, безусловно, акт творчества, продуктом которого является качественно новая, завершенная структура - инсайт. Это есть путь формирования логически непротиворечивого, продуктивного профессионального мышления и личности обучающегося. Если на лекциях студенты *слушают* преподавателя и *доверяются* ему, то к семинарам они *самостоятельно* читают рекомендованные научные тексты, анализируют и обсуждают их содержание. На практических занятиях они могут на экспериментальном уровне *проверить* истинность положений и выводов своих предшественников, в том числе, информации, полученной в процессе взаимодействия с преподавателем.

Рассматривая проблему изменения мотивационных характеристик личности студента как представителя соответствующей субкультуры, мы можем отметить определенную динамику в процессе его личностного и профессионального взросления от первого к пятому курсу обучения. Проведенное нами эмпирическое исследование позволило установить некоторые закономерные изменения в мотивационно-ценностных ориентациях субъекта учебно-профессиональной деятельности. В ходе анализа полученных результатов по методике Рокича мы объединили близкие по содержанию ценностно-мотивационные ориентации в три группы: 1) ценности личной жизни; 2) ценности самореализации; 3) ценности познания и творчества. Оказалось, что ценности личной жизни одинаково высоко представлены как у первокурсников, так и у пятикурсников. У пятикурсников ценности профессиональной самореализации,

творчества и познания выражены значимо выше, чем у первокурсников и приближаются по значимости к ценностям личной жизни. При этом наибольшие различия выявились среди таких ценностей профессиональной самореализации как активная деятельная жизнь и продуктивная жизнь, что свидетельствует о направленности студентов-пятикурсников на процесс и цели самореализации. Анализ инструментальных ценностей показал, что у первокурсников центральными оказались этические ценности и общение, а у студентов 5 курса - ценности дела и самоутверждения: образованность, независимость, твердая воля.

Результаты, полученные по методике СЖО (Леонтьев, 2003), показали, что осмысленность жизни у студентов пятого курса выше, чем у первокурсников, причем последние в большей степени удовлетворены самореализацией и считают свою жизнь эмоционально насыщенной и интересной. Количественные показатели по шкале «цели в жизни» у студентов 1 и 5 курсов не различаются, что говорит об уверенности испытуемых в своих силах и возможности контролировать свою жизнь. Для первокурсников это означает уверенность в успешном освоении профессиональных компетенций, а для пятикурсников – это уверенность в успешной реализации накопленного профессионального и личностного потенциала в реальной производственной деятельности.

Как видим, обнаруживаются специфические различия мотивационных приоритетов, как смысложизненных ориентаций, у студентов, находящихся на принципиально разных этапах профессионального становления. Во-первых, мотивационно-ценностная ориентация, обозначенная нами как «осмысленность жизни», для студентов 5 курса оказалась значимо выше, чем у студентов 1 курса. И, во-вторых, мотивационные ценности профессиональной самореализации, творчества и познания обладают невысокой приоритетностью у студентов-первокурсников, тогда как у пятикурсников их позиции значимо выше.

Мы наметили некоторые важные линии личностного и профессионального взросления студентов, осваивающих профессию психолога. Учет закономерностей развития мотивационной сферы студента как субъекта учебно-профессиональной деятельности позволит создать условия для полноценного развития его личности. Исследования мотивационной сферы студента – ее содержательного наполнения и ее динамики – необходимо продолжать в силу разнообразия и неоднородности студенческой субкультуры. Не менее важной задачей является исследование мотивационно-личностных компетенций преподавателя, как представителя особой субкультуры, так же разнообразной и неоднородной, как и студенческая, поскольку успех образовательного процесса всецело зависит от их оптимального взаимодействия.

Литература

Асмолов А.Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение, 2015 – 447 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1977.–304с.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2003. - 487 с.

Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.

Петухов В.В. Природа и культура. М.: Тривола,1996. – 134 с. (М.: Левъ, Лепта книга, 2015)

Петухова И.А. Интеллектуальная инициатива в профессиональной деятельности // Культурно-исторический подход и проблемы творчества: Материалы III чтений памяти Л.С. Выготского, Москва, 17 – 20 ноября 2002 г. / Отв. ред. Е.Е. Кравцова и др. – М., 2003. – 430 с. С. 282 – 287

Петухова И.А. Преподавание и творчество // Перспективы развития культурно-исторической теории: Материалы VII Международных чтений памяти Л.С.Выготского, Москва, 14-17 ноября 2006 г. / Отв. ред. В.Т. Кудрявцев. М.: Фонд Л.С.Выготского, 2006. - 372 с. С. 221 – 226

Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология образования человека. Становление субъектности в образовательных процессах. Учебное пособие. М., 2014. – 432 с.

Щедровицкий П.Г. Очерки по философии образования: статьи и лекции. М.: Эксперимент, 1993. - 154 с.

EDUCATIONAL PROCESS AS AN INTERACTION OF SUBCULTURES

Petukhova I.A.

Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow

Keywords: culture, subculture, education, communication, activities, motives

Abstract. The educational process (in particular, in the field of teaching psychology) is understood as a special type of activity, the subject content of which is not the transfer of knowledge and skills (possessions) to students, but the translation of cultural experience gained in the development of scientific psychology. This process includes the interaction of two subcultures - teaching and student, and each of them is heterogeneous and diverse. This immanent contradiction is removed by finding a common motive of jointly distributed activity. As such, we understand the internal (meaningful and subjective) educational and professional motive: the teacher owns a certain amount of structured cultural and

psychological experience, and the student aims to find it and actively use it in his future professional work and in real life. In the course of training, as a subject-subject, interpersonal communication, the teacher realizes the interaction at the “personality-personality” level, as a result of which the motivational sphere of the student’s personality changes, and these changes must be taken into account in the educational process.

ОЦЕНОЧНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ И БАЗОВЫЕ УСТАНОВКИ ЛИЧНОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Тихомирова И.В.

Психологический институт им. Л.С.Выготского, РГГУ, Москва

Ключевые слова: тревожность, оценочная тревожность, базовые установки личности, доверие к себе, психологическая разумность, идентичность

Аннотация: Исследование оценочной тревожности в контексте с диспозициональными и с ситуативными аспектами тревожности, а также с компонентами личностного интеллекта: степенью доступности внутреннего мира, доверием к себе выявило наличие взаимосвязей между имплицитными концепциями личности (себя) и оценочной тревожностью. Выраженность оценочной тревожности коррелирует со статусом личностной идентичности. Выявлены различия в выраженности оценочной тревожности в связи с фактором пола.

Многоаспектность жизнедеятельности современного человека, подверженная и законам социализации, подстройки под социальные «стандарты», и стремлению к выделению, самореализации своего внутреннего потенциала, и как следствие этого - процессы идентификации с разными личностно значимыми эталонами, - может порождать и порождает тревожность. Многие исследователи отмечают вклад особого вида тревожности - так называемой оценочной тревожности - в общие ощущения неблагополучия, дискомфорта, неуверенности, которые могут возникать при взаимодействии с другими людьми в различных ситуациях оценивания.

Исследования оценочной тревожности находятся на своеобразном «пересечении многих современных направлений исследования взаимосвязей личности и социума. К числу этих исследований относятся новые направления изучения личностного интеллекта, практические наработки по социофобии и синдрому «страуса» и др. - всех тех структур, которые ответственны за установление «гармонии с миром и с собой» (Ильин Е.П., 2013;

Кожевина А.П., 2016; Купрейченко А.Б., 2008; Сагалакова О.А., Труевцеы Д.В., 2007; Скрипкина Т.П., 2000).

В проведенном исследовании для соотнесения с оценочной тревожностью, помимо разных показателей собственно тревожности (личностной, ситуативной, социофобии), к сопоставительному анализу были привлечены показатели базовых установок личности, характеризующие имплицитные концепции мира и Я - образа, параметры личностного интеллекта (степень доступности своего мира и переживаний), доверие к себе, характеристики статусов личностной идентичности. В исследовании выдвигались предположения, что все эти переменные взаимосвязаны с оценочной тревожностью.

Для проверки предположений использовались следующие методики: «оценочная тревожность» В.Н. Карандашева, М.С. Лебедевой (Карандашев В.Н., 2004); Опросник социальной тревоги и социофобии О.А. Сагалаковой, Д.В. Труевцева(Сагалакова О.А., 2005); шкала ситуативной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина; опросник базовых установок личности Р. Янофф-Бульман (Падун М.А., Котельникова А.В, 2007); шкала психологической разумности Х. Р. Конте в адаптации М.А. Новиковой, Т.В. Корниловой (Новикова М.А. , 2914); опросник «Доверие к себе» Н.Б.Астаниной (Астанина Н.Б. 2010*);* методика МИЛИ Л.Б. Шнейдер (Шнейдер Л.Б., 2001).

Основные эмпирические данные были получены в рамках дипломной работы выпускницы Психологического института РГГУ Гуляевой А.А. на выборке в 50 человек, студентах московских вузов в возрасте от 18 до 23 лет: 19 мужчин и 31 женщина.

Для анализа интересующих соотношений был использован корреляционный, факторный и по-групповой анализ (пакет программ SPSS- Statistics 17).

В результате проведенного исследования получено подтверждение того, что оценочная тревожность выступает важным компонентом в структуре разных видов тревожности. Несмотря на наличие безусловной общности с личностной, ситуативной тревожностью, параметрами социофобии - оценочная тревожность имеет «свое лицо». Характер соотношений с параметрами базовых установок личности говорит в пользу того, что оценочная тревожность в большей мере, чем другие виды тревожности, сопряжена с «дефектностью» базовых установок относительно Я- образа (непринятием себя, страхом познанием себя, недоверием себе, нежеланием и неумением принимать происходящие изменения в имплицитной концепции Я), и в меньшей степени с базовыми установками относительно окружающего мира. Оказалось, что оценочная тревожность и склонность к недоверию себе в большей мере характеризуют женскую часть экспериментальной выборки.

Список литературы

Астанина Н.Б. // Психологическая наука и образование: электронный журнал. – 2010.— № 3. – Режим доступа: www.psyedu.ru

*Ильин Е. П.*Психология доверия. — СПб.: Питер, 2013

Карандашев В.Н. Изучение оценочной тревожности. Руководство по использованию методики Ч. Спилбергера. / В.Н. Карандашев, М.С. Лебедева, Ч. Спилбергер. — СПб.: Речь, 2004

Кожевина А.П. Структурная организация доверия при различной направленности личности: диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.05. - Иркутск, 2016

Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия.— М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008

Новикова М.А. «Психологическая разумность» в структуре интеллектуально - личностного потенциала (апробация опросника) / М.А. Новикова, Т.В. Корнилова // Психологический журнал. – 2014.— № 1. — С. 95-110.

Падун М.А., Котельникова А.В. Методика исследования базисных убеждений личности. Лаборатории психологии и психотерапии посттравматического стресса ИПРАН, Москва. 2007

Сагалакова О.А. Социальная фобия: психосемантический анализ алгоритмов эмоционально-когнитивного реагирования на социальные ситуации: автореферат ... кандидата психологических наук: 19.00.04. — Томск, 2005.

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В. Социальные страхи и социофобии. — Томск: Изд-во Том.ун-та, 2007

Скрипкина Т. П. Психология доверия: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2000.

Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: Монография. М.: МОСУ, 2001

ESTIMATED UNEASINESS AND BASIC INSTALLATIONS OF THE PERSONALITY IN STUDENT'S AGE

Tikhomirova I.V.

Psychological institute of L.S. Vygotsky, RGGU, Moscow

Keywords: uneasiness, estimated uneasiness, basic installations of the personality, trust to, psychological rationality, identity

Abstract. Research of estimated uneasiness in a context with dispozitsionalny and with situational aspects of uneasiness and also with components of personal intelligence: with degree of availability of inner world, and trust to itself revealed existence of interrelations between implicit concepts of the identity (itself) and estimated uneasiness. The expressiveness of estimated uneasiness correlates with the status of personal identity. Differences in expressiveness of estimated uneasiness in connection with a floor factor are revealed.

СУБКУЛЬТУРА И КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Соболева М.О.

РГГУ, Институт психологии им. Л.С. Выготского, г. Москва

Ключевые слова: организационная культура школы, индивидуальный стиль педагогической деятельности, ценностные ориентации в карьере, стаж преподавания

Аннотация. В данной статье представлено исследование, посвященное выявлению взаимосвязи типа организационной культуры школы и стиля преподавания учителей, а также выявлению связи ценностей преподавателей и стиля их преподавания. Также рассматриваются различия, которые демонстрируют учителя с различным педагогическим стажем. Удалось выявить, что стремление к инновациям и экспериментированию, ориентированность на результат, независимость и стремление к стабильности будут проявляться не только в представлениях о типе желаемой организационной культуры, но и в ценностях и стиле педагогической деятельности учителей. Учителя с большим стажем в своем стиле педагогической деятельности будут более методичным, чем педагоги со стажем работы менее 5 лет, в ценностных ориентациях учителя со стажем более 7 лет - более ориентированы на стабильность, а те, у кого стаж менее 5 лет на независимость.

Педагогические исследования начала XXI века активизировали интерес к поиску путей развития современного образования. Однако нередко вне поля зрения остаются важные процессы, которые происходят в таких общеобразовательных учреждениях как школы. В таких реалиях современной педагогической теории и практики очевидной стала опасность «изменения для обновления», «обновления для изменения».

Школьная организация, как и любая другая, «является группой людей, следовательно, она может рассматриваться и через совокупность мыслей и представлений

своих членов» (Самыгин, 2008). В процессе выполнения совместной деятельности у членов организации формируется система коллективных представлений о том, что такое организация и какой она должна быть, каковы ценности и приоритеты, какой способ восприятия и осмысления действительности является предпочтительным и т.д (Маслов, 2010). Сложившаяся система знаний об организации, разделяемая сотрудниками, опосредует соответствующие формы поведения и достижение организационных целей. Эта система знаний, наряду с набором ценностей, убеждений, установок и норм, создаёт определённую организационную реальность и непосредственно закрепляется в культуре организации. В контексте данного исследования это означает, что «...любая инновация не может быть ассимилирована до тех пор, пока не возникнет разделяемое понимание смысла» (Смирнов , 2005). В этом ключе становится оправданным, во-первых, обращение к элементам культуры (ценностям, нормам, базовым предположениям и т.д.) как регуляторам взаимодействий и, во-вторых, исследование психологических механизмов регуляции социального поведения через различные знаковые и идейно-психологические формы (Моргунов, 2013).

Определение, на которое мы будем опираться в данном исследовании, рассматривает организационную культуру как набор представлений о способах деятельности, нормах поведения, набор привычек, писаных и неписаных правил, запретов, ценностей, ожиданий, представлений о будущем и настоящем и др., сознательно или бессознательно разделяемых большинством членов организации (Салов, 2013).

Гипотезы:

- Представления о желаемой организационной культуре будут различаться у педагогов с различным стажем: для преподавателей с меньшим стажем (до 5 лет) будет наиболее характерно стремление к инновациям и ориентированности на результат их деятельности, а для преподавателей со стажем более 7 лет – будет наиболее характерно стремление к стабильности.
- Учителя с большим стажем в своем стиле педагогической деятельности будут более методичным, чем педагоги со стажем работы менее 5 лет.
- В ценностных ориентациях учителя со стажем более 7 лет - более ориентированы на стабильность, а те, у кого стаж менее 5 лет на независимость.
- Будут обнаружены взаимосвязи между компонентами желаемой организационной культуры, стилем преподавания и ценностями педагогов.

Выборка: 30 учителей одной из Московских среднеобразовательных школ, средний возраст испытуемых составляет 36 лет. В основном в выборку вошли представительницы

женского пола- 27 человек. Можно разделить выборку на 2 группы: учителя со стажем до 5 лет и более 7 лет.

Методики: «Методика диагностики организационной культуры школы» В.А. Ясвина; «Якоря карьеры», методика диагностики ценностных ориентаций в карьере (Э.Шейн, перевод и адаптация В.А.Чикер, В.Э.Винокурова); Вопросник для анализа учителем особенностей индивидуального стиля педагогической деятельности А.К. Марковой.

Можно следующим образом охарактеризовать текущее состояние организационной культуры в данном учебном учреждении. Несмотря на то, результат по средним значениям показывает наиболее выраженную ролевую организационную культуру, но далеко не по всем параметрам можно наблюдать данное преобладание. Таким образом, в целом, администрация и педагоги стремятся, прежде всего, к стабильности, а также выполнению формальных требований. Наиболее выражен ролевой тип по таким параметрам как управление коллективом и связующая сущность школы, что будет проявляться в том, что стиль управления в школе характеризуется предсказуемостью и стабильностью в отношениях, требованиями формального подчинения, направлен на сохранение достигнутых результатов, а школу связывают воедино формальные правила и официальная образовательная политика, стремление к плавному течению дел.

Мы видим, что приблизительно в равной степени для стиля лидерства данной школы характерно и постоянная ориентация на обратную связь, направленную на стремление помочь или научить, и координация действий с четкой организацией деятельности и ориентированностью на стабильность.

Анализируя параметр «критерии успеха школы» можно сделать вывод о том, что для учителей данной школы обладание уникальными новейшими методиками и образовательными технологиями, стремление быть лидером и новатором, а также опережение других школ на образовательном рынке будут являться наиболее важными критериями успеха.

Интересным является и то, какие различия в представлении о текущей организационной культуры получились между учителями со стажем до 5 лет и более 7 лет.

Сравнивая результаты педагогов по параметру «стили лидерства» удалось установить значимые различия в представленности семейной организационной культуры, то есть для учителей со стажем менее 5 лет оказывается значимо важнее осуществление лидерства в школе на основе обратной связи и стремление помочь или научить. Что является закономерным результатом, поскольку многие из опрошенных учителей еще

только входят в профессию и нуждаются в помощи и поддержке, возможно, в более опытном наставнике.

Именно по параметру «стратегические цели школы» мы наблюдаем наибольшую разницу в ответах педагогов со стажем до 5 лет и более 7 лет.

Для педагогов, у которых стаж составляет более 7 лет мы можем наблюдать более высокие показатели в ответах, характеризующих семейный тип организационной культуры. То есть для более опытных коллег в плане стратегических целей будет более важна ориентация на развитие гуманистических ценностей, настойчивое поддержание доверия, открытость и соучастие. Это может указывать на важность поддержания благоприятной атмосферы, в отличии от более молодых коллег, которые больше делают акцент на собственных достижениях, что опять же может быть связано с их становлением в профессии.

Учителям, чей стаж составляет менее 5 лет, оказывается более важной ориентация школы на внимание к индивидуальным достижениям сотрудников, доминирование целенаправленного напряжения сил, стремление к победе над возникающими трудностями, а также они считают, что в данный момент школа ориентирована на акцентировании внимания на стабильности и неизменности традиций, где важнее всего четкость и контроль. Данная тенденция выражена сильнее, чем это представляется более опытным коллегам.

В целом, учителя оказались достаточно единодушны в описании организационной культуры их учреждения.

Проведя вторую часть методики В.А. Ясвина мы выявили желаемый тип организационной культуры. Получив общие результаты, мы видим, что тип желаемой оргкультуры практически не отличается от текущего (различия значимо не достоверны). В этой связи мы задались вопросом о том, так ли это для учителей с различным стажем.

Удалось выяснить, что для педагогов с меньшим стажем наиболее характерно стремление к ориентации на результат, к инновациям, экспериментам, в то время как более опытные коллеги больше ориентированы на стабильность организационной культуры и соблюдение формальных требований. Возможно, им не хватает четкости и ясности в соблюдении текущих требований, а вот от инноваций и гонки за результатом они уже могли несколько «устать». Данная тенденция видна на примере практически всех исследуемых параметров (это можно видеть по преобладанию результативного, инновационного у учителей со стажем до 5 лет и ролевого типов у учителей со стажем более 7 лет).

В исследуемой школе наибольшее количество опрошенных учителей достаточно консервативны, требовательны к ученикам и результатам освоения дисциплины, методичны. Что, в целом, соответствует полученному ранее типу организационной культуры. Получены значимые различия в выраженности эмоционально-импровизационно стиля и рассуждающе-методичного стиля. ЭИС наиболее выражен у учителей со стажем менее 5 лет, РМС- со стажем более 7 лет.

Для педагогов со стажем менее 5 лет на значимом уровне более выражены такие ценности как «автономия», «вызов» и «предпринимательство». Для педагогов со стажем более 7 лет значимо более важными оказались такие ценности как «стабильность работы», «стабильность места жительства».

Анализируя полученные данные удалось выявить отрицательные корреляции между результативным типом организационной культуры по параметрам «общий стиль лидерства» и «связующая сущность школы» и рассуждающе-методическим стиля преподавания (РМС), затем - отрицательные корреляции между такими ценностями как «стабильность работы» и «стабильность места жительства» и отдельные параметры результативного типа организационной культуры и положительную корреляцию между стабильностью места жительства и рассуждающе-методическим стилем преподавания.

Эмоционально- импровизационный стиль (ЭИС) отрицательно коррелирует с ролевой организационной культуры по параметрам «критерии успеха» и «связующая сущность школы». Со всеми параметрами ролевой организационной культуры отрицательно кррелируют такие ценности как «автономность» и «вызов». С такой ценностью как «Автономия» положительно коррелирует Эмоционально-импровизационный стиль (ЭИС).

Проведя корреляционный анализ данных по всем методикам, мы получили 91 значимую корреляцию. Проанализировав их, можно сделать вывод о том, что стремление к инновациям и экспериментированию, ориентированность на результат, независимость и стремление к стабильности будут проявляться не только в представлениях о типе желаемой организационной культуры, но и в ценностях и стиле педагогической деятельности учителей.

Таким образом, нам удалось выявить, что учителя с большим стажем в своем стиле педагогической деятельности будут более методичным, чем педагоги со стажем работы менее 5 лет, в ценностных ориентациях учителя со стажем более 7 лет - более ориентированы на стабильность, а те, у кого стаж менее 5 лет на независимость.

Список литературы:

Маслов Д.В. Кадры решают все: о корпоративной культуре и принципах менеджмента //Менеджмент сегодня. - 2010. - N 2. - С. 84-110.

Моргунов Е. Организационная культура: единство или множественность // Управление персоналом. - 2013. - N 6. - С. 26-30.

Салов Ю.И. Психолого-педагогическая антропология: [учеб. пособие для вузов по специальности 031000 «Педагогика и психология»] / Ю.И. Салов, Ю. С. Тюников. — М.: ВЛАДОС-пресс, 2013. - 254 с.

Самыгин С.И. Психология и педагогика: для студентов вузов / С.И. Самыгин, М.А. Гулиев, Р.Х. Ганиева. - Изд. 4-е. - Ростов н/Д: Феникс, 2008. — 248 с.

Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования. От деятельности к личности:[учеб. пособ. по направлению и специальностям психологии] / С. Д. Смирнов. - 2-е изд.; перераб. и доп.- М.: Академия, 2005. - 393 с.

SUBCULTURE AND CORPORATE CULTURE OF MODERN EDUCATION

Soboleva M.O.

Russian State University for the Humanities, L. Vygotsky Institute of Psychology, Moscow

Keywords: school organizational culture, individual style of pedagogical activity, career value orientations, teaching experience

Abstract. This article presents a study on the identification of the relationship between the type of school organizational culture and the style of teaching teachers, as well as identifying the relationship between the values of teachers and the style of their teaching. Also discusses the differences that demonstrate teachers with different pedagogical experience.

It was revealed that the striving for innovation and experimentation, result orientation, independence and striving for stability will manifest themselves not only in ideas about the type of organizational culture that is desired, but also in the values and style of pedagogical activity of teachers. Teachers with great experience in their style of teaching will be more methodical than teachers with work experience less than 5 years, in value orientations teachers with experience more than 7 years are more focused on stability, and those with less than 5 years experience in independence.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОЦЕНИВАНИЯ, СУБЪЕКТНОСТИ И МОТИВАЦИИ УЧЕНИЯ У СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ

Шабельников В.К.

ИП им. Л.С. Выготского, РГГУ,125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6. РГГУ

Резванцева М.О.

Институт психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ); 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6.
Москосвкий государственный областной университет (МГОУ); 141014, Московская область, город Мытищи, Веры Волошиной улица, дом 24

Токарева И.Н.

Институт психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ); 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д.6

Григорьева С.И.

Московский государственный областной университет (МГОУ); 141014, Московская область, город Мытищи, Веры Волошиной улица, дом 24

Баурина А.Б.

Московский государственный областной университет (МГОУ); 141014, Московская область, город Мытищи, Веры Волошиной улица, дом 24

Ключевые слова: «процесс оценивания», «субъектность», «мотивация учения»

Аннотация. Статья посвящена исследованиям социально-психологических факторов, влияющих на психику старших подростков и юношей, а именно на их оценивание, субъектность и мотивацию учения. Оценивание объектов и одноклассников у подростков рассматривается как процесс, зависящий от характера социальной группы, детерминирующей оценочные категории и функции процесса оценивания. Выявлено, что оценки восточных подростков больше совпадают со средними оценками группы, менее разнообразно используют оценочные категории и их самооценка по ряду качеств совпадает с средними оценками группы. Западные подростки в оценивании в меньшей степени соотносятся в своих оценках со средним мнением группы, более разнообразно используют оценочные категории и их самооценка отличается от средней оценки группы. В исследовании влияния типа родительской семьи на особенности проявления

субъектности студентов показаны значимые различия в проявлении субъектности студентов, включенных в разные типы семейно-родовых отношений: при увеличении показателей признаков нуклеарной семьи снижается направленность активности на свой субъективный мир, интернальность и востребованность субъективных переживаний в организации своей активности. Исследование мотивации учения в разных типах семей показали, что для студентов из родовой семьи более значимыми являются мотивы приобрести глубокие и прочные знания; добиться одобрения родителей и окружающих; получить диплом. А для студентов из нуклеарной семьи - получить диплом; стать высококвалифицированным специалистом; обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности.

Усложнение социальных взаимодействий в быстроизменяющемся современном мире требует при принятии решений согласовывать оценки людей из разных групп. Выработка совместных решений предполагает определенный анализ собственного оценивания и учета логики оценивания партнеров. Однако в реальности этого не происходит, что приводит к непониманию и конфликтам отдельных субъектов и целых государств. Изучение механизмов оценивания, его структуры и особенностей функционирования в разных регионах позволит более разумно регулировать конфликтные ситуации в социальном взаимодействии.

Психологический анализ литературы показал ведущую роль социальной ситуации в онтогенезе становления психических функций у подростка (Д.Б. Эльконин, А.Г. Асмолов, Л.Ф. Обухова О.А. Карабанова, К.Н. Поливанова и др.). В работах (В.К. Шабельникова, А.Т. Малаевой, Ш.Б Алиевой, и др.) исследованы региональные особенности организации деятельности субъектов в восточном и западном регионах СНГ, которые дают основания предположить существование различий в процессе оценивания и самооценивания у подростков из этих регионов. Ранее были выявлены ряд компонентов оценивания: характер социальной группы детерминирующей оценочные категории и функции процессов оценивания и совпадение оценочных категорий субъекта, с категориями принятыми в социальной группе.

Было проведено эмпирическое исследование, в котором выяснялась специфика процесса оценивания у подростков восточных и западных регионов СНГ.

Различия в оценивании не зависят от того, что выступает в качестве объекта: одноклассники, сам субъект, оценочные категории, геометрические фигуры и др. Испытуемые - старшие подростки, 15-17 лет в количестве 1200 человек из школ восточных (Алма-Ата, Кызыл) и западных (Москва и Подмосковье) регионов СНГ.

В результате были получены значимые различия в степени соотнесённости индивидуальных оценок подростка с оценками сверстников (критерий Стьюдента, $p<0,01$ и $p<0,05$). Оценки подростков из восточных регионов в большей степени совпадали с оценками группы (при оценивании объектов и одноклассников), в отличие от западных подростков, оценки которых имели меньшую степень совпадения с оценками группы. Выявлено, что группа сверстников оказывает большее влияние на оценивание у подростков восточного региона в сравнении с оцениванием подростков западного региона.

Выявленные различия в использовании оценочных категорий испытуемыми восточного и западного регионов подтверждают присутствие в оценивании выявленного ранее компонента, а именно совпадение оценочных категорий субъекта, с категориями принятыми в социальной группе.

Далее исследовалась степень осознания оценочных категорий, как показатель понимания испытуемыми используемых оценочных категорий применительно к субъекту или объекту. Отличительной чертой осознания категорий оценивания является то, что подростки восточного региона определяют оценочные категории в связи с другими людьми.

В группе подростков западного региона меньше присутствовало нормативных определений, были даны рефлексивные ответы, которые испытуемые Москвы и Подмосковья, наряду с общепринятым значением, наполняют «своим» смыслом.

Обнаружено, что конгруэнтность самооценивания подростка с оценками его группой, выступает значимым показателем социальных компонентов оценивания и значимо различается у испытуемых исследуемых регионов.

Показано, что подростков восточных регионов степень конгруэнтности самооценок с их оценками одноклассниками выше, чем рассматриваемый показатель у испытуемых западных регионах. У подростков из восточных регионов самооценивание в большей степени еще интерпсихично. Подросток западных регионов менее чувствителен к оценкам группы, и его самооценивание в меньшей степени согласуется с оценкой его группой, т.е. его самооценка интрапсихична.

Полученные различия в степени конгруэнтности самооценивания подростка с его оцениванием группой подтверждают предположение о том, что самооценивание, как и оценивание, происходит в условиях социальной деятельности, организация которой различается в разных регионах и требует, в одном случае, соотнесения самооценки своих качеств с группой, а в другом – иметь более устойчивую самооценку, необходимую для функционирования в разных группах.

Таким образом, оценивание представляет собой процесс, являющийся составной частью любых действий субъекта, функция которого заключается в учете социально-заданных компонентов при опознании объекта для организации взаимодействия с другими субъектами. Оценивание позволяет субъекту при выполнении действия удерживать в поле зрения социальную цель этого действия. Если по ходу выполнения эта цель подтверждается частичным результатом, то оценивание влияет на его продолжение. Если не подтверждается – то действие блокируется или корректируется субъектом. Оценивание – это не только сличение с эталоном и категоризирование объектов и ситуаций. Оценивание предполагает учет социальных компонентов при опознании объекта для организации взаимодействия с другими субъектами, оно способствует вхождению человека в общество, помогает функционировать в индивидуальной социальной среде.

Изучены компоненты социально-психологической ситуации, детерминирующей оценивание: характер социальной группы детерминирующей оценочные категории и функции процессов оценивания; положение субъекта в социальной группе, детерминированного личностными смыслами оценивания; противоречия между оценочными категориями, усвоенными ребёнком в житейских ситуациях и оценочными категориями предполагаемыми в учебном процессе; совпадение оценочных категорий субъекта с категориями, принятыми в социальной группе; степень интериоризированности социально заданных характеристик оценивания.

Исследование макро генеза оценивания показало его детерминированность региональной социальной ситуацией развития: различные особенности социальной группы детерминирующей функции процессов оценивания и оценочные категории; различно положение субъекта в социальной группе и др. в восточных и западных регионах СНГ. Соответственно и процесс оценивания у подростков происходит по-разному, с различными результатами.

Соответственно, в учебно-педагогической деятельности необходимо разворачивать и презентовать критерии и эталоны оценивания, на основе чего организовывать процессы оценивания у учеников. Это связано с раскрытием и моделированием не только операциональных, но и социальных целей и смыслов формируемого учебного действия для школьников. При этом, для формирования эталонного оценивания важную роль играет готовность взрослого сотрудничать с учеником, умение заинтересовать, раскрыть социальные цели формируемого действия, передать ученику критерии оценивания, обеспечивать его средствами в процессе совместного действия, организовать работу в

группе учеников, с учетом разнообразия региональных особенностей процессов оценивания объектов и ситуаций.

В последние десятилетия в отечественной психологической науке интерес к проблеме субъектности личности существенно возрос. Что обусловлено той ролью, которую организация субъектности человека играет в решении жизненных задач.

В исследовании Токаревой И.Н. (Токарева И.Н., 2014) предметом изучения стали особенности субъектности личности и ее зависимости от детерминирующего влияния родительской семьи (нуклеарной и расширенной), как первой социальной системы взаимоотношений, в которую ребенок включен с первых дней жизни. В качестве групп обследования нами были выбраны респонденты, субъектность которых разворачивалась в сходном для всех типе деятельности – обучении в вузе.

Целью исследования стало изучение влияния типа родительской семьи на особенности организации субъектности личности в жизненных ситуациях.

Выборку составили 231 человек – студенты 2-3 курсов.

На основе анализа отечественных и зарубежных психологических исследований нами были выделены некоторые значимые психологические характеристики организации субъектности:

– направленность активности на объекты внешнего мира или на свой внутренний мир;

– субъективная интерпретация и осмысленность жизненных изменений, как личностный фактор контроля, регуляции и организации активности;

– выбор способов реализации субъектности в поведении, как выбор стратегий поведения в жизненных ситуациях, результат восприятия и оценки жизненных ситуаций.

Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что субъектность у представителей расширенной семьи связана с более выраженной обращенностью к своему внутреннему миру, а представителей нуклеарной семьи – к внешним условиям жизни. Это связано с тем, что система межличностных отношений в расширенной семье находится в большем рассогласовании со студенческой деятельностью, чем в нуклеарной семье. Представители расширенной семьи более сложно включаются в деятельность за пределами семьи, что требует более активного включения ориентировки личности в организации собственной субъектности. Нуклеарные семьи, в большей степени вовлечены в современные общественные формы деятельности. Субъектность респондентов из нуклеарных семей более автоматизирована и не требует столь сложной ориентировки для своей организации, как у представителей расширенных семей.

В случае семьи нуклеарного типа, характеризующейся высокой степенью индивидуальной личностной устремленностью членов семьи, к социальным равенствам, разрушенностью семейных иерархий, у юноши может формироваться более интенсивное стремление включиться в профессиональную деятельность, найти своё место в профессиональном сообществе. Проблема функционального включения личности в профессиональное сообщество была рассмотрена как проблема принятия человеком новых функций в новом типе социальной группы.

В рамках исследования Григорьевой С.И. необходимо было выяснить, насколько успешность включения человека в профессиональную деятельность зависит от характера его жизни в семье, от особенностей его функциональной включённости в семью; насколько социально-психологические основания деятельности в разных социальных образованиях – в семье и профессиональном сообществе, совместимы; как связан характер мотивации включения в профессию с особенностями функционирования личности в родительской семье.

Чтобы получить ответ на поставленные вопросы, было проведено исследование влияния типа семьи на мотивацию учения студентов-психологов (Шабельников В.К., Григорьева С.И., 2017). В результате исследования была выявлена взаимосвязь функциональной включённости в родительскую семью с мотивацией учения студентов: у студентов с низкой степенью включённости (из нуклеарной семьи) преобладает мотивация учения, направленная на овладение профессией, а у студентов с высокой степенью включенности (в родовой семье) - мотивация на приобретение знаний.

Анализируя полученные результаты проведенного исследования, можно сделать вывод, что для студентов из родовой семьи самыми значимыми являются мотивы: приобрести глубокие и прочные знания; добиться одобрения родителей и окружающих; получить диплом. А для студентов из нуклеарной семьи доминирующими являются мотивы: получить диплом; стать высококвалифицированным специалистом; обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности.

Полученные в ходе проведения исследования теоретические и практические результаты позволяют разрабатывать индивидуальные программы оптимизации формирования мотивации обучения, соответствующей системам жизненных ценностей, а также более адекватных подходов в коррекции взаимоотношений в семье. Данное исследование позволяет раскрыть функциональную детерминированность в семье, эмоциональную связь между родителями и детьми, выявлять степень доверия в семье. На основании результатов исследования, могут быть сделаны конкретные рекомендации по анализу отношений в семье, в зависимости от типов семьи (родовая или нуклеарная), а также

некоторые рекомендации по решению личностных проблем старших подростков и юношей.

Литература

Резванцева М.О. Исследование социальной структуры оценивания / Резванцева М.О. // Международная научно-практической конференция «Психология этнокультурного образования». VII Левитовские чтения в МГОУ - М.: МГОУ 2012. – С. 113-117.

Резванцева М.О. Социальный аспект оценивания объектов/Резванцева М.О. // Международная научно-практическая конференция «Межгрупповая адаптация как ресурс эффективного управления социальными системами». VI Левитовские чтения в МГОУ.– М.: МГОУ 2011. - С. 62-73.

Токарева И.Н. Программа и методы исследования субъектных характеристик личности студентов из разных типов родительской семьи: Учебно-методическое пособие / Под общ. ред. профессора Шабельникова В.К. – М.: ИИУ МГОУ, 2013. 38 с

Токарева И.Н. Особенности проявления субъектности у студентов из разных типов родительской семьи: монография / И.Н. Токарева; под общ. ред. В.К. Шабельникова. – М.: ИИУ МГОУ, 2014. – 108 с.

Шабельников В.К., Григорьева С.И. Семья в образовательном процессе: учебное пособие / Шабельников В.К., С.И..- М.: ИИУ МГОУ,2017. - 135с.

Шабельников В.К. История психологии.- М.: Академия, 2004.- 236 с.

Сведения об авторах

Шабельников Виталий Константинович - доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и методологии образования ИП им. Л.С. Выготского, РГГУ,125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6. РГГУ, shabelnikov@rambler.ru

Резванцева Марина Олеговна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и методологии образования института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ); 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6. Кафедра общей и педагогической психологии москосвкого государственного областного университета (МГОУ); 141014, Московская область, город Мытищи, Веры Волошиной улица, дом 24, m-re@mail.ru

Токарева Ирина Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и методологии образования Института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ); 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д.6. e-mail: itokareva65@mail.ru.

Григорьева Светлана Игоревна - кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Московского государственного областного университета

(МГОУ); 141014, Московская область, город Мытищи, Веры Волошиной улица, дом 24, grsw60@mail.ru

Баурина Александра Борисовна - старший преподаватель кафедры общей и педагогической психологии Московского государственного областного университета (МГОУ); 141014, Московская область, город Мытищи, Веры Волошиной улица, дом 24, arb1@mail.ru

Socio-psychological factors of evaluation, subjectivity and motivation of teaching in older adolescents and young men

Vitaly Shabelnikov-doctor of psychological Sciences, Professor, head of the Department of psychology and methodology of education IP. L. S. Vygotsky, Russian state University for Humanities,125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6. RSUH

Rezvantseva Marina Olegovna-candidate of psychological Sciences, associate Professor of psychology and methodology of education of the Institute of psychology. L. S. Vygotsky Russian state humanitarian University (RGGU); 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6. Department of General and pedagogical psychology of Moscow state regional University (Moscow state University); 141014, Moscow region, Mytishchi city, Vera Voloshina street, 24

Tokareva Irina - candidate of psychological Sciences, associate Professor of psychology and methodology of education of the Institute of psychology. L. S. Vygotsky Russian state humanitarian University (RGGU); 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6. e-mail: itokareva65@mail.ru ahhh!

Svetlana Grigorieva-candidate of psychological Sciences, associate Professor of the Department of General and pedagogical psychology of the Moscow state regional University (msou); 141014, Moscow region, Mytishchi, Vera Voloshina street, 24, grsw60@mail.ru

Baurina Alexandra - senior lecturer of the Department of General and pedagogical psychology of the Moscow state regional University (Moscow state University); 141014, Moscow region, Mytishchi, Vera Voloshina street, 24, arb1@mail.ru

Key words: “evaluation process”, “subjectivity”, “teaching motivation”

Abstract. The article is devoted to the research of socio-psychological factors affecting the psyche of older adolescents and young men, namely their evaluation, subjectivity and motivation of the doctrine. Evaluation of objects and classmates in adolescents is considered as a process that depends on the nature of the social group that determines the evaluation categories and functions of the evaluation process. It is revealed that the estimates of Eastern

adolescents more coincide with the average estimates of the group, less diverse use of evaluation categories and their self-assessment of a number of qualities coincides with the average estimates of the group. Western teenagers in the assessment are less correlated in their assessments with the average opinion of the group, more diverse use of evaluation categories and their self-assessment differs from the average assessment of the group. In the study of the influence of the type of parent family on the features of the manifestation of subjectivity of students shows significant differences in the manifestation of subjectivity of students included in different types of family relations: with an increase in the indicators of signs of the nuclear family reduces the focus of activity on their subjective world, internality and the demand for subjective experiences in the organization of their activity. The study of the motivation of teaching in different types of families showed that for students from the family more important are the motives to acquire deep and solid knowledge; get approval from parents and others; get a diploma. And for students from the nuclear family - to get a diploma; to become a highly qualified specialist; to ensure the success of future professional activities.

About authors:

Vitaly Shabelnikov-doctor of psychological Sciences, Professor, head of the Department of psychology and methodology of education IP. L. S. Vygotsky, Russian state University for Humanities,125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6. RSUH shabelnikov@rambler.ru

Rezvantseva Marina Olegovna-candidate of psychological Sciences, associate Professor of psychology and methodology of education of the Institute of psychology. L. S. Vygotsky Russian state humanitarian University (RGGU); 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6. Department of General and pedagogical psychology of Moscow state regional University (Moscow state University); 141014, Moscow region, Mytishchi city, Vera Voloshina street, 24, m-re@mail.ru

Tokareva Irina - candidate of psychological Sciences, associate Professor of psychology and methodology of education of the Institute of psychology. L. S. Vygotsky Russian state humanitarian University (RGGU); 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6. e-mail: itokareva65@mail.ru ahhh!

Svetlana Grigorieva-candidate of psychological Sciences, associate Professor of the Department of General and pedagogical psychology of the Moscow state regional University (msou); 141014, Moscow region, Mytishchi, Vera Voloshina street, 24, grsw60@mail.ru

Baurina Alexandra - senior lecturer of the Department of General and pedagogical psychology of the Moscow state regional University (Moscow state University); 141014, Moscow region, Mytishchi, Vera Voloshina street, 24, arb1@mail.ru

СИСТЕМНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГИБКИХ НАВЫКОВ

Кригер Е.Э.

РГГУ, Москва, Россия

Ключевые слова: гибкие навыки, системный подход, феноменологическая философия, системные чувства, индивидуальные чувства, приведение в согласие системных и индивидуальных чувств

Аннотация. В статье представлены системно-феноменологические основания и стратегии формирования гибких навыков специалистов, включенных в коммуникацию с другими людьми. Для построения статьи был использован системно-феноменологический подход, позволяющий показать системные динамики и феноменологию коммуникации специалистов. В качестве основного гибкого навыка рассматривается приведение в согласие системных и индивидуальных переживаний человека, взаимодействующего с партнером. В работе показан алгоритм проявления этого навыка. Формирование гибких навыков приобретает особое значение в современном мире, где многие профессиональные навыки начинают выполнять машины, а для профессиональных отношений в системе человек-человек особым спросом пользуются гибкие навыки.

В современном социокультурном контексте наблюдается переход на новый уровень развития цивилизации, основанный на сочетании черт социального и культурного своеобразия, связанного с появлением цифровых технологий. Роботизация большинства составляющих производственной жизни человека позволит выйти на новый этап развития социальной и промышленной сферы, обеспечив их точность, качество и эффективность. Многие профессиональные навыки, необходимые специалистам большинства имеющихся на сегодня профессий заменят роботы. Потому в настоящее время особое значение приобретают неспециализированные, надпрофессиональные навыки, не связанные с конкретной предметной областью или гибкие навыки. Именно о них и пойдет речь в данной статье.

Понятие гибкие навыки или soft skills соотносимо с понятием жесткие навыки - hard skills. Жесткие навыки отражают деятельность специалиста в какой-либо конкретной производственной сфере, они связаны напрямую с профессиональной деятельностью. Основной их спецификой является то, что они осушествляются в предсказуемой среде, в стабильном контексте. Мы имеем всегда дело с конкретными инструментами, которым легко можно научить, наглядно продемонстрировать.

В отличие от жестких навыков гибкие навыки имеют место не в профессиональной, а в жизненной сфере. К гибким навыкам относится комплекс автоматизированных умений, связанных с неспециализированными действиями, с личностными качествами, позволяющими гармонично и эффективно находить взаимодействие с другими людьми. Сегодня уже описаны такие гибкие навыки как креативность, способность работать в команде, управлять своим временем. Безусловно, соотношение жестких и мягких навыков для разных профессий будет разным. Однако, если жесткие навыки во многом в ближайшее время заменят роботы, то за гибкими навыками сегодня впереди стоит будущее.

Сегодня мы живем в подвижном, динамичном, мерцающем, наполненном неопределенностью мире. И одними из тех гибких навыков, которые необходимы – это коммуникативные навыки, т.е. способность взаимодействовать с другими людьми. Многие исследователи проблем коммуникации – Л.С.Выготский, А.А.Леонтьев, М.И.Лисина, И.А.Зимняя рассматривают коммуникацию как взаимодействие двух или более людей, состоящее в обмене между ними информацией познавательного или аффективно-оценочного характера. Необходимым условием осуществления коммуникативного акта является сообщение партнерами дуру другу новой информации и наличие у них мотивации для этого. Говоря о коммуникативных навыках, исследователи часто отмечают, что для них характерно адекватная интерпретация информации и правильная её передача. А систематизировать коммуникативные навыки становится возможным на основе структуры общения складывающейся из коммуникативной, перцептивной и интерактивной сторон.

Отдавая должное проведенным исследованиям, хотелось бы отметить, что содержание коммуникативных навыков, механизмы их формирования с точки зрения феноменологического и системного подхода не рассматривались специально. Вместе с тем, эти философские основания углубляют взгляд на многие проблемы, связанные с формированием коммуникативных навыков, за счет расширения видения системных чувств партнеров по взаимодействию, а также их проявленности и возможности быть затронутым этими чувствами. В этой статье хотелось бы остановиться на рассмотрении

коммуникативных навыков именно с точки зрения системно-феноменологического подхода.

Чтобы продолжить вести обсуждение дальше нам необходимо очертить тот контекст, в котором мы будет идти речь о гибких навыках. Для этого стоит обратиться к системно-феноменологическому подходу, и рассмотреть его две составляющие: философию феноменологии и системный подход. С точки зрения феноменологии необходимо изучать не предметный мир, а то как этот предметный мир конституируется в отдельном акте сознания. Поэтому исследуется не отношение к предмету, а именно явление предметности в сознании человека. Сознание обладает такой характеристикой как интенция, т.е. направленность на другой предмет. Сама интенция проявляется во внутренней психической реальности человека, и поэтому проявленность предмета в сознании, обусловлена психической жизнью человека, как конкретного субъекта, имеющего свою историю, свое время и контекст, в котором она разворачивается. Обращение к феноменологии метода как раз и позволяет исследовать собственную интенциональную структуру сознания.

Человек является системным существом, все его отношения включены в многообразные системные связи. Весь контекст его отношений проявляется через социальные системы. Первичной такой системой выступает семья. Именно она обладает наибольшим многообразием смыслов, наполняющих жизнь человека и конституирующим его сознание. Это те истоки, из которых берет свое становление его картина мира, те ценности установки, модели поведения, определяющие его существование, а также образование социального опыта, именно в основе которого лежат гибкие навыки. В этой связи, в понимании процесса формирования гибких навыков необходимо специально обращаться к системному подходу.

Системный подход позволяет нам рассматривать различные явления с точки зрения комплекса взаимосвязанности и взаимодействия элементов, наполняющих систему, и в тоже время как подсистему для выше стоящих уровней. При системном подходе мы анализируем взаимосвязь элементов системы в конкретной структуре. Любая открытая система обладает свойствами самоорганизации и саморазвития. В системном подходе нас начинает интересовать, как происходит формирование социального опыта и гибких навыков человека. Первичной такой системой, влияющей на формирование гибких навыков, выступает семья. В дальнейшей социализации человек попадает в более сложные социальные системы – образование, профессиональную сферу.

В основу социокультурного опыта закладываются переживания. Переживание представляет собой особую интегральную единицу сознания (Л.С.Выготский, 2005),

особую деятельность, работу по перестройке психологического мира, направленную на «установление смыслового соответствия между сознанием и бытием, общей целью которой является повышение осмысленности жизни» (Ф.Е.Василюк, 1984). Структурной единицей переживания выступает чувство. Особенностью системно-феноменологического подхода является то, что он имеет дело с системными чувствами, идущими из прошлого, из истории больших и малых социальных систем – семьи, общества, страны. Они первичны по времени, грандиозны по массштабам вовлеченности в них людей, интенсивнее по своей эмоциональной нагрузке. Эти системные чувства создают динамику больших процессов, и делают конкретного субъекта несвободным от них, а включенным в их динамику.

Сознание предстает здесь как переплетение переживаний в единстве потока, идущего из прошлого системы. В любых социальных системах происходит динамика переживаний, они возникают и передаются во временной линии дальше в будущее. Поэтому в качестве одного из гибких навыков, который необходимо развивать в современном мире у человека, в том числе и реализующегося в профессиональной деятельности – это умение приводить в согласие системные процессы, вызванные большими динамиками движения социальных систем и переживания своих индивидуальных чувства в связи с этим, подниматься в надситуативную активность между ними и согласовывать баланс своего состояния относительно большого системного движения.

Переплетенность индивидуальных и системных переживаний может приводить к смене установившегося режима работы системы, к возникновению точек бифуркации, что вызывает неустойчивость взаимодействия, напряжение в коммуникации, флуктуации системы. Системные чувства становятся теми независимыми переменными, которые могут изменить весь ход развития коммуникации, удерживать ее в качественно ином состоянии. Профессиональная задача может не решаться в силу того, что партнер находится в переплетенном с системными чувствами переживанием. Это осложняет коммуникацию, и порой делает ее невозможной. Требуется видеть эти переплетенные переживания, проходить сквозь них и идти дальше. Поэтому умение приводить к согласию собственные и системные чувства определяется возможностью обнаруживать переплетения переживаний, и находиться в свободном потоке движения в связи с этим. Чем больше человек входит в надситуативную активность, тем больше он свободен от системы, тем больше у него появляется возможность собственного авторства жизненного и профессионального пути.

Важным является вопрос о проявлении умения приводить в согласие системные и личные переживания. Если мы анализируем поверхностные феноменолгические смыслы, их нужно открыть. Феноменология изучает то, что лежит на поверхности, любое исследование начинается с исследования этого поверхностного слоя. Чтобы опыт был более целостным, он должен включить в себя феноменологию. Поэтому для формирования гибких навыков необходимо, чтобы было воссоздано непосредственное смысловое поле, поле значений между сознанием и предметами.

Для проявления умения приводить в согласие собственные и системные чувства необходимо использовать метод феноменологической редукции, который позволяет сфокусироваться на сущностном, сделать его предметом рассмотрения и исследования, отсекая все ненужное и второстепенное. Мы можем понимать сущность созерцая ее (Гусерль) видеть, находить смысл. Смысловое поле «вырастает» из переживания, однако в основе переживания лежит парадокс, возникающий как противоречие между системными и индивидуальными чувствами, его нужно зафиксировать. Необходимо войти в резонанс с системными чувствами, позволить быть затронутыми ими. Способом редуцирования может выступить расстановка (Б.Хеллингер, 2005) инструмент, позволяющий реконструировать социальную систему.

Мы можем представить некоторую этапность в описании функционирования заявленного навыка. В начале это некоторое ощущение, восприятие, возникающее от соприкосновения с наблюдаемым, затрагивающее наши органы чувств. У человека появляется некоторая впечатленность, тех, кто его затронул в системе. За тем возникают образы, чувства, приводящие к переживанию переживанию. Из них вырастает проблематизация, через нее строится фокусировка на сущностном. И уже после этого порождается некоторая гипотеза, приводящая к процессу исследования. И как следствие, исследование, проверка, тестирование. Весь этот процесс заканчивается возникновением некоторого смысла, из которого складывается метапозиция, надситуативная активность в восприятии явления.

Так рождается та точка, из которой складывается возможность смотреть на бытие. Это сопряжено с появлением большей целостности, самости. Возникает новая отнтологическая сила, обладающая большой самостоятельностью и единством. Проявленное позволяет продвигаться в коммуникации, делает ее осознанной, ясной и не застревающей на опыте прошлого.

Литература

Василюк Ф.Е. Введение понятия переживания в категориальный аппарат теории деятельности // Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Московского университета, 1984.

Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005.

Хеллингер Б. **(**2005) Источнику не нужно спрашивать пути. – М.: Институт консультирования и системных решений, 2005.

Сведения об авторе

Кригер Евгения Эвальдовна – доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой, Институт психологии им.Л.С.Выготского, ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Россия.

SYSTEMIC-PHENOMENOLOGICAL FOUNDATION AND STRATEGY FOR THE FORMATION OF FLEXIBLE SKILLS

Krieger E.E.

RSUH, Moscow, Russia

Key words: flexible skills, system approach, phenomenological philosophy, system feelings, individual feelings, bringing system and individual feelings into agreement

Abstract. The article presents the system-phenomenological foundations and strategies for the formation of flexible skills of specialists involved in communication with other people. To construct the article, a system-phenomenological approach was used, which allows to show the system dynamics and phenomenology of communication of specialists. As the main flexible skill is considered to bring into agreement the system and individual experiences of a person interacting with a partner. The paper shows the algorithm of manifestation of this skill. The formation of flexible skills is of particular importance in today's world, where many professional skills begin to perform the machine, and for professional relations in the human-human special demand flexible skills.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОДГОТОВКИ И ПЕРЕПОДГОТОВКИ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Мишина М.М.

РГГУ, Москва

Ключевые слова: общество, цифровая экономика, компьютеризация, субкультура.

Аннотация. В статье анализируется внедрение электронных продуктов в масштабах страны, что является возможным только при условии создания новых образовательных центров, которые будут подготавливать высокопрофессиональные кадры для различных областей профессиональной деятельности. При этом важно понимать, что компьютерной грамотности следует обучать людей разного возраста. Несмотря на определенные трудности, разрабатываемые программы подготовки специалистов должны будут учитывать психологический феномен «возраста». Причем следует обратить особое внимание на практическое овладение людьми навыками работы с различными компьютерными программами при учете их быстрого обновления.

В новых условиях развития общества, связанных с разработкой программ по внедрению цифровой экономики в разные виды профессиональной деятельности назрела острая необходимость усовершенствования подготовки и переподготовки кадров, которые будут способны дать старт преобразованию всего российского общества. Правительство, депутаты и губернаторы уже бесконечно повторяют фразу «цифровая экономика», заявляя о важности этого вида экономики, отчитываясь при этом об успехах в ее строительстве.

Существующие на настоящий момент алгоритмы электронной (цифровой, веб, интернет) экономики основаны на цифровых технологиях, где серьезные обороты набирает не только разработка и успешная продажа программного обеспечения, но и разработка электронных товаров и сервисов, которые производит электронный бизнес и электронная коммерция. Развиваясь ускоренными темпами, цифровая экономика полностью переформатирует привычные хозяйственные связи и существующие бизнес-модели. Примером может быть возникновение «телемедицины», дистанционного обучения, электронных дневников для учащихся, электронных документов и пр.

Внедрение электронных продуктов в масштабах страны возможно только при условии создания новых образовательных центров, которые будут подготавливать высокопрофессиональные кадры для различных областей профессиональной деятельности. При этом важно понимать, что обучать необходимо людей разного возраста, что имеет определенные трудности, так как разрабатываемые программы

подготовки специалистов должны будут учитывать психологический феномен «возраста». Причем следует обратить особое внимание на практическое овладение навыками работы с различными компьютерными программами с учетами их быстрого обновления. Поэтому на первый план выходит тип профессии «Человек-технология». При этом надо понимать, что любая профессиональная деятельность будет включать в свой состав работу с электронным ресурсом. В условиях развития современного общества экономическая детерминация в крупных семейных группах потеряла необходимость, а развитие средств массовой информации сильно сократило общение друг с другом во многих семьях. Однако даже самые лучшие детские передачи или компьютерные игры не могут заменить общения родителей со своими детьми. Решающую роль в становлении речи и использовании ее ребенком играют факторы взаимоотношения дошкольника со взрослым.

В современном мире появилось новое понятие – «цифровая субкультура». Говоря о субкультуре в целом, следует отметить интерес к этому современному понятию со стороны разных научно-исследовательских дисциплин: психологии, социологии и социальной педагогики. Существенной характеристикой «субкультурного субъекта» является стремление к автономии, его автономность в общей базовой культуре.

Причины появления субкультур в мире лежат в динамичности общественных систем, резком переходе к постиндустриальной стадии развития, что ведет к изменению положения человека в обществе и деятельности.

В Законе «Об образовании в Российской Федерации» большое внимание уделяется поиску путей обеспечения конкурентоспособности специалистов, что возможно при условии достижения ими как высокого уровня интеллектуального развития, так и умения налаживать коммуникативные связи. В связи с этим назрела необходимость совершенствования образовательной и воспитательной системы в соответствии с потребностями социально-экономического развития России и перехода к новому технологическому укладу в экономике. Это актуализирует насущность обращения к проблеме причин возникновения одиночества у молодежи и особенностей его проявления. Психология, в контексте данной проблемы, позволяет системно выявить совокупность детерминант и средств, обеспечивающих продуктивный выход из состояния одиночества.

Известно, что этапы жизненного пути современного молодого человека накладываются на возрастные стадии его развития в онтогенезе. Понятие одиночества тесно связано с переживанием молодых людей таких ситуаций, которые субъективно воспринимаются как нежелательные и личностно неприемлемые, связанные с дефицитом общения. Одиночеству не всегда сопутствует социальная изолированность молодежи.

Можно постоянно находиться в обществе и при этом чувствовать психологическую изоляцию.

Появлению одиночества способствуют эмоциональная травма, страх неудачи в налаживании межличностных контактов. Чаще всего молодой человек становится одиноким при условии отсутствия необходимых навыков общения.

Одиночество современного молодого человека часто связано с разными видами зависимостей, в частности с интернет-зависимостью, которая в свою очередь продиктована появлением цифровой экономики. Современный молодой человек формируется в условиях технического прогресса, влияющего на его психологические особенности. Инновации в условиях технического прогресса способствуют усилению коммуникативных общественных связей и должны, как будто, способствовать преодолению одиночества. Но это не так: как правило, наблюдается отсутствие эмоционального контакта и зависимость от «поверхностных» связей. При этом, Интернет как передовая и востребованная технология нашего времени дает широкий диапазон продуктивной деятельности современному молодому человеку, влияя на его личностное, профессиональное и духовное развитие.

Необходимость исследования феномена интернет-зависимости современной молодежи обусловлена противоречиями между:

- объективной потребностью общества в повышении коммуникативных связей современной молодежи в связи с переходом к новому технологическому укладу и отсутствием стратегии развития технологий, направленных на вовлечение молодого человека в активную продуктивную жизнедеятельность;
- постоянно растущим уровнем требований, предъявляемых к личности молодого человека в современных условиях общественного развития и отстающими от него возможностями быстрого переключения индивидуального сознания с учетом исторического этапа;
- уровнем личностного потенциала и степенью его реализации в общественной деятельности;
- представлением о структуре феномена одиночества личности молодого человека и причинами его появления;
- изменением места деятельности в современной жизни, порождением ее новых видов и отсутствием научно-обоснованной психологической концепции феномена одиночества современного молодого человека;
- необходимостью разработки экспериментальных программ по психологическому преодолению переживания одиночества современными молодыми

людьми с учетом типологии, возрастных и половых особенностей и отсутствием научно-методического обеспечения практики психолого-педагогического сопровождения изучаемого феномена.

Исследование интернет-зависимости современной молодежи помогает выявить причины данного явления, расширить возможности предоставления психологической помощи с учетом индивидуальных особенностей.

Цель исследования – выявить связь между субъективным переживанием одиночества и интернет-зависимостью у современной молодежи.

Объект исследования – интернет-зависимость как психологический феномен.

Предмет исследования – связь одиночества и интернет-зависимости современногой молодежи.

Гипотеза исследования: между субъективным переживанием одиночества и интернет-зависимостью существует причинно-следственная связь: при более выраженном субъективном переживании одиночества проявляется более высокий уровень интернет-зависимости. У молодых людей с признаками интернет-зависимости имеется низкий показатель самооценки и выражены специфические механизмы психологической защиты.

Задачи исследования:

1. Проанализировать научно-психологическую литературу по теме исследования интернет-зависимости у современной молодежи.
2. Выявить наличие связи между одиночеством современной молодежи и интернет-зависимостью.
3. Раскрыть личностные особенности молодых людей, имеющих интернет-зависимость и определить механизмы их психологической защиты.
4. Провести анализ результатов эмпирического исследования интернет-зависимости у современной молодежи.
5. Дать рекомендации по оказанию психологической помощи молодым людям, испытывающим чувство одиночества при снижениюи интернет-зависимости.

Эмпирическая база исследования: 50 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет: 25 человек, имеют признаки интернет-зависимости; 25 человек не имеют признаков интернет-зависимости.

Методология исследования строится на концепциях:

– одиночество как неизбежный этап в становлении личности (А. Камю, Ж. П. Сартр);

– одиночество как противоестественный феномен (И. Кант, Ф. Ницше, Э. Фромм).

Методы исследования: аналитический, эмпирический (анкетирование, тестирование), статистической обработки информации.

Методики исследования:

– Анкета «Одиночество» для исследования субъективного переживания одиночества молодежью;

– Методика субъективного ощущения одиночества (Д. Рассел и М. Фергюсон);

– Диагностика переживания одиночества (Е. Е. Рогов);

– Тест на интернет-зависимость (Кимберли-Янг);

– Методика Дембо-Рубинштейна: исследование самооценки (в модификации А. М. Прихожан);

– Методика Индекс жизненного стиля (Опросник Плутчика Келлермана Конте). Тест для диагностики механизмов психологической защиты.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

– выявлена причинно-следственная связь между феноменом переживанием одиночества и интернет-зависимостью у современной молодежи, которая заключается в выявлении определенных психологических особенностей, способствующих наличию интернет-зависимости;

– для одиноких интернет-зависимых молодых людей характерны специфические психологические особенности личности, такие как низкая самооценка и тенденции к использованию компенсации как механизма психологической защиты.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что на основе фундаментальных исследований современной науки и полученных эмпирических данных изучено проявление феномена преживания одиночества молодежью. Раскрыты методологические, теоретические, эмпирические уровни разработки проблемы одиночества; выделены различные виды переживания одиночества; проанализирована динамика изменения личности под влиянием интернет-зависимости, влияющей на возникновение одиночества в молодом возрасте, демонстрирующая определенный уровень переживания одиночества, что существенно дополняет научные представления и развивает новые идеи о феномене одиночества.

Практическая значимость исследования. Сформулированные концептуальные основания проявления феномена одиночества создают возможность прогнозировать, регулировать и программировать ее развитие у современной молодежи, что дает возможность для разработки новых технологий, включающих молодых людей в активное и продуктивное общение. Полученные результаты могут найти свое применение в практике воспитательной деятельности в различных учебных и общественных заведениях.

В данном исследовании апробирован и предложен для использования комплекс диагностических методик, ориентированный на изучение феномена одиночества у современной молодежи, а также даны научно-практические рекомендации по снижению интернет-зависимости, ведущей к одиночеству. Оптимальным способом снятия психологических барьеров в процессе общения современной молодежи в состоянии одиночества служит формирование целей, побудительных мотивов, интеллектуальной активности, а также активизация знаний и регуляция эмоциональных состояний.

Теоретические положения и эмпирические результаты исследования проблемы интернет-зависимости могут быть полезны широкому кругу специалистов: психологам-консультантам, работающим в области профессионального консультирования; преподавателям высших учебных заведений; бакалаврам, магистрам и абитуриентам, желающим поступить на психолого-педагогические факультеты. Систематизированный научно-практический материал может применяться при разработке учебных программ вузовской подготовки по курсам «Психология личности», «Педагогическая психология», а также тренинговых занятий, имеющих целью формирование продуктивных алгоритмов индивидуальных стратегий личности.

Завершая исследование, связанное с психологическими особенностями интернет-зависимости, как последствий возникновения цифровой субкультуры, следует отметить, что сегодня субкультура – это уже не «подкультура», а «частичная культура» современного общественного уклада.

Цифровая субкультура несет в себе познавательную функцию, расширяет кругозор и учит выделять главное, осуществляя поиск в нескончаемом информационном поле.

Кроме того, включенность в цифровую субкультуру выполняет для современного человека защитную функцию. Примыкая к различным течениям, современный человек приобретает единомышленников, с которыми ему проще противостоять многочисленным рискам 21 века.

В заключение можно отметить, что наряду с семьей, школой, СМИ, цифровая субкультура выступает фактором социализации современного человека.

Список литературы:

ГригорьеваС.И., Мишина М.М. Феномен переживания одиночества у старших подростков в разных типах семьи Актуальные проблемы психологических, психолого-педагогических и педагогических исследований: сборник статей Международной научно - практической конференции «XIII Левитовские чтения».(г. Москва, 18-19 апреля 2018 года): [в 2 т.]/ ред. колл. Т.Н. Мельников и др.; отв. ред. М.Б. Зацепина. – М.: «Перспектива», 2018. [Электронное издание. Ссылка доступа: https://goo.gl/5PDQoB] С. 44-49. ISBN 978-5-88045-367-2.Т.2. – 2018. – 495 с. ISBN 978-5-88045-369-6. https://goo.gl/5PDQoB

Мишина М.М. Психологическая концепция проявления интеллектуальной деятельности личности (на примере исследования разновозрастной студенческой среды) / Mishina M. Psychological concept of management of intellectual activity of the personality (on an example of research of a different-aged student's environment) / Культурно-исторический подход : от Л. С. Выготского – к XXI веку : коллективная монография / под ред. Т. Д. Марцинковской, В. Р. Орестовой, О. В. Гавриченко. – Москва : Типография МПГУ, 2018. С. 136-153 – 322 с. ISBN 978-5-94845-286-9

Мишина М.М., Мурсалыева Г.М. Сравнительный анализ значимых этнодифференцирующих признаков этнической идентичности подростков разных культурных сред / М.М. Мишина, Г.М. Мурсалыева // Вестник РГГУ – 2018. – № 1. – С. 140-152. ISSN 2073-6398 (print)

Мишина М.М., Равилова М.В. Вклад когнитивного стиля в процесс учебной деятельности // Mishina M.M., Ravilova M.V. //Contribution of cognitive style into the process of learning activity. Акмеология. – 2018. – № 3. – С. 50-52. ISSN 2075-7577. http://developmentonline.ru/data/documents/Akmeologia-2018-03_web.pdf

Сведения об авторе

Мишина Марина Михайловна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и методологии образования, институт психологии им. Л.С.Выготского, ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Россия.

PROSPECTS OF TRAINING AND RETRAINING PERSONNEL UNDER THE CONDITIONS OF DIGITAL ECONOMY

Mishina M.M.

Russian State University for the Humanities, Moscow

Key words: society, digital economy, computerization, subculture.

Abstract. The article analyzes the introduction of electronic products across the country, which is possible only with the creation of new educational centers that will prepare highly qualified personnel for various fields of professional activity. It is important to understand that computer literacy should be taught to people of all ages. Despite some difficulties, the developed training programs will have to take into account the psychological phenomenon of "age". Moreover, special attention should be paid to the practical mastery of people's skills to work with various computer programs, taking into account their rapid update.

БАЛАНС ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СУБКУЛЬТУР КАК ФАКТОР ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Булгаков А.В.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Ключевые слова: организационная культура, субкультура, организация, цифровизация, социально-психологические условия

Аннотация. Представлены некоторые результаты эмпирического обоснования теоретической модели социально-психологических условий внедрения цифровизации в строительство, включающей анализ организационных субкультур строительных предприятий. На выборке 82 строителей проведены ассоциативный тест и оценка организационной культуры. Прототипический анализ по П. Вержесу и семантический анализа по закону Ципфа словесных ассоциаций выявил явный уклон в балансе субкультур к иерархической субкультуре в строительных организациях государственного сектора, к предпринимательской или творческой субкультурам частного сектора. Факторный анализ среди социально-психологических условий внедрения цифровизации на государственных предприятиях определил фактор связанных с иерархической

субкультурой (объясняет 4,114% дисперсии), на частных предприятиях – с предпринимательской субкультурой (объясняет 6,599% дисперсии).

Цифровизация, диджитализация, digital-трансформация – эти понятия как тренд прочно закрепились в дискуссиях на форумах и профильных конференциях. Российский интернет дает 1350 тыс. ссылок на понятие «цифровизация», так в ноябре 2018 года пользователи 14761 раз искали «Цифровую трансформацию» в поисковых системах – это примерно на 700% больше, чем в ноябре 2017 года. Сегодня более 60% крупнейших мировых корпораций уже работают над своей стратегией digital-трансформации, наблюдается рост количества запросов на внедрение цифровизации от российских компаний. Потенциал этого рынка колоссален (Рыжков, 2019; Смирнов, 2019). Бизнес в России включая строительство традиционно стремится к высоким технологиям (например, BIM) и прорывным стратегиям (Индустрия 4.0), но пока это воплощается в малых масштабах (Магера, 2018). Исследования показывают, что цифровую трансформацию часто воспринимают как «знание какой технологией», «сервис по замене конкретного бизнес-процесса в компании».

Важнейшее место в построении модели внедрения цифровизации составляют социально-психологические представления об организационной культуре (ОК), балансе составляющих ее субкультурах (суб-ОК), социально-психологическом климате, внутри- и межгрупповых коммуникациях, психологических барьерах по отношению к инновациям и др. Изучение ОК имеет серьезную теоретико-методологическую основу - она тесно связано с именами ученых, которые являлись основоположниками теории управления организацией, таких, как А. Файоль, Ф. Тейлор, О. Шелдок и многих др. Ими рассмотрены способы повышения эффективности выполнения управленческих решений посредством привития на производстве новых прогрессивных традиций. Э. Шейн раскрывает источники совершенствование ОК: 1) взгляды, ценности, неосознаваемые допущения, представления руководителя организации; 2) коллективный опыт сотрудников, полученный при создании и развитии организации; 3) привнесенные в организацию представления, ценности и взгляды новых сотрудников и руководителей. Э. Шейном разработан трех уровневый алгоритм анализа ОК: 1) артефакты, имеющие двойственную концептуально-материальную природу: структуры, технологии, различные поведенческие факторы, видимые, но не всегда поддающиеся расшифровке явления; 2) провозглашаемые ценности, включая стратегии, цели организации; 3) базовые представления о природе: реальности и истины; пространстве и времени; человеке, его деятельности и отношениях (Шейн, 2002).

Мощным диагностическим комплексом, используемым не только за рубежом, но и в России, является конструкция конкурирующих ценностей (ККЦ) К. Камерон и Р. Куинн (Камерон и Куинн, 2001), которая во многом интегрирует изложенные выше взгляды. ККЦ имеет два измерения по критерию эффективности организации. Первое измерение: гибкость-стабильность, дискретность-порядок и динамизм-контроль. Второе измерение: внутренняя - внешняя ориентация, интеграция-дифференциация и единство-соперничество. Оба измерения образуют четыре квадранта, которые противоположны и конкурируют друг с другом внутри общей ОК предприятия по диагонали. А.В. Полосин дал определение ОК. «ОК предприятия представляет собой сложное социокультурное явление, целостную систему, состоящую из различных обобщенных по критериям организационной эффективности типов ОК. Основу ее составляют мотивационные, когнитивные, эмоциональные, поведенческие и интегративные компоненты индивидуальной и групповой психологии руководителей и сотрудников предприятия, реализующих и адаптирующих к различным ситуациям совместной деятельности. Среди интегральных компонентов выделяется социально-психологический фактор ОК – взаимосвязанная система показателей социально-психологического климата коллектива предприятия и результативности деятельности по принятию групповых решений. ОК является важнейшим организационно- управленческим ресурсом, основное социально-психологическое предназначение которого заключено в способности уменьшать степень коллективной неопределенности в агрессивной среде рыночных отношений, вносить ясность в ожидания членов различных групп предприятия, обеспечивать целостность коллектива за счет ключевых ценностей и норм, воспринимаемых руководителями и сотрудниками как долговременные, передаваемые из поколения в поколение. Непсихологическое значение состоит в улучшении экономических показателей предприятия» (Полосин, 2004).

ОК предприятия измеряется по трем социально-психологическим показателям: сила, сплоченность и тип культуры. В результате формируется профиль ОК. В ККЦ соединен теоретический анализ проблемы с методами экспериментального исследования, а также результатами консалтинговой практики в реальных условиях российских предприятий.

Демократическая суб-ОК. На предприятии или в подразделении у сотрудников много общего: ценности, профессиональный опыт, история. Организации похожи на большие семьи. Руководители организаций воспринимаются работниками как воспитатели. Организация держится благодаря преданности и традициям. Высока обязательность организации по отношению к работникам. Акцент делается на

долгосрочной выгоде совершенствования личности, придается значение высокой степени сплоченности коллектива и социально-психологическому климату. Успех определяется в терминах доброго чувства к потребителям и заботы о людях. Организация поощряет бригадную (групповую) работу, участие людей в производстве и согласие.

Творческая суб-ОК. Она определяет динамичное предпринимательское и творческое место работы, сотрудники готовы брать ответственность на себя, идти на риск. Руководители считаются новаторами и людьми, готовыми рисковать. Связующей сущностью организации выступает преданность экспериментированию и новаторству. На первый план выходит необходимость деятельности на переднем рубеже. В долгосрочной перспективе организация делает акцент на росте и обретении новых ресурсов. Успех означает производство/предоставление уникальных и новых продуктов и/или услуг. Важно быть лидером на рынке продукции или услуг. Организация поощряет личную инициативу и свободу.

Иерархическая суб-ОК. Характерно значительно формализованное и структурированное место работы. Управление осуществляется через сложившиеся и не меняющиеся процедуры. Руководители гордятся тем, что они рационально мыслящие координаторы и организаторы. необходимыми считается поддержание плавного хода деятельности. Организацию объединяют формальные правила и официальная политика. Долгосрочные заботы организации состоят в обеспечении стабильности и показателей плавного хода рентабельного выполнения операций. Успех определяется в терминах надежности поставок, плавных календарных графиков и низких затрат. В основу управления сотрудниками положены принципы гарантии занятости и обеспечения долгосрочной предсказуемости карьеры каждого.

Предпринимательская суб-ОК. Организация ориентирована на результаты, главной заботой которой является выполнение поставленной задачи. Сотрудники целеустремлены и соперничают между собой. Управляющие – твердые руководители и суровые конкуренты. Они непоколебимы в своей целеустремленности, требовательны к себе и подчиненным. Организацию сплачивает акцент руководства на стремлении побеждать. Репутация и успех являются общей заботой, фокус перспективной стратегии настроен на конкурентные действия, решение поставленных задач и достижение измеримых целей. Успех определяется в терминах проникновения на рынки и увеличения рыночной доли. Важно конкурентное ценообразование и лидерство на рынке. Стиль организации – жестко проводимая линия на конкурентоспособность.

Для внедрения цифровых технологий нужно создать такую ОК, где можно не бояться ошибок и смело высказывать свое мнение, где все готовы к экспериментам и

активному сотрудничеству и где нет закостенелой иерархии, т.е доминирующую предпринимательскую или творческую суб-ОК. Но этого недостаточно. Она должна быть уравновешена: нетерпимостью к некомпетентности, жесткой дисциплиной, беспощадной откровенностью, высоким уровнем личной ответственности и сильным лидерством. Культура цифровизации детерминирует противоречия, требующие мастерского управления. Неопределенность в творчестве важно компенсировать решительностью и прозрачностью. По сути, это конкурирование творческой и иерархической суб-ОК или не конкурирование предпринимательской иерархической. Но такая внешняя, формальная оценка потребовало дополнительного изучения.

Проведенное под нашим руководством в 2016-2019 годах И.М. Лебедевым исследование включало опрос 82 управленцев строительных компаний. В результате был выявлен стандартный перечень характеристик ОК: терпимость к неудачам, готовность к экспериментам, психологическая безопасность, взаимопомощь, плоская структура. Однако руководители в строительстве так же, как и их иностранные коллеги в исследовании профессора Гарвардской школы бизнеса Gary P. Pisano (Pisano, 2019), не упомянули, что терпимость к ошибкам требует нетерпимости к некомпетентности. Готовность к экспериментам требует строгой дисциплины. Психологическая безопасность невозможна без умения принимать горькую правду. Взаимопомощь должна быть уравновешена личной ответственностью, а плоская структура – сильным лидерством.

Эмпирическое исследование было выполнено на базе 2-х групп предприятий 1) жилищного комплекса и 2) закрытого типа, при этом в обеих группах были условно виртуальные строительные организации – проектные мастерские, условно реальные строительные организации – строительно-монтажные управления. Основу эмпирической части исследования составил сравнительный анализ корреляционных исследований представленных выборок. Цель – выявление социально-психологических условий внедрения цифровизации в строительные организации разного вида собственности (предприятия жилищного комплекса – частная собственность, предприятия закрытого типа – государственная) и соответственно с различным уровнем воздействия конкуренции/государственного воздействия. Технология эмпирического изучения состояла: 1) 2016-2017 годы разработка анкеты ретроспективного интервью «Анализ ситуаций внедрения цифровизации в строительную организацию», проведение интервью, анализ ситуаций. Были последовательно обследованы участники - 80 чел. (4 группы), обучающихся в НИУ «Московский государственный строительный университет», которые описали 384 ситуации, из них было выбрано 322 ситуации, удовлетворяющие требованиям модели внедрения цифровизации в строительство. Определялась структура

ОК, социально-психологический климат, особенности внутри и меж организационных коммуникаций, характер принятия групповых решений в организациях строительной отрасли. Выявлялись барьеры внедрения, организационные патологии, связанных с ОК, социально-психологическим климатом, принятием групповых решений на предприятии. Определись возможные мишени воздействия консультанта по управлению по оптимальному внедрению цифровизации в строительную организацию, дальнейшему организационному развитию предприятия, возможных стратегиях межгрупповой работы консультанта по управлению. 2) Сравнительный анализ корреляционных исследований результатов изучения предприятий строительной отрасли, полученные в 2016-2019 годах. Для диагностики использовались наблюдение, беседа, изучение документов, опросы с применением валидных методик.

Приведем некоторые полученные результаты. Структура социальных представлений о цифровизации у всех групп строительной организации изучалась на методологической основе структурного подхода Ж.-К. Абрика. Эмпирический материал собирался с помощью свободных словесных ассоциаций (Воловикова и др., 2016). Данные опроса обрабатывались прототипическим анализом по П. Вержесу и семантического анализа с применением распределения по закону Ципфа. В результате выявлены понятийные категории, которые синтезируют структурные элементы представлений о цифровизации: а) ядро – устойчивая часть представлений и б) периферия социальных представлений – возможный ресурс для внедрения в строительство. Ядро по всей выборке строительных организаций, внедряющих цифровизацию: скорость, оптимизация, эффективность, упрощение, инновация, развитие, технология, прогресс, строительство, автоматизация. Ядро по выборке государственных компаний (предприятий закрытого типа): упрощение, эффективность, скорость, производительность, автоматизация, показатель, расчет, данный. Ядро по выборке частных компаний (предприятий жилищного комплекса): оптимизация, развитие, строительство, мобильность, инновация, технология. Сравнение результатов показывает на явный уклон первых к иерархической суб-ОК, второй к предпринимательской суб-ОК. Здесь следует подчеркнуть, Неконкурентный характер последней с творческой суб-ОК.

Представим некоторые результаты факторного анализа. Так среди 9 социально-психологических факторов внедрения цифровизации на предприятиях закрытого типа выявлен фактор связанных с иерархической суб-ОК, объясняющий 4,114% дисперсии, на предприятиях жилищного комплекса фактор, связанный с предпринимательской суб-ОК, объясняет 6,599% дисперсии.

Таким образом, эмпирически выявлено, что для строительных предприятий различного типа существует определенный баланс суб-ОК, учет которого целесообразно использовать при внедрении цифровизации.

Список литературы

Воловикова М.И, Харламенкова Н.Е., Артемцева Н.Г. Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы. М.: Издательство Институт психологии РАН, 2016.

Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры / Пер. с англ. СПб., 2001.

Магера Т.Н..Эмоциональный компонент межгрупповой адаптации в поликультурной организации как фактор управления персоналом строительной компании: автореф. дис. … кандид. психолог. наук. М., 2018.

Полосин А.В. Социально-психологические условия совершенствования организационной культуры современного российского предприятия : автореф. дис. … кандид. психолог. наук. М., 2004.

Рыжков В. Что такое цифровая трансформация? //сайт KMDA. https://komanda-a.pro/blog/digital-transformation. Дата обращения 30.03.2019.

Смирнов А. 5 ошибок увлеченных цифровой трансформациейhttps://www.e-xecutive.ru/management/itforbusiness/1989903-5-oshibok-uvlechennyh-tsifrovoi-transformatsiei?utm_campaign=1605&utm_medium=menedzhment&utm_source=email. Дата обращения 31.01.2019.

Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. под ред. В. А. Спивака. СПб: Питер, 2002.

Gary P. Pisano (2019). Creative Construction: The DNA of Sustained Innovation. PublicAffairs.

Сведения об авторе

Булгаков Александр Владимирович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Института психологии Российского государственного гуманитарного университета, email: av_bulgakow@mail.ru

BALANCE OF ORGANIZATIONAL SUBCULTURES AS A FACTOR OF INTRODUCTION OF DIGITALIZATION IN CONSTRUCTION

Bulgakov A.V.

Russian State University for the Humanities, Moscow

Keywords: organizational culture, subculture, organization, digitalization, social and psychological conditions

Abstract. Some results of the empirical substantiation of a theoretical model of the socio-psychological conditions for introducing digitalization into construction, including the analysis of organizational subcultures of construction enterprises, are presented. On a sample of 82 builders conducted an associative test and evaluation of organizational culture. Prototype analysis according to P. Vergès and semantic analysis according to Zipf's law of verbal associations revealed a clear bias in the balance of subcultures to the hierarchical subculture in public sector construction organizations, business or creative subcultures of the private sector. Factor analysis among the socio-psychological conditions for the introduction of digitalization in state-owned enterprises identified a factor related to the hierarchical subculture (explains 4.114% of the variance), on private enterprises - to an entrepreneurial subculture (explains 6.599% of the variance).

About the author: Bulgakov Alexander Vladimirovich, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Social Psychology, Institute of Psychology, Russian State Humanitarian University, email: av_bulgakow@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОЦЕНИВАНИЕ СВЕРСТНИКОВ И КАРТИН ПОДРОСТКАМИ АЛМА-АТЫ И МОСКВЫ

Резванцева М.О.

Институт психологии им. Л.С. Выготского, РГГУ, Московский государственный областной университет, Москва

Ключевые слова: процесс оценивания, сверстники, картины, степень совпадения оценок, осознание критериев оценивания

Аннотация. В статье рассматриваются специфика оценивания сверстников и художественных картин подростками из восточного и западного регионов СНГ, как

конкретизация идей отечественной психологии о социальной ситуации развития Л.С. Выготского. На выборке 249 подростков из московских и алма-атинских школ выявлено существование значимых различий в оценивании одноклассников и картин по степени совпадения индивидуальных оценок подростка со средними оценками группы. Алма-атинские подростки оценивают более однородно с группой, в отличии от московских подростков, у которых преобладают разнородное, оригинальное оценивание. По степени осознания критериев оценивания в отношении сверстников у алма-атинских подростков преобладают в большей степени нормативно-групповые определения в отличии от московских подростков, которые используют нормативно-индивидуальное осознание категорий и дают оригинальные ответы. В осознании критериев оценивания картин также получены значимые различия у алма-атинских подростков – это объектное осознание, в отличии от московских, у которых преобладает субъектное осознание и оригинальные определения.

Оценивание произведений живописи способствует развитию художественного вкуса подростков, а именно их ориентировке в мире современного искусства, пониманию его художественной ценности, а также овладению духовным богатством культуры. Сегодня в условиях идеологической неопределенности в обществе обращение к искусству, к пониманию творений великих художников способно расширить восприятие мира подростка, обогатить его жизненный опыт. Осознание же процесса оценивания картин поможет более грамотно выстроить психолого-педагогическую работу с подростками из разных регионов СНГ. Однако, собственно процесс психологического оценивания картин, е достаточно изучен .

В логике Л.С. Выготского, с позиций культурно-исторической психологии и теории деятельности А.Н. Леонтьева оценивание рассматривается как процесс, сопровождающий выполнение любого действия и ориентированный на социальную цель этого действия. Согласно нашим исследованиям процесс оценивания наряду с операциональной стороной содержит и компоненты социальной ситуации, детерминирующей его. К ним относятся: характер социальной группы, детерминирующей категории и функции процесса оценивания, положение субъекта в социальной группе, деретминированного личностными смыслами оценивания и др. В работах В.К. Шабельникова, С.И. Григорьевой, И.Н. Токаревой, А. Долобаевой и др. показано, что в современном мире существуют социо-культурные особенности функционирования восточных и западных обществ (Шабельников В.К., 2014). Ранее было выявлено, что процесс оценивания объектов и ситуаций различается в восточном и западном регионах СНГ, что связано с различной

организацией деятельности в этих регионах (Резванцева М. О., 2012). Соответственно, возникает предположение, что и процесс формирования оценивания у подростков будет проходить по разному в Алма-Ате и Москве в связи с различным характером внутригруппового взаимодействия подростков. У подростков Алма-Аты оценивание картин будет более связано со средними оценками группы. А у подростков Москвы оценивание картин будет более индивидуально, менее связано со средними оценками группы.

Для выявления характера внутригруппового взаимодействия и оценивания картин использовались: методика по изучению эмоциональной чувствительности к сверстникам И. В. Шабельникова, методика А. А. Рукавишникова «Опросник межличностных отношений», «Модификация методики Незаконченные предложения». Проводился количественный и качественный анализ результатов. Надёжность и достоверность результатов рассчитывались с помощью t-критерия Стьюдента и Хи-квадрат Пирсона. Использовался пакет статистических программ «Statistics 21», Excel 2010. Испытуемые - учащиеся 7г

В результате у московских подростков оценка одноклассников в большей степени индивидуальна и менее соответствует средне групповой оценки одноклассников. В Алма-Атинской группе подростков в оценках одноклассников индивидуальные оценки в большей степени совпадают со средними оценками сверстников.

По отношению к оцениванию картин в результате анализа данных (критерий Стьюдента) выявлено, что имеются значимые различия между группами по «резонансность с одноклассниками» ($t = 0, 025, p<0,05$). Подростки из Алма-Аты в оценивании товарищей больше соотносятся со средними оценками группы и ощущают контроль со стороны одноклассников, в отличии от московских подростков, которые в меньшей степени оценивают одноклассников аналогично группе.

По опроснику межличностных отношений А. А. Рукавишникова выявлены значимые различия между группами по шкалам «стремление контролировать и брать всё в свои руки» ($t = 0, 047, p<0,05$) и «стремление одноклассников контролировать меня» ($t< 0, 043, p<0,05$). Выявлено, что подростки из Алма-Аты в оценивании товарищей больше соотносятся со средними оценками группы и ощущают контроль со стороны одноклассников, в отличии от московских подростков, которые в меньшей степени оценивают одноклассников аналогично группе. Кроме того они проявили значимо меньшее «стремление контролировать и брать все в свои руки» в отношениях с товарищами. Полученные различия могут быть связаны с региональными особенностями функционирования субъекта в группе. Для московских подростков при оценивании

сверстников более характерны индивидуальные оценки, им важно их демонстрировать в группе и меньше контролировать одноклассников, чем для алма-атинских. Казахстанские подростки в оценивании товарищей действуют в большей степени аналогично группе, демонстрируя свою лояльность ей.

В методике «Незаконченные предложения» московские подростки дали следующие группы ответов при осознании качеств оценивания сверстников. Выявлены значимые различия в оценивании одноклассников, по таким параметрам, как типовое, тавтологическое определение (t= 0, 041, p<0,01), типовое, альтруистическое определение (t= 0, 022, p<0,01), конкретная ситуация (t= 0, 061, p<0,01), а также по использованию оригинальных сравнений(t= 0, 07, p<0,01) и эгоцентрических определений(t= 0, 08, p<0,01). Алма-атинские подростки используют в осознании критериев оценивания в большей степени нормативно-групповые определения в отличии от московских подростков, которые используют нормативно-индивидуальное осознание категорий и дают оригинальные ответы.

Из полученных данных следует вывод о том, что алма-атинские подростки оценивают критерии оценивания картины исходя из конкретных примеров, сюжетных линий, определяют тона и цветовую гамму, наделяют качества однотипными эпитетами, указывают отдельные предметы, характеризующие данные критерии картины.

Статистический анализ результатов по сравнению осознания критериев оценивания подростками Алма-Аты и Москвы (критерий Стьюдента) показал, что существуют значимые различия между группами по параметрам субъектное осознание (t= 0, 033, p<0,05) и оригинальное определение (t= 0, 062, p<0,05). В целом выявлено, что подростки из Алма-Аты в большей степени используют в осознании критериев оценивания объектное осознание, в отличии от московских, у которых преобладает субъектное осознание и оригинальные определения.

Итак, подростки восточного региона чаще употребляют в описаниях категорий оценивания в большей степени стандартные тавтологические и конкретизирующие определения и в меньшей – самостоятельные, абстрактные, что подтверждает слабую осознанность критериев оценивания. Подростки Москвы в значительной мере применяют для описания представленных оценочных категорий типовые альтруистические описания, оригинальные сравнения, индивидуальные определения, кроме этого абстрактные, словарные описания категорий.

Таким образом, оценивание картин у московских и алма-атинских подростков значимо различается. Алма-Атинские подростки в оценивании в большей степени ориентируются на мнение одноклассников, их оценки совпадают со средними оценками

группы. В осознании критериев оценивания они используют стандартные тавтологические и конкретизирующие определения, определяют цвет, описывают отдельные предметы, действия героев, в меньшей степени дают оригинальные оценки. Московские подростки в оценивании картин проявили более индивидуальные оценки, отличные от средних оценок группы сверстников. Это связано с тем, что демонстрация этих оценок в западной группе проявляет позиции подростка, свидетельствует о его компетенции и положительно влияет на его авторитет среди сверстников. Восточный подросток в оценивании картин более лоялен группе, менее, чем западный, ей противостоит для того, чтобы быть защищенным группой. Осознание критериев оценивания алма-атинскими подростками более стандартное, описывающее отдельные предметы или действия главных героев, называя цвета картины и в меньшей степени описывают целостное настроение картины. Оригинальных оценок здесь выявлено значимо меньше. Представленные результаты в оценивании картин подростками из Москвы и Алма-Аты далеки от исчерпывающих и требуют дальнейших исследований в данном направлении. Важно более подробно раскрыть полученные различия в оценивании картин с учетом стилей живописи. Однако, полученные региональные различия процесса оценивания позволяют объяснить различное усвоение культуры подростками из разных регионов, которые можно использовать при создании новых технологий обучения в условиях многонациональной страны.

Литература

Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей/Уч. пособие. — М.: Академия, 2002. — 320 с.

Волков Б.М. Восприятие предмета и рисунка - М.: Акад. пед. наук РСФСР, 1950 . - 508 с.

Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. Учебник для студентов вузов, М.: Академия, 1998 – С. 247-250.

Резванцева М.О. Психология оценивания в социальном взаимодействии М.: МГОУ – 2012. – 292 с

Шабельников В.К. Функциональная психология. - М.:Академический Проект, 2014.– 484 с.

Шабельников И.В. Особенности исследования межличностного отношения методом матричного анализа. М.: Вестник МГОУ, серия Психология, № 1 , 2006., С 33-42.

Сведения об авторе

Резванцева Марина Олеговна, кандидат психологических наук, доцент, Институт психологии им. Л.С. Выготского, РГГУ, Московский государственный областной университет, Москва

PSYCHOLOGICAL EVALUATION OF PEERS AD PICTURES BY TEENAGERS OF ALMA-ATA AND MOSCOW

Rezvantseva M.O.

Institute of psychology. L. S. Vygotsky, Russian state University for Humanities, Moscow state regional University, Moscow

Keywords: evaluation process, peers, paintings, correlation of estimates, awareness of the assessment criteria

Abstract. The article deals with the specifics of evaluation of peers and art paintings by teenagers from the Eastern and Western regions of the CIS, as the concretization of the ideas of Russian psychology about the social situation Of L. S. Vygotsky. A sample of 249 adolescents from Moscow and Almaty schools revealed the existence of significant differences in the assessment of classmates and paintings on the degree of coincidence of individual assessments of a teenager with the average group scores. Alma-ATA teenagers evaluate more homogeneously with the group, in contrast to the Moscow teenagers, who are dominated by heterogeneous, original evaluation. According to the degree of awareness of the evaluation criteria in relation to peers, Alma-ATA adolescents are dominated to a greater extent by normative-group definitions in contrast to Moscow adolescents who use normative-individual awareness of categories and give original answers. In understanding the assessment criteria of the paintings also obtained the significant differences at the Alma-ATA adolescents is the object of awareness, in contrast to Moscow, which prevails in subjective awareness and the original definition.

About author: Rezvantseva Marina O., candidate of psychological Sciences, associate Professor, Institute of psychology. L. S. Vygotsky, Russian state University for Humanities, Moscow state regional University, Moscow

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ С КЛИПОВЫМ МЫШЛЕНИЕМ

Бахадова Е.В.

Институт Психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва.

ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России, г. Москва

Ключевые слова: мышление, клиповое мышление, защитный механизм, информационные перегрузки, социо-культурный контекст, обучение

Аннотация. В статье рассмотрены различные виды и свойства мышления, в частности, мышление в новом современном социокультурном контексте, которое анализируется как клиповое и характеризуется фрагментарностью, алогичностью, поверхностностью восприятия информации, высокой переключаемостью между фрагментами информации и отсутствия связей между ними, а также выделяется связь клипового сознания со стереотипным мышлением и ризоматическим мышлением; психолого-педагогические аспекты вопросов обучения в контексте возникшего конфликта между современным индивидуальным стилем усвоения информации у школьников (клиповое мышление) и традиционной (линейной) подачей учебной информации; возникновение противоречий между различными формами познания и обучения. Автор размышляет о возможных путях и поисках новых методов обучения школьников, позволяющих развивать навыки анализа, синтеза, классификации информационного потока.

Состояние современного информационного пространства сильно изменило нашу жизнедеятельность: изменился способ передачи информации, изменило способ получения информации; доступность уже существующей информации и знаний стала практически тотальной, удовлетворяются потребности в информационных продуктах и услугах, доступ практически к любым мировым ресурсам; изменились способы взаимодействия и межличностных контактов. Информационное пространство претендует быть главным ресурсом человека.

Все это не могло не отразиться на человеке: меняется его антропологическая и социальная реальность. Меняется тип мышления, сегодня мы все чаще слышим о клиповости восприятия и мышления современного человека.

Слово «clip» в переводе с английского означает «фрагмент», «вырезка», «отрезок», «отрывок». В русской речи это слово стало активно использоваться в связи появлением

медиапродукции, где видеоряд представляет собой слабо связанные между собой образы, так начали строиться музыкальные видеоклипы в середине 90х годов XX века.

Клиповое мышление – это современный социально-психологический феномен, который стал предметом изучения философов, социологов, психологов, лингвистов, педагогов, предметом осознания влияния информационного пространства на человека. Все они сходятся на том, что появление клипового мышления − это ответ на возросшее количество информации. Из-за больших возможностей доступа к информации, все заинтересованные стороны владеющие информацией выработали универсальный способ ее подачи − в виде клипа − короткого набора тезисов, подающихся без определения контекста, так как в силу своей актуальности контекстом для клипа является объективная действительность.

Изначально предполагалось, что воспринимающие информацию понимают, о чем контекстуально идет речь. Именно таким образом информация может распространяться быстро и быть не утомительной для усвоения. Но с развитием киберпространства и СМИ клиповость, фрагментарность осталось, а вот контексты стали совсем не выявленными, особенно, если информация, касающаяся одного контекста, разнесена по времени и по содержанию. Так у человека создается иллюзия, что он все знает, он в курсе всех событий, но он не может соединить все разрозненные цепочки информации, соединить их в единые события, проанализировать их и иметь представление о целостном процессе. При этом важно отметить, что при столь избыточном наплыве хаотичной и не всегда нужной человеку информации, в таком случае, клиповое мышление выступает в роли защитного механизма от информационно-психологических перегрузок (Семеновских Т.В., 2014).

Значит клиповое мышление это не просто недостаток мышления, − это развитие одних когнитивных навыков за счет других.

Американский психолог Л. Розен «Я, мое пространство и я: воспитание сетевого поколения» («Me, MySpace, and I: Parenting the Net Generation») отмечает возросшую способность к многозадачности у нового поколения: «Дети Интернет-поколения одновременно могут слушать музыку, общаться в чате, бродить по сети, редактировать фотки, делая при этом уроки. Но, разумеется, платой за многозадачность становятся рассеянность, гиперактивность, дефицит внимания и предпочтение визуальных символов логике и углублению в текст» (Larry D. Rosen, 2007).

Другой известный ученый − канадский философ, культуролог, и литературовед Герберт Маршалл Маклюэн (1911-1980) выделил три этапа в развитии цивилизации, и четыре культурных революции, которые связывает с созданием новых технических средств в жизни общества: развитие письменности, изобретение книгопечатания,

открытие электричества и развитие электронных средств коммуникации. А все виды коммуникаций на разных цивилизационных этапах Макклюэн делит на визуальные и слуховые (Маклюэн М. 2005).

Он считает, что с появлением печатного станка, наступила эпоха индивидуализма и национализма, которая породила «типографского и индустриального» образованного человека. Это текстовая, слуховая культура. В результате развития электронных средств коммуникации, человеческое мышление возвращается к дотекстовой эпохе, и линейная последовательность знаков перестаёт быть базой культуры» (Маклюэн М. 2005).

В российском научном дискурсе клиповое мышление появилось в 2000-х годах , прежде всего антропо-философском осмыслении происходящих изменений в обществе (Гиренок Ф.И., 2002; 2016). В психологических отечественных исследованиях говорится о клиповости, как «фрагментарности», «дискретности», «мозаичности» восприятия (Гриценко И.А., 2012) , именуется как «кнопочное», «пиксельное» (термин изобретен писателем А. Ивановым (Журавлев 2014), «торопливое», предельно упрощенное (Кошель, Сегал 2015), и противопоставляя его понятийному, логическому, «книжному» мышлению (Р.М.Грановская). К.Г. Фрумкина, предлагает говорить не о «клиповом», но «альтернационном мышлении», где от «альтернация» – это чередование (Фрумкин К.Г., 2010).

А.Б. Фельдман отмечает, что клиповое мышление, как приспособленное мышление не позволяет человек длительное время сосредотачиваться на какой-либо информации, и у него снижена способность к анализу, человек оперирует только смыслами фиксированной длины. (Фельдман А.Б., 2015)

Само понятие клипа или фрагмента и клипового мышления характеризуется отсутствием контекста (от лат. «contextus» – тесная связь, соединение) – «обладающая смысловой завершенностью устная или письменная речь, позволяющая выяснить смысл и значение отдельных входящих в ее состав фрагментов».

Чем длиннее и сложнее текст, тем сложнее сформировать контекст. При клиповом мышлении понимание контекста затруднено и в результате клип не оставляет следов в связанной семантике явлений. И, несмотря на то, что клип −это форма репрезентации информации, все проблемы, связанные с этим подходом, возникают исключительно при интерпретации и отсутствии контекста (Семеновских Т.В., 2014).

По мнению Козловой О.Д., Киндеркнехт А.С, которые в своем исследовании опираются на работы Ж. Делёза и Ф. Гваттари внутри феномена клипового мышления с его плюсами и минусами прослеживается связь со стереотипами и ризомами. (Козлова О.Д., Киндеркнехт А.С, 2018).

Клиповое мышление − это мышление образами-картинками, отвергающее причинно-следственные связи и отношения, нередко отождествляется со стереотипным мышлением, в связи с тем, что именно стереотипы, общедоступные, облегчающие коммуникацию, навязанные массами послания и смыслы, занимают место связного свободного мыслительного процесса. Они не требуют мышления, но позволяют действовать на уровне социальных инстинктов. Стереотипное мышление нашего времени – это мышление слоганами, в которых место семантического слова занимает слово магическое.

Ризоматическая логика - это логика разветвленного мышления, нелинейных и неиерархических связей. Если понятийное мышление, иерархическое мышление представляют в образе «дерева цели» - дерева: с корнями, стволом и несколькими ветками, то ризома − разветвленное корневище, с его беспорядочностью, хаотичностью, ассоциативностью, случайностью, которые Ж. Делёз и Ф. Гваттари делают символом постмодернистской эстетики (Делёз Ж., Гваттари Ф., 2010). Ризома в постмодернизме уподобляется растению, которое стелется и переваливает через препятствия (борозды, канавы, ямы) именно из-за того, что его теснят, ограничивают, обступают со всех сторон так называемые «культурные» растения.

По мнению Мамардашвили М.К., ризоматическое мышление предполагает глубокую индивидуальную сосредоточенность, то самое «пребывание, дление в мысли и несворачивание с нее», в отсутствие которых обрабатываемый материал распадается на клипы – фрагменты, связь между которыми утрачена. (Козлова О.Д., Киндеркнехт А.С, 2018).

Оба типа мышления – ризоматический и клиповый – представляют современную альтернативу линейным структурам с жесткой осевой ориентацией. Однако для клипового мышления выстраивание целостности не является основной характеристикой – это в большей степени набор кадров, фрагментов, не всегда связанных между собой, не осмысляемых, а набираемых для быстрого запечатления в мозгу новой информации, тогда как для ризоматического мышления хаотическое ветвление представляет систему, для которой важно наличие множества узлов.

Таким образом, мы можем выделить основные характеристики клипового мышления: конкретность мышления, фрагментарность (отсутствие целостного восприятия), ориентация на понятия меньшей степени общности, алогичность, лабильность.

В связи со всеми вышеперечисленными свойствами нового типа мышления, клиповость вступает в конфликт с текстовой культурой, составляющей основу традиционного процесса образования. Разными авторами были выделены основные трудности, которые выступают на пути обучения и познания, это:

- дефицит внимания
- неспособность к восприятию длительной линейной последовательности, в том числе книжного текста.
- предпочтение визуальных символов логике
- запоминание большого количества информации без учета сущностного содержания;
- отсутствие системности мышления, снижение способности к анализу, податливость к манипуляциям и влиянию;
- скудный словарный запас, цитирование фразами из фильмов, афоризмов
- большая скорость обработки информации, быстрая реакция на стимулы и изменения, в сочетании с гиперактивностью и рассеянностью,
- бедность мимики и эмоций;
- поспешные суждения и выводы;

С одной стороны, многие исследователи образования пишут и говорят о том, что школа и высшая школа опираясь на традиционную, образовательную парадигму, которая, будучи устойчивым, сложившимся явлением, крайне медленно реагирует на стремительные
изменения современного общества, где информация является главным ресурсом. (Семеновских Т.В., 2014). В то же время, по мнению Р.М. Грановской, школа, которая

провозглашает принцип линейной подачи информации и линейного систематического образования, на деле ориентируется на фрагментарное усвоение материала, без развития у учеников навыков анализа получаемой информации, выстраивания связей между разделами того или иного предмета (Грановская Р.М., 2013).

Существует небольшое количество школ, которые пытаются идти в ногу со временем и его запросом, учитывать особенности мышления современных детей и молодежи и при этом развивая навыки критического мышления у учащихся. Можно выделить следующие приемы и методы:

- игровые методы обучения, в социо-игровых и межгрупповых формах обучения, где во взаимодействии со сверстниками ребенок научается выражать свои мысли, формулировать и отстаивать их;
- различные способы визуализации, с добавлением динамичных творческих заданий.
- разложение текста на фрагменты с яркими, четкими, образными, формулировками, которые имеют эмоциональное воздействие на ребенка.

Для среднего школьного возраста добавляются такие методы как:

- Использование групповых форм работы − дискуссия; мозговой штурм, дебаты, круглый стол;
- наглядные эксперименты;
- конспектирование и реферирование текстов, нахождение ключевых мыслей, слов, концептов;
- использование метода интеллектуальных карт, mindmapping (ментальные карты).
- метод зеркальной аудитории (flipped classroom): дома учащиеся самостоятельно читают учебники, смотрят видео, а в школе прорабатывают непонятные вопросы.

Для старшего школьного возраста возможны в использовании такие методы как:

- использование технологий развития критического мышления: умение ставить проблему в тексте, оценка и поиск альтернативных решений;
- графическая техника «Фишбоун» или «Рыбий скелет», которая помогает структурировать процесс более глубоко, поставить цели, показать внутренние связи между разными частями проблемы;

- Метод «шести шляп» – это психологическая ролевая игра Э. де Боно., где шляпы — это шесть различных точек зрения, разных подходов к рассматриваемой проблеме

Таким образом, в результате анализа феномена клипового мышления и трудностей, возникающих в психолого-педагогическом аспекте проблемы, представляется наиболее вероятным понимать клиповое мышление, как новое свойство мышления – как ответ психики человека на новый социокультурный контекст, в качестве защитной реакции на перегрузки в условиях информационного образа жизни ребенка, подростка, молодежи, клиповое и целостное мышление не являются взаимоисключающими, а работа по тренировке мышления − возможна.

Литература

Гиренок Ф.И. Антропологические конфигурации философии // Философия науки. – Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. – М.: ИФ РАН, 2002. С. 415-4

Грищенко И.А. Клиповое мышление – новый этап развития человечества // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 4.С. 71–74.

Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. – М.: Астрель, 2010. – 896

Кошель В.А., Сегал А.П. «Клиповое мышление» как форма обыденного сознания // Международный академический вестник. 2015. № 4 (10). С. 15–23.

Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. (The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man). – М.: Академический проект, 2005. – 496 с.

Семеновских Т.В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // Интернет-журнал «Науковедение». Выпуск 5 (24), сентябрь – октябрь 2014. URL:https://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf

Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. – М.: АСТ, 2002. 57 с.

Фельдман А.Б. Клиповое мышление. – Режим доступа: http://ruskolan.xpomo.com/tolpa/klip.htm

Фрумкин К.Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста. // Топос: литературно-философский журнал. 2010. №9. http://www.topos.ru/article/7371 (

Larry D. Rosen. Me, MySpace, and I Parenting the Net Generation. – Palgrave Macmillan, 2007. P. 11-13.

Сведения об авторе

Е.В. Бахадова, канд.психол.наук, преподаватель кафедры психологии и педагогики образования Институт Психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного

гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва. Старший научный сотрудник ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России, г. Москва. e-mail: bach-ev@mail.ru

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF TEACHING SCHOOLCHILDREN WITH CLIP THINKING

Bakhadova E.V.

Institut of Psychology L.S. Vygotsky Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia

FSBE «The Central scientific research institute of the organisation and public health services information» Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow

Keywords: thinking, video thinking, stereotyped thinking, resolutionthe thinking, socio-cultural context, learning.

Abstract: The article deals with different types and properties of thinking, in particular thinking in the new modern socio-cultural context, which is analyzed as a clip and is characterized by fragmentation, illogicality, superficiality of perception of information, high switchability between fragments of information and the lack of links between them, as well as the connection of clip consciousness with stereotyped thinking and rhizomatic thinking; psychological and pedagogical aspects of learning in the context of the conflict between the modern individual style of assimilation of information in students (clip thinking) and traditional (linear) supply of educational information; the emergence of contradictions between different forms of knowledge and learning. The author reflects on possible ways and search for new methods of teaching students to develop the skills of analysis, synthesis, classification of information flow.

About author: Bakhadova E.V., PhD in psychology, educator department of psychology and pedagogy of education Institut of Psychology L.S. Vygotsky Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia; Senior researcher FSBE «The Central scientific research institute of the organisation and public health services information» Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow. E-mail: bach-ev@mail.ru

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

Арсеев И.И.

РГГУ, Москва

Ключевые слова: современные технологии, творческий подход, самосознание, мотивация, стереотипы.

Аннотация: в статье рассматриваются специфические черты традиционной системы образования и предлагается возможные способы ее пересмотра в свете развития современных технологий, особенностей мотивации студентов, необходимости содействия их личностному росту, важности включения в учебный процесс игровых и творческих видов деятельности. Автор предлагает примеры конкретных приемов и способов обучения, основанные на опыте преподавания ряда курсов в Институте психологии им. Выготского. Фактически, рассмотрение образовательных технологий в данной статье дает возможность говорить о столкновении разных субкультур в рамках учебного процесса (Классический Преподаватель и Современный Студент) и об организации диалога между ними.

Гераклит учил нас о том, что жизнь изменчива и в одну и ту же реку не войдешь дважды. Однако, несмотря на новые ФГОС, отечественная система образования зачастую именно это и пытается сделать - по сути, она продолжает поддерживать стандартную для советских времен учебно-центрированную модель, которая делает основной упор на фронталуьное обучение, механическое запоминание информации, авторитарную психологию и оценочный характер отношений между учителем и учеником. Риски такого подхода очевидны: тревожность, резкое снижение познавательного интереса и творческой активности, ограниченность мышления и отсутствие собственного мнения, ориентация на внешнюю оценку и неумение опираться на полученные знания в решении профессиональных и повседневных задач.

Подобная стратегия не учитывает (или учитывает формально) стремительное развитие современных технологий, обеспечивающих легкий доступ к любой информации, что лишает смысла простое переписывание слов преподавателя или текстов учебных пособий. Это также лишает смысла любые задания реферативного типа; в итоге получается, что учебный процесс превращается в своего рода игру, где преподаватель делает вид, что сообщает нечто важное и строго проверяет своих учеников, а те, в свою

очередь, делают вид, что задумываются об этом и легкими нажатиями нескольких кнопок выдают чужие мысли за свои.

Другой фактор, который не учитывается в таком подходе к образованию - это особенности мотивации современных учеников; в большинстве случаев они не готовы покорно следовать за своего рода проповедью учителя, уткнувшись в книжки и тетрадки и не задавая вопросов. С одной стороны, они могут показаться довольно инфантильными, но с другой, являются более гибкими и непосредственными, что можно быть значимым фактором успешного обучения, рассчитанного не на сдачу экзаменов, а на формирование полноценной, развивающейся и адаптивной личности со сформированной мета-позицией и способностью применять полученные знания на практике. Однако для этого им необходима помощь в организации рефлексии и развитии самосознания, что является одним из ключевых мета-предметных навыковс

Наследие отечественной модели развития и обучения сказалось и в том, что учителя и преподаватели часто недооценивают роль игрового компонента в образовании; они как бы обращаются к некоему виртуальному ученику, который самозабвенно занимается учебной или учебно-профессиональной деятельностью, черпая из нее же вдохновение и силы. Говорим ли мы тут о культурно-исторических условиях или об особенностях человеческой личности в целом, но все же опыт общения с современными детьми и молодыми людьми убеждает, что эмоциональная включенность, закрепление и эффективное усвоение новых знаний обеспечивается, в том числе, применением игровых и творческих методов обучения - причем вне зависимости от хронологического возраста учеников.

Далее мы рассмотрим альтернативные педагогические возможности в современной ситуации, опираясь на три ключевых пункта: современные технологии, развитие осознанности и творческий подход. Основой для этого послужит опыт занятий, проводимых со студентами Института психологии им. Л.С. Выготского в рамках таких курсов, как: "История психологии", "Педагогическая психология", "Введение в профессию", "Основы психологического консультирования" и др.

Современные технологии. Первое, что тут нужно учесть, как мы уже говорили, - низкая педагогическая ценность учебных задач, связанных с поиском, фиксацией и компиляцией конкретной информации. Раньше, когда для этого нужно было идти в библиотеку, конспектировать статьи и монографии, шанс того, что ученик при этом повысит качество своих знаний, был несколько выше. Сейчас это вопрос нескольких запросов к поисковым системам. Особенно такие задания теряют смысл, если мы говорим о дистанционных формах обучения; все, что они показывают - это способность

пользоваться компьютером и интернетом. Понимание предмета и мыслительный процесс таким образом ни оценить, ни развить, в большинстве случаев, нельзя. Скорее, учебные задачи должны носить такой характер, чтобы конкретная информация была только средством для их решения, но никак не самоцелью.

Например, студентам можно предлагать объединяться в небольшие подгруппы, у каждой из которых будет цель ознакомиться с определенной темой в рамках самостоятельного исследования ресурсов Сети (это могут быть тематические видеоматериалы, описания экспериментов, необычные примеры, биографии и т.д.), а затем в интересной и доступной форме представить найденную информацию остальным участникам, а также использовать найденную информацию как материал для ответа на вопросы, поставленные уже непосредственно на занятии. Тут можно предлагать использовать компьютерные презентации, составленные с учетом ключевых правил: яркость, краткость, информативность. Эту технологию, конечно, не помешает применять на регулярной основе и самому преподавателю - что, собственно, относится и к использованию тех же ресурсов Сети в виде изображений, видео и т.д.

Другой аспект использования современных технологий может быть в том, чтобы выносить учебный процесс в виртуальное пространство - например, создавать специальные группы в социальных сетях, делиться со студентами ссылками на полезные материалы, открывать доступ к Google-таблицам, где студенты могут отслеживать свою успеваемость, проводить тесты в онлайн-режиме или рассылать материалы и вопросы по электронной почте, чтобы не плодить ненужной бумажной работы и ускорить процесс освоения курса.

Развитие осознанности. Самым простым способом в данном случае является, конечно, беседа со студентами - не только и не столько в контексте провеки их знаний, но как рассуждение на затронутые в курсе темы, обозначение их связи с жизнью и профессиональным будущем слушателей, соединение полученных знаний и общего опыта для решения разного рода учебных задач. Одной из обычных практик в наших курсах является рефлексия своего состояния в начале и конце каждого занятия; студенты призываются попробовать прислушаться к себе и обозначить ключевые мысли, чувства и ощущения, которые наиболее ярко "звучат" в них в данный момент времени - избегая при этом формальных ответов вроде "все нормально" или "все хорошо" (тут можно спросить - а как Вы ощущаете, что Вам нормально? Что для Вас служит признаками того, что все хорошо?). Конечно, такое упражнение может подойти не всем - даже студентам-психологам, для которых рефлексия является ключевым профессиональным навыком, оно подчас дается с большим трудом; однако с каким бы курсом и специальностью мы не

работали, всегда можно найти возможность для обратной связи со стороны слушателей - например, раздавая небольшие анонимные анкеты в конце курса (кстати, можно делать и виртуальные опросы). Обычно студенты довольно активно отзываются на возможность выразить свое мнение, которое, как ни парадоксально, у них редко спрашивают. Если подобной обратной связи нет совсем, то растет риск психологической инфляции преподавателя, уверенного в собственной экспертности, и его позиция в учебных отношениях как бы аутизируется - получается, что его не очень интересует, как и кто его слушает; как материалы курса воспринимаются и переживаются студентами; что можно было бы улучшить или в чем проявить индивидуальный подход к данной конкретной группе или конкретному ученику. Подобную ситуацию, как это ни печально, мы можем часто наблюдать на профессиональных конференциях.

Творческий подход. Поскольку основной задачей образования в современных условиях можно считать развитие так называемых мета-навыков или умения работать с информацией и преобразовывать ее, логичным подходом к подаче учебного материала будут задания, требующие нестандартных решений, связанные с актуальной ситуацией развития студентов и их культурным полем, способствующие эмоциональной включенности в работу. Так, в качестве проверки и закрепления пройденных тем можно использовать механику популярных игр вроде "Пойми меня" или "Активити". Это может выглядеть так: студенты объединяются в небольшие группы и представили от каждой по очереди подходят к столу и выбирают наугад карточку с одним из пройденных понятий. Далее они в течение минуты должны объяснить это понятие другие участникам своей группы, пользуясь одним из трех способов: рассказом; жестами; рисунком. После этого группе задается вопрос, уточняющий данное понятие, за который можно заработать дополнительные очки. Другим вариантом может быть иллюстрация каждого сегмента теоретического материала каким-либо упражнением, которое бы его иллюстрировало. Так сухая теория обрастает эмоциональным содержанием и связями с непосредственным опытом. На семинарах по психологическому консультированию мы также часто работаем с сериалами и фильмами, которые можно анализировать с точки зрения личностных особенностей персонажей и структуры практической деятельности психолога (например, в сериале "Лечение" ("In treatment")); иногда в качестве задания на проработку той или иной темы предлагается найти примеры, которые бы могли ее раскрыть, среди хорошо знакомых студентам произведений, персонажей, повседневных реалий или даже компьютерных игр.

Таким образом, современность бросает системе образования своего рода вызов - готовы ли мы будем проявить гибкость и выйти из зоны комфорта педагогических

стереотипов и собственных проекций? Если да, то учебная деятельность может стать мощнейшим ресурсом как профессионального, так и личностного развития для всех вовлеченных в нее участников.

Литература

Млодик И.Ю. Школа и как в ней выжить. М.: «Генезис», 2018.

Хендерсон Дж. Психологический анализ культурных установок. М.: «КДУ», 2014.

Сведения об авторе

Арсеев Иннокентий Иварович, старший преподаватель кафедры психологии личности РГГУ, i.arseev@gmail.com

TRANSFORMATION OF EDUCATION: SPECIAL FEATURES OF A MODERN STUDYING PROCESS

Arseev I.I.

RSUH, Moscow

Key words: modern technologies, creative approach, self-awareness, motivation, stereotypes.

Abstract: the article contains description of the specific features of the traditional educational system and offers some possible ways of its reorganization, which would take into account modern technologies, changes in student motivation, self-development, educational potential of games and creative activity. The article is based on several examples of alternative educational approach, which was applied in some courses at the Institute of Psychology. In fact, it's possible to say, that this article shows a conflict between different subcultures (Traditional Teacher and Modern Student) and, also, a possibility of a dialogue between them.

About author: Arseev Innokentii Ivarovich, senior lecturer of RSUH (Psychology of Personality Department), i.arseev@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ И АКТЕРОВ

Колда А.А.

ГБОУ Школа №843, Москва

Ключевые слова: субкультура, ролевое движение, идентичность, актер, ролевик.

Аннотация. Рассматривается субкультура ролевого движения как пространство социализации молодежи в условиях транзитивности. Ролевые игры анализируются не только с точки зрения адаптации к действительности, но и как специфическая форма взаимодействия с миром, помогающая игрокам выстраивать собственную идентичность. Предполагается, что возможность ролевого экспериментирования создает пространство для «игры идентичностей». Демонстрируются сходства и различия между ролевиками и актерами как участниками специфической деятельности, связанной со сменой образов и ролей.

Под ролевой игрой понимается вид досуга, заключающийся в воспроизведении некоторых жизненных ситуаций, закрепленных в конкретном сюжете с применением формальных моделей и при участии ведущего, исполняющего обязанности сценариста и судьи. Важно отметить, что данный термин касается узкого направления, называемого иначе «полигонные ролевые игры», тогда как под термином «ролевые игры» понимается более широкий круг игр, связанных с выбором той или иной роли (настольные, компьютерные и т.д.). Тем не менее, полигонные ролевые игры составляют ядро ролевого движения и обозначение «ролевик» применяется прежде всего к людям, участвующим в полигонных играх живого действия (live action role playing).

Ролевая игра как отдельный вид досуга возникла в 70-х годах в США вместе с выходом настольной словесной ролевой игры «Dungeons&Dragons», которая мгновенно стала популярной. Полигонные ролевые игры в России появились в 90-е годы вместе с проникновением других культурных феноменов Запада. Специфика ролевой игры как ухода от повседневности на фоне политического и общественного кризиса того времени привели к тому, что субкультура ролевых игр быстро привлекла молодежь.

Помимо России и стран бывшего СНГ ролевые игры живого действия распространены в Западной Европе, США, Канаде, Израиле и Австралии.

За последние десятилетия из закрытой, элитарной субкультуры ролевое движение превратилось в вид досуга, доступный любому желающему. Наблюдается стремление данной субкультуры к диалогу с базовой культурой и социализации в ней (Писаревская Д.Б., 2011), что объясняет возрастающий исследовательский интерес к ролевому движению. В частности, в Скандинавии сложилась традиция изучения ролевых игр. По результатам ежегодной конференции Knutepunkt издается сборник научных статей, посвященных этой тематике.

В отечественной науке интерес к ролевому движению проявляют социологи, историки, культурологи, фольклористы. В историографическом исследовании Славко М.А., помимо поиска истоков и попытки периодизации развития данной субкультуры, уделяется внимание мотивации участников (Славко М.А., 2007). В социологических исследованиях рассматривается социализация молодежи в рамках ролевой субкультуры (Медведев Е.А., 2004), а также особенности социальной идентичности участников ролевого движения (Орлов Д.В., 2009).

Наиболее полное и системное исследование ролевого сообщества проведено Писаревской Д.Б., изучавшей его в период с 2005 по 2009 гг. В данном социально-антропологическом исследовании были изучены направления социализации в ролевом движении, диалог как между представителями субкультуры из разных стран, так и диалог между субкультурой ролевых игр и базовой культурой, а также описаны ритуализированные практики и фольклор ролевого движения (Писаревская Д.Б., 2011).

Психологических исследований данного феномена крайне мало. В исследовании Щербачева В.В. (2014) важнейшей психологической чертой участников ролевого движения считается внутренний конфликт между потребностью в признании и восхищении и восприятием окружающей среды как враждебной. Автор предполагает, что ролевая игра способствует уходу от реальности, с одной стороны, а с другой стороны, дает возможность через проигрывание социальных ситуаций адаптироваться к окружающей среде (Щербачев В.В., 2014).

Таким образом, все исследователи сходятся на том, что ролевое движение так или иначе носит адаптирующую и социализирующую функции. При этом авторы уделяют мало внимания непосредственно представлениям о себе участников ролевого движения и тому, как смена образов и ролей влияет на формирование идентичности ролевиков. В нашем исследовании предпринята попытка определить эти особенности.

Согласно Полевой Н.С., существует две основные стратегии построения идентичности. Первая стратегия – это стратегия социальной идентичности, при которой индивид выбирает группу для идентификации, а представления личности о себе

соотносятся с образом Я глазами другого. Второй тип – стратегия личностной идентичности или смещение баланса в сторону личностной составляющей (Полева Н.С., 2018). В данном контексте социализирующая функция ролевых игр может приводить к смещению баланса у их участников в сторону социальной, а не личностной идентичности. Необходимость выполнения множества ролей может вылиться в кризис идентичности. С другой стороны, вариативность и множественность выборов для идентификации, характерная для современного транзитивного общества, предоставляет широкий спектр возможностей реализации своего Я при сохранении целостности идентичности.

Процедура исследования

Целью данного исследования является изучение особенностей идентичности участников ролевого движения. Из-за психологической специфики субкультуры ролевиков сравнивать их с людьми, не участвующими в ролевых играх, кажется некорректным. В связи с этим сравнение проводилось между группами ролевиков и актеров как между представителями двух специфических форм деятельности, связанной со сменой образов и ролей.

Данное исследование носило поисковый характер и не ставило четких гипотез, за исключением того, что у ролевиков в силу социализирующей функции ролевых игр будет доминировать стремление к стратегии социальной, а не личностной идентичности, в то время как у актеров, вероятно, будет наблюдаться обратная тенденция.

В исследовании использовались следующие методики:

1. Методика «Кто я» (М.Кун, Т.МакПартленд, модификация Т.Д.Марцинковской) для определения структуры и содержания идентичности.
2. Опросник «Сила Эго» (Адамс и Маршалл, модификация Т.Д.Марцинковской, О.В.Гавриченко) для исследования структурно-функциональных особенностей идентичности.
3. Краткий опросник Большой пятерки для выявления личностных особенностей.
4. Модифицированная русскоязычная версия опросника М. Берзонски «Стили идентичности» для выявления когнитивного стиля построения идентичности.
5. Методика для изучения уровня коммуникативного контроля М.Шнайдера.

В исследовании приняли участие 55 человек из разных городов России в возрасте от 18 до 35 лет, из них 38 респондентов – участники ролевого движения, 17 респондентов – актеры. Помимо разделения на группы ролевиков и актеров, респонденты были разделены на неофитов и экспертов в зависимости от стажа участия в ролевой или актерской деятельности. Проводилось сравнение по критерию Манна-Уитни, а также корреляционный анализ по критерию Спирмена.

По методике «Кто Я» нами были выделены такие параметры, как общее количество самоописаний, представленность личностных и социально-ролевых самоописаний, а также, в связи со спецификой выборки, наличие метафор и образов в самоописаниях. По результатам сравнения выявлены значимые различия по представленности личностных самоописаний – у актеров их значимо больше. Других значимых различий между группами ролевиков и актеров по данной методике не обнаружено, однако значимыми по представленности метафор и образов в самоописании оказались различия между группой неофитов-ролевиков и экспертов-ролевиков.

Показано, что у ролевиков с большим стажем участия в ролевом движении присутствует гораздо больше описаний себя посредством различных образов. При этом также обнаружена корреляционная связь между стажем и показателем гармонии (Сила Эго). Представляется, что большой опыт участия в ролевых играх предоставляет респондентам широкий репертуар ролей, обладающих значимостью при определении себя и гармонично вплетающихся в образ себя. Это подтверждается и данными сравнительного анализа: показатель гармонии у экспертов-ролевиков значимо выше, чем у неофитов.

Интересно, что у некоторых респондентов-ролевиков возникли серьезные затруднения с определением себя. Как минимум у восьми респондентов встречались ответы «не знаю», «непонятен вопрос», «я человек», «я личность», «я это я», в то время как среди актеров таких ответов не было. Кроме того, встречались ответы, характеризующие респондентов как искателей собственного я («человек, который ищет себя»). У такого результата могут быть два объяснения:

1. Стремление к социальной идентичности может привести к возникновению «лабиринта идентичностей» и кризису, в результате которого теряется понимание себя.
2. Участниками ролевого движения становятся люди, находящиеся в поиске себя.

При этом между ролевиками и актерами были обнаружены значимые различия по шкале цели (Сила Эго). Смысл и направление деятельности у ролевиков совпадают значимо чаще, чем у актеров. Возможно, это связано с тем, что выбор ролевой деятельности для участника ролевого движения несет более личностный смысл, чем для актера, который воспринимает свою деятельность с профессиональной точки зрения.

Анализ взаимосвязей между личностными особенностями и особенностями идентичности показал, что ролевики с высоким показателем экстраверсии обладают более высоким коммуникативным (Шнайдер) и личным (Сила Эго) контролем. Также ролевиков с высоким личным контролем отличает добросовестность и открытость опыту. Обнаружена взаимосвязь между стажем и показателями «кто я» и «будущее» (Сила Эго) у актеров. Иными словами, с увеличением опыта у актеров растет понимание себя и своей

личностной структуры, а также способность к осознанию своего потенциала и будущих возможностей.

Важно отметить, что большая часть респондентов из обеих групп показала высокие результаты именно по шкале «открытость опыту». Данный результат представляется очевидным: и актерская, и ролевая деятельность предполагает творческие стремления и оригинальность. Другие личностные характеристики у данных групп не совпадают.

И ролевики, и актеры показали преобладание информационного стиля идентичности. Данный когнитивный стиль характеризует людей, которые стремятся получить максимум информации прежде, чем принять решение о важности той или иной информации или ценности ее для своей личности.

Также у обеих групп респондентов выявлен высокий показатель коммуникативного контроля. Такой показатель отличает людей, следящих за собой; знающих, как вести себя в различных социальных ситуациях; умеющих управлять своими эмоциональными проявлениями.

Выводы

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

Несмотря на социализирующий компонент в субкультуре ролевого движения, выраженного стремления к социальной идентичности у ролевиков не наблюдается. Судя по всему, участниками ролевого движения становятся люди, находящиеся в поиске себя. Со временем отыгрываемые образы и роли гармонично встраиваются в личностную идентичность и способствуют определению себя. У актеров наблюдается похожая тенденция: с увеличением стажа актерской деятельности возрастает понимание себя и своих будущих возможностей в профессиональной сфере.

1. Смысл и направление деятельности у ролевиков совпадают значимо чаще, чем у актеров. Возможно, это связано с тем, что выбор ролевой деятельности для участника ролевого движения несет более личностный смысл, чем для актера, который воспринимает свою деятельность с профессиональной точки зрения.

2. И ролевики, и актеры продемонстрировали высокие показатели коммуникативного контроля, открытости опыту, а также преобладание информационного стиля идентичности. Таким образом, люди, которые занимаются специфической деятельностью, связанной со сменой образов и ролей, отличаются оригинальностью, творческим началом и открытостью новому. При этом новая информация фильтруется ими для дальнейшей интеграции в ценностно-смысловую сферу.

Литература

Белинская Е.П., Бронин И.Д. Адаптация русскоязычной версии опросника стилей идентичности М.Берзонски // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 34. С. 12. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 20.02.2019).

Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Апробация краткого опросника Большой пятерки (TIPI, КОБТ) // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 46. С. 5. URL: http://psystudy.ru

Орлов Д.В. Субкультура ролевиков в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. соц. наук, Саратов, 2009.

Писаревская Д.Б. Субкультура ролевых игр в современном обществе. – М.: ИЭА РАН, 2011.

Полева Н.С. От идентификации к идентичности // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 58. С. 3. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 25.02.2019).

Славко М.А. Ролевое движение в России в 1990–2006 годах. – Тверь: ТГУ, 2007.

Щербачев В.В. Индивидуально-психологические особенности участников субкультуры ролевых игр живого действия // Ярославский педагогический вестник – 2014 – № 3 – Том II (Психолого-педагогические науки).

Сведения об авторе

Колда Анастасия Александровна, аспирант психологического факультета ИП РГГУ, педагог-психолог ГБОУ Школа №843. Dalokanastasia@gmail.com

A COMPARATIVE STUDY OF THE INDENTITY OF THE REPRESENTATIVES OF ROLE-PLAYING AND ACTORS

Kolda A.A.

School №843, Moscow

Key words: subculture, role-playing, identity, actor, role player.

Abstract. The subculture of the role movement is considered as a space for the socialization of young people in the conditions of transitivity. Role-playing games are considered not only from the point of view of adaptation to reality, but also as a specific form of interaction with the world that helps players build their own identity. It is assumed that the possibility of role-playing experimentation creates space for the "game of identities." Shows the similarities and differences between the roles and actors as participants in specific activities related to the change of images and roles.

ОСОБЕННОСТИ ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СООБЩЕСТВА НАСТОЛЬНЫХ ВАРГЕЙМЕРОВ

Антонов Д.Д., Кузьмина К.А.

Институт психологии им. Л.С.Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Ключевые слова: варгеймеры, моделирование, осознанная саморегуляция поведения, оценка результатов, планирование, программирование, профиль саморегуляции, психическая саморегуляция

Аннотация. Работа посвящена исследованию особенностей психической саморегуляции у представителей настольных варгеймеров. Описан профиль саморегуляции варгеймеров, сильными чертами которого являются развитые процессы моделирования, программирования и оценки результатов, а основной слабостью - неразвитый процесс планирования.

Аудиторию настольного варгейма можно рассматривать как представителей особой субкультуры, имеющей относительно постоянный состав, собственную систему взглядов и убеждений, свой образ жизни, демонстрирующей иную модель поведения и организации досуга, воспринимаемую в обществе как чудачество и инфантилизм.

Сообщества игроков объединяют людей из разных районов Москвы, Московской области и ряда регионов, включая страны бывшего СНГ (Белоруссия, Украина). Для связи между собой игроки используют группы Вконтакте, Telegram, Discord и другие мессенджеры и приложения.

Варгейм (от англ. war – война и game – игра) – военно-тактическая игра, имитирующая военный конфликт. Настольный варгейм подразумевает наличие моделей (миниатюр) и правил, где описано, как эти модели действуют. Цель варгейма – победа над оппонентом, которая достигается уничтожением определенной модели противника и (или) набором victory points (победных очков) за выполнение миссий. Правила не могут учесть все варианты развития игровых событий, поэтому игроки должны уметь договариваться в спорных моментах и не превращать игру в состязание воли, так как на первом месте стоит не победа любой ценой, а дружественное времяпровождение. Ключевой особенностью варгейма является согласие на моделирование в игровом пространстве обоюдного насилия, в ходе которого стираются грани между «черным» и «белым», «хорошим» и «плохим» [1].

В каждом коммьюнити варгеймеров свой особый социально-психологический климат. Поведение игрока за столом фиксируется другими членами сообщества, и если тот нарушает принятый в нем этический кодекс, то подвергается общественному порицанию и другим видам санкций (свои методы борьбы с инакомыслящими и «еретиками»).

Производители варгеймов ориентируются на возрастной диапазон 14—30 лет, однако самым младшим представителям субкультуры около 20-23 лет, а старшим ближе к 40-45 годам. Половой состав игровых сообществ однороден, девушки встречаются очень редко. Некоторые игроки имеют свои семьи. Если анализировать сферу занятости игроков (финансовая аналитика, менеджмент, юриспруденция, прикладная физика и математика), можно предположить, что варгеймеры - преимущественно люди с логическим типом мышления.

В сообществе варгеймеров выработан свой особый язык, не понятный людям без игрового опыта. Используемые слова - преимущественно англицизмы и неологизмы, русифицированные названия персонажей или игрового эффекта. Также игроки редко афишируют свои имена, предпочитая никнеймы, производные от имен персонажей аниме,

научной фантастики, фэнтези в зависимости от образования, сфер интересов и специфики окружения.

К сожалению, научных исследований данной субкультуры не проводится, если и предпринимаются попытки, то они преимущественно касаются классификации существующих жанров игровых систем. К ним относятся статья А.Данилеца, о развитии настольных игр в РФ [4] и опубликованная в журнале «Мир фантастики» работа Г.Григорьева [3]. Остальная информация носит несистематизированный и субъективный характер.

Существует также весьма любопытное мнение, требующее серьезной проверки и подтверждения, согласно которому настольный варгейм – это своего рода религия, где сами миниатюры - религиозная атрибутика, а манипуляции с игровыми аксессуарами (количество встряхиваний кубиков перед броском, их цвет, форма и т.д.) напоминают религиозные обряды или ритуалы [2]. Увы, утверждать это с полным правом мы не можем, поскольку вынуждены использовать информацию из интернет ресурсов, записей на форумах и страничек в социальных сетях.

Выборка и методика.

Данное исследование следует отнести к пилотажному, поскольку оно является попыткой наметить основные направления для более глубокого изучения. Этим обусловлена небольшая численность выборки и одна использованная методика.

В исследовании приняли участие 23 представителя субкультуры настольных варгеймеров в возрасте от 23 до 43 лет.

Для диагностики особенностей психической саморегуляции использовался опросник Моросановой В.И. «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ-98) [6].

Результаты исследования и их обсуждение.

Цель исследования - выявление особенностей в структуре психической саморегуляции респондентов субкультуры варгеймеров.

Согласно полученным данным у варгеймеров в целом слабо развита потребность планирования своей деятельности, в ряде ситуаций они не могут или не хотят сформировать продуманную программу собственных действий, им проще и приятнее действовать импульсивно, в случае неудач возможно застревание на стадии проб и ошибок без коррекции самой программы действий. Из-за слабо развитой потребности в планировании будущего, варгеймеры могут больше ориентироваться на ситуацию и мнение окружающих людей, а компенсаторные процессы у них идут гораздо труднее, чем у людей с высоким уровнем саморегуляции.

Профиль саморегуляции варгеймеров близок к типичному профилю саморегуляции, описанному В.И.Моросановой, для которого характерны развитые процессы моделирования, программирования и оценки результатов, сформированных на среднем уровне, при сравнительно невысоком участии звена планирования. Из-за низкого уровня развития планирования они в основном ориентируются на краткосрочную перспективу. В деятельности стараются избегать шаблонов и готовых решений, поэтому пытаются разнообразить способы решения задач. Часто могут быть небрежны и нарушать сроки выполнения обязательств, а также испытывать трудности в организации своей работы и времени. При этом можно предположить, что варгеймеры легко загораются общими увлечениями и в целом позитивно смотрят на мир. Слабо развитое звено планирования при данном профиле саморегуляции возможно компенсировать через звено «программирование», но такой вариант не всегда возможен и эффективен, поскольку данный компонент системы саморегуляции является наиболее слабым в таком сочетании регуляторных процессов [5], [7].

Выявленные регуляторные особенности можно связать со спецификой игровой деятельности варгеймеров. Привыкая в игре к постоянной неопределенности, к проигрышам, не несущим реальной угрозы, игроки могут переносить этот принцип на реальную жизнь, проявляя фатализм и недисциплинированность. Это вызывает недоумение, поскольку для варгеймеров, принявших участие в нашем исследовании, характерны профессии, не допускающие импульсивности, а небрежность в профессиональной деятельности влечет за собой реальную ответственность. По-видимому, такие особенности саморегуляции можно рассматривать как определенную форму психологической защиты. Поэтому в клубе варгеймеры как будто бы отпускают себя, регрессируют до подросткового возраста, проявляют спонтанность, которую можно принять за инфантилизм.

При этом, независимо от уровня сформированности саморегуляции, для данного профиля характерны высокая гибкость и средний уровень самостоятельности. По всей видимости, это тоже можно объяснить спецификой игровой деятельности варгеймеров, которая заключается в использовании разного рода рандомизаторов, т.е. средств, определяющих случайным образом вероятность осуществления игрового события или эффекта (игральные кубики (кости), карты инициативы и т.д.) Опытные игроки умеют просчитывать вероятность необходимого им события, оперируя знаниями статистики, но застраховаться от неуспеха они не в состоянии. Поэтому очень важно умение быстро реагировать на непредвиденные ситуации, оборачивать провал в свою пользу, «вытягивать» партию на последнем ходу. Как раз эти регуляторные свойства и описывает

шкала гибкость, подразумевающая оперативную перестройку программы исполнительских действий при изменении наличных условий. Средний уровень самостоятельности означает некоторое промежуточное положение между полностью независимым оригинальным выдвижением целей и их осуществлением и ориентировкой на мнение других.

В работах В.И. Моросановой типичные профили саморегуляции имеют свое описание и номерное обозначение, но лишены метафоричного названия, раскрывающего суть явления [5]. Применительно к субкультуре настольных варгеймеров, типичный профиль № 4 может получить рабочее определение: профиль «Здесь и сейчас». В данном контексте «здесь и сейчас» означает строить программу своих действий, исходя из имеющихся в наличии ресурсов, решать логическую задачу с постоянно обновляющимися условиями, уметь своевременно и адекватно реагировать на динамику ситуации и извлекать из нее максимальную личную выгоду.

Выводы:

1) Процессы саморегуляции варгеймеров описываются наиболее близким по выраженности своих компонентов типичным профилем № 4, сформированным на среднем уровне.

2) Сильными сторонами в психической саморегуляции варгеймеров являются регуляторные процессы моделирования, программирования, оценки результатов и такие регуляторные свойства, как гибкость и самостоятельность. Компенсация слабо развитого звена планирования возможна через развитие программирования, что составляет определенную сложность, поскольку программирование в данном профиле является наиболее слабым из основных звеньев.

Литература

Белавин М. Настольный варгейм. Варгейм как явление / http://strategwar.ru/articles-wargame/wargame-kak-yavlenie.

Белавин М. Настольный варгейм: правила варгейма, наборы солдатиков, варгеймерские войны / http://strategwar.ru/articles-wargame/nastolnyj-vargejm-pravila-vargejma-nabory-soldatikov-i-vargejmerskie-vojn.

Григорьев Г. Настольные военно-тактические игры / http://old.mirf.ru/Articles/art321.htm.

Данилец Антон. Настольные игры. http://www.stihi.ru/2013/03/25/2708, 2013.

Моросанова В.И. Диагностика осознанной саморегуляции / И.Н. Бондаренко, В.И. Моросанова – М.: Когито-Центр, 2015.

Моросанова В.И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство / В. И. Моросанова - М.: Когито-Центр, 2004.
Моросанова В.И. Стилевые особенности саморегулирования личности // Вопросы психологии. 1991. N 1. С. 121–127.

Сведения об авторах

Антонов Дмитрий Дмитриевич, студент 4 курса факультета психологии РГГУ, секретарь-администратор кафедры психологии личности, ddantonov1997@yandex.ru;
Кузьмина Кира Андреевна, старший преподаватель кафедры дифференциальной психологии и психофизиологии, Институт психологии им. Л.С.Выготского, РГГУ, kiraak@mail.ru

FEATURES OF CONSCIOUS SELF-REGULATION AMONG REPRESENTATIVES OF THE OF DESKTOP WARGAME COMMUNITY

Antonov D.D., Kuzmina K.A.

Institute of Psychology. L.S. Vygotsky, Russian State University for the Humanities, Moscow

Keywords: wargames, modeling, conscious self-regulation of behavior, assessment of results, planning, programming, self-regulation profile, mental self-regulation

Abstract. the work is devoted to the study of the characteristics of mental self-regulation in representatives of desktop wargames. The differences between the respondents of mature age who are fond of military modeling and school teachers on the general level of self-regulation and such regulatory processes as planning and programming are revealed. The profile of the wargamers self-regulation is described, the strong features of which are the developed processes of modeling, programming and evaluation of results, and the main weakness is the undeveloped planning process.

СПЕЦИФИКА КОГНИТИВНОГО РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Преображенская С.В.

Институт психологии им. Л.С. Выготского РГГУ, Москва

Ключевые слова: когнитивное развитие, младшие школьники, психология развития, школа, детство

Аннотация. В статье рассматриваются особенности когнитивного развития детей, обучающихся на начальной ступени образования. Рассказывается о роли учителя в росте их интеллектуальных способностей и адаптации к изменению социальной ситуации развития современного ребенка. Описаны положительные и отрицательные стороны влияния электронной информационной среды на обучение и развитие личности младших школьников. Отмечается важность развития креативности в современном ученике, которая позволяет не только творчески подходить к решению сложных учебных задач, но и способствует лучшей адаптации в современном быстро меняющемся мире. Необходимость разработки оптимальных психолого-педагогических подходов к обучению и развитию современных детей говорит об актуальности дальнейших исследований в этой области.

Стремительное внедрение цифровых технологий в современном мире оказывает большое влияние на психическое развитие детей. С самого раннего возраста ребенок получает информацию посредством виртуального контента. Это касается не только обучающих программ, но и игр. В связи с преобладанием визуального и звукового ряда характер когнитивного развития постепенно меняется от вербального к образному. Объяснение школьного материала с опорой на восприятие образов посредством мультимедийных уроков позволяет привлечь внимание школьников и доступно объяснить трудный материал. Однако, акцент только на образном восприятии, непонимание специфики психического развития ребенка приводит к отставанию вербального интеллекта. Эти особенности необходимо учитывать при обучении в начальных школах.

В современных социокультурных условиях актуальным является вопрос о создании образовательной среды, которая будет эффективно сохранять и формировать психическое и физическое здоровье, способствовать когнитивному и эмоциональному развитию ребенка на начальных этапах обучения в школе.

Теоретической основой изучения когнитивного развития детей являются работы таких известных ученых, как: Л.С. Выготский, Ж.Пиаже, Дж.Брунер, Л. Кольберг, П.Я.Гальперин, В.В. Давыдов, Д.Б. Эльконин и др. Своими исследованиями они доказали, что значительную роль в развитии интеллекта младшего школьника играют личность обучающего взрослого, форма организации занятия и социокультурная ситуация развития.

Ж.Пиаже считал интеллект центральным стержнем развития психики. В своих исследованиях детей младшего школьного возраста он уделял большое внимание переходу от конкретных обратимых операций к формальным.

В.В. Давыдов и Д.Б. Эльконин отмечали, что интеллектуальные возможности младших школьников имеют тесную связь с системой их обучения. Развивающее обучение должно быть вне зоны актуальных знаний учащихся, входить в зону ближайшего развития. Обучение должно строиться на обобщении, на научных понятиях, которые затем конкретизируются.

Главной особенностью младшего школьного возраста является интенсивное интеллектуальное развитие, в это время происходит интеллектуализация всех психических процессов. Основой выступает совершенствование морфофункциональной организации коры больших полушарий, которая регулирует функции подкорковых стволовых образований мозга. Таким образом обеспечиваются психофизиологические условия для формирования и функционирования способности к произвольной регуляции психических функций, деятельности и поведения в целом.

Ведущей деятельностью младшего школьного возраста является учебная. Изменение социальной ситуации развития ребенка при поступлении в школу характеризуется большой эмоциональной зависимостью от личности учителя. В связи с этим учитель должен выработать адекватный стиль общения с учениками, характеризующийся принятием. Авторитарный учитель может вызвать нарушения процесса адаптации к школе и, как следствие, познавательной мотивации. Становление познавательной мотивации - один из важных этапов развития на начальной ступени обучения. Ее формированию способствуют развивающие занятия и проблемный подход.

Успешность учебной деятельности младшего школьника напрямую зависит от индивидуальных особенностей таких когнитивных процессов, как внимание, память и мышление. Зачастую проблемы с усвоением материала, ошибки и неумение самостоятельно выполнить задание связаны с недостаточностью внимания. Концентрация, устойчивость и распределение – важные свойства внимания, которые необходимо развивать в этот возрастной период. Большую роль в процессе обучения младших школьников играет развитие произвольного внимания, а от этого, в свою очередь, зависит развитие и формирование других когнитивных процессов таких, как память и мышление.

В младшем школьном возрасте более развита наглядно-образная память, чем смысловая. Соответственно, дети этого возраста лучше запоминают конкретные предметы, факты, лица и события. При развитии логической памяти в начальной школе для запоминания вводятся определения, доказательства и объяснения. Приучая к запоминанию логически связанных значений, учитель способствует развитию мышления школьников.

Т.Д. Марцинковская отмечает важность развития креативности детей в начальной школе, т.к. она формирует умение произвольно и продуктивно использовать полученные знания, помогает научиться *способам* решения сложных задач (Марцинковская, 2007). Кроме того, такие способности позволяют адаптироваться к самым разнообразным ситуациям в сложной современной действительности. Применение этих знаний в педагогической практике сталкивается со сложностями, обусловленными структурой традиционной системы обучения, которая рассчитана на заучивание и воспроизведение учеником полученных им знаний. Исследование С.О. Петровой показывает, что большинство современных учителей встречаются с проблемами развития креативности в практической работе с учениками, хотя сознают всю важность таких занятий.

На личностном общении младших школьников со сверстниками также сказывается ведущая роль интеллекта. В этом возрасте у ребенка в процессе взаимодействия со сверстниками становится более адекватной самооценка, которая помогает дальнейшей социализации и стимулирует учебу. Помимо этого общение «на равных» дает школьнику опыт контрольно-оценочных действий и высказываний. Самостоятельная совместная деятельность учеников, организованная взрослым, развивает рефлексивные действия.

Особая специфика когнитивного развития современного младшего школьника связана с электронной информационной средой, окружающей ребенка с рождения. Оценка современными исследователями влияния интернет-технологий на когнитивное развитие детей носит амбивалентный характер. С одной стороны, это однозначный вред для психики ребенка: нарушение адаптации к реальной жизни; большая уязвимость при встрече со стрессовой ситуацией; препятствие к образованию причинно-следственных связей; торможение развития образного мышления; развитие поверхностного отношения к жизни и поступкам; нарастание агрессивности; доступность вредной для детей информации. С другой стороны, выделяются положительные особенности: развивающий и обучающий эффект; возникновение способности действовать методом «проб и ошибок»; развитие концентрации и переключение внимания; привыкание к усидчивости, настойчивости; развитие способности экспериментировать в различных сферах социума; а также интереса к чтению.

В современной психологии проблема когнитивного развития младших школьников является одной из самых актуальных. Младший школьный возраст является сензитивным периодом для формирования навыков учебной деятельности и развития когнитивных процессов. Современные информационные технологии открывают для этого новые возможности, как и для образования детей на начальном этапе обучения. Однако, несмотря на огромный выбор демонстрации учебного материала при помощи технических

средств и обилия электронных образовательных ресурсов, центральную роль в когнитивном развитии младших школьников играют личностные качества учителя. Профессионализм, чуткость и внимательность педагога составляют прочную основу для развития познавательной мотивации к обучению у учащихся.

Литература:

Аянян А.Н., Голубева А.Н., Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Специфика становления идентичности детей и подростков в ситуации транзитивности // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 50. С. 5. URL: http://psystudy.ru

Марцинковская Т. Д. Психическое развитие современного дошкольника - константы и трансформации // *Мир психологии*. — 2015. — № 1. — С. 42–53.

*Марцинковская Т.*Д. Психология развития. М.: Изд. центр «Академия» 2007. С.285-291.

Петрова С.О. Представления учителей о креативности детей и ее развитии в учебной деятельности // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 46. С. 10. URL: http://psystudy.ru

Прихожан А.М. Влияние электронной информационной среды на развитие личности детей младшего школьного возраста [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 1(9). URL: http://psystudy.ru

Тупталова А. С. Развитие внимания младших школьников в учебной деятельности // Молодой ученый. — 2016. — №26. — С. 610-612. — URL https://moluch.ru/archive/130/36082/

Сведения об авторах

Преображенская Светлана Владимировна, аспирант Психологического факультета Института психологии им. Л.С. Выготского РГГУ, s.v.preobr@yandex.ru

THE SPECIFICS OF THE COGNITIVE DEVELOPMENT OF YOUNGER STUDENTS

Preobrazhenskaya S.V.

Institute of Psychology. L.S. Vygotsky RSUH, Moscow

Keywords: cognitive development, younger students, developmental psychology, school, childhood

Abstract. The article discusses the features of the cognitive development of children enrolled in primary education. It tells about the role of the teacher in the development of intellectual abilities and adaptation to changes in the social situation of the development of the

modern child. The positive and negative aspects of the influence of the electronic information environment on the learning and development of the personality of younger schoolchildren are described. The importance of the development of creativity in the modern student, which allows not only a creative approach to solving complex learning problems, but also contributes to better adaptation in today's rapidly changing world, is noted. The need to develop optimal psychological and pedagogical approaches to the education and development of modern children indicates the relevance of further research in this area

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СЕМЕЙНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОДРОСТОК

Колпакова А.Е.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

Ключевые слова: подросток, семья, психологические ресурсы, семейная информационная культура, эмоции

Аннотация. Семейная информационная культура рассматривается как основной ресурс развития и социализации ребенка на пути освоения им цифровых технологий. Влияние семьи на подростка и, в первую очередь, его эмоциональное развитие в семье играет решающую роль в формировании защитных механизмов от негативного влияния интернета и информации, в нем содержащейся. Информационная культура семьи понималась нами как система правил, норм и принципов, регламентирующих взаимодействие членов семьи с информационной средой, уникальной для каждой семьи. В статье представлены результаты эмпирического исследования эмоциональной составляющей информационного поведения детей и родителей в контексте поиска психологических ресурсов семейной информационной культуры. Переживание интереса-волнения и спокойствия во время использования интернета как подростками, так и родителями представляет собой системообразующий фактор формирования психологических ресурсов информационной культуры семьи. Выявленные различия в том, как репрезентируют родители и дети эмоции друг друга в системе их семейной информационной культуры, представляют собой потенциал для развития психологических ресурсов семейной информационной культуры в семье.

Понятие семейной информационной культуры все чаще входит в обиход психологов и работников социальных служб в контексте формирования психологической устойчивости и критичности подрастающего поколения по отношению к пагубному влиянию информационных средств коммуникации таких, как смартфон, планшет и др. гаджеты. Вопрос влияния информационной среды на личность ребенка, его образ жизни, поведение, его отношения с окружающими людьми и предметами мало изучен, поскольку данная научная проблема является молодой и непроработанной понятийно и методологически. Такие феномены информационной культуры, как онлайн-общение, «клип-культура», «хикки», хакерство, геймеринг, интернет-буллинг, опасные сэлфи, граничащие зачастую с нарушенными формами поведения, исследуются, в основном, как результат информатизации общества в аспекте экономических, социально-психологических и психологических наук (Кастельс М., 2001). Важнейшими задачами представляется изучение этих феноменов в динамике их развития, исследование причин формирования, а также психологических ресурсов защиты от негативного влияния информационных технологий. С этой точки зрения семья попадает в фокус нашего научного интереса как основной ресурс развития и социализации ребенка на пути освоения им цифровых технологий. Среда, в которой живет и развивается современный ребенок, – это информационная среда (Пронина Л.А., 2008). В формировании устойчивости личности к воздействию средовых факторов, в том числе информационных, семья играет решающую роль. Именно здесь ребенок проходит путь социализации, переходит от абсолютной физической и психологической зависимости от взрослого к самостоятельности и физической независимости. Это влияние на формирующуюся личность растущего организма столь велико, что определяет основные ценности, творческий потенциал человека и его копинг-стратегии. Семья - ресурс и основа для развития гармоничной личности. Вместе с тем, она же может стать негативным фактором развития личности, быть источником дисгармоний. Нарушение детско-родительских отношений, в частности эмоционального контакта, часто приводит к отклоняющемуся поведению, расстройствам личности, психосоматическим заболевания ребенка и т.д. (Thompson R.A., Meyer S., 2007).

Информатизация общества рождает новые трудности на пути к становлению личности подростка. Ведь, во-первых, подростки в возрасте бурных перемен в самосознании пытаются найти новые ответы на старые вопросы, новые авторитеты и свое место в мире, а во-вторых, стремятся к самостоятельности и независимости от взрослых, упуская из виду возможные риски, связанные с использованием интернета (Выготский Л.С., 1984). Информационную культуру семьи мы рассматриваем как психологический

ресурс в освоении подростком информационных технологий, в приобщении к интернет-культуре и формировании у подростка психологических защит, способных противостоять негативному воздействию информационной среды. Таким образом, данное исследование посвящено проблеме поиска психологических ресурсов семейной информационной культуры семей с подростками.

В исследовании психологических ресурсов информационной культуры семьи участвовало 204 респондента. Семья изучалась с позиции родителей, прежде всего матерей, и детей. Выборку составили 72 родителя старшеклассников, средний возраст 40 лет, 65 женщин и 7 мужчин, и 132 подростка – 59 девочек и 73 мальчика, учащихся общеобразовательных школ в возрасте 12-17 лет. Информационная культура семьи понималась нами как сложная, целостная, уникальная для каждой семьи система правил, норм и принципов, регламентирующих взаимодействие членов семьи с информационной средой; содержательные компоненты этой системы взаимосвязаны между собой и трансформируют систему отношений как всей семьи в целом, так и отдельных ее членов, ценности семьи и ее быт. Психологические ресурсы семейной информационной культуры изучались в контексте оценки эмоциональной составляющей информационного поведения детей и родителей, поскольку именно эмоции выступают показателем удовлетворенности возрастных и индивидуальных потребностей личности, выполняют защитную функцию, обеспечивая безопасность человека как вида (Morris, 2007). Раскрытие психологических ресурсов в эмоциональной сфере семейной информационной культуры стало целью нашего исследования.

Мы предполагали, что система отношений семьи и отдельных ее членов к информационной среде представляет собой психологические категории, которые рассматривались нами с позиции концепции психологии отношений В.Н. Мясищева. Согласно автору, отношения человека и окружающего мира выражаются в его психической деятельности. В этих отношениях человек выступает как субъект-деятель, преобразуя и влияя на окружающий мир. Потребности представляют собой одну сторону в системе отношений к действительности, эмоции – вторую, а также интересы, оценки и убеждения (Мясищев В.Н., 2004). Интернет как доминирующий источник информации в информационной культуре семей с подростками выступает объектом нашего исследования, эмоциональное отношение к нему членов семьи представляет собой предмет исследования. В качестве гипотезы выступило предположение, что эмоциональный фон взаимодействия с информационными технологиями и межличностного взаимодействия в семье может выступать психологическим ресурсом информационной культуры семьи.

Использование авторского опросника «Семейная информационная среда», направленного на раскрытие разных аспектов выбора и использования информационных источников членами семьи, позволило выделить следующие компоненты эмоциональной составляющей информационной культуры семьи:

– эмоции, которые переживает подросток во время использования интернета;

– эмоции, которые переживает подросток во время использования интернета его родителями;

– эмоции, которые переживает родитель во время использования интернета;

– эмоции, которые переживает родитель во время использования интернета его ребенком (Посохова С.Т. и др., 2018).

Согласно полученным данным, основным системообразующим фактором формирования психологических ресурсов информационной культуры семьи выступает переживание подростком и родителями интереса-волнения во время использования интернета (по 40% в обеих группах), а также спокойствия (42% подростков и 39% родителей). Редкое переживание отвращения (18% подростков и 10% родителей), стыда (18% подростков и 5% родителей), презрение и смущение (по 15% среди подростков и по 4% среди родителей), гнева (13% подростков и 7% родителей), горя и вины (по 13% среди подростков и 3% среди родителей) также объединяет подростковую и родительскую группу в единую систему эмоционального восприятия семейной информационной культуры (статистических различий выявлено не было).

Однако в эмоциональной сфере выявлены различия в переживании подростками и родителями радости, удивления и печали во время использования интернета. Подростки достоверно чаще испытывают радость, находясь в интернете, в 70% случаев против 29% у родителей (статистически значимые различия при $p \leq 0,05$), для 50% подростков характерно переживание удивления, в то время как родителям свойственно переживать удивление лишь в 30% случаев (статистически значимые различия при $p \leq 0,01$). Также подростки чаще переживают печаль (30%), чем родители (8%), о чем свидетельствуют выявленные статистически значимые различия при $p \leq 0,05$. Кроме того, получены статистически значимые различия в переживании печали юношами и девушками: первые достоверно чаще переживают печаль при использовании интернета (при $p \leq 0,05$).

Эмоции, которые подростки переживают во время использования интернета их родителями, сложно дифференцированы, респонденты определяли их с трудом: многие подростки ставили прочерк в ответе на данный вопрос или писали «безразлично», «все равно», «спокойно» (30% среди подростков), еще 30% отвечали, что переживают радость, 14% - удивление и 5% - смущение. Среди родителей лишь половина ответили на вопрос о

том, какие эмоции они испытывают во время использования интернета их детьми: 26% испытывают интерес-волнение, 18% - печаль, 11% – радость, гнев – 8%, отвращение, удивление и вину – 5%, а смущение, стыд, горе и презрение – по 3%. Это свидетельствует о многообразии возникающих чувств и эмоций по отношению к использованию ресурсов интернета, о сложной структуре этих чувств и трудности в их дифференциации родителями. Нами также был сделан анализ различий в переживании эмоций матерями и отцами при использовании интернета их детьми. И вот что выяснилось: в целом матерям менее свойственно переживание различных эмоций в связи с использованием интернета их детьми. Они достоверно меньше переживают презрение, горе-страдание, стыд, смущение (статистически значимые различия при $p \leq 0,01$), отвращение, интерес-волнение (статистически значимые различия при $p \leq 0,05$), чем отцы. Таким образом, репрезентации подростками и родителями их семейной информационной культуры различаются и требуют более детального изучения, перспективным направлением видится создание практических программ по формированию психологических ресурсов семейной информационной культуры в семье.

На основании полученных данных можно говорить о том, что эмоции играют важнейшую роль в системе информационной культуры семьи, выступая внешним отражением отношения членов семьи к их семейной информационной культуре. В каждой семье, включенной в информационный контекст, формируется своя уникальная информационная культура, которая может выступать источником психологических ресурсов для личности (Tapscott, D., 2008). Семья, в которой воспитывается подросток, сталкивается со специфическими задачами и сложностями, сопряженными с этим возрастным периодом. При отсутствии доверия и эмоциональной поддержки со стороны родителей, подросток может искать поддержку у неформальных группировок в интернете, демонстрирующих девиантное поведение (Ильин, 2002, Изард, 2000). В этом ключе проблема сбережения эмоций стоит особенно остро для подростков, которые наиболее уязвимы по отношению к внешним средовым факторам, в том числе информационным. Для них семья, с одной стороны, представляет собой источник сбережения эмоциональной сферы, с другой, – может ее дестабилизировать. Поэтому эмоциональное развитие ребенка в системе информационной культуры семьи обеспечивает ему психологические ресурсы и служит основой для формирования защитных механизмов в условиях информационного прессинга.

Литература

Выготский Л.С. Педология подростка: проблема возраста Текст. / Л.С. Выготский // Собрание сочинений в 6 томах. - Т. 3, Т. 4. - М., 1984.

Изард К. Психология эмоций. Санкт-Петербург: Питер, 2000.

Ильин Е.П. Эмоции и чувства. Санкт-Петербург: Питер, 2002.

Кастельс М., Киселева Э. Россия в информационную эпоху // Мир России. - 2001. - №1.

Мясищев В.Н. Психология отношений: Избранные психологические труды (под ред. Бодалева А. А) - М.: Модэк МПСИ, 2004.

Посохова С.Т., Колпакова А.Е., Стряпухина Ю.В. Содержание и структура информационной среды семьи. Психология XXI века // Сборник научных трудов участников международной конференции молодых ученых: в 2х т. т. – т.1 – СПб: Изд-во ВВМ, 2018. - С. 435-442

Пронина Л.А. Информация, информационное общество и человек. Журнал «Аналитика культурологии», раздел Социальная культурология, Выпуск 2 (11), 2008.

Morris, A.S. [et al.] (2007) The role of the family context in the development of emotion regulation / Social Development. Vol. 16. № 2. P. 361—388.

Tapscott, D. Grown up digital: How the net generation is changing your world. New York: McGraw-Hil, 2008.

Thompson R.A., Meyer S. The socialization of emotion regulation in the family // Handbook of emotion regulation / Ed. J.J. Gross. N.Y.: Guilford Press, 2007. - P. 249—268.

Сведения об авторе

Колпакова Анастасия Евгеньевна, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, belova_asya@mail.ru.

PSYCHOLOGICAL RESOURCES OF FAMILY INFORMATION CULTURE AND ADOLESCENT

Kolpakova A.

St-Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St-Petersburg, 199034, Russian Federation.

Key words: adolescent, family, psychological resources, family information culture, emotions

Abstract. Family information culture is considered as the main resource for the development and socialization of the child on the way to mastering digital technologies. The influence of the family on the adolescent and, above all, his emotional development in the

family, plays a crucial role in the formation of protective mechanisms against the negative impact of the Internet and the information contained in it. The family information culture was understood by us as a system of rules, norms and principles governing the interaction of family members with the information environment unique to each family. The article presents the results of an empirical study of the emotional component of the informational behavior of children and parents in the context of the search for psychological resources of family information culture. The experience of excitement and peace of mind during the use of the Internet by both adolescents and parents is a system-forming factor in the formation of the psychological resources of the family's information culture. The revealed differences in how parents and children represent each other's emotions in the system of their family information culture represent the potential for the development of psychological resources of family information culture in the family.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ, ПРЕДПОЧИТАЮЩИХ АВТОМОБИЛИ НЕМЕЦКОГО СЕГМЕНТА

Иванов М.А., Ткаченко Д.П.

Институт психологии им. Л.С.Выготского РГГУ, Москва

Ключевые слова: потребители, автопром, субкультура, бренд, личностные особенности

Аннотация. Современные потребители автомобильной промышленности рассматриваются в качестве специфической субкультуры. Анализируются особенности выбора того или иного товара через призму социокультурных норм и ценностей общества потребителей. Подчеркивается символическое значение потребления в современном обществе, направленного на поддержание определенного статуса, и его акцент на принадлежности к определенной группе. Приводятся данные о связи личностных характеристик автомобилистов с разными аспектами владения автомобилем. Описываются результаты исследования связи самоотношения, поведения в конфликтных ситуациях и уровня агрессивности с предпочитаемыми характеристками автомобилей немецкого сегмента. Делаются выводы о значимости изучения сферы товаров и услуг для понимания психологических особенностей современных потребителей.

Современных потребителей автомобильной промышленности можно рассматривать как представителей своеобразной субкультуры, характеризующейся

собственными нормами, ценностями и традициями. И это касается не только знания и соблюдении определенных правил поведения на дороге, а, прежде всего, отношения к самому автомобилю и всему, что с ним связано. В этом ключе целесообразно анализировать специфику выбора транспортного средства, исходя из представлений о личностных особенностях самого автовладельца и его социокультурных характеристик.

В психологии и смежных науках изучению поведения потребителя выделятся особое место, ввиду того, что оно рассматривается через призму относительно устойчивых личностных свойств, обуславливающих выбор того или иного продукта. Таким образом, специалисты, вовлеченные в создание и продвижение своей продукции, могут спрогнозировать ее успешность среди определенной выборки людей. Важно учитывать, что, во многом, специфика восприятия и лояльность к определенной торговой марке определяется тем, как потенциальный потребитель воспринимает себя и свое социальное окружение. Именно на основании категорий своего восприятия потребитель принимает решение о приобретении предлагаемого товара. (Одинцов А.А., Одинцова О.В., 2012).

Современные модели поведения потребителей строятся на основе анализа системы групповых и индивидуальных ценностей, которые разделяют потенциальные покупатели. Здесь речь идет, прежде всего, о «модели должного», то есть, того стиля жизни (и сопутствующих ему атрибутах), которые считаются нормой и одобряются в социальной группе, куда индивид себя относит или куда желал бы войти. По сути, речь идет об анализе образа «идеального Я», структура которого тесно переплетается с определением успешности и степенью социализированности в значимом социальном пространстве. Исходя из этого, сам продукт потребления в современном обществе направлен не просто на удовлетворение каких-то индивидуальных потребностей покупателя, но, в первую очередь, на его определенную самопрезентацию и коммуникацию с представителями значимой социальной группы. Более того, сама привлекательность продукта во многом заключается не в его реальных полезных свойствах, а в том, насколько он одобряем и популярен среди большинства потребителей. Так, например, в исследовании с использованием МРТ (McClure, S., et al, 2004), положившем начало такому направлению, как нейромаркетинг, были получены интересные данные о специфике выбора продукта, в частности, сладкой газировки. Оказалось, что характер активности мозговых структур, ответственных за положительное подкрепление, будет кардинально меняться у потребителей в зависимости от того, знают ли они напиток какого бренда дегустируют.

Здесь уже речь идет о символическом значении потребления в рамках манифестации своего положения и статуса в обществе, которое выражается в лояльности

к определенным компаниям и брендам. Именно бренды сегодня объединяют достаточно широкую аудиторию довольно разнородных социальных групп, превращая их, в некотором смысле, в субкультуру. (Одинцова О.В., 2010)

Говоря о значении субкультуры в жизни современного человека, стоит особенно отметить различные психологические основания выбора той или иной субкультуры. Так современные исследователи (Тхостов А.Ш., 2017) выделяют разнообразные мотивационные факторы, лежащие в основе предпочтения того или иного социального движения. Вовлеченность в субкультуру на основании имеющихся интересов или хобби (к этому типу мотивации можно отнести выбор и симпатию к определенной автомобильной марке), с одной стороны, связывают с потребностью избегать трудности реальной жизни, с другой, – со стремлением к необычной самопрезентации.

При рассмотрении результатов ряда современных исследований, посвященных автомобилистам, можно констатировать, что, действительно, ряд психологических характеристик человека связан с выбором типа и класса автомобиля, стилем вождения и даже поддержанием порядка в автосалоне. Например, было обнаружено, что позитивный стиль вождения сочетается с такими личностными чертами, как экстраверсия, доброжелательность, добросовестность и открытость опыту (Shen B, et al., 2018). Таким образом, можно говорить о полезности исследования потребительского выбора для выявления значимых личностных и социокультурных характеристик людей, предпочитающих тот или иной бренд или товар.

В своем исследовании, проведенном в 2018 году, мы преследовали цель – выявить и описать личностные характеристики потребителей автопромышленности, которые были бы связаны с определенными параметрами предпочитаемого авто. Важно оговориться, что мы просили наших респондентов указать тот автомобиль, которым бы они хотели обладать, а не тот, которым реально владеют на данный момент. С нашей точки зрения, именно анализ предпочтений (что часто расходится с реальной возможностью приобрести авто определенной марки) позволяет раскрыть особенности личности потенциального потребителя. Это связано с тем, что каждый автомобильный бренд формирует специфический имидж своей продукции, ориентированный на определенные стороны личности потенциального покупателя. Кроме того, мы рассматривали автомобили только немецкого сегмента (Mercedes-Benz, Audi, BMW, Volkswagen(Skoda)), ввиду того, что он является одним из старейших сегментов мирового автопрома с проработанным за годы образом своей продукции и целевой аудиторией.

Нашу выборку составили 68 респондентов в возрасте от 18 до 60 лет, среди которых 43 женщины и 25 мужчин. Владельцами личного авто были 40 человек, у 28 респондентов автомобиля не было. Исследование проводилось с использованием онлайн сервиса для проведения опросов, все респонденты были уведомлены о его цели и дали согласие на обработку персональных данных.

Основной гипотезой, на которую мы опирались в своем исследовании, было предположение о том, что предпочтение той или иной марки автомобиля будет связано с такими личностными характеристиками респондентов, как самоотношение, поведение в конфликтных ситуациях и уровень агрессии.

Для диагностики соответствующих характеристик применялись методики:

- Опросник самоотношения (В.В Столин и С.Р. Пантилеев, 1985).
- Опросник уровня агрессивности Басса – Перри (А. Бас и М. Перри, 1992)
- Тест описания поведения Томаса (К. Томас)

Для математико-статистической обработки данных были использованы непараметрический критерий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена и описательная статистика.

Исходя из полученных данных, мы можем сделать следующие выводы:

1. Владельцы автомобилей демонстрируют значимо более высокие показатели избегания (p=0,036) и низкие приспособления (p=0,013) в конфликтных ситуациях в сравнении с респондентами, у которых нет авто.

2. Респонденты, предпочитающие Audi, отличаются самыми высокими показателями самоуважения (p=0,035 и 0,032) и самопонимания (p=0,014, 0,004 и 0,008) в сравнении с респондентами, предпочитающими другие марки.

3. Кроме того, были выявлены различия среди респондентов, предпочитающих автомобили с разным кузовом (внедорожник, хетчбэк, седан, универсал). Респонденты, отметившие седан как наиболее предпочтительный тип кузова, характеризуются высокими показателями глобального самоотношения (p=0,024), самоуважения (p=0,012), ожидаемого отношения (p=0,032), самоуверенности (p=0,026 и 0,011) и враждебности (p=0,025). В то же время респонденты, предпочитающие универсал, имеют высокие показатели аутосимпатии (p=0,016 и 0,020), а респонденты, предпочитающие внедорожник, – самопринятия (p=0,035).

Таким образом, можно говорить о том, что автомобиль является не просто транспортным средством, а может рассматриваться как предмет, отражающий

индивидуальность и характерологические особенности своего владельца. Кроме того, выбор того или иного автомобиля также связан с определенными личностными качествами автомобилиста, что активно используется маркетологами и рекламными компаниями для продвижения своей продукции. Так, понимая психологические характеристики своего потенциального потребителя, производители автомобилей могут закладывать определенные опции и дизайнерские решения, которые максимально бы отражали потребности и личностные качества покупателя. В целом вся сфера потребления и услуг сегодня предоставляет широкий спектр возможностей анализа не только стратегий воздействия на предпочтения и выбор потребителей, но также позволяет исследовать самих потребителей и тот облик представителей современного общества, который отображается в этом потреблении.

Литература

Одинцов А.А., Одинцова О.В. Управление поведением потребителей: Учебное пособие. М.: ИИЦ МГУДТ, 2012. 150 с.

Одинцова О.В. Управленческая психология предпринимательства в сфере сервиса: Монография. М.: ИИЦ МГУДТ. 2010. 216 с.

Тхостов А.Ш. Предпочтение социальных движений и субкультур в структуре идентичности личности А.Ш. Тхостов, Е.И. Рассказова, В.А. Емелин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2017. – Т. 10, № 3. – С. 5–20. DOI: 10.14529/psy170301

McClure, S., Li, J., Tomlin, D., Cypert, K. S., Montague, L. M., & Montague, P. R. (2004). Neural correlates of behavioral preference for culturally familiar drinks. Neuron, 44(2), 379-387. https://doi.org/10.1016/j.neuron.2004.09.019

Shen B, Qu W, Ge Y, Sun X, Zhang K (2018) The relationship between personalities and self-report positive driving behavior in a Chinese sample. PLoS ONE 13(1): e0190746. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0190746

PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF CONSUMERS, PREFERRING CARS OF THE GERMAN CAR SEGMENT

Ivanov M.A., Tkachenko D.P., Institute of Psychology. of L.S. Vygotsky, RSUH, Moscow

Key words: consumers, auto industry, subculture, brand, personal characteristics

Abstract. Modern consumers of the automobile industry are considered as a specific subculture. The features of the choice of a product are analyzed through the prism of sociocultural norms and values of the consumer society. The symbolic meaning of consumption

in modern society aimed at maintaining a certain status and focusing on belonging to a particular group is emphasized. Research data on the relationship of personal characteristics of motorists with various aspects of car ownership are given. Describes the results of a study of the relationship of self-attitude, behavior in conflict situations and the level of aggressiveness with the preferred characteristics of cars of the German segment. Conclusions are drawn about the importance of studying the sphere of goods and services for understanding the psychological characteristics of modern consumers.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА ДОШКОЛЬНИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Аристангалиева М.С., Кольца В.В., Ткаченко Д.П.

Институт психологии им. Л.С.Выготского РГГУ, Москва

Ключевые слова: детская субкультура, дошкольник, идентификация, сказочный персонаж, эмоциональная сфера.

Аннотация. Анализируется феномен «детской субкультуры» в контексте современного цифрового общества. Рассматриваются наиболее популярные среди современных дошкольников направления активности. Приводятся примеры наиболее распространенных в детском контенте сказочных (фантазийных) персонажей. Исследуются механизмы и закономерности идентификации с тем или иным персонажем. Обсуждается значимость идентификации с предпочитаемыми персонажами для развития психологических характеристик детей дошкольного возраста, а также возможность проявления особенностей эмоциональной сферы ребенка через характеристики предпочитаемого персонажа. Публикуются результаты исследования, проведенного на детях дошкольного возраста, направленного на выявление взаимосвязи характеристик предпочитаемого персонажа с компонентами эмоциональной сферы ребенка. Делаются выводы о значимости изучения детского контента и анализа образов популярных персонажей.

Субкультуры встроены в жизнь человека в процессе всего онтогенеза и первой из них является детская субкультура. В понятие детской субкультуры включено множество аспектов таких, как: “...смысловое пространство ценностей и установок, способов

деятельности и форм общения, реализуемых в детских сообществах данной конкретно-исторической социальной ситуации развития".

Данная субкультура является автономной, и ее внутренний продукт обычно передается из "поколения в поколение" в условиях общественной культурной среды. В ее содержании заложено множество инструментов познания социального мира, культурных норм поведения, социокультурных инвариантов в лице фольклора, образа мышления, предшествующих исторических эпох, игровых действий и пр.

Детское комьюнити является носителем, обладателем детской субкультуры, оно выполняет важнейшие функции социализации ребенка. М.В. Осорина отмечает, что детская субкультура осуществляет те же функции, что и любая другая культура взрослых. Она способствует решению значимых возрастных проблем развития при помощи познания себя, то есть благодаря индивидуальному "изобретению" форм освоения окружающего пространства по итогам интуитивного открытия средств удовлетворения своих познавательных потребностей.

Независимо от того, какая сейчас эпоха и какая культура, схожие задачи развития разных поколений детей принимают соответствующие решения, которые возникают, как и у участников данного процесса, так и у компании одного возраста. Собрание трудных и напряженных ситуаций столкновения с миром и людьми - это то, что должен прожить каждый ребенок, после чего он сможет достичь нужного уровня уверенности. И "матрица субкультуры" передает именно этот культурный опыт "детского" постижения встретившихся трудных и напряженных жизненных ситуаций.

Тенденциями развития современной детской субкультуры является снижение доли естественного, самостоятельного детского продукта и замена его на продукты, поступающие в поле детской субкультуры извне, источниками которых выступают коммерческие и маркетинговые стратегии продвижения брендов. Широкое распространение рекламных кампаний в современном цифровом мире несомненно имеет влияние на социальные группы. В контексте детских субкультур его можно расценить как внешнее "вторжение" в формирование их продуктов, что сказывается на детском сообществе, вызывая у ребенка зависимость от тех самых объектов, навязываемых рекламой. И этими продуктами субкультуры все реже становятся герои русских народных сказок, фольклора и литературных произведений. Все большее место в жизни детей занимают мультипликационные персонажи, герои фильмов и компьютерных игр и телепередач такие, как – Monster High, Лунтик, Смешарики, Человек паук, Железный человек, Фиксики и др. Как следствие данные герои зачастую являются частью продуктов, создаваемых детьми, будь то работа с пластилином, рисование карандашами или

сюжетно-ролевые игры со сверстниками. Образы этих героев находят отражение также в ролевом и позиционном поведении ребенка. Дети подражают любимым персонажам, создавая внешне схожие с ними образы, повторяя прически, одежду и т.д.

Персонажи играют роль и в адаптации ребенка в группе сверстников через актуализацию в социальном окружении. Таким образом, в случае, когда конкретный герой становится для группы значимым социальным объектом, а ребенок им тоже увлечен, он автоматически попадает в данную социальную группу, принимается в нее в качестве участника. Если его любимый персонаж не актуален для социальной группы, это влияет на положение ребенка в системе межличностных отношений сверстников, то есть изменяет его социометрический статус. Из этого следуют, что дети, обладающие высокими показателями социометрического статуса, вынужденно более погружены в субкультурное пространство, в котором наиболее заинтересовано их социальное окружение.

Психологическое погружение в сказку, преодоление трудностей и достижение желаемой цели, получение вознаграждения за бесстрашие и упорство для детей дошкольного возраста является персонификацией положительного образа и идентификацией с ним. Каждый ребенок выбирает себе уникального персонажа, который выступает в качестве объекта идентификации. Критерии выбора у детей соотносятся с общепринятыми и с установленными нормами внешней привлекательности, а также с социально одобряемыми сценариями поведения. Например, девочки дошкольного возраста в одинаковой степени увлечены диснеевскими принцессами, тем более что большое разнообразие героинь, которые различаются внешностью, этносом и характером, позволяет каждому ребенку выбрать подходящий объекта для идентификации.

У детей в старших группах детского сада возникает качественное обогащение Я-концепции, увеличение объема и дифференциации образов, представлений о себе. Ребёнок дошкольного возраста ориентируется на Я-идеальное и обладает завышенной самооценкой, поэтому предложенное для идентификации нуждается в усложнении его социально-ролевых функций, но при этом должно оставаться привлекательным и сильным для девочек и мальчиков. Этим требованиям отвечают такие герои, как волшебницы Винкс, Человек-паук и Бэтмен - персонажи мировых комикс-бестселлеров.

Чтобы получить высокий статус среди сверстников в группе нужно иметь дифференцированный образ персонажа, представление об особенностях его характера, его интересах, а также внешнем облике, владеть умением изобразить персонаж на рисунке приближенно к оригиналу. В совокупности именно эти умения в детском комьюнити определяют ступень субкультурной компетентности ребенка.

С точки зрения Е.И.Изотовой, представление человека сильно дифференцируется по тематике у детей старшего дошкольного и школьного возраста. Например, подгруппы тематических изображений типа “злодей или герой” и “принцесса”. Они имеют высокую корреляцию в зависимости от пола ребенка.

Проявления гендерных различий детской субкультуры были исследованы многими учеными (Боркер, Хартуп, Мальтц, Маккоби). Они доказывали, что с дошкольного возраста мальчики и девочки живут в разных созданных культурных мирах, которые ограничивают друг друга значительным набором норм и правил.

Таким образом, девочки осведомлены, ориентированы и грамотны в изображении принцесс, тогда как мальчики компетентны в изображении героев или злодеев. Поэтому каждая из категорий изображений имеет свои технологические особенности: расположение фигуры, пропорции, динамику и контекст изображения, различные дополнительные детали и т.д.)

Основу субкультурных образов сказочных героев в современном цифровом мире детям в дошкольном возрасте закладывает популяризация мультипликационной и киноиндустрии, транслируемая через средства массовой информации. Из этого следует, что образы, переживаемые и изображаемые детьми, определяются именно теми стилями изображения, которые присутствуют в потребляемом ими контенте, что автоматически включается ребенком в его собственный арсенал методов для изображения окружающего мира.

В 2018-19 гг. мы провели исследование среди детей дошкольного возраста (5-6 лет) на предмет выявления особенностей их эмоциональной сферы и взаимосвязи ее компонентов с предпочитаемыми характеристиками сказочных персонажей. В нашем исследование принял участие 31 дошкольник. Диагностический этап проводился на базе детских садов №52 «Колибри» и № 26 «Березка» города Красногорска Московской области.

Перед проведением исследования от родителей всех участников было получено письменное согласие на использование данных, собранных в ходе диагностики, в научных работах и публикациях.

Общим теоретическим положением, которым мы руководствовались в своей работе, является гипотеза о том, что ребенок склонен выбирать сказочный персонаж, наделенный значимыми и желаемыми (компенсаторными по отношению к реальным качествам ребенка) характеристиками. На основании этого, нами были сформулированы следующие эмпирические предположения:

1. Дети, выбирающие главных персонажей в качестве «любимых», будут характеризоваться низким уровнем самооценки, высоким уровнем тревожности и демонстративности.

2. Дети, предпочитающие второстепенных персонажей, будут отличаться высокими показателями скрытности и творческой направленности.

3. Высокие показатели тревожности, страхов и пассивности в проекции себя (в рисунке человека) будут сочетаться с высокими показателями агрессивности, экстравертированности и демонстративности в рисунке «любимого» персонажа.

Для диагностики были использованы следующие методики:

- Рисунок человека, стандартная версия (Венгер А. Л., 2003);
- Графическая методика «Кактус» (Панфилова М. А., 2001);
- Рисунок человека с модифицированной инструкцией (нарисовать персонажа из сказки, мультфильма, фильма).

Для математико-статистической обработки были использованы непараметрический критерий Манна-Уитни и Вилкоксона, коэффициент ранговой корреляции Спирмена и описательная статистика.

Таким образом, мы получили следующие результаты:

1. Дети, предпочитающие главного персонажа, отличаются значимо более высокими показателями тревожности ($p=0,035$) и низкими показателями демонстративности ($p=0,042$) в сравнении с детьми, отдающими предпочтение второстепенным персонажам.

2. При сравнении рисунков человека (проекция себя) и «любимого» персонажа было выявлено лишь одно значимое различие между повторяющимися характеристиками: – показатели астении в изображении человека выражены в значимо большей степени ($p=0,016$), чем в рисунке персонажа.

3. Выявленные взаимосвязи между характеристиками в изображениях человека (проекция себя) и персонажа свидетельствуют о том, что высокие показатели тревожности ($r=0,37$ при $p<0,05$) и экстравертированности ($r=0,38$ при $p<0,05$) в рисунке человека сочетаются с высокими значениями тревожности в рисунке персонажа. Высокие показатели агрессивности ($r=0,40$ при $p<0,05$) и самооценки ($r=0,37$ при $p<0,05$) в рисунке персонажа сочетаются с высокими показателями самооценки в рисунке человека. На фоне высоких значений экстравертированности в рисунке человека наблюдаются высокие значения экстравертированности ($r=0,56$ при $p<0,05$) и пассивности ($r=0,40$ при $p<0,05$) в рисунке персонажа. При этом высокие показатели пассивности в рисунке

человека связаны с высокими значениями астении (r=0,36 при p <0,05) в рисунке персонажа. Высокая эмоциональная лабильность и творческая направленность в рисунке человека сочетаются с высокими значениями гиперактивности (r=0,37 при p <0,05) и творческой направленности (r=0,41 при p <0,05) в рисунке персонажа соответственно. Высокие значения тревожности (r=0,44 при p <0,05) и негативизма (r=0,39 при p <0,05) в рисунке человека наблюдаются на фоне низких показателей стразов в рисунке персонажа.

Исходя из этого, у нас есть основания утверждать, что проявления эмоциональной сферы дошкольника в контенте детской субкультуры, в частности, через сказочных персонажей, не носит однозначно компенсаторный характер. Как мы видим, среди характеристик, которые являются значимыми для детей и выделяются ими в образе персонажа, в первую очередь, есть те, что тесно перекликаются с характеристиками самого ребенка. Вероятно, именно это позволяет ребенку в дошкольном возрасте понять и полюбить тот или иной фантазийный персонаж. В то же время персонаж во многом изобилует качествами, которые до некоторой степени через идентификацию ребенка с ними компенсируют недостаток или переизбыток тех или иных эмоциональных аспектов. Например, мы можем наблюдать сочетание высокой самооценки у ребенка и агрессивности у персонажа, при этом высокой тревожности у ребенка и низкого уровня страхов у персонажа. Все это наводит на мысль о необходимости более пристального и детального изучения содержания современного популярного контента, рассчитанного на детскую аудиторию, прежде всего с целью более глубокого понимания его особого психологического мира и того, чем этот мир поддерживается и за счет чего развивается.

Литература

Панфилова М.А. Игротерапия общения: Тесты и коррекционные игры. Практическое пособие для психологов, педагогов и родителей. -М.: «Издательство ГНОМиД», 2001. — 160 с.

Венгер А.Л. Психологические рисуночные тесты: Иллюстрированное руководство — М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 160 с: ил.

Психология дошкольного возраста. В 2 ч. Часть 1: учебник и практикум для СПО / под ред. Изотовой Е.И. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 222 с. — (Серия: Профессиональное образование).

Майорова-Щеглова С.Н. Детская субкультура — неинституционализированный сектор детства. - Мн.: Тетра Систем., 2004.

Изотова Е.И. Социализация и индивидуализация детей и подростков в субкультурном пространстве // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные решения. М.-Воронеж.: МПСИ, 2011. - № 4(13)., с. 61-75

EMOTIONAL SPHERE OF PRESCHOOL CHILD IN THE CONTEXT OF A MODERN CHILDREN SUBCULTURE

Aristangalieva M.S., Koltsa V.V., Tkachenko D.P.

Institute of Psychology Of L.S. Vygotsky, RSUH, Moscow

Key words: children's subculture, preschooler, identification, fantasy character, emotional sphere

Abstract. The phenomenon of “child subculture” is analyzed in the context of modern digital society. The most popular directions of activity among modern preschoolers are considered. Examples of fairy tale (fantasy) characters that are most common in children's content are given. The mechanisms and patterns of identification with one or another character are analyzed. The importance of identification with preferred characters in the development of psychological characteristics of children of preschool age is shown. The possibility of the manifestation of the components of the child's emotional sphere through the peculiarities of the preferred character is discussed. The results of a study conducted on children of preschool age aimed at identifying the connection of the peculiarities of the preferred character with the components of the emotional sphere of the child are presented. Conclusions are drawn about the significance of studying children's content and analyzing images of popular characters.